
БК
20
А87
Архангельский.
Очерки по
истории
земельно-
го строя...
1920 г.

ИСТОРИЧЕСКАЯ БИБЛИОТЕКА

П. Г. АРХАНГЕЛЬСКИЙ
Профессор Казанского Университета.

ОЧЕРКИ
по истории земельного строя России.

КАЗАНЬ.
Третья Государственная типография.
1920.

ОТ АВТОРА.

В основе предлагаемой читателю книги лежит курс общедоступных публичных лекций, читанных автором весною 1917 года в Казанском Университете и затем повторенных на учительских курсах в разных уездных городах Казанской и Симбирской губерний. Лекции эти были затем переработаны в специальный курс истории аграрных отношений в России, читанный в 1918—1919 академическом году студентам Историко-Филологического Факультета.

Имея в виду цели научной популяризации и не претендуя особенно на оригинальность, автор опустил историографию и критический аппарат, а также устранил, по возможности, все ссылки на источники и пособия, которыми он пользовался. Только в самых необходимых случаях упоминаются имена ученых, особенно — статистиков и экономистов, к компетентному мнению которых автору приходилось обращаться в запутанных и спорных вопросах новейшей аграрной эволюции России.

Казань, Август 1920 года.

ВВЕДЕНИЕ.

ДОРЕВОЛЮЦИОННЫЙ ЗЕМЕЛЬНЫЙ СТРОЙ РОССИИ.

Земельным строем называются порядки, по которым люди владеют, распоряжаются и пользуются землею. Хотя между этими порядками в разных государствах и у разных народов можно заметить немало сходства, однако есть в земельных порядках много особенного, чем земельный строй одного государства и народа отличается в настоящее время от земельного строя других государств и народов. В одних государствах земля собрана во владении немногих крупных собственников, в других—она распределяется небольшими клочками в среде мелких сельских хозяев, в третьих—большая часть ее находится во владении казны и т. п. Точно также—в одних государствах владельцы земли имеют над нею полную самодержавную власть, в других—власть эта стеснена законами и пр. Если так различны земельные порядки в наше время, то тем более различались они друг от друга в старину, сотни лет тому назад, когда и государственное устройство и народная жизнь были своеобразнее и самобытнее.

В России земельные порядки также сложились не сразу; немало перемен произошло в них прежде, чем они стали такими, какие мы застали в наше время. Каковы были эти перемены в руссих земельных порядках изстарины, когда и почему они происходили и какое значение имели для жизни народа—все эти вопросы и составляют содержание истории земельного строя в России. Но прежде чем приступить к чтению этой истории бросим беглый взгляд на русские земельные порядки нашего времени, на те земельные порядки, какие застала у нас революция 1917 года.

Прежде всего Россия уже и тогда была таким государством, где земля на две трети оказывалась не в полной само-

державной власти отдельных частных лиц, не в частной собственности, а в обладании различных общественних учреждений. Во первых, из 400 миллионов десятин земли (приблизительно), находящейся в Европейской России, свыше трети принадлежало казне, т. е. государству; распоряжение этой землей находилось в руках правительства, которое частью земли пользовалось само в казенных интересах, часть-же предоставляло в пользование крестьянам и др. лицам и учреждениям за плату.

Если к этой казенной земле прибавить все земли, находившиеся во владении царского рода, городов, церквей, монастырей и казачьих войск, то окажется, что около 2/5 (38%) земель Европейской России были во власти таких учреждений, которые должны были-бы иметь в виду не выгоду частных людей, а общую пользу. Конечно, на деле, обыкновенно, бывало как раз наоборот, но это было уже скорее злоупотребление, чем законный порядок.

Кому-же принадлежали остальные 3/5 земель Европейской России до революции?

Больше всего было у нас земель, находившихся в наделе у крестьянских обществ: им принадлежало 139 милл. дес. или 35% (больше 1/3) всех земель.

Наконец, последнее место в земельном складе дореволюционной России занимали земли частных собственников—отдельных лиц и их компаний. Они занимали в общей сложности немного более 100 миллионов десятин, что составляло около 1/4 всей земельной площади Европейской России, включая Польшу и Прибалтийский край. А если эти окраины, земельный строй которых совсем не был похож на русский, исключить из подсчета, то доля частной собственности в земельном запасе России еще более понизится.

Таким образом, частная собственность занимала довольно скромное место в русском земельном строе перед революцией. Уже и тогда земля в главной своей части принадлежала государству, т. е. народу, управляемому одной общей властью; наряду с государством и сам народ непосредственно, в лице сельских обществ—подворных и общинных, держал много земли у себя в наделах. Следовательно, через правительство и сель-

ские общества русский народ владел почти $^3/_4$ всей земельной площади в Европейской России, а в Азиатской—в Сибири и Закаспийском крае—почти безраздельно всею землей. Такова самая важная отличительная особенность нашего русского земельного строя—преобладание общественного землевладения над частным, перевес ограниченной волею государства или общества земельной власти над самодержавием собственника.

Присмотримся, однако, поближе к дореволюционным земельным порядкам, чтобы выяснить получше особенности каждого из трех главных укладов: государственного, надельного и частного землевладения.

Что касается государственных земель, то порядок пользования и распоряжения ими зависел всецело от правительства. Стало быть, если оно распоряжалось ими плохо и не в интересах народа, это значило только, что правительство было чуждо народу и его следовало переменить. Самое-же владение землею через государство для народа хорошо и может быть сохранено и после революции. Но обилие казенных земель в России не должно вводить читателя в заблуждение, ибо среди казенных земель было очень много лесов и неудобных для хлебопашества мест; пахотных-же земель, наоборот, было мало. Из 138-ми миллионов десятин казенных земель не менее 107 милл. дес. находились под лесом.

Надельными землями назывались те, которые были отведены бывшим помещичьим крестьянам правительством при отмене крепостного права, а государственным и удельным крестьянам при устройстве их быта в 60-х годах прошлого века. Земли эти были первоначально отведены крестьянам в надел, т. е. в постоянное и бессрочное пользование за определенные повинности в пользу помещиков и за подати и оброки в пользу казны. Потом эти земли были переведены на обязательный выкуп и должны были в конце концов перейти в собственность сельских обществ или отдельных крестьянских дворов. Но правительство до самого последнего времени следило за употреблением этих земель, наблюдая, чтобы земли эти служили для обеспечения крестьянского хозяйства и поддерживали его силу, как плательщика податей. Этим надельные земли отличались, как от государственных (казенных), так и

от частных, собственных. Кроме того, огромное большинство надельных земель (до 1906 года—100 милл. дес. или 70%) находилось в общинном землевладении, остальные-же—в подворном. Какая-же разница между общинным и подворным надельным владением землей?

В случае общинного или мирского землевладения земля принадлежит не отдельному человеку или семье, а миру, т. е. обществу крестьян, и принадлежит на особых условиях. Именно, высшее право распоряжения и пользования мирской землей находится в руках всего мира, схода крестьян, членов сельского общества (общины), которое не может только одного: нарушать равенство прав каждого члена общества на землю. Раз крестьянин состоит членом сельского общества и несет все повинности на ряду с другими по общей разверстке, то и землей он должен пользоваться не больше и не меньше, чем все другие. В этом самая отличительная черта общинного землевладения по сравнению с другими земельными порядками. Что-же касается переделов земли, то они могут быть или не быть—это зависит от самого мира. Было время, когда переделов в общине еще не было, хотя земля и принадлежала уже миру; и потом было не мало общин без переделов; возможно себе представить и такую общину, где вся земля обрабатывалась-бы сообща, а переделялся лишь урожай. От этих разных способов осуществления равного права на землю всех общинников земельный склад общины не потерпит никакого изменения.

Подворное-же землевладение отличается от общинного тем, что здесь пахотная земля находится в бессрочном и постоянном владении отдельных крестьянских семей, но между этими семьями нет и полного разрыва связи: у них есть общие угодья, напр., выгоны, луга, леса, рыбные ловли и пр. Сохраняется меж ними и хозяйственная связь в виде общего принудительного севооборота. Таким образом, подворное сельское общество напоминает собою мертвую общину, уравнительный механизм которой давно уж испортился и не действует.

Как ни отличны друг от друга оба вида надельного владения землею—общинное и подворное, между ними есть не-

мало и сходства. Главное сходство заключается в том, что и то и другое землевладение представляет собою такой земельный склад, который отвечает нуждам трудового населения и продовольственного хозяйства. Как общинник, так и подворник, являются в одно и то-же время и хозяином и работником, и земля для них служит не средством наживы от чужого труда, а способом добывания куска насущного хлеба собственным своим горбом. Что это действительно так, видно из размеров надела: в среднем, по подсчету 1905 года, на двор приходилось по $9^1/_2$ десятин., т. е. около $1^1/_2$ дес. на душу обоего пола. Но это—в среднем; в действительности-же почти половина крестьянских дворов имела менее 8 дес. на каждый двор; другие $^2/_5$ (39%) дворов владели каждый наделами от 8 до 20 д. и лишь $^1/_{10}$ дворов имели от 20 до 50 дес. надела. Так как при трехпольном севообороте хозяйства до 50 дес. обходятся своими семейными силами и не обращаются к найму рабочих со стороны, то выходит, что 98% или почти все надельные дворы следует считать настоящими трудовыми хозяйствами, а надельные земли, которыми они владеют, надо считать служащими непосредственно трудовому народу для его пропитания и поддержки его хозяйства.

Совсем другим складом отличается землевладение частное, бывшее в России до революции. А именно, в 1905 году из 100 миллионов десятин частных земель свыше половины (52%) находилось в руках дворян, да $^1/_5$—у купцов и мещан; крестьянам-же принадлежало не более $^1/_4$ частных земель. Сталобыть, уже самое это распределение частных земель по сословиям показывает, что $^3/_4$ этих земель собраны в руках пеземледельцев, преимущественно—в нетрудовых классах. Еще больше этот нетрудовой, барский склад частного землевладения в России выясняется тогда, когда посмотришь, сколько земель имеют отдельные собственники. Оказывается, свыше $^8/_{10}$ всей частной земли находилось в собственности очень немногих лиц, из которых каждый владел более чем 200 дес. Что-же касается мелких частных землевладельцев, которых можно было-бы считать трудовыми земледельцами, то, хотя их и довольно много, но у всех у них было не более 7% всей земли, находившейся в частной собственности. Следовательно,

частное землевладение, отдававшее землю в полную самодержавную власть ее собственников, было нетрудовым складом земельных порядков, таким складом, который служил средством обогащения нетрудящихся классов за счет рабочего люда. Собственник, владевший самодержавно сотнями десятин, не имел, ни нужды, ни возможности лично трудиться над обработкой земли. Таким образом, здесь происходил разрыв связи работника с землей: тот, кто был частным землевладельцем, обычно, не был земледельцем; а земледелец, работавший на чужой частной земле, не был ее хозяином.

Но этого мало. Внутренняя несообразность старого, дореволюционного русского земельного строя заключалась не только в отделении землевладения от земледелия, а еще и в том, что этот самый склад земельных порядков не соответствовал складу сельского хозяйства нашего народа. Россия, по своему земельному строю, являлась смесью трудовых и нетрудовых земельных порядков. На ряду с надельным землевладением мы видели здесь и крупнейшее частное землевладение.

А между тем та-же Россия—страна, в которой все сельское хозяйство состоит из миллионов мелких, трудовых крестьянских хозяйств. Высчитано, что не менее $^1/_4$ земель нетрудовых частных землевладельцев нанимается крестьянами для своего хозяйства. Оказывается, что $^9/_{10}$ засеваемой в России земли находится в крестьянских хозяйствах, которые производят вместе $^8/_{10}$ всего русского хлеба.

Таким образом, частная крупная нетрудовая собственность врезывалась клином в народное хозяйство и не сообразовалась нисколько с его общим трудовым и крестьянским складом.

Вот каков был наш дореволюционный земельный строй. Теперь мы и обратимся к истории, чтобы узнать откуда пошли у нас в России такие земельные порядки и как народ жил целые века, терпя барский и налаживая крестьянский земельный строй.

Глава первая.

САМЫЕ СТАРИННЫЕ ЗЕМЕЛЬНЫЕ ПОРЯДКИ И НАЧАЛО ОБЩИННОГО ЗЕМЛЕВЛАДЕНИЯ.

Как мы только что сказали, земельные порядки могут быть и действительно бывают разные: трудовые и нетрудовые, крестьянские и барские. У нас в России накануне революции жили бок о бок и те и другие земельные порядки.

Теперь мы и посмотрим, откуда взялись у нас в России различные порядки владения землей: как началась и почему укрепилась у нас частная собственность на землю? Какими способами собралась эта земля в руках нетрудящихся людей, которые сами не пашут, не сеют, не жнут. Равным образом интересно нам дойти до понимания и того, откуда и как появились трудовые, крестьянские земельные порядки: когда и как сложился и окреп крестьянский мир? Как в его распоряжении оказалась земля и какие порядки он на ней установил? Попутно с этим выясним мы и начало казенного землевладения, проследим шаг за шагом, как скоплялась земля в руках казны и как этой землей распоряжалось в разные времена русское правительство.

Прежде всего займемся вопросом о том, почему и как началась в России борьба за землю?

Для того, чтобы ответить на этот вопрос, необходимо перенестись мыслью в седую старину, за много сотен лет назад, к тем стародавним временам, когда на Руси живали еще наши прадеды и прабабушки.

Было время и на нашей родине, когда еще не было между нашими предками борьбы за землю, не было потому, что земли тогда было очень много, а людей очень мало. Каждый край в свое время переживал такое земельное приволье; один край заселялся нашими предками раньше, другой позже, один три века тому назад, другой—пять веков, третий и того больше. Поэтому и пора земельного приволья миновала в различных концах России в разное время. В низовьях Волги еще каких нибудь $1^1/_2$—2 века тому назад земли было во много раз больше, чем требовалось для немногих земледельцев, а в теперешней Московской и соседних с нею срединных губерниях пора безграничного земельного приволья миновала уже по крайней мере семь, а пожалуй и 8 веков тому назад. Раньше

всего наши прадеды начали занимать земли по течению Днепра и его притоков, а затем перебрались на Оку и верхнюю Волгу, на Дон. Позже всего стало заводиться русское земледелие в Сибири и потому дольше других краев сохранилось здесь земельное приволье.

Когда-бы, впрочем, ни переживал тот или иной край эту пору земельного простора, земельные порядки в то время были везде очень похожи друг на друга. Главное в них то, что между поселенцами еще не начиналась борьба за землю. На самом деле: зачем было им враждовать между собою из-за земли, когда земли было больше, чем требовалось, когда было еще сколько угодно вольной, ничьей земли? Всякий мог занять такую землю, не отнимая у другого занятого уже им клочка земли... Везде вокруг него был, можно сказать, непочатый благодатный край, почти нетронутой рукой человека. На десятки верст тянулись дикие степи, стеной стояли дремучие леса, полные дичи и зверей. В реках и озерах водилось множество рыбы. Приходя впервые в это дикое приволье, наши прадеды в одних местах встречали полное безлюдье, в других—небольшие и слабые племена инородцев—финнов: мордвы, мещеряков, мери, веси и др., всех тех, кого тогда называли „чудью белоглазой". Эти инородцы занимались больше охотою и звероловством, чем земледелием. С этого же начинали и наши предки, первые поселенцы из славян в теперешней России. Но годы шли, народу становилось все больше и больше, местами уже делалось и тесновато жить лесными промыслами. Понемногу начинал народ садиться на землю, браться за хлебопашество.

Земли кругом первого пахаря было еще вдоволь: паши любое место, селись, где глянется, ни у кого не спрашивая разрешения. Так и делали в пору земельного приволья наши прадеды, первые русские пахари. Они занимали вольную землю, сколько было им надо, пахали, косили, хозяйствовали, сколько брала их трудовая сила. Земля считалась занятой, если на ней положены чьи либо „метки": пахотную землю метили, опахивая ее кругом; сенокос—закашивали, деревья в лесу зачерчивали. Все место, „куда соха, коса и топор ходили", считалось трудовым владением семьи первого „заимщика"—поселенца. На эту землю, хотя она раньше него и была вольная, ничья, первый пахарь смотрел уже как на свое трудовое

владение, ибо в нее он вложил свой труд. И действительно, работы над дикой землей было немало: ее надо было расчистить из под леса, иногда и осушить; надо-было разыскать в лесу звероловные угодья; постоянно быть на чеку, охраняя свое хозяйство и семью от диких зверей и лихих людей. Весь этот труд, вложенный в землю, не мог не ценить наш предок-пахарь, хотя сама земля и досталась ему не за деньги, а даром. Занявши землю силами своей семьи, старинный русский пахарь владел ею, как своею собственною, и передавал детям и внукам, как свою „вотчину“, т. е. отцовское имущество. Но уже с самого начала пахарь-поселенец на вольной земле не мог действовать и хозяйничать совсем один, без помощи соседей, таких-же, как он, трудовых земледельцев. Борьба с лесом, со зверем, с лихим человеком требовала часто мирской помощи; к тому-же скучно и тоскливо было-бы жить в полном одиночестве с своей только семьей: человека тянет к людям перекинуться словечком, посоветываться, потужить и порадоваться вместе. И вот мы видим уже в самой седой старине мирской уклад жизни русского народа: в городах и деревнях всюду народ живет мелкими соседскими союзами, решает все свои дела на сходках, управляется выборными старостами, судится мирским судом добросовестных, всеми уважаемых лиц. Само собою понятно, что мирское, *общинное* устройство всей жизни народа не могло не повлиять и на земельные порядки, когда началась между людьми борьба за землю. А начаться она рано или поздно должна была неизбежно: народ размножался с каждым поколением, а земля не росла. Вольная, ничья земля убывала с каждым годом и наступало земельное утеснение. Оно-то и повело к борьбе из-за земли, как между самими трудящимися земледельцами, так и между трудящимися и нетрудящимися— „господами“ всякого рода, какими в старину были князья, архиереи, бояре, монастыри и т. п.

Сначала мы рассмотрим, как происходила борьба за землю между самими земледельцами и к чему она привела их земельные порядки.

Первое время, когда народ только еще начинал браться за соху, заимки и поселки были редки; между ними оставалось много свободной, ничьей земли. Поэтому не было между поселенцами-заимщиками споров из-за земли, не было и нужды в межах. Но с годами заимки и поселки размножились, зай-

мища одного поселка стали близко подступать к займищам другого соседнего селения. Начали разгораться между земледельцами соседних селений и волостей споры, ссоры, а иной раз и драки из-за земли. В то время хозяйство велось еще не так, как теперь: одну землю подряд пахали и засевали, пока не выпахивали; тогда бросали эту землю в залежь и распахивали другое место, целину, новину; выпахав ее, переходили дальше и т. д. На первоначальную, заброшенную землю возвращались не скоро, лет через 20—30; за это время земля успевала уже основательно отдохнуть и даже поростала лесом, который нужно было сначала выжечь, чтобы обратить землю опять под пашню. При таком хозяйстве земледелец нуждался прежде всего в просторе для захвата, для занятия и распашки целинной, еще нетронутой сохою земли. Этим запасным земельным простором для новых пашен и дорожил тогда земледелец не меньше, чем обработанной полосой. Вокруг каждого поселка вперемежку с запаханной и замеченной уже землей была и пустая, ничья, которую все имели одинаковое право захватить и распахать. Из-за этой-то свободной земли и пошли прежде всего споры, как между жителями одного селения и волости, так и между соседними селениями и волостями.

Как-же разрешались эти споры? Если спор возникал между жителями двух соседних миров—погостов или волостей,—то, конечно, в него вступались и родственники спорящих, их соседи, а нередко и все мирские люди. Собирали сходки, толковали на них о споре из-за земли и в конце концов назначали на меже или на спорной земле суд из доверенных обеих сторон, из уважаемых всеми стариков. Их решение и считалось обязательным для спорящих. Но так как в решении спора о земле были заинтересованы все земледельцы волости, все мирские люди, то, естественно, при земельных спорах стали все чаще выступать на защиту мирских земельных интересов обычные выборные власти—старосты или сотские.

Они отстаивали право волости, мира на запасные, ничьи земли, лежащие в смежности с заимками волощан; они доказывали, что земля или лес, куда хотя-бы однажды заходил топор, соха и коса их мирского человека—принадлежит уже им, их волости, их миру *по праву труда*. Так мирские выборные, старосты и сотские, отстаивали права мира, волости, на всю ту землю, по которой были расбросаны заимки и звероловные

угодья земледельцев, принадлежавших к их миру, к их волости. „Та земля, господине, говорили волостные старосты на суде,—из старины наша, мирская; искони она тянет к нашей волости"...

Подобные споры и суды из-за земли между соседними мирами привели в конце концов к установлению земельных границ между погостами или волостями; к каждой волости причислялась земля не только уже занятая кем либо из жителей этой волости, но и вся соседняя с нею, считавшаяся запасным угодьем для земледелия и охоты. Часто такого разграничения земель добиться не удавалось и многие угодья оставались в общем владении нескольких соседних миров—общин.

Подобным-же образом разрешались споры из-за земли и внутри одного мира—волости или погоста. Земельное утеснение здесь должно было почувствоваться тогда, когда свободных, ничьих земель в пределах мира оставалось уже мало, или-же они были неудобны и тяжелы для обработки. При земельном приволье не было между земледельцами равенства во владении землею. Каждый хозяин занимал столько земли, сколько было в его силах. А так как в одном хозяйстве было много рабочих рук, а в другом мало, то сильнорабочие хозяйства завладевали лучшими угодьями и занимали много десятин; малорабочие же—худшими, да и тех было у них немного. Такое неравенство не вызывало, однако, вмешательства мира, схода, до тех пор, пока земли было много и всякий мог ее занять—были-бы только рабочие руки. Когда-же займища соседей сошлись вместе и запасных земель, удобных для хлебопашества, почти не осталось, тогда пошли споры между отдельными хозяевами заимщиками из-за земли и в эти споры все чаще и чаще вмешивался мирской сход, к которому спорящие обращались за решением своего дела. С течением времени вошло в обычай решать спорные земельные дела на сходе, и таким образом община, мир, получила власть над землею, принадлежащею мирским людям—общинникам.

Сначала мир вмешивался только по просьбе самих спорящих из-за земли, а затем уже и сам стал требовать, чтобы распоряжение землею не делалось без мирского приговора.

Власть мира, общины, над землями волости росла по мере того, как размножался народ и усиливалась земельная теснота.

Раньше всего стал сход решать дела насчет спорных земель, постановлял приговоры о том, кому владеть землею, лежащей между займищами двух соседних хозяев. Каждый из соседей хотел завладеть этой землей, и миру приходилось сказать свое слово. Появились скоро и другие земельные дела у мира: хозяева, занявшие некогда вольные земли и положившие свои „метки“ на различных угодьях, начали обращаться к сходу, прося мир подтвердить их право на владение заняты-ми угодьями. Они ссылались на свое трудовое право и на старину: та земля обработана их отцами и досталась им по наследству; она—из старины их „вотчина“.

И сход обыкновенно утверждал беспрепятственно их права, если никто другой не вступался в те земли. Но с утеснением среди мирских людей оказались такие, которым земли было мало и которые чувствовали себя обиженными.

Они-то и начали оспаривать у „старозаимочников“ их право на те земли, которые были только замечены, захвачены этими хозяевами, или их отцами, но на самом деле не обрабатывались еще ими... В этой борьбе, которая закипела в мире между „старозаимочниками“ и „малолетами“, сход или мирской суд становился на ту или иную сторону, смотря по обстоятельствам, но всегда он являлся хранителем трудовых прав на землю. Он уважал право труда, вложенного в землю при ее обработке, но принимал во внимание и земельную тесноту; поэтому он мало по малу стал ограничивать права захватчиков, отрезывая у них в пользу малоземельных те угодья и земли, которые не требовали от заимщиков особого труда, напр. леса, сенокосы; отдавал другим хозяевам заросшие, запущенные под лес пашни; наделял малоземельных выморочными землями и т. д.

Но долгое время, целые века еще, мир допускает переход земли по наследству, от отца к сыну, позволяет этой землей меняться и даже продавать ее. Каждая семья владеет дедовским участком, *вотчиной,* как своей семейной собственностью. Впрочем, кто-бы ни владел этой мирской „черной“ (как в старину выражались) землей, он должен был признавать над собой власть мира и подчиняться всем мирским обычаям и мирским властям: платить подати и земские сборы по уравнительной раскладке, итти на мирской суд и сход, отправлять наравне с другими мирские повинности и нести мирские

службы. Кто не хотел признать над собой эту власть мира, должен был оставить землю мирским людям и уйти прочь из общины. Таким образом, земельные права старинного крестьянина-общинника не были беспредельными; они были ограниченны и условны; он признавал над собою высшую власть мира. Долгое время эта власть была малочувствительна для крестьянина в земельных делах, но с течением времени она всё больше и больше стала проявлять себя на деле и начала все сильнее стеснять права отдельных хозяев в их распоряжении землею; к этому мир вынуждался разными причинами и прежде всего—земельным утеснением: негде становится взять земли для наделения прибылых душ, а между тем без земли их оставить нельзя: пришлось-бы сложить с них все подати и повинности—не спуста-же им тянуть тягло! Да и нельзя освободить их от казенных и мирских тягот: с каждым годом нужды государства растут и правительство все больше накладывает на миры различных платежей и служб, требует исполнения их во что бы то ни стало, а чтобы общинники не разбежались от непосильных тягот, оно приписывает их к волостям и запрещает оставлять место своего жительства и свое занятие. Само собою понятно, что в таких тяжелых обстоятельствах мир не мог уже найти другого средства, как только получше и построже уравнять всех своих членов в несении государственных тягостей. А чтобы каждый платил по своей силе, надо-было и земельные права уравнять. Для этой цели сначала мир довольствуется отрезкой излишней земли у некоторых, особенно многоземельных хозяев, затем постепенно и осторожно все более уступает желаниям малоземельных и безземельных членов мира, которые настойчиво требуют общего уравнительного передела. В общине образуются тогда две партии: одна стоит за передел земли, другая против, и эти партии вступают между собою в борьбу. Обычно число сторонников передела все более наростает, их становится большинство в мире. Но зато они все люди маломочные и невлиятельные на сходе. Наоборот, к партии противников передела принадлежат немногие зажиточные и большеземельные хозяева, голос которых на сходе вершит все дела и, побороть их бывает очень трудно. Мир долго, но без успеха борется с кучкой мироедов и часто сам обращается к правительству с просьбой разрешить спор и уладить мирские дела. Правительство, действительно,

и вмешивается, становясь на сторону мирского большинства и тем решая вопрос о переделе земли в его пользу. Так-же действуют и помещики-землевладельцы. Обо всем этом мы скажем дальше в своем месте подробно; теперь же запомним самое главное из всего нами изложенного в первой главе, а именно. Общинное землевладение возникло среди трудового земледельческого населения и строилось в рассчете на удовлетворение нужд крестьянского сельского хозяйства. С самого своего зарождения оно было трудовым укладом земельных порядков, но не сразу оно сделалось уравнительным землепользованием. Равенство земельных прав в общине появилось уже довольно поздно, когда настала большая земельная теснота и когда казна стала требовать с крестьян платежа тяжелых податей, а помещики—больших работ и оброков.

Глава вторая.

ПРОИСХОЖДЕНИЕ ЧАСТНОЙ ЗЕМЕЛЬНОЙ СОБСТВЕННОСТИ.

В то время, когда зарождалось, росло и крепло общинное землевладение, когда в нем постепенно развивалось уравнительное пользование мирской землей, рядом с этими трудовыми крестьянскими земельными порядками зарождались, росли и крепли другие, нетрудовые земельные порядки: возникала и развивалась частная крупная собственность на землю. Теперь мы и проследим историю этого земельного уклада у нас в России.

Первые ростки частной собственности на землю показались у нас так-же давно и рано, как и первые зачатки общинного землевладения. Можно сказать, что колыбель у частного и общинного землевладения была общая: этой колыбелью был первоначальный вольный захват ничьей, пустопорожней дикой земли; происходил этот захват в далекую пору безграничного земельного приволья. Как крестьянин-земледелец мог беспрепятственно и без спросу у кого бы то ни было занять понравившийся свободный участок земли, так не запрещалось это сделать и всякому другому желающему, хотя бы он сам и не держал в руках ни косы, ни сохи, ни топора. Достаточно было ему

послать людей с топорами, сохами и косами, чтобы они положили его метки на лесных деревьях, окосили луг, запахали степь.

У кого-же в то отдаленное время, во время земельного простора на Руси, были такие подневольные люди, которых было можно послать на работу для освоения земли в частную собственность? У князей, правивших Русью, у их ближайших помощников—бояр, у архиереев и монастырских игуменов—этих княжеских богомольцев.

Дело в том, что в отдаленной старине на Руси, так же, как и в других странах, существовало рабство. Тогда считалось обыкновенным делом владеть живым человеком, как скотиной, как вещью: продавать его и покупать в собственность, менять его и отдавать в займы, дарить, давать в приданное и т. д. В рабы или холопы попадали прежде всего пленные и побежденные неприятели, затем—неоплатные должники, наконец,—бедные люди, которые из-за нужды сами продавали себя или своих детей в рабство—навсегда или временно...

Такие рабы, *холопы*, были у князей, которых было довольно много на Руси, и у бояр, т. е. богатых и знатных людей, занимавших первое место в народе и на княжеской службе. У черного, монашествующего духовенства не было холопов; но за то к его услугам было много бывших холопов, называвшихся *изгоями*, и др. бедняков, кормившихся вокруг монастыря, а так-же много простых монахов, вышедших из крестьянства и привыкших пахать землю. Все эти подневольные люди, трудом которых по своей воле распоряжались светские и духовные „господа"—князья, бояре, архиереи, игумены,—эти рабочие люди старинной Руси и помогли сильным, могучим барам того времени захватить много вольной, ничьей земли, занять сотни и тысячи десятин лучших угодий—лесных, рыбных, сенокосных и пашенных, занять и освоить их в свою частную собственность. Трудовой земледелец, занимая впервые землю нашего отечества, мог сказать в оправдание себя: „эта земля моя, потому что я ее обработал своими руками". В то-же время князь или боярин мог сказать: „эта земля моя, потому что *мои люди* ее обработали". Так, на ряду с трудовым земледельческим правом на землю появилось скоро и нетрудовое землевладельческое право на нее. Здесь и там в основе владения землею лежало *право труда, затраченного*

на обработку земли; но в первом случае ценилось право собственного труда, а во втором—труда чужого, холопьего; следовательно, рабовладелец предъявлял свои права на землю потому, что ему принадлежала вся личность холопа, его душа и тело, а тем более—весь его труд.

Впереди всех нетрудовых людей, занимавших землю руками подневольных рабочих, шли князья, которые, часто воюя, имели в избытке челядь, рабов, и потому могли занять гораздо больше земли, чем все другие знатные и сильные люди древней Руси. За ними шли бояре и монастыри...

Таким образом, у русского земледельца с самых незапамятных времен уже появились опасные соперники, которые и вступили с ним в борьбу из-за обладания землею; долго, не одну сотню лет, тянулась эта борьба, но победа в ней неизменнно оставалась за „господами" и земля ускользала из рабочих рук.

Занявши много вольной, дикой земли, князья и бояре руками своих рабов извлекали из нее доходы: они заставляли их ловить и бить ценных пушных зверей в лесах—бобров, медведей, лисиц, куниц и др.; ловить рыбу, водить пчел, заниматься скотоводством (водить коней); что же касается земледашества, то в самом начале оно не было в хозяйстве крупных „господ" старинной Руси на первом месте: продавать хлеб было почти некому, везти его в чужие края было опасно, долго и невыгодно; поэтому хлеба сеялось в княжеских и боярских имениях лишь столько, чтобы прокормить хозяйскую семью, хозяйских гостей, слуг и холопов. Барская запашка вследствие этого немногим была крупнее запашки крестьянской, особенно потому, что холопам часто отводили отдельно небольшие наделы для прокормления их семьи. Таким образом, холопы становились мелкими трудовыми сельскими хозяевами хлебопашцами, такими-же, какими были и тогдашние крестьяне, с той однако-же большой разницей, что холопы были рабами, а крестьяне—свободными гражданами тогдашней Руси.

Однако, с течением времени устройство княжеского и боярского крупного имения стало мало по малу изменяться: в нем все большее значение начало приобретать земледелие, а звероловство, рыболовство и коневодство постепенно отступали все больше на второй план. Происходило это оттого, что

запас ценных пушных зверей сам собою сокращался, да и сбыт их за границу, дававший ранее большие доходы князьям и боярам, сильно расстроился после того, как в степях нынешней южной России появились и утвердились хищные азиатские кочевники—половцы, а еще позже—татары. Но перемена в крупном барском хозяйстве не ограничилась тем, что земледелие стало расширяться за счет звериных и рыбных промыслов: произошла перемена и среди рабочих людей крупного имения. А именно, на ряду с холопами на княжеских и боярских землях появились и крестьяне—вольные земледельцы, люди свободные. Произошло это потому, что с одной стороны, князья и бояре почувствовали недостаток в рабочих руках, а с другой стороны—свободные земледельцы оказались в таком положении, что им ничего уже не оставалось делать, как только идти на земли крупных „господ“, чтобы на них работать. Рабы, холопы, трудом которых первоначально была занята для князей и бояр дикая, ничья земля, эти рабы добывались, как сказано, главным образом войною. Поэтому рабов у князей и бояр было тем больше, чем больше и удачнее они воевали. Когда-же войн не было, или они были мелки и ничтожны, тогда и добыча князей и бояр—челядь, пленные рабы, была немногочисленна.

Особенно начало нехватать рабов для княжеского и боярского хозяйства после того, как с подчинением Руси татарам в первой половине XIII века, т. е. приблизительно 680 лет тому назад, русские князья не могли уже вести больших войн и захватывать в плен много врагов. К тому-же впоследствии стало выходить из обычия и самое обращение пленных в вечное рабство. Недостаток рабов побуждал князей и бояр всячески привлекать в свои имения свободных земледельцев, тогдашних крестьян. Для этой цели крупные землевладельцы старались приманить к себе крестьян различными льготами и преимуществами для живущих на их землях людей.

Прежде всего, скопив у себя много казны и имея много всякого хозяйственного обзаведения, а также—рабочего и рогатого скота, крупные землевладельцы—„господа“ могли всегда снабдить всем необходимым для ведения хозяйства того бедного крестьянина, который захотел-бы поселиться на княжеской и боярской земле. Они обещали ему дать „подмогу“ на обзаведение хозяйством, т. е. помощь деньгами или, чаще

всего, натурою—семенами, лошадью, коровой, сохами, боронами и др. орудиями. За эту „подмогу“ крестьянин обязывался распахать и привести в хозяйственную годность условленный участок земли: 5—7 десятин, иногда и меньше; он должен был кроме того поставить постройки—„хоромы“. При этом он, обычно, на первое время,—года на три, на пять,—освобождался от всяких платежей в пользу „господина“ и князя, а затем по прошествии льготных лет, должен уже был отбывать все платежи и повинности „с крестьяны в ряд“, т. е. наравне с прочими крестьянами, живущими в имении. Исполнивши эти условия, крестьянин не обязан был возвращать взятых на обзаведение денег и предметов. Но чаще всего эту помощь от господина он получал в виде ссуды, которая не взыскивалась с него, пока он жил в имении и работал на заимодавца. Стоило же, крестьянину-должнику двинуться с места, попытаться уйти как заимодавец-господин пред'являл к нему требование об уплате долга, грозя в противном случае судом; а по суду неисправный должник отдавался в рабы заимодавцу (в последствии—„головою до искупа“, т. е. во временное рабство до отработки или уплаты долга). Тем не менее соблазн обзавестись собственным земледельческим хозяйством, хотя-бы и на чужой земле, соблазн льготной работы в первые 3—5 лет, был так велик для бедняка крестьянина, что много и много находилось охотников попытать счастья и поселяться для крестьянствования на земле какого нибудь князя, боярина или монастыря.

Были и еще льготы, привлекавшие свободного земледельца древней Руси в имение крупных „господ“: кроме „подмоги“ и ссуды, кроме свободы от платежей в первые годы, землевладельцы могли обещать крестьянам еще весьма важные льготы: защиту от притеснений и насилия, как местных княжских властей, так и всякого рода сильных и злых людей.

Дело в том, что в старину, в те далекие времена, когда только еще зарождалось и понемногу складывалось русское государство, на Руси было гораздо меньше порядка и безопасности, чем в наши дни. Не было единой крепкой, сильной и для всех граждан равной государственной власти. Было на Руси много князей, правивших отдельными землями и областями, но защита от них народу была плохая. Они заботились больше о собственном благополучии и богатстве, чем

о народных интересах; князья больше занимались своим сельским хозяйством и торговлей (смотря по тому, что где было выгоднее), чем общественными делами; на народ-же они смотрели, как на источник доходов в их княжескую казну и брали с него налоги и дани при всяком удобном и неудобном случае. Конечно, не все князья были таковы; среди них встречались и очень хорошие люди, радетели и печальники о народном благе, но такие были редким исключением. Беда, впрочем, была не только в том, что князья много брали с народа, а в том, что они, обыкновенно, не могли действительно защитить его от насилия и несправедливости своих-же слуг, да и вообще богатых и хищных людей своего княжества, не могли часто охранить народ и от разгрома со стороны внешних врагов.

Половцы, а с половины XIII века—татары, сплошь и рядом нападали на мирное крестьянское население Руси, грабили его имущество, уводили в плен женщин и детей, а мужчин убивали. Многие крестьяне, заслышав про набег врагов, бросали свою землю и хозяйство, спасались в лесах на время, или уходили совсем подальше от беспокойных врагов, на север, в лесную страну, где, голодные и раззоренные, бродили из села в село, пока не порядались к какому нибудь богатому землевладельцу—к князю, боярину, в монастырь,—пахать чужую землю... Приписаться к вольной крестьянской общине у такого разоренного врагами хозяина-беженца не было возможности, так как мир не всегда мог дать ему средства на первое хозяйственное обзаведение, а самому ему не с чем было взяться за хозяйство. Наоборот, князь или боярин давал ему в ссуду все необходимое для хозяйства и давал очень охотно.

А главное, мир не мог обещать такому испуганному погромом крестьянину-беженцу особой, надежной охраны его жизни и хозяйства на будущее время. Между тем опасность грозила крестьянину не только от внешних врагов, но и от внутренних, какими для тогдашнего трудового люда являлись прежде всего всякого рода сильные и могучие люди, а затем —княжеские слуги, собиравшие для князя налоги, творившие его именем суд и расправу. Пользуясь слабостью княжеской власти, сильные и богатые бояре и монастыри безнаказанно обижали бедных рабочих людей—крестьян, захватывали их земли, разоряли дома, порабощали их себе и т. п. Княжеские должностные лица, управлявшие волостями, и их подчинен-

ные—судьи, сборщики налогов, полицейские и др.—не упускали случая, чтобы обидеть беззащитных людей и взять с них, как можно больше. Вся эта неправда и беспорядок сильно угнетали рабочий крестьянский люд старинной Руси и принуждали его искать какого ни на есть средства, чтобы избавиться от этого самоуправства и притеснений сильных и властных людей. И самым простым средством для этого было поселение на чужой земле, в крупном и богатом имении могучего землевладельца: лучше всего было поселиться на землях самого князя—уж своих-то людей князь постарается защитить от обид и разорения... Но не менее, а часто и более выгодным оказывалось поселение в имениях крупного и чтимого князем монастыря или архиерея, а то так и в имении влиятельного и любимого князем боярина,—его советника и военачальника...

Какие-же выгоды давало крестьянину поселение на монастырской, архиерейской и боярской земле? Очень большие. Оно освобождало крестьянина от притеснений княжеских слуг: злой, жадной своры судей, сборщиков, полицейских и т. п. „кормленщиков", кормившихся за счет народного труда.

Дело в том, что, обыкновенно, крупные и влиятельные землевладельцы добивались от князя выдачи им особых жалованных льготных грамот. В этих грамотах князья запрещали всем своим слугам, управляющим уездом, волостью или городом, въезжать за каким-бы то ни было делом в околицу монастырского, архиерейского или-же боярского имения. Что бы ни случилось внутри этого имения, местным княжеским властям нет никакого дела; убьют-ли там человека, ограбят-ли, совершится ли иное злое дело в имении архиерея, монастыря, боярина—никто, кроме самого землевладельца, не должен принимать мер к аресту преступника и расследованию дела; иногда даже и самый суд по важнейшим преступлениям (убийство, грабеж) всецело предоставлялся хозяину имения; впрочем, чаще всего важнейшие дела судил княжеский судья, но непременно с участием судьи землевладельца, а приводил в исполнение приговор над своим крестьянином обязательно сам землевладелец; он-же и доставлял виновного в суд. По более-же мелким преступлениям, совершенным жителями имения, весь суд и все наказание находилось всецело в руках самого хозяина имения, будет-ли то архиерей, монастырский игумен или боярин. Точно также и все сборы с рабочих лю-

дей, живущих в имении, по жалованным княжеским грамотам оставлялись на волю господина этой земли. Князь часто освобождал имение сильных и влиятельных господ от всяких даней в княжескую казну, кроме татарской дани; если же и не освобождал, то сбор этих даней всетаки возлагался на самого владельца земли. Сверх того князь освобождал крупных землевладельцев, т. е. вернее—крестьян, живущих у них в имениях, от многих разорительных натуральных повинностей: от поставки подвод для проезжающих княжеских слуг, прокорма их и т. п.

Все эти льготы давали крестьянину, селившемуся на чужой земле, на земле могучего владельца-„господина", очень важные выгоды перед остальными крестьянами, жившими общинами, мирами на „черных", т. е. податных (мирских) землях. Хотя над мирскими, „черными" крестьянами и не было „господина", кроме князя и его слуг, однако, у них не было и могучих защитников, какими для крестьян своих имений были монастыри, архиереи и бояре. Вот почему многие волостные крестьяне охотно бросали свою мирскую землю и уходили на чужую землю, в боярские и монастырские имения, где за спиною своего „господина" и покровителя они чувствовали себя, как за каменной стеной. Правда, земля, которую они получали от такого „господина", принадлежала не крестьянину, а барину, но зато сюда не проникали хищные княжеские слуги, не смели здесь крестьян грабить и разные злые люди и насильники, да и платить приходилось меньше... Во всяком случае многие крестьяне предпочитали иметь дело с одним своим „господином", чем со сворой княжеских судей, сборщиков, управителей, полицейских и пр.

Таким образом под влиянием опасности, которая в старину часто грозила трудовому человеку, крестьянину, грозила и его жизни и его имуществу и его земле, под влиянием этой опасности, многие свободные хлебопашцы, владевшие исстари землей по праву первого трудового захвата, оставляли свои земли и переходили на земли частных землевладельцев-„господ"—князей, монастырей, бояр. В тех случаях, когда крестьянская земля оказывалась бок о бок с боярской или княжеской, крестьянин должен был страдать от притеснений со стороны сильного соседа, на которого нельзя было найти нигде управы. Побившись немало времени, он в конце концов шел к нему о

поклоном и просил взять его вместе с землею под свое покровительство и защиту. А „господину“ этого только и хотелось. Он рад был облагодетельствовать бедного соседа; он брал себе его землю, но тотчас-же „жаловал“ ему ее обратно с тем, чтобы крестьянин платил ему за нее оброк. Взамен того он обещался охранять жизнь и имущество крестьянина от притеснений всех посторонних, как княжеских слуг, так и других соседних „господ“. Из притеснителя и насильника он становился для соседа-крестьянина покровителем, но, конечно, не бескорыстным: крестьянин терял свою землю и терял свою независимость. Он должен был слушаться своего покровителя, подчиняться его суду и распоряжениям, платить ему поборы, словом—становился *его* крестьянином, хотя и не рабом еще...

Так понемножку, где добровольно, где под угрозой, где по нужде и бедности—свободные землевладельцы-крестьяне становились зависимыми безземельными земледельцами на господской земле. Некогда занятая трудами этих свободных земледельцев земля стала переходить во власть могучих „господ“—князей, монастырей, бояр. Один путь, каким совершалось это собирание крестьянской земли в нетрудовых руках, мы уже проследили: это—по видимости добровольная отдача своей земли соседу-господину за покровительство. Но этот путь не был единственным и главным. Гораздо чаще господа побеждали трудящихся людей в борьбе за землю иными, более сильными и скорыми средствами.

Припомним, что с самого начала, когда земельный простор был еще очень велик, для занятия земли не требовалось ничего, кроме рабочих рук. Всякий, у кого были рабочие руки—свои или чужие все равно,—мог занять любой свободный клок земли без всякого письменного разрешения от князя. Так именно первоначально и было: все землевладельцы, от князя до крестьян, владели землею без всяких письменных на нее документов, по праву первой заимки.

Но когда, вместе с христианской верой, на Руси стала распространяться грамотность, многие землевладельцы, по примеру иноземцев, стали заручаться княжескими грамотами на владение землей.

По всей вероятности, первыми позаботились об этом архиереи и монахи, которые показали пример и другим землевладельцам—боярам и княжеским слугам. Духовенство, бывшее

единственным грамотным классом в старинной Руси, выпрашивало у князя особые жалованные грамоты на земли, которые оно хотело занять и приобрести в собственность. Оно побуждало князей ради спасения их души, дарить монастырям и церквам лучшие и обширнейшие угодья и подтверждать эти подарки особыми грамотами. По примеру монахов стали выпрашивать такие-же жалованные грамоты и светские „господа“— бояре и др. княжеские слуги. Часто эти грамоты лишь подтверждали права „господ“ на земли, которые уже раньше были ими приобретены посредством занятия пустующей ничьей земли.

Таким образом с течением времени нетрудовые землевладельцы — светские и духовные — получили новые письменные доказательства своих земельных прав и легко могли расширять свои имения, выпрашивая у князей за свою службу и молитву все новые и новые жалованные грамоты на земли. У крестьян-же попрежнему не было никаких письменных доказательств их прав на владение землею; они продолжали владеть ею по старине, на основании неписанного, но признаваемого обычаем трудового права. Понятно, что когда дело доходило до борьбы из-за земли, до суда между нетрудовым землевладельцем — каким нибудь монастырем или боярином — с одной стороны, крестьянином—с другой, то этому земледельцу было уже трудно отстоять свои исконные трудовые права на землю: у него не было часто никаких грамот, а у боярина и монаха были, и суд—решал дело в их пользу. К тому-же суд в то время был очень легко подкупен, и богатому землевладельцу ничего не стоило перетянуть судей на свою сторону даже и в том случае, когда право и правда были на стороне трудового земледельца-крестьянина. Вот почему, когда началась борьба за землю между „господами“ и крестьянами, между нетрудовыми и трудовыми владельцами, победа в огромном большинстве случаев оставалась на стороне „господ“—бояр и монахов.

С помощью жалованных грамот эти сильные и влиятельные люди древней Руси легко могли оттягать у бедных трудящихся крестьян ту землю, которую они и их предки своим трудом отняли у дикого поля и дремучего леса. И старинные бумаги, сохранившиеся до нас, говорят о том, как мало-по-малу

таяли общинные, крестьянские земли, как они постепенно переходили всеми правдами и неправдами в руки нетрудовых крупных владельцев — монастырей, бояр, княжеских слуг — воинов и приказчиков. Мир, община, через своих выборных старост и сотских отчаянно защищался от врагов, стойко боролся против захватов мирской земли, но силы соперников были слишком неравны, и мирская земля по клочкам и целыми округами переходила во власть соседних влиятельных „господ".

Этому расхищению мирской, крестьянской земли больше всего способствовали сами князья, которые, не считаясь с крестьянскими трудовыми правами на землю, жаловали целые волости в награду своим приближенным, своим советникам и военачальникам, а также — своим богомольцам — монахам.

Не одну сотню лет продолжалась эта борьба за землю между трудовыми и нетрудовыми землевладельцами, пока последние окончательно не взяли верх над первыми и не обратили в свою наследственную собственность, *в вотчину*, большую часть земель, пригодных для сельского хозяйства. К тому времени, когда на Руси образовалось и окрепло Московское государство под единой властью великих князей Московских, к шестнадцатому веку (т. е. лет 400—450 тому назад) общинные мирские земли составляли уже меньшую часть и сохранились в неприкосновенности только в северных уездах и областях тогдашнего Московского государства: по течению р. Северной Двины, вокруг Белоозера, да на востоке — в новых верхневолжских и камских областях. В центре-же государства, вокруг Москвы, Новгорода, Рязани, Твери, Владимира — во всех подмосковных, новгородских, суздальских уездах царило уже частное — княжское, боярское и монастырское — землевладение. Вся центральная, срединная часть Московского государства была покрыта крупными имениями — „вотчинами", принадлежавшими светским и духовным „господам". Каждая такая *вотчина* являлась как-бы маленьким государством над рабочим людом, жившим в этой вотчине. Землевладелец-государь, кто-бы он не был — князь, боярин, сын боярский, монастырь, архиерей, — собирал с крестьян не только плату за пользование землей (*оброк*), но и всякие другие поборы, в том числе и казенные подати; он-же и судил своих крестьян во всех делах, кроме обвинений в убийстве, разбое и краже с поличным. Он

мог арестовать крестьянина, мог его наказывать, он-же приводил в исполнение приговор над ним княжеского судьи по важнейшим делам; он требовал от крестьянина исполнения различных натуральных повинностей и подчинения его полицейским распоряжениям. Словом, „государь села", т. е. землевладелец становился между крестьянином своей вотчины и государственной властью и почти совсем заслонял от нее крестьянина. Но не следует думать, что крестьянин, живший в такой вотчине-государстве, был крепостным своего господина. Нет, он был свободным человеком; но, пока он жил в вотчине, он был „подданным" того „государя", на „селе", т. е. в имении которого он жил и работал. Крестьянин соглашался признавать над собою власть „господина" только в том случае, если этот „господин" выполняет в свою очередь по отношению к крестьянину целый ряд обязанностей: владелец имения обязывался предоставить крестьянину в надел землю в таком количестве, какое крестьянин согласен обработать; он не может потребовать от крестьянина уплаты оброков или отбывания повинностей сверх того, что уплачивают и отбывают другие крестьяне того-же имения; крестьянин может уйти из имения осенью, по окончании всех работ, расплатившись с хозяином. В этом праве „отказа" или „отрока" проявлялась свобода крестьянина. Он был мелким сельским хозяином, имел надел земли, подчинялся власти „государя" вотчины, но мог переменить одного „государя" на другого, или-же перейти из барского имения в крестьянскую общину, вступить в какой нибудь волостной мир.

Таким образом, это старинное крупное боярское или монастырское имение, *вотчина*, была в одно и то-же время и наследственным земельным владением частного человека и как-бы маленьким государством, а крестьяне жившие в ней были в одно и тоже время и мелкими сельским хозяевами на чужой земле и временными подданными землевладельца-государя, но не крепостными его.

Стало быть, в XIV—XV в. в., приблизительно за пятьсот лет до нашего времени, на Руси установился особый земельный строй, в котором господствовала крупная наследственная частная собственность. Земля, после долгой борьбы из-за нее между трудящимися земледельцами и нетрудящимися землевладельцами, собралась в руках последних в виде множества

крупных имений—вотчин. Эти вотчины обрабатывались отчасти руками несвободных холопов, а главным образом—руками свободных крестьян, живших в этих вотчинах своими маленькими трудовыми хозяйствами. Следовательно, в эту пору земельные порядки на Руси были таковы, что одни люди,—нетрудщиеся над землею князья, бояре, монахи—владели этою землею в больших количествмх; другие-же, трудящиеся на ней хлебопашцы, чаще всего вовсе не имели своей земли и принуждены были хозяйствовать на земле чужой, барской, отдавая за это часть плодов своего труда тем, кто этой землею владел. Так появились в старинной Руси, еще за 5—6 веков до наших дней, беззсмельные пахари-крестьяне—с одной стороны и нетрудовые собственники земли—князья, архиереи, бояре, монахи—с другой. У одних были рабочие руки и нужда пахать землю, но не было самой земли; у других было много земли, но не хватало рабочих рук ее обработать, да и не было нужды самим браться за соху. Это-то и создало те земельные и хозяйственные порядки, которые утвердились в старинной боярской и монастырской вотчине: *крупное нетрудовое землевладение уживалось здесь вместе с мелким трудовым крестьянским сельским хозяйством;* земельная собственность давала в руки владельцам и большую общественную власть над рабочим крестьянским населением вотчины. Таков был земельный строй, который сложился у нас на Руси в так называемые удельные века, с средины тринадцатого до средины или даже до конца XV столетия*). *Землевладение в эту пору впервые отделилось, оторвалось от земледелия;* на долю нетрудящихся осталось владение землею и получение доходов с нея; на долю трудящихся выпало хозяйствование, обработка чужой земли и работа на других, на тех, у кого в руках собралась мало по малу необходимая для трудового народа земля...

---

*) Удельными эти века называются потому, что в то время вся русская земля находилась в наследственном обладании многочисленных князей Рюрикова рода, из которых каждый считал свое княжество *„уделом“*, т. е. долей, уделенной ему из отцовского имущества.

Глава третья.

ПРОИСХОЖДЕНИЕ ГОСУДАРСТВЕННОГО ПОМЕСТНОГО ЗЕМЛЕВЛАДЕНИЯ И ВЫРОЖДЕНИЕ ЕГО В ПОМЕЩИЧЬЮ ЧАСТНУЮ СОБСТВЕННОСТЬ.

Мы видели, что и крестьянское трудовое и барское нетрудовое землевладение возникли впервые очень давно, в ту отдаленную пору, когда земля на нашей родине была еще вольной, когда ее было слишком много и ею никто не дорожил, пока не вложен в нее человеческий труд. Но коль скоро труд был затрачен, земля обработана, лес выкорчеван, луг расчищен—человек уже ценил эту землю, ценил еще не её самоё, *а труд*, вложенный в нее. Так, первым, самым древним источником землевладения был труд; самым первым правом на землю было право на плоды труда, право пота и крови... Но глубокая разница с самого-же начала легла между трудовым и нетрудовым землевладением и разница эта заключалась в том, что труженик-крестьянин ценил в земле *свой личный труд и труд своей семьи*, тогда как боярин, князь, монах, архиерей ценил в обработанной земле *труд чужой*, труд своих подневольных людей, рабов или крестьян. И вот, когда, с сокращением земельного простора и умножением населения, возникла между людьми борьба за землю, в этой борьбе столкнулись люди труда и рабовладельцы. Там, где за землю, стали бороться люди одинаковаго социальнаго положения, труженники-крестьяне с крестьянами-же, там из этой борьбы, из тяжбы трудовых земледельцев между собою, родилось демократическое общинное землевладение.

Наоборот, там, где в борьбе за землю столкнулись трудовые земледельцы с нетрудовыми рабовладельцами, там неизбежно побеждали последние, потому-что на их стороне было не столько право, сколько сила.

Праву труда крестьянина они противопоставили свое право на труд своих рабов, руками которых они захватывали и обрабатывали гораздо больше земли, чем могли занять крестьяне и притом—самой лучшей земли, самой богатой и ценной. Но этого мало: в добавление к своему рабовладельческо-

му праву на землю, в которую их рабы вложили труд и силу, крупные землевладельцы—бояре, монастыри,—могли пред'явить и бумагу от князя, жаловавшего им эту землю в вотчину. С помощью этой-то бумаги, опираясь на свою и княжескую силу, богатые и могучие люди древней Руси и победили своих демократических соперников—крестьян в борьбе за землю. Они освоили себе в собственность огромные пространства лучшей земли, еще никем раньше их не занятой, а укрепившись на этой земле, раздвинули свои владения, отчасти силой, отчасти путем княжеских пожалований, отчасти судом,—далеко вокруг, забирая себе общинные крестьянские земли, где правдою, где неправдою, где хитростью, где силою.

Так древнейший вид частной нетрудовой собственности на землю, возникнув сначала из рабскаго трудового землепользования *рядом* с крестьянским трудовым землевладением, поборол это последнее, налёг на него сверху, как тяжелый могильный камень.

Но победив в борьбе за землю трудовых крестьян, нетрудовая княжеская и боярская вотчина, сама затем была побеждена новым врагом—государственной властью. Сначала Московские великие князья вступили в борьбу с земельным могуществом удельных князей и бояр, а затем Московские цари, особенно—Иван IV-й Грозный—окончательно обессилили эти вотчинные земельные порядки и водворили на место вотчины—государства служилое дворянское поместье. Теперь мы и попытаемся вникнуть в то, как произошла эта смена земельных порядков на Руси.

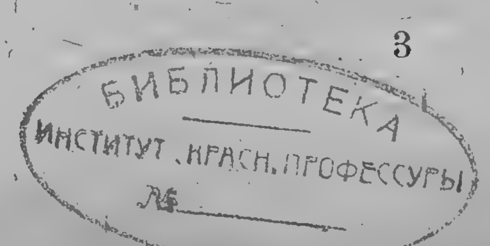
Московские князья сначала были не сильнее и не богаче других русских князей; но с течением времени они возвысились над всеми князьями, сделались самыми влиятельными и богатыми; разными путями, где правдою, где неправдою, где мечем, где рублем—они сумели прибрать к свом рукам владения всех других северно-русских князей и старинных русских вольных городов—В.-Новгорода и Пскова. Разные причины способствовали этому превращению маленького Московского княжества в единое государство Московское, и среди этих причин не малую услугу оказали Московским князьям их вотчины, о которых они очень заботились и старались всячески расширить и приумножить их. Они скупали земли и у своих родственников—князей, и у бояр—

своих и чужих; они пользовались каждым удобным случаем, чтобы захватить вотчину у непокорных им бояр и мелких князей; они охотно принимали под свое покровительство вотчины монастырей и светских землевладельцев других княжеств и т. п. Ловко выменивали Московские великие князья у бояр и монастырей наиболее важные и выгодно расположенные земли, умели добиваться того, что часто обедневшие князья и княгини завещали им свои вотчины.

Особенно успешно собирали Московские князья в своих руках вотчины задолжавших им князей и бояр. Так как Московские вел. князья были сборщиками татарской дани с русских князей, то у них всегда было много денег в то время, как все прочие князья очень нуждались в деньгах. Надо сказать, что в те времена вообще денег ходило очень мало и они были дороги; торговля была тогда очень плоха: каждая вотчина и каждый мир (община) производили для себя почти все необходимое и мало нуждались в торговле, в обмене. Князья же и бояре нуждались в деньгах прежде всего на военное снаряжение, а затем—и на покупку заграничных товаров: одежды, утвари, украшений и т. п. Между тем банков тогда на Руси не существовало; занять денег можно было только у ростовщиков и такими ростовщиками были отдельные богатые купцы, а главным образом— богатые монастыри и богатые князья Московские. Они-то и давали в долг деньги прочим князьям и боярам, но не даром, а за высокие проценты, да еще—под залог земли, т. е. под залог вотчин этих князей и бояр.

Однако стоило только раз заложить землю вел. князю Московскому или к. н. монастырю, чтобы потерять эту землю безвозвратно. Князю или боярину было так-же трудно уплачивать долг, как и крестьянину. И вот заложенные боярские и княжские вотчины стали переходить за долг к заимдавцам—к вел. князьям Московским и монастырям. Княжеская и боярская земля с каждым новым десятком лет все более и более собиралась в руках вел. Московских князей и богатых монастырей вроде Троице-Сергиевского. Чтобы как нибудь выпутаться из петли, задолжавшие князья и бояре спешили продать остальную еще не заложенную землю, но это мало помогало. К тому-же покупщиками являлись все те-же монастыри и вел. князья Московские.

3

Наконец, боярское и княжеское землевладение обессиливалось еще двумя глубоко вкоренившимися в нравы обычаями: во-первых, каждый отец или мать, умирая делил свое земельное имение между всеми детьми; семьи-же часто были очень многолюдны; таким образом даже очень большие и сильные имения, раздробившись на много частей между наследниками, обессиливались этим и обрекались на захудание. Во-вторых, под влиянием запугиваний со стороны монахов, старинные русские землевладельцы считали необходимым для спасения своей грешной души жертвовать перед смертью часть своего имения или даже все его в монастырь на помин души. Этим путем вотчины уходили из рук князей и бояр в руки монахов. В конце концов ко времени царя Ивана Грозного, века за четыре до наших дней, во владении монастырей и архиереев собралась почти половина всех земель, бывших тогда в частном владении.

Таким образом, от разделов между наследниками и вкладов в монастыри, от долгов и продаж вотчины—именья бояр и князей, некогда такие сильные и могучие, напоминавшие собою самостоятельные государства—эти вотчины светских господ захирели, пришли в упадок, измельчали и количество земли, бывшей у князей и бояр, все более и более уменьшалось. Зато в это-же самое время за счет княжеских и боярских имений богатели и крепли—во первых, монастыри, во вторых—великие Московские князья.

Особенно важно было скопление земель в руках Московских государей. В то время, когда денег было мало, а торговля была слаба, главное богатство Руси было в земле. У кого была земля, тот имел и власть; у него в хозяйственной зависимости находились сотни и тысячи бедных безземельных рабочих людей—крестьян, которые на него работали. Вот почему вел. князья Московские так старались собрать у себя побольше населенных крестьянами земель и, наоборот, всячески отнимали эти земли у своих соперников—других князей и у непокорных бояр. Стоило только боярину или князю возбудить подозрение против себя у Московского вел. князя, как он отбирал у неблагонадежного землевладельца его вотчины. Сначала такие конфискации земель были редкими исключениями, затем стали почти ежедневными случаями, наконец, с вел. князя Ивана III-го

(1462—1505 г.г.) конфисковать земли у неблагонадежных бояр начали уже не в розницу, а оптом, сразу у всех, в один прием. Так поступил вел. князь Московский с Новгородскими боярами, когда были отобраны имения у нескольких тысяч бояр, а сами они были выселены из Новгородских областей и поселены в Московских пределах, под бдительным надзором самого великого князя и его верных Московских бояр. При этом сосланным Новогородским боярам были даны земли, но не в вотчину, т. е. не в наследственную частную собственность, а в поместье, т. е. во временный надел с обязательством — служить в войсках великого князя Московского. Прежние-же вотчины ссыльных Новгородских бояр были розданы великим князем Московским в поместья его мелким придворным слугам—дворянам, среди которых были даже и холопы вел. князя.

Эту-же борьбу с боярским и княжеским земельным могуществом продолжали и другие вел. Московские князья, но особенно ею прославился первый Московский царь Иван IV-й Грозный, покоритель Казанского и Астраханского татарских царств.

Иван Грозный, боясь, как-бы бояре и князья не стеснили его самодержавной власти и не захотели править государством вместе с ним, стал их всячески преследовать, не останавливаясь и перед жестокими пытками и казнями. При этом он отбирал в казну имения—вотчины неблагонадежных бояр и князей. Не довольствуясь этим, он учредил так называемую „опричину“, т. е. устроил особый чрезвычайный порядок управления и хозяйства в той половине государства, где были расположены старинные вотчины подозрительных для него князей и бояр. Объявив эти области „опричиной“, т. е. своей особой частью, он выселил из них неблагонадежных бояр и князей, дав им взамен земли на окраинах государства, в таких местах, где эти бояре и князья не имели никакого влияния в народе и не были опасны для царской власти. С имеными-же неблагонадежных бояр он поступил так-же, как в свое время поступил с вотчинами ссыльных Новгородских бояр его дед—в. кн. Иван III: он роздал эти имения своим верным слугам—опричникам.

„Опричина“, сопровождавшаяся конфискацией (отобранием) боярских и княжеских земель (вотчин), окончательно

добила и без того уже ослабевшие ко времени Ивана Грозного вотчинные земельные порядки, которые выросли и окрепли в удельные века, еще до возникновения сильной власти Московского государя. На смену им пришли новые земельные порядки, при которых господствовать стало *поместное землевладение*.

Что-же такое поместное землевладение? В чем его главные отличительные особенности? Откуда и как оно появилось?

Старинное поместье—это не что иное, как земельный надел, который господин давал своему слуге для того, чтобы у него были средства отправлять возложенную на него службу.

Еще в удельные века крупные вотчинники-землевладельцы—митрополиты, князья, бояре—наделяли некоторых своих слуг такими поместьями под непременным условием—исправно отправлять возложенные на них обязанности. Пока слуга служит, до тех пор земля остается за ним; а если он перестает служить, земля у него отбирается и возвращается господину, ее владельцу. Такими помещиками были с самого начала у митрополитов и архиереев—их бояре и дети боярские, у князей—их дворяне, т. е. слуги из дворни, исполнявшие различные поручения в княжеском дворе и его хозяйстве. Среди этих первых помещиков было много и рабов, которым тоже давались земельные наделы для прокормления и службы. Встречались, впрочем, уже тогда среди помещиков и военные слуги князей.

Впоследствии эта раздача земельных наделов служилым людям особенно вошла в употребление у великих князей Московских. По мере того, как они собирали у себя в руках имения-вотчины бояр и князей, они все чаще и чаще стали прибегать к раздаче этой земельной казны в наделы своим служилым людям, среди которых преобладали их дворовые слуги—дворяне. Надо сказать, что выгоды придворной службы у могучего вел. кн. Московского стали все больше и больше привлекать в среду его дворян людей свободных и даже знатных и родовитых. Они не брезгали служить сначала на ряду с великокняжескими холопами; затем мало по малу оттеснили их от всех влиятельных и выгодных должностей при дворе и заняли их место.

Этим свободным слугам—дворянам, детям боярским, боярам—великий князь стал давать землю в служилый надел—в поместье, с тем, чтобы помещики служили ему на войне и при дворе. Своим наделом—поместьем эти служилые люди не могли распоряжаться, как своей собственностью. Поместье считалось государевой собственностью, а помещики—только временно пользовались этой землей, пока служили государю. Они не могли ни продать, ни заложить поместья, ни завещать его, ни передать детям и жене по наследству. За пользование поместьем они платили государю не деньгами и не хлебом, а своею службою на войне и при дворе.

Откуда-же брали великие князья Московские землю для наделения ею служилых людей—помещиков? Из того земельнаго запаса, который они скопили и неустанно пополняли разными путями: куплей, меной, отобранием за долги и особенно конфискацией (отобранием) у бояр и князей. Если-же этих земель не хватало, то Московские вел. князья, а затем и их преемники—Московские цари не стеснялись брать землю у черных вольных крестьянских общин—миров, у волостей и погостов. Эти мирские земли Московские вел. князья и цари, когда власть их усилилась и окрепла, считали государевыми или государственными (т. е. казенными), что тогда плохо еще различалось. Наконец, вел. князья и цари Московские раздавали в поместья и все пустопорожние земли, которые они причисляли к государственному, казенному запасу (фонду).

Сначала раздачи поместий происходили по мере надобности и поодиночке; затем, особенно после завоевания Новгородской республики, в поместья стали раздаваться десятки тысяч десятин и сразу-же целые сотни мелких великокняжеских и царских дворян превращались в помещиков. Так были испомещены (т. е. наделены поместьями) дворяне и дети боярские на землях, конфискованных у неблагонадежных Новгородских бояр Иваном III-им. Затем, при Иване Грозном, такие одновременные наделения поместьями происходили не один раз в самой средине Московского государства. То из провинциальных, уездных дворян и др. служилых людей набиралась особая тысяча в царскую гвардию и ей давались поместья под Москвой, близь столицы; то набирались тысячи

служилых людей в „опричину“ и им также давались в надел поместья из земель, отобранных у неблагонадежных князей и бояр и т. д.

Поместное землевладение, как мы только-что видели, имело свои глубокие корни еще в удельные века; но особенно расцвело оно в Московском государстве; начало оно расти и побеждать вотчинное княжеское и боярское землевладение еще лет за сто до царствования Ивана Грозного. Но при нем только оно окончательно сделалось господствующим земельным порядком и было установлено особыми законами. Эти законы сделали поместное землевладение уравнительным и устроили его наподобие крестьянского общинного землевладения.

А именно, было установлено строгое соответствие между размерами поместья и военной службы. Закон требовал, чтобы с каждых 50-ти десятин в одном из трех полей, иначе говоря—со 150-ти десятин пашни, помещик выставил одного конного воина в полном вооружении и со всем необходимым для похода снаряжением и запасом. Значит, тот, кто владел поместьем в 300 дес., должен был не только сам отправлять военную службу на собственный счет, но и выставить вместе с собою еще одного такого-же вполне снаряженного конного воина. Кто владел 450 дес., должен был и сам идти и снарядить на свой счет еще двух воинов и т. д. Эта повинность военной службы была сделана всеобщей для землевладельцев; служить в войске царя обязаны были и те бояре, князья и пр., которые имели собственную землю, доставшуюся им не в поместье, а в вотчину, по наследству-ли от отцов, или-же через куплю, подарок, приданое и др. тому подобным путем.

Эти вотчинники тоже должны были участвовать в войске по тому-же общему правилу, выставляя по 1-му конному воину с каждых 150 дес. пашни, которыми они владели. Для того, чтобы это уравнение тяжести службы с земельным наделом не нарушалось, были установлены особые смотры служилых людей и проверка их земельных владений.

Все служилые военные люди были разделены на столичные и уездные дворянские общества.

Время от времени, обыкновенно перед военным походом, в назначенный срок все помещики и вотчинники с‘езжались в уездный город, куда из тогдашнего военного министерства,

называвшегося Разрядным Приказом, приезжали особые уполномоченные бояре и дьяки (секретаря). При помощи особо выбранных для этого лиц из среды служилых людей уезда эти ревизоры устанавливали, сколько в уезде служилых людей и в какую службу каждый из них годен: одни могут идти в дальний поход, другие—способны только защищать город во время осады, третьи за немощью и старостью—совсем к службе не годятся; наконец, четвертые—„недоросли"—по малолетству еще и вовсе в службу „не поспели".

Разобравши уездных служилых людей по их пригодности к службе, присланные из Разрядного Приказа чиновники устанавливали, кто сколькими десятинами земли владеет. Затем, разделив на статьи (разряды) всех годных к службе служилых людей, посланные из Разряднаго Приказа назначали каждому земельный оклад, т. е. надел, руководясь общим правилом.

Если у кого либо было достаточно своей собственной вотчинной земли, то ему казенного надела в поместье не давали; у кого вотчинной земли было, по установленному правилу, мало, тому добавляли земли из казенного запаса, придавая к его вотчине еще и поместье; у кого поместье было мало по его способности к службе, тому прибавляли еще казенной земли; у кого, наоборот, поместье было велико, а служить было некому или невозможно, у того поместье отбиралось, смотря по обстоятельствам—все или только часть его... Новобранцам, „новикам" (как тогда их называли), молодым ребятам, которые только еще вступали в службу, давался сначала небольшой земельный оклад, который они потом, смотря по службе, имели право увеличить. Наоборот, у дряхлых оклад уменьшался; вдовам и сиротам служилых людей оставлялась часть поместья их мужей и отцов „в прожиток", т. е. как бы в пенсию за службу.

Стало быть, при таком смотре и „верстании" (т. е. уравнении) происходил как бы уравнительный передел казенной служилой земли между всеми воинами, составлявшими уездное дворянское общество. С одних надел снимался, на других накладывался; одним прибавляли земли в поместье, у других убавляли. Земля и воинская повинность уравнивались; государство давало казенную землю только в жалование служилым

военным людям и следило за тем, чтобы эта земля „из службы не выходила“, т. е. не переставала быть поддержкой воинам в несении ими их обязанности защищать отечество.

В этом был главный государственный смысл и историческое значение поместного землевладения, установленного в Московском государстве при Иване Грозном и его ближайших преемниках.

Поместные земельные порядки, следовательно, неизбежно вели, во-первых, к подчинению всех частных землевладельцев—собственников верховной власти государства, его высшему праву на всю землю. Это государство через свои учреждения—Разрядный и Поместный приказы (министерства), распоряжалось всею землею, находившеюся в собственности светских частных лиц—князей, бояр, детей боярских, дворян и др. военно-служилых людей. Ни одна десятина их земли не могла перейти из рук в руки без разрешения правительства, которое следило, чтобы и частная земля „из службы не выходила“, чтобы владельцы ее не переставали служить государству; вся земля, находящаяся в руках служилых людей, считалась обеспечением военной мощи государства и должна была поддерживать служилый люд в его отбывании военной повинности. Кто не хотел или не мог служить, тот не должен был и владеть землей. Таково было общее правило. Особенно это правило строго применялось относительно распределения земли казенной, той, из которой давались дворянам служилые наделы—поместья. Правительство старалось, чтобы эти наделы соответствовали службе, т. е. чтобы надел был тем больше, чем больше заслуги имеет служилый человек. Правда, наделы—поместья не были у всех равны; величина поместья зависела не только от служебной годности человека, но и от его родовитости, а также от его близости ко двору и к царю. Но это неравенство не нарушало еще общего правила, равняющего землю по службе; внутри каждого разряда, на которые делились помещики, их поместья—наделы правительство старалось уравнивать, чтобы никому не было обидно. Стало-быть, вся земля казны считалась как-бы общегосударственным запасом для уравнительнаго наделения из него поместьями военно-служилых людей, составлявших главную защиту Московского государства. Вся эта земля шла в поместную раздачу, во вре-

менное надельное пользование „новикам“ (новобранцам), в придачу к первоначальным наделам для заслуженных уже воинов и военачальников, в „прожиток“ (пенсию) инвалидам, вдовам, сиротам, в стипендию (пособие на воспитание) „недорослям“ (малолетним сыновьям служилых людей). Вся земля в Московском государстве „служила“ отечеству; правительство имело в своем ведении всю служилую землю, следило за ее распределением и подчиняло государственной пользе не только казенные, но и частновладельческие (вотчинные) земли.

Впрочем, было не мало земель, которые правительство Московского государства не могло при всем своем могуществе подчинить своей воле: это—земли духовенства: митрополитов, архиереев и монастырей. В руках этих духовных лиц скопилось путем благочестивых пожертвований, а также и путем покупки и отобрания за долги, почти так-же много земель, как и у светских служилых людей. Правительство очень нуждалось в том, чтобы и эту землю пустить в раздачу служилым людям и заставить ее приносить пользу не монахам, а государству.

Но сколько Московские вел. князья, а затем и цари (особенно Иван IV Грозный) ни старались об этом, сколько ни говорили об отобрании земель у отрекшихся от мира монахов, этих „непогребенных мертвецов“, ничто не помогало. Духовенство не хотело и слышать об отказе от земельных имуществ и грозило церковным проклятием и погибелью душ на том свете тому правителю, который осмелится посягнуть на вотчины архиереев и монастырей. Все, чего удалось добиться Московскому правительству в его борьбе против церковного землевладения, свелось к запрещению увеличивать имения монастырей новыми вкладами и покупками; но и это запрещение осталось на бумаге.

За исключением этих вотчин—земель духовенства, да за исключением уже немногих уцелевших от раздачи крестьянских общинных земель на окраинах, вся земля в Московском государстве со времен царя Ивана Грозного была взята на учет и под контролем правительства служила отечеству, как жалованье ратным людям и чиновникам.

Таковы были те земельные порядки, которые называются *поместной системой*. Порядки эти следует признать *государственным землевладением с уравнительным военно-служилым землепользованием*.

Устанавливая эти земельные порядки, Московское царское правительство действовало так, как подсказывала ему нужда. Государство было окружено опасными врагами, оно непрерывно должно было защищаться от них. Для всего этого требовалось много войска. Между тем у казны не было денег на содержание многочисленной армии; единственное богатство тогдашнего правительства заключалось в земле, ею только и могло оно поддерживать войско. Вот почему и устроило Московское царское правительство такие земельные порядки, при которых высшее право распоряжения землею сохранялось за государством, а служилые люди могли владеть своею землею или пользоваться казенным наделом лишь для службы государству.

Но в этих земельных порядках, в этом поместном землевладении, была скрытая внутренняя слабость, которая мало помалу вышла наружу, коренным образом изменила эти поместные порядки и превратила в конце концов поместье из временного казенного земельного надела в частную наследственную собственность служилых людей—помещиков. Дело в том, что помещик был в одно и тоже время и воин и сельский хозяин. А это делало его и плохим воином и плохим хозяином. Из-за походов и службы он не мог как следует вести свое хозяйство, а плохое хозяйство подрывало материальные средства помещика и делало его плохим воякой. Конечно, большинство помещиков гораздо сильнее заботились о своем хозяйстве, чем о ратном деле; и всячески стремилось побольше сидеть дома и смотреть за хозяйством. Первоначально, когда Иван III и Иван IV Грозный раздавали земли в поместья безземельным малоземельным своим дворянам, эти последние охотно брали казенную землю, хотя она и давалась им лишь на время службы без права распоряжаться ею по своей воле.

Но получивши землю в надел, они, само собою разумеется, для пользы своего хозяйства и обеспечения семьи всеми силами старались удержать ее за собою и не только за собою, но и за своими женами, детьми и родственниками. В этом духе действовали, можно сказать, все помещики, которые и успевали по большей части осуществить свое желание. Обычно бывало так, что поместье—все или в большей своей части, оставалось в роде помещика и переходило из одного поколения в другое. Правило, чтобы „земля из службы не вы-

ходила", не всегда строго соблюдалось; не всегда соблюдалась и уравнительность поместного землепользования. Часто у помещика было больше земли. чем ему полагалось по правилу, еще чаще бывало наоборот: помещику нехватало земли в надел: следовало, напр., „новику" получить 150 дес., а свободной от раздачи земли было только 50 дес., да и та разбросана в разных местах. Приходилось ждать, когда освободится земля, или искать свободной земли где нибудь в другом уезде. Вообще на деле было в поместных порядках немало путаницы и несправедливости; много было и явных злоупотреблений со стороны чиновников, заведывавших распределением поместной земли (оно находилось в ведомстве так наз. Поместного приказа, который являлся в некотором роде министерством землевладения). Даже по закону допускалась передача части поместья сыновьям и семье служилого человека; на самом-же деле часто и все поместье целиком переходило по наследству, да не только по мужской линии, но и по женской, а именно давалось в приданое за дочерями и вдовами помещиков. Так-же почти с самого установления поместных порядков стал допускаться обмен поместьями между служилыми людьми, хотя и требовалось на это разрешение Поместного приказа.

Постепенно к этим правам распоряжения поместьями служилые люди начали приобретать и другие; сначала это делалось помимо закона и в обход его, а затем уже, в XVII веке, при первых царях из Романовых, эти новые права помещиков мало по малу вошли в обычай, а потом были подтверждены за ними и законом.

Прошло полтора века после установления уравнительной службы с земли при Иване Грозном; за это время права помещиков в деле распоряжения их поместьями сильно возросли; помещики стали наследственными владельцами своих прежних казенных земельных наделов; они уже распоряжались ими почти так-же свободно, как и своими купленными вотчинами; не могли они по закону только продавать поместий, но на деле и это уже стало случаться под видом обмена. Уравнительность поместного землепользования тоже все менее и менее соблюдалась. Кроме того множество поместных, т. е. государственных, казенных, земель перешли в частную собственность помещиков двумя путями: во-первых, через пожалование поместья в вотчину. При царях Романовых вошло в обычай за

каждый поход и каждую услугу награждать служилых людей тем, что часть или все их поместье жаловалось им в вотчину, то—есть в наследственную частную собственность. Во-вторых, правительство царей Романовых от Михаила до Петра В., охотно способствовало покупке служилыми людьми казенных земель в собственность за самую ничтожную цену. Этим путем также много земель вышли навсегда из государственного земельного запаса и превратились в частное имущество дворян, бояр и приказных. Так, в течение целого столетия (за XVII век) постепенно таял государственный земельный запас, разбирался помещиками по рукам и превращался в нетрудовую частную земельную собственность дворянского сословия. К царствованию Петра Великого поместья и вотчины перемешались; они уже так мало отмечались друг от друга, что этому государю оставалось только признать законом еще до него совершившуюся перемену: *освоение дворянами в их частную собственность данных им некогда из казны земельных наделов—поместий.* Петр В. это и сделал законом 1714 года, смешавшим поместья и вотчины в один разряд „недвижимых имений“. Так кончила свое существование поместная система, устроенная еще Иваном Грозным по правилу: земля должна служить государству и из службы не выходить.

Однако, Петр Великий не освободил дворян от обязательства служить государству; он только признал за ними право частной собственности на поместья и, таким образом, отказался от права государства уравнивать земельные владения сообразно со службой. Он как-бы укрепил за помещиками их казенные наделы в собственность. Но Петр еще признавал за государством право отнять землю у неисправного в службе дворянина; признав поместья частной собственностью дворян, Петр Великий не признал еще этой собственности священной и неприкосновенной для государства. Эту неприкосновенность, *неот'емлемость* дворянской земельной собственности окончательно провозгласила лишь Екатерина II, которая, вслед за своим мужем—Петром III-м, признала дворян свободными от обязательной военной и гражданской службы государству. С этой только поры, с 1762 и особенно с 1785 г. дворянская земельная собственность на поместья и вотчины стала полной и неограниченной, перестала совершенно зависеть от государства, перестала связывать дворян обязательством службы государству.

До тех-же пор пока на дворянах лежала обязательная воинская повинность, их поместья и вотчины еще сохраняли на себе следы своего исторического прошлого, следы той отдаленной поры, когда землей позволялось владеть лишь для службы и под условием службы государству.

Глава четвертая.

КРЕПОСТНАЯ НЕВОЛЯ КРЕСТЬЯН.

Мы только что проследили, как постепенно росла власть помещика над данным ему казенным земельным наделом и как понемногу он укрепил за собою этот надел в полную частную собственность.

Теперь нам следует обратить внимание на то, как рука об руку с ростом власти помещика над землей росла и крепла его власть над крестьянами, работавшими в его поместьях, и как шаг за шагом эти крестьяне все более и более запутывались в сетях крепостной неволи.

Припомним, что та княжеская и боярская вотчина, на смену которой пришло поместье, была по своему внутреннему устройству очень похожа на отдельное маленькое государство. Вотчинник, был-ли он князь или простой боярин—все равно, не только владел землею и хозяйничал на ней, но внутри своего именья был для жителей его почти неограниченным государем: он их судил, собирал с них подати, следил за порядком, наказывал ослушников, издавал для своего имения свои местные законы и распоряжения. Не все вотчинники старинного удельного времени в одинаковой мере были такими государями; у одних было больше власти, у других меньше, но у всех были над жителями имения такие права, какие в наше время всецело принадлежат только государственной власти—правительству и его уполномоченным.

Помещики, которые во времена Московского царства пришли на смену вотчинникам удельной поры, унаследовали от них эту общественную власть над жителями имения, но они уже были совсем мелкими государями и должны были делиться

своими правами с царскими управителями и судьями. В руках помещиков остался суд над крестьянами их поместья только по второстепенным делам; они, однако, являлись обычными сборщиками налогов с крестьян своих имений, им принадлежал и полицейский надзор за крестьянами, а главное—они могли облагать своих крестьян поборами и повинностями по своему усмотрению и в свою пользу.

Крестьяне, попавшие вместе с землею под власть и управление помещика или „порядившиеся“ добровольно на его землю, сохраняли, однако, свою свободу.

Крестьянин, садясь на чужую землю, не становился еще ни рабом, ни крепостным своего барина. Он оставался человеком вольным и эта его свобода состояла в том, что он мог уйти с земли, из именья своего господина и сесть на землю какого нибудь другого владельца, а так-же присоединиться к городской или волостной общине. „Крестьянам —вольным воля“, говорили обыкновенно в удельное время и это „право перехода“ крестьян признавалось неприкосновенным не только трудовым народом, но и тогдашним правительством и самими землевладельцами. Впрочем, этим последним, особенно-же крупным и богатым из господ, право крестьянского перехода было даже и выгодно: ведь им, богатым и сильным людям, легче всего было переманить к себе в свои вотчины крестьян от других, менее богатых и влиятельных землевладельцев...

Итак, за крестьянином признавалась воля—свобода жить и работать, где угодно и переменить место своей работы, когда угодно. И средь лета и всегда он мог первоначально уйти от землевладельца, он был человек вольный. Между ним и господином, как меж двумя свободными и равноправными людьми, заключался договор: один обязывался жить и работать в имении, другой—уступить ему землю и покровительствовать во всем. Такой договор назывался „рядом“ или „порядом“, а крестьянин, садившийся по договору на чужую землю хозяйствовать, носил имя „порядчика“. Иногда договор записывался и бумага эта называлась „порядной записью“. Оба лица, вступившие в такой договор друг с другом, сохраняли свободу отказа от продолжения соглашения: и землевладелец и крестьянин мог открыто заявить о своем нежелании продолжать договор и тогда крестьянин уходил так-же свободно, как и пришел в имение. Первоначально эта свобода перехода и отказа от до-

говора ничем не стесняясь; крестьянин жил в именьи, сколько поживется, и уходил, когда взумается. Но потом землевладельцы, чтобы не остаться без рабочих рук в горячую летнюю пору, стали условливаться с „порядчиками", чтобы они уходили не средь лета, а осенью, по уборке урожая. Чаще всего этот срок отказа крестьянина от земли подгонялся к Юрьеву дню (26 Ноября старого счета). Мало по малу это условие, очень важное для хозяйства, вошло в обычай и отказ от земли в другое время стал считаться незаконным, нарушающим условия „поряда".

Так-же точно постепенно сделалось обычным и другое весьма важное стеснение крестьянского перехода. Сначала крестьянин мог уходить от землевладельца даже и тогда, когда за „порядчиком" числился долг: хозяйское „серебро" (деньги) или „покрута" (обзаведение), полученные в ссуду, в заем от господина при поселении на его земле. Однако такой уход крестьянина до уплаты долга был очень невыгоден для землевладельца. Вот почему с течением времени все чаще и чаще от „порядчика" стали требовать уплаты долга при самом отказе его от земли: „когда серебро заплатит, тогда ему и отказ", говорили обыкновенно. Стало быть, крестьянин должник (называвшийся в старину „серебренником") не мог уйти, если ему нечем было заплатить взятых взаймы денег или вещей. А так как по большей части обещание денег и привлекало крестьянина на чужую землю, то среди „порядчиков" было очень много, едва-ли не большинство, „серебренников" (должников). Для них право перехода сделалось почти что недоступно, когда стали требовать с уходящего немедленной уплаты долга: платить было нечем, так как редкий крестьянин успевал скопить денег на расплату с хозяином. Только занявши еще денег где нибудь на стороне, „порядчик—серебренник" мог воспользоваться своим правом вольного человека, правом отказа и перехода.

Кто-же мог его „выручить" в такую трудную минуту? Кто согласился-бы доверить денег человеку, которому и старый-то долг заплатить нечем? Только тот, кто нуждался в крестьянских рабочих руках и готов был переманить к себе, на свою землю, постороннего крестьянина. В то время у землевладельцев не хватало крестьян для обработки земли и потому каждый из них старался покрепче привязать к себе своих крестьян и сманить у других хозяев их крестьян к себе. Между

землевладельцами из-за крестьян шла отчаянная борьба. И вот богатые землевладельцы охотно соглашались выкупить крестьян—„серебренников“ у их старых господ и в Юрьев день перевозили таких выкупленных несостоятельных должников в свои именья, делая их своими должниками. Так для крестьянина—„серебренника“ в конце-концов вместо права вольного перехода остался только один выход: найти нового „барина“, который-бы согласился уплатить за него долг его старому господину, а самого его вывезти к себе в свое именье и посадить на свою землю. Обычно новый господин соблазнял крестьянина—должника обещанием разных льгот на первое время (напр. свободы от оброка на 3 или 5 лет) и новой денежной ссуды на хозяйственное обзаведение.

Многие крестьяне—должники попадались на эту барскую удочку и тем только еще крепче затягивали на себе долговую петлю. Все, что выигрывал крестьянин от такого „перевоза“ его в другое имение к новому землевладельцу, заключалось в короткой передышке во время льготных годов.

Однако далеко не все крестьяне—должники решались переменять таким образом одного землевладельца на другого, да и не всегда находились землевладельцы, желающие откупить себе чужого крестьянина. Поэтому многие крестьяне, раз попавши в долговую петлю, смирно сидели на одном месте и не смели уже воспользоваться своим правом перехода. Часто такие крестьяне и умирали на земле своего заимодавца, а дети их оставались его должниками. Такие крестьяне, по тогдашнему выражению, „застаревали“ в именьи господина, делались „старожильцами“. Все окружающие, и крестьяне, и владельцы привыкали уже смотреть на таких „старожильцев“, как на вечных жителей именья, которым не полагалось из него уходить. Если-бы такой „старожилец“ вдруг вздумал воспользоваться крестьянским правом вольного перехода, его все осудили-бы, как человека, нарушающего старый обычай. По взгляду тогдашних людей, „старожильцы“ как будто приросли к земле и не могут от нее оторваться. Так в имениях землевладельцев впервые оказались свободные рабочие люди, лишенные не только возможности, но и самого права перехода и отказа.

Они еще не были крепостными своего землевладельца, но уже не были и в полном смысле слова людьми вольными.

Они стали неподвижными, приросшими к земле работниками, которым оставался один только шаг до закрепощения.

Так мало по малу вольные в удельные века крестьяне оказались ко времени образования Московского царства в безвыходном положении и не могли пользоваться своим правом свободного выбора места жительства и работы: хозяйственная немощь вела их к долговой петле, долговая зависимость—превращала в „старожильцев", а „старожильство" приковывало к месту и открывало прямую дорогу к крепостной неволе.

Правда, по закону, записанному в „Судебниках" 1497 и 1551 годов, крестьяне признавались еще людьми вольными и могли свободно договариваться с землевладельцами и мирскими обществами об условиях жизни и работы на их землях. Но так было только на бумаге, по закону, по форме. А на деле воли своей у тогдашнего крестьянина почти что и вовсе не было.

В таком безвыходном положении оказалось за 400—350 лет до наших дней огромное большинство русских крестьян. Но не все они готовы были покориться своей горькой участи и навсегда остаться вечными работниками на тогдашних господ и их рабами, если не по закону, то на деле. Крестьяне считали себя людьми свободными и хотели сохранить за собою эту свободу. И вот многие из крестьян того времени, не стерпев душившей их неволи и не видя законного выхода, тайно и незаконно бежали от своих господ (и от мирских властей) и „скитались меж дворами" по чужим местам, где их никто не знал.

В то время русское государство было еще редко населено: много было лесов, пустых мест и глухих углов, куда можно было скрыться от господских приказчиков и слуг, разыскивавших беглых. Особенно легко было укрыться и об'явить себя вольным человеком, если уйти на окраины тогдашнего Московского государства—на вольный Дон, на Волгу, на Каму и за Урал—в Сибирь. Здесь охотно принимали беглецов и не преследовали их. На Дону беглецы-крестьяне часто поступали в казаки и вместе с ними занимались, отчасти войной, отчасти грабежом и разбоем. Некоторые беглые крестьяне и не думали далеко уходить от своих прежних жилищ, а скрывались в обширных лесах, собирались здесь в ватаги и становились настоящими разбойниками, нападая на господ и купцов и мстя богатым и сильным людям за всю горечь своей подневольной

трудовой жизни. Однако, по большей части беглые крестьяне, зайдя подальше от имений своих прежних господ, приходили на чужбине к другим таким-же господам и, как вольные люди, заново поряжались к ним в „крестьяне“, т. е. брали землю и ссуду, начиная новое хозяйство и новую трудовую жизнь. Господа-же, особенно богатые монастыри и влиятельные при царском дворе вельможи, охотно укрывали в своих обширных имениях таких беглецов и давали землю и деньги в долг, так как сильно нуждались в рабочих руках.

Правительство Московских царей, состоявшее по большей части из крупнейших землевладельцев, долгое время не вмешивалось в крестьянскую судьбу, представляя им самим ведаться, как умеют, с своими господами. Но во второй половине XVI-го века царское правительство начинает все чаще и чаще издавать отдельные распоряжения насчет крестьян по просьбам влиятельных землевладельцев, обыкновенно—монастырей. Особенно пришлось ему обратить внимание на усилившееся к концу этого века бегство крестьян. Суды были завалены делами по жалобам землевладельцев, требовавших возврата им их беглых крестьян. Многие такие дела тянулись десятки лет и так запутывались, что не было никакой возможности разобраться в них. Чтобы облегчить хоть немного суды, правительство в 1597 году издало особый указ, по которому предписывалось производить возврат беглых крестьян к их старым господам только в течение 5 лет со времени бегства; тех же крестьян, которые остались неразысканными более 5 лет, считать свободными от притязаний их старых господ.

Указ этот имел очень важное значение в судьбе русского крестьянства. Множество крестьян, которым удавалось в течение 5 лет скрываться от слуг их прежних господ, могли считать себя теперь вольными и свободно распорядиться своей судьбой. А землевладельцы, не успевшие проведать во время о том, где скрываются их беглые крестьяне, лишались навсегда их рабочей силы и всякой надежды на возврат взятых крестьянами-беглецами денег. От этого многие мелкие землевладельцы—уездные помещики—разорились настолько, что не в состоянии были нести военной службы; наоборот, крупные землевладельцы, монастыри и вельможи, сильно выиграли, так как в их имениях всегда оказывалось много бег-

лых крестьян; теперь они по закону оставались за ними и могли открыто жить и работать на их землях. Так, в борьбе за крестьянские рабочие руки закон 1597 года еще больше склонил перевес на сторону сильнейшей партии—партии крупных землевладельцев. Крестьянам же указ 1597 г. не принес настоящего облегчения их участи; он, правда, давал законное положение многим старинным беглецам на новом месте их жительства, но зато другим, бежавшим недавно, грозил по прежнему судом и возвращением во власть старого, ненавистного господина. Не давал он облегчения и тем крестьянам, которые не бежали от своих господ: ни должники, ни „старожильцы“ не получили желанной свободы и им по прежнему оставалось либо покориться своей горькой доле, либо искать лучшей участи в бегстве на чужбину. Вот почему после указа 1597 г. продолжается бегство крестьян и растет среди них недовольство существующим в государстве порядком и ненависть к нему и к господам. Это недовольство и вырывается наружу при первом же удобном случае, как только власть в Московском государстве ослабела и трон царя зашатался. А это и случилось вскоре же, в первые годы следующего, семнадцатого века, в так называемую „смутную пору“, когда прежний царский род прекратился и среди вельмож началась борьба за царскую власть и влияние в государстве.

Борьба эта мало-по-малу захватила все господствующие классы, а затем и народную массу, которая была сильно недовольна своим положением. На ряду с крестьянами среди недовольных было множество холопов, как назывались в старину рабы.

Они были вещью своих господ, во власти которых была не только их рабочая сила, но даже самая честь и жизнь раба. Они, так-же как и крестьяне, бежали на окраины, надеясь на лучшую долю. Крестьяне и холопы, особенно же—беглые из них—и поднялись против господствующих классов, как только к тому представился удобный повод. А таким поводом был распространившийся в народе слух, что сын последнего царя из прежнего царского рода—убитый еще в детстве царевич Дмитрий спасся и жив.

Восстание это приняло социально-революционный характер, когда во главе его стал беглый холоп Болотников, человек бывалый, смелый и искусный вожак. Он стал рассылать

повсюду воззвания, в которых, обращаясь к боярским и дворянским холопам и к крестьянам, звал их убивать своих господ, а также и купцов, имущество их грабить, жен их и дочерей за себя брать. Пристающим к нему людям Болотников обещал отдать господские земли, а также высшие должности в государстве. Неизвестно, как представлял себе Болотников будущий политический строй, которым он думал заменить ненавистный народу тогдашний порядок. Но можно наверное сказать, что приставшие к нему крестьяне и холопы и не думали о будущем политическом устройстве. Они ненавидели лишь от всей души своих угнетателей—бояр, дворян, купцов—и готовы были выместить на них накипевшее чувство злобы и жажду мести. И вот повсюду, где появлялись отряды Болотникова, происходило одно и то-же: восставший рабочий люд арестовывал городских наместников, некторых и убивал, убивал землевладельцев-бояр и богатых купцов, грабил их поместья и вотчины и т. д. Высланный против Болотникова отряд царского войска был разбит и восстание охватило всю южную часть Московского государства, распространяясь к самой столице. Восстали такие города, как Калуга, Тула, Рязань и др. К восстанию рабочего люда на юге примкнули средние и мелкие помещики, пограничные городовые казаки и т. п. мелкий военно-служилый люд.

Конечно, эти помещики вовсе не одобряли того, к чему звал крестьян и холопов Болотников, но у него и у них были общие враги—крупное боярство во главе с выбранным им царем Василием Шуйским, власть которого в Москве не сулила служилой уездной мелкоте ничего, кроме новых тягостей и раззорения. Вот почему они временно и присоеднились к восставшим. Собранное под предводительством Прокопия Ляпунова ополчение восставших разбило царское войско и осадило самую столицу—Москву.

Но вскоре же восставшие под предводительством Ляпунова землевладельцы—помещики разглядели, что Болотников и его сторонники им не товарищи, что они гораздо опаснее им, чем Шуйский с его боярами. И вот Ляпуновцы—пошли на мир с царем и получили от него прощение. Тогда, покинутый служилыми людьми, опытными в военном деле, Болотников с восставшими крестьянами и холопами не выдержал борьбы с

царским войском. Последний его оплот—Тула, куда он укрылся, был взят и вожди восставших схвачены. Началась беспощадная расправа: казнили сотни мятежников, грабили и раззоряли целые области; беглых-же крестьян и холопов выдавали их господам. Это произошло осенью 1607 г. Землевладельцы, большие и маленькие, забывши свои счеты, общими силами победили непокорный трудовой люд и спешили надеть на него ярмо крепостного состояния. Еще раньше, чем боярское правительство Василия Шуйского справилось с Болотниковым, оно издало закон, прикреплявший крестьян к их господам Указом 9 марта 1607 г. право перехода крестьян отменялось, за прием чужих крестьян и укрывательство их устанавливался штраф с землевладельцев, срок для розыска беглых крестьян утраивался с 5-ти до 15 лет и самый розыск беглых вменялся отныне в обязанность властям. Все крестьяне признавались прикрепленными к тем господам, за которыми они были записаны при переписи земель в 1592—1593 г.г., за 15 лет до указа. Таким образом в интересах землевладельцев рабочие крестьянские руки привязывались к ним навсегда и крестьянское состояние делалось безвыходным, вечным. Вместо улучшения восставшие крестьяне получили новое ухудшение своей доли.

Само собою разумеется, что эта жестокая расправа с „ворами“, как называли имущие люди собравшихся вокруг Болотникова крестьян и холопов, не прекратила борьбы. Остатки восставших снова скоро собрались вокруг нового самозванца, выдававшего себя за спасшегося царя Димитрия. Сторонники этого самозванца стали лагерем под Москвой около села Тушина, отчего и самозванец этот известен под именем „Тушинского вора“.

Как только миновала опасность со стороны Болотникова, грозившего увлечь в восстание все рабочее—холопское и крестьянское—население, средние и мелкие землевладельцы снова отпали от Шуйского и поднялись на него. Так вокруг самозванца собрались все враги Шуйского из самых разных классов народа. Однако цели у Тушинцев из господ и у Тушинцев из народа были разные: первые хотели именем законного царя свергнуть боярское правительство и, взявши в свои руки управление государством, не только сохранить в нем господство землевладельцев, но и прикрепить к ним крестьян. Они хотели только *политических перемен, но не социальных и экономических.*

Но около „Тушинского вора“ собралось гораздо больше мелкого служилого люда—казаков, крестьян и холопов. Так же, как и раньше, при Болотникове, они жаждали улучшения своего положения, желали избежать господской неволи, закрепощения и рабства, но не знали, как это сделать. Зато они ненавидели крепко всех богатых и знатных, всех господ, и всегда были готовы побить и пограбить их, что при всяком удобном случае и делали. Шайки Тушинцев часто раззоряли без толку города и волости, и тем вызывали против себя озлобление среди купцов и зажиточных казенных крестьян северного края. Происходившие от этого беспорядки и насилия сделали мирный труд и торговлю почти совершенно невозможными.

Под влиянием всего этого неустройства среди землевладельцев и купцов, больше всего страдавших от этих беспорядков и опасностей, возникает стремление об'единиться против „воров“. Под „ворами“ разумели тогда врагов существовавшего раньше общественного строя, основанного на труде крестьян и холопов.

Вдохновляемое духовенством на защиту веры, уездное военнослужилое дворянство, владевшее средней руки поместьями, составило земское ополчение; опасаясь за свои торги и промыслы, за свое имущество и богатство, купечество поддержало дворянское ополчение, обеспечив его деньгами и припасами. Так землевладельцы и купцы подали друг другу руку помощи в борьбе за власть над трудовым людом, за сохранение социального строя, основанного на рабском и крестьянском труде. В жестокой гражданской войне между господствующими и угнетенными классами победил в конце концов, этот союз землевладельцев с купцами и духовенством. И новый царь, избранный на „земском соборе“ 1613 г.—Михаил Романов, должен был позаботиться о том, чтобы крестьяне и холопы вернулись под власть своих прежних господ и чтобы помещикам были обеспечены рабочие руки и доходные имения, а купцам—спокойное занятие торговлей и промыслами.

Вот почему первым делом победивших в этой борьбе господствующих классов было уничтожение всех остатков гражданской войны, усмирение восставших крестьян и холопов. Шайки Тушинцев—казаков, беглых крестьян и холопов—в начале XVII-го века еще бродили повсюду, скрываясь в лесах и на окраинах тогдашнего русского государства и отсюда

делая нападения на города, на имения светских землевладельцев и монастырей, а также—по дорогам—на проезжих купцов и помещиков. За „очищение“ государства от этого озлобленного горькой долей рабочего люда прежде всего и принялось новое правительство первого царя из Романовых.

Но этого было мало. Во время гражданской войны множество крестьян и холопов разбежалось и именья опустели; некому было работать на землевладельцев и господам не с кого стало получать свои доходы. Мелкие и средние землевладельцы от этого раззорились и не в состоянии были снаряжаться на военную службу, которую с них требовало правительство. Поэтому первым и самым насущным интересом помещиков того времени было возвращение беглых, обеспечение имений рабочей силой—холопской и крестьянской. Хлопоты о возврате беглых холопов и крестьян сделались поэтому „злобой дня“ для помещиков.

Самые крупные землевладельцы того времени — бояре и высшее монашествующее духовенство—не были заинтересованы в прикреплении крестьян: в борьбе за рабочие руки между крупными и мелкими землевладельцами всегда побеждали бояре и монахи, умевшие льготами и ссудами заманивать к себе помещичьих крестьян, а своим влиятельным положением—укрывать у себя в вотчинах сотни и тысячи беглых. Вот почему, пока во главе правительства до „смутной“ поры стояли крупнейшие землевладельцы, они не особенно спешили с отменой старинного крестьянского права перехода.

Теперь, после „смуты“, положение изменилось; хотя по прежнему крупные землевладельцы сидят в Боярской Думе и окружают царя, но среднее и мелкое дворянство—помещики—через „земский собор“ влияют на правительство и заставляют его считаться с своими интересами. Первое их требование клонится к прикреплению крестьян, к тому, чтобы сделать их вечными и потомственными работниками на помещичьих землях.

Уже во время гражданской войны „смутной“ эпохи были попытки раз навсегда покончить с крестьянской вольностью. Уже указ Василия Шуйского, изданный во время борьбы с социально-революционным движением Болотникова в 1607 году, прикреплял крестьян. Но он не имел силы, так как народ не послушался его, а у правительства в то время не было насто-

ящэй власти, чтобы настоять на его исполнении. Так эта попытка сделать крестьян крепостными и не удалась: борьба между классами, желавшими прикрепления, и народом, восставшим против него, тогда еще не окончилась и неизвестно было, чья сторона победит. Только побеца помещиков в этой борьбе открыла им возможность добиваться окончательного закрепощения крестьян Но и кроме указа 1607 года помещики не раз в „смутное“ время выставляли требования закрепощения крестьян и сохранения рабства. Это показывает, в чем были их главные интересы. Эти интересы и определили судьбу крестьян в ближайшую же пору после „смуты“.

Лишь только новому правительству с „земским собором“ удалось справиться с „ворами“ и разбойниками и этим обеспечить помещикам спокойную жизнь в их имениях, как на очередь встал вопрос о закрепощении крестьян.

Помещики первым делом начали добиваться удлиннения старинного 5-тилетнего срока давности для исков о возвращении беглых крестьян. Новое правительство признавало в силе старый указ 1597 года, который оказался очень убыточен для мелких и средних землевладельцев и, наоборот, очень выгоден крупным: боярам и монастырям.

Борьба Московского государства с Польшей и татарскими набегами, особенно обострившаяся в первое время после „смуты“, не давала покоя служилым людям—помещикам, которые составляли главную силу тогдашнего войска. Походы и пограничная служба отрывали их от хозяйства и заставляли бросать поместья; не хватало времени на то, чтобы ходить по судам и вчинять иски о возврате разбежавшихся крестьян. Особенно-же трудно было проведать во время, где укрылся беглец, тем более, что чаще всего беглые находили приют в обширных вотчинах вельмож - бояр, монастырей, самого царя или его родственников и приближенных.

Разыскать беглого крестьянина в имениях таких сильных людей мелкому уездному помещику, задавленному тяжестью военной службы и обедневшему от гражданской войны, было очень и очень трудно. Но еще труднее и опаснее было судиться с сильным вельможею из-за такого беглого крестьянина. Везде у вельможи были свои люди—приятели во всех судах; на его стороне были и разные льготы по судебной части пр. Пока помещику удавалось разыскать беглого крестьянина

и собраться в Москву в суд, законная 5-тилетняя давность для возбуждения дела уже истекала и с беглым крестьянином приходилось навсегда распроститься. А вельможа, укрывший беглеца у себя в течение 5 лет, мог теперь быть спокоен: эти рабочие руки от него не уйдут, он может открыто заключить с бывшим беглецом письменный договор о найме земли и ссуде.

Таким образом, перевес в борьбе за крестьянские руки опять, как и до „смуты“, оказывался на стороне крупных льготных землевладельцев.

Но теперь мелкие и средние землевладельцы не хотели мириться с таким положением, которое грозило им конечным раззорением. И вот они начали упорную борьбу с духовными и светскими вельможами сначала за расширение срока давности для иска о беглых крестьянах, а потом и за полную отмену всякой давности, всяких сроков, т. е. за бессрочность возвращения беглых крестьян. Почти каждый год, съезжаясь в Москву или в какой нибудь пригpаничный город перед выступлением в поход, уездные помещики сочиняли общее прошение царю, так называемое „челобитие“, под которым и подписывались сотнями. В этих челобитиях, описывая свои нужды, помещики всякий раз жаловались на обиды богатых землевладельцев-вельмож и просили о прикреплении крестьян. Но правительство Московского царя, окруженного как раз теми вельможами, на которых жаловались помещики, неохотно уступало. Сначала оно в 1638 г. разрешило помещикам искать беглых в течение 10 лет со дня бегства, затем в 1642 г.—добавило еще 5 лет для некоторых особых случаев, но отменить вовсе „урочные лета“ не соглашалось.

Тогда помещики обратились с новым челобитием к новому царю, севшему на престол в 1645 г.,—к Алексею Михайловичу. Ответом им был сначала полный отказ. Но волнения простонародья в Москве и сближение недовольного уездного дворянства с столичным купечеством заставило правительство пойти на уступки. Предпринимая в 1646 г. перепись всего податного населения, оно дало писцам наказ записывать в книги всех крестьян, кого где найдут, а беглых—особо, и обещало, что когда перепишут крестьян, то по новым переписным книгам крестьяне будут крепки землевладельцам „без урочных лет“. Иначе говоря, на будущее время всякие сроки, ограни-

чивающие розыскивание беглых, отменяются и каждый крестьянин считается прикрепленным там, где его застала перепись.

Однако уступка эта была лишь наполовину в интересах мелких и средних помещиков; гораздо больше такое решение вопроса удовлетворяло крупных землевладельцев; ведь по новым книгам все беглые крестьяне, прожившие на новом месте более 10 лет, прикреплялись к новым землевладельцам и не подлежали возврату к старым. А так как новыми оказались по большей части крупные землевладельцы—укрыватели беглых, а старыми мелкие помещики, то выгода опять оказывалась больше на стороне сильных и богатых землевладельцев.

Поэтому помещики не удовлетворились таким решением крестьянского вопроса и стали добиваться полного осуществления их желаний, которые сводились к тому, чтобы при отмене урочных лет можно было возвращать беглых крестьян не по новым переписным, а по старым „писцовым" книгам 1592—1593 г.г. Тогда все крестьяне, записанные 40—50 лет тому назад в имениях помещиков, могли быть возвращены к ним, если не сами, то их дети. Но видя, что правительство плохо считается с интересами одних уездных и мелких земледельцев, помещики постарались привлечь на свою сторону, низшие слои столичного дворянства, а также купечество. Снова возродился политический союз средних землевладельцев с торговой буржуазией, доставивший имущим классам победу в „смутную пору". Дружными усилиями союзники добились созыва „земского собора" в 1649 году и на этот собор поступило новое настойчивое челобитие помещиков об отмене „урочных лет" и прикреплении крестьян по старым „писцовым" книгам.

Собор, на котором большинство было выборных от помещиков и торговцев, удовлетворил в полной мере желания этих классов. Составленное на этом соборе „Уложение", т. е. сборник законов, включало в себе XI-ю главу—„Суд о крестьянах", которая и была законом о прикреплении крестьян со всем их потомством, с женами и детьми. В Уложении 1649 г. было постановлено отдавать беглых крестьян по „писцовым" книгам „без урочных лет", т. е. всегда, сколько-бы лет ни прошло со времени бегства. Это значило, что и бегство не могло уже возвратить крестьянину воли. Отныне крестьянство делалось потомственным состоянием и дети крестьянина не

могли переменить доставшегося им от отцов общественного положения. Он оказался прикрепленным, пригвожденным к своему месту жительства, стал вместе с своими детьми вечно крепок тому имению, в котором он работал. Связанный по рукам и ногам, он попадал в полную власть своего помещика и не только по нужде, но и по закону. Уложение 1649 г. было первым законом, признавшим крестьянина крепостным. После этого в течение целого века закон все более и более уступал домогательствам землевладельцев в расширении их власти над крепостным крестьянином; он дозволил господину мало-по малу делать с крестьянином все, что он раньше делал с своим рабом-холопом. Только убивать и казнить смертью не мог землевладелец крестьянина, распоряжаться-же его трудом и личностью он мог беспрепятственно.

Эту полноту власти над крестьянином дворяне приобрели не сразу; она росла постепечно, по мере того, как росла власть помещика над данным ему из казны земельным наделом. Ведь пока помещик считался только временным владельцем поместья, до тех пор и крестьяне считались как-бы государственными работниками, которые временно обязаны были содержать своим трудом этого слугу и защитника государства. Их работа на помещика была как-бы их государственной повинностью, возложенной на них в интересах обороны государства от врагов. Крестьяне должны были кормить помещика, чтобы он мог оборонять государство и их самих от внешних врагов. Но когда помещики понемногу освоили себе данные им казенные земли и превратили поместья из служилых наделов в свою частную собственность, тогда и на крестьян, прикрепленных к поместьям, они стали уже смотреть, как на часть своей земельной собственности, как на живой инвентарь, на обязательную рабочую силу поместья. Расширяя понемногу свою власть над поместьем, служилые люди, дворяне, расширяли тем самым и свою власть над поместными крестьянами: шаг за шагом они все смелее и смелее начинают распоряжаться крестьянами, как раньше они распоряжались своими рабами, да своими лошадьми, коровами и пр. скотом. Крестьян отрывают от земли, меняют и продают их, закладывают и отдают в работу, их насильно женят и выдают замуж и т. п. Помещики превращаются понемногу в полных государей своих крестьян, а эти последние—в их вековечных подданных; опять, как старинные

князья и бояре удельного времени, помещики судят и наказывают крестьян, хотя и не во всех делах, издают для них свои внутренние законы, собирают с них подати, следят за их поведением и пр. и пр. К тому времени, когда помещики окончательно освобождаются от обязательной государственной службы, ко II-ой половине XVIII-ого в. (приблизительно полтораста лет тому назад), крепостная неволя достигает уже полной своей силы и крестьянин по своему положению почти не отличается уже от раба. Так, рука об руку шли вместе и росли две власти: власть дворянина над казенной землей, над его поместьем, и власть его над крестьянином, обрабатывавшим этот служилый надел, это поместье.

Глава пятая.

РАСЦВЕТ ДВОРЯНСКОГО ЗЕМЛЕВЛАДЕНИЯ И КРЕПОСТНОЕ ХОЗЯЙСТВО.

Мы видели уже, как поместья из военно-служилых наделов казенной земли превратились в полную частную собственность дворян. Все это совершилось еще во время существования Московского царства, а Петру Великому пришлось только докончить начатое до него дело уничтожения поместной системы государственного землевладения. Эти-то поместья, освоенные дворянами в собственность, и составляют в коренных срединных областях Европейской России главную массу частновладельческих дворянских земель.

Но этим превращением поместий в частную собственность дворян еще не об'ясняется происхождение всей дворянской земельной мощи. Не все дворянские земли, какие существуют в настоящее время, а тем более — не все те, которые были в России ко дню уничтожения крестьянской крепостной зависимости (19 февраля 1861 г.), не все эти дворянские земли появились через обращение поместий в частные имения. За последние полтора столетия перед падением крепостной неволи

появилось в России, особенно на окраинах, очень много новых дворянских имений, которые никогда не были даны им в военнослужилый надел. Они попали к дворянам другими путями, из которых главный путь был — императорские пожалования земель, населенных крестьянами.

Пожалования земель вместе с живущими на них крестьянами бывали довольно часто и раньше, при Московских царях; особенно они вошли в обычай при первых царях из Романовых, в XVII-м веке. Но никогда, ни раньше, ни после не раздаривали государи так щедро казенных земель и крестьян своим приближенным, как это делалось в XVIII веке петербургскими императрицами и императорами, всходившими на престол после Петра В. и до Александра I-го. Этому разматыванию государственного земельного запаса особенно способствовали частые дворцовые перевороты, происходившие в России после смерти Петра I-го. Последний уничтожил ранее существовавший порядок престолонаследия по нисходящей мужской линии—от отца к сыну и внуку. Вследствие этого императорский престол сделался игрушкой в руках честолюбцев, которые умели ловко пользоваться придворной гвардией для возведения на трон угодных им особ.

И вот в течение всего почти XVIII-го столетия мы видим на русском престоле людей, которые овладевали троном при помощи военной силы и заговора придворных вельмож.. Само собою разумеется, что гвардейские солдаты, состоявшие из отборных дворянских сыновей, также и все прочие участники заговора и переворота, требовали от возведенных ими на трон императоров и императриц награды за свои услуги: не даром-же они играли своими головами!.. Конечно, и императоры и императрицы, попавшие силою штыков на престол, спешили отблагодарить участников переворота, а отблагодарить они могли их не деньгами (казна редко бывала полна!), а землями. Земли-же ничего не стоили тогда, если на них не было даровых, подневольных работников, какими являлись крепостные крестьяне. Вот почему при каждом новом дворцовом перевороте, при появлении на престоле нового императора, тотчас-же сыпались обильные милости на гвардейцев и др. участников заговора; тысячи душ крестьян и десятки тысяч десятин из казенного запаса дарились приближенным нового государя и сторонникам его в войсках.

Но и потом, в течение всего своего царствования, разные императрицы XVIII-го века, которые были особенно щедры на подарки, не переставали награждать своих любимцов крупными земельными имениями. Высчитано, что за сто лет от царствования Петра I-го до царствования Александра I-го было пожаловано дворянам более 2 миллионов крестьянских душ обоего пола вместе с землями, которые они обрабатывали. Иначе говоря, путем таких императорских подарков перешло в собственность дворян от 12-ти до 20-ти мил. дес. земли, населенной крестьянами.

Особенно много было пожаловано земель с крестьянами Екатериной II-ой и Павлом I-м, при чем оба они делали своим приближенным небывало крупные подарки землею. Насколько обширны и хорошо снабжены рабочей силой были имения, которые дарила Екатерина II, видно из того, что если-бы всех подаренных ею крестьян разделить поровну между получившими подарки дворянами, то на каждого из них пришлось бы больше, чем по 1000 душ муж. пола. Павел I-ый тоже делал крупные подарки крестьянами и землями, но все-таки его пожалования были вдвое мельче Екатерининых. За все время своего царствования Екатерина II пожаловала до 800 тыс. душ обоего пола. С этой именно поры, особенно-же—с Екатерининского и Павловского царствований, ведет свое начало большинство крупнейших частных землевладельцев из дворян, именья которых расположены в Поволжье, в Новороссии, отчасти и в Малороссии, а также и в южных великороссийских губерниях, как Тамбовская, Воронежская, Тульская, Курская и др.

Все эти пожалования делались за счет главным образом казенных земель, которые прежде были заселены свободными государственными крестьянами; последние вместе с землями попадали через императорское пожалование в частную собственность дворян и становились их крепостными.

Кроме того в это-же самое время, в XVIII-ом веке, особенно при Екатерине II (1762 — 1796 г.), в собственность дворян перешло множество незаселенных земель, которые дворяне сами заселяли, переводя из других своих имений малоземельных крепостных крестьян. Эти земли перешли к дворянам из казны, одни за ничтожную плату (по 1 рублю за дес.), другие-же просто были захвачены силою при попустительстве или злоупотреблении местных властей: этих властей легко было под-

купить, дворянам, а перед каждым влиятельным и богатым человеком уездные чиновники просто дрожали. Много земель было отнято дворянами у мелких землевладельцев, у так наз. однодворцев; много земель было захвачено у инородцев—особенно у башкир в заволжских степях.

Все эти приобретения, где законные, где незаконные, по большей части так и остались навсегда за дворянами и были укреплены за ними в конце XVIII в. при производстве так наз. „генерального межевания". Все эти пути—императорские пожалования, покупка за бесценок, прямой захват казенной и инородческой земли—привели в конце XVIII-го века к небывалому еще в России расцвету и распространению частного дворянского землевладения. Обширные дворянские имения появились там, где их раньше никогда не было; плодородные черноземные полосы в среднем и нижнем Поволжье (теперешние Саратовская, Самарская, Симбирская, Уфимская, Оренбургская губ.), в Новороссии, в Малороссии — перешли в частную дворянскую собственность. Появилось множество громадных имений, заключавших в себе более 10 тыс. душ крестьян (муж. пола) и сотни тысяч десятин земли. На долю таких крупнейших земельных владельцов приходилось более $^1/_5$ (22%) всех крестьян, пожалованных Екатериною II и Павлом I-м. На долю же всех владельцев, которые имели не менее 1000 душ м. п. крепостных, приходилось *большая половина* (*свыше* 50%) *пожалованных крестьян.*

Благодаря щедрым императорским пожалованьям дворянское землевладение к концу XVIII в. не только распространилось по всей коренной Европейской России, не только проникло на ее окраины, кроме дальнего севера, но сделалось небывало крупным по размерам отдельных имений. Позже, начиная с царствования Александра I-го, когда прекратилось пожалование населенных земель, эти крупные дворянские имения начинают мельчать: они делятся между наследниками, продаются в уплату долга, закладываются и оттого постепенно слабеют. Чем дальше идет время, чем ближе день крестьянского освобождения, тем более мельчают и хиреют дворянские имения.

И всетаки, несмотря на эти приметы наступающего упадка, дворянское землевладение еще и перед самым концом крепостного права было очень сильно и обширно. Так, в 1858

году, за 3 года до освобождения крестьян, крупных дворянских имений было еще очень много. Высчитано, что из каждых 5 крепостных *четыре* приходились на долю тех владельцев, у которых было не менее 1000 дес. земли. Если-же вникнуть подробнее в эти рассчеты, то окажется, что почти накануне освобождения крестьян около половины всех крепостных (точнее — 47%) принадлежали таким дворянам, из которых у каждого было более 500 душ муж. пола крестьян; кроме того почти 1/3 крепостных (именно 34%) находилась у средних владельцев (от 500 до 100 душ) и только менее 1/5 (точно 18 1/2%) принадлежали мелким дворянам, владевшим каждый менее, чем 100 душами крепостных. Особенно много крупных душевладельцев было в Поволжье, в Малороссии, Литве и Белоруссии. Всего-же на всего в собственности дворян накануне об'явления „воли" (в 1858 г.) скопилось до 105 милл. дес. земли, на которой жило 10 1/2 миллионов душ муж. пола крепостных. Из них 70% были уже заложены в банках в общей сумме за 500 мил. рублей.

Вот к чему в конце концов пришло нетрудовое дворянское землевладение под исход крепостной поры. Оно уже заметно начало к этому времени слабеть, хотя все еще было очень сильно. „Золотые дни" дворянского могущества и расцвет его земельной силы были прожиты лет за пятьдесят, за семьдесят до освобождения крестьян, в царствование Екатерины II-ой. В это именно золотое для дворянства время оно получило не только много новой земли, не только разбогатело от пожалований имений с крестьянами, но и получило свободу от государственной службы вместе с полнотой власти над своими крепостными крестьянами: все мог дворянин сделать с крепостным при Екатерине II-ой; мог даже сослать его на каторгу и поселение; не мог только отнять у него жизни. В это золотое для дворянства время расцвело не только дворянское землевладение, но и дворянское хозяйство.

Припомним, как было устроено в старину господское имение, еще в то время, когда дворяне были обязаны служить до самой старости государству. Тогда обычно сам хозяин-помещик в имении бывал мало и редко, вечно занятый службою на войне или при дворе, в столице. Дома оставалась его семья, которая и следила за хозяйством. Вести его было просто при помощи рабов-ключников и старост. Они старались о том,

чтобы как можно больше собрать с крестьян в пользу помещика денег, хлеба и др. хозяйственных запасов. Исстари в имениях применялись два способа добывания дохода от крестьянского труда: путем оброка и путем барщины. В тех имениях, где велось оброчное хозяйство, вся земля, обыкновенно, находилась в пользовании крестьян, которые составляли собою мир, общину, под руководством своих выборных должностных лиц-старост и судей. Выборные, конечно, утверждались барином и всегда могли быть сменены им и наказаны. Но если доходы поступали исправно и никаких жалоб не было, барин, обыкновенно, не вмешивался в мирские дела. Крестьяне сами на сходах решали дела о распределении между собою земли, о сенокосе, пахоте, о раскладке податей и сборов и т. п. За пользование барской землей крестьяне должны были вносить барину определенной им оброк — деньгами или припасами и хлебом; чаще всего оброк был и денежный и натуральный вместе. Кроме того на крестьянах лежал целый ряд повинностей в пользу барина — поставка подвод, починка дорог и двора и пр. Следовательно, в тех имениях, где была установлена оброчная система (порядок), помещики не вели сами собственного хозяйства. Все их дело сводилось к собиранию оброка с крестьянского хозяйства. Здесь, следовательно, *землевладение, земельная собственность, и земледелие или сельское хозяйство находились в разных руках* и ничем, кроме неволи не были друг с другом связаны. *Землевладение было барским, нетрудовым и крупным, земледелие и хозяйство — мелким, трудовым, крестьянским.*

Иначе устроено было хозяйство в имениях, где применялась т. наз. барщина. Здесь уже не вся земля находилась в пользовании крестьянских хозяйств, а только часть; остальная же земля пахалась и обрабатывалась хотя и крестьянами, но не для их хозяйства, а для хозяйства помещика. Крестьяне кроме работы в своих хозяйствах, на отведенных в их пользование барином наделах, обязаны были несколько дней в неделю работать на барских полях под присмотром ключника или приказчика, работать, как простые рабочие: крестьяне должны были вспахать, посеять и убрать барский хлеб, а также исполнять на него и ряд других обязательных работ. Только остаток времени и сил от работы на барщине крепо-

стные могли употребить на поддержание их собственного сельского хозяйства.

Таким образом, при барщинном ведении господского хозяйства, помещик не довольствовался собиранием с крестьян денег и запасов, а вел свое собственное крупное сельское хозяйство силами подневольных рабочих. Здесь, следовательно, собственник земли являлся в то же время и сельским хозяином, *нетрудовое крупное землевладение соединялось тогда в одном лице с нетрудовым-же крупным (крепостным) хозяйством*; трудовое-же крестьянское хозяйство служило тогда только *подспорьем* этому нетрудовому крепостному хозяйству, предназначалось для содержания крепостных работников-крестьян.

В старину, еще в то время, когда существовало Московское царство, и было в действии государственное поместное служилое землевладение, господствовала на Руси оброчная система; барщина-же применялась хотя и часто, но в малых размерах; помещик, занятый службой, не имел времени и охоты заводить свое хозяйство; он довольствовался доходом от оброков, а собственную маленькую запашку держал лишь для продовольствия себя и своих холопов.

В XVII веке, обычно, барская запашка составляла пятую или шестую часть всей пашни в имении помещика. Говоря иначе, из каждых 5—6 десятин, которые пахал тогдашний крестьянин, он пахал на барина одну десятину, остальные —на себя. Значит, в пользовании крестьян находилась тогда почти вся пахатная земля господского имения.

С течением времени однако, размеры барской запашки стали увеличиваться, что заметно было еще в XVII веке по мере обращения поместий в собственность дворян; но до отмены обязательной для дворян государственной службы, барщинная обработка имений все-таки еще не была в большом употреблении и не стесняла особенно хозяйства и землепользования крестьян. Дело сильно изменилось после освобождения (в 1762 году) дворян от обязательной государственной службы. С этой поры дворянин мог бросить службу и, поселившись в своем имении, всецело заняться ведением сельского хозяйства. Так большая часть дворян и поступила.

Тогда дворяне черноземных губерний скоро-же увидели,

что обработка земли барщиной выгоднее, чем простое получение оброков с крестьянского хозяйства. Заметив это, они стали расширять свою барскую пашню за счет крестьянской, сокращая и уменьшая крестьянские наделы. Уже в конце XVIII в., лет через 30—40 после освобождения дворян от обязательной службы, в барщинных имениях приблизительно треть пашни обрабатывалась на барина, а остальные две трети еще находились в пользовании крестьянского хозяйства. В барщинных имениях приходилось тогда по среднему рассчету около 3 дес. пашни на крепостную душу в крестьянской запашке и по $1^1/_2$ дес.—барской запашки с годами это распределение земли между барским нетрудовым и крестьянским трудовым хозяйством изменилось еще более и не в пользу крестьян.

Перед уничтожением крепостного права под барской запашкой находилось в барщинных имениях уже больше половины всей пашни, т. е. землепользование крестьян за 50 последних лет крепостной поры заметно уменьшилось; в некоторых губерниях оно сократилось вдвое и даже втрое. Стало-быть крепостное нетрудовое сельское хозяйство в плодородной черноземной полосе России сильно расширилось за это время; трудовое мелкое крестьянское, наоборот, потерпело большое стеснение в земле.

Само собою разумеется, что запахивая для себя все больше земли, помещик должен был отнимать у крестьян все больше дней на барщинные работы и оставлять им все меньше времени на обработки их наделов. И действительно, еще в XVIII века были такие жадные помещики, которые в страдную пору заставляли крестьян 5—6 дней в неделю работать на барщине, так что эти несчастные должны были в праздники и по ночам вместо отдыха обрабатывать свои наделы. Но эти случаи, хотя и не были редкостью, все-же не были тогда и обычным делом. Чаще всего рабочие дни делились между помещичьим и крестьянским хозяйством пополам: 3 дня в неделю крепостной работал на барщине, а остальное время—на себя. При Павле I-м это было даже предписано законом. С таким рассчетом отводилась крепостному и земля, чтобы она требовала от него не более половины рабочей силы его семьи и чтобы с своего надела крестьянин мог прокормиться и поддерживать свою способность к работе. Следовательно, *в среднем рассчете* надел крепостного крестьянина *соответствовал по-*

требительной норме крестьянской семьи и приблизительно —половине его трудовой нормы *).

Барщинное хозяйство применялось, впрочем, не во всех имениях дворян даже и накануне уничтожения крепостного права. Оно было выгодно только *в черноземной полосе России*, там, где почва была очень плодородна и свежа, а посторонних заработков, промыслов не было. В тех-же губерниях, где почва была малоплодородна, песчаниста или глиниста, помещики и тогда, когда они уже занялись пристально своим хозяйством после освобождения их от обязательной службы, всетаки находили более выгодным держать крепостных на оброке, не переводя их на барщину. Поэтому в срединных и северных губерниях,—в Московской, Владимирской, Костромской, Ярославской и др.—до конца крепостной поры сохранилась оброчная система (порядок), а барщина, если и применялась, то мало и редко. здесь она служила лишь подспорьем дворянскому хозяйству. Держалось же это хозяйство доходами от оброков с крестьянского хозяйства, причем эти оброки помещики брали деньгами и в таком размере, что для добывания их крестьянину не хватало уже дохода от земледелия. И это не смотря даже на то, что, обыкновенно, в нечерноземных губерниях *вся* барская земля отдавалась в пользование крепостных. Объясняется это тем, что почва здесь была плоха и к тому-же давно уже выпахана и истощена. Крестьянин больше мог заработать идя на промыслы — в город, на фабрику, на Волгу бурлачить, или-же занимаясь кустарничеством у себя-же дома. От этих неземледельческих промыслов крепостные крестьяне и добывали доход на уплату большого оброка, назначенного им барином. Следовательно, здесь, в нечерноземной полосе России, дворянам выгоднее было держать крестьян на оброке, чем переводить на барщину: здесь не земля кормила, а промыслы. Скудной землею не особенно дорожили и помещики и крестьяне. Высчитано, что у оброчных кре-

*) Потребительной нормой называется такое количество земли, которое необходимо для того, чтобы обычными в крестьянском хозяйстве способами добывать из земли столько хлеба и др. припасов, сколько требуется для удовлетворения привычных насущных нужд крестьянской семьи. Трудовой нормой называется такое количество земли, какое может быть обработано обычными в крестьянском хозяйстве способами и притом силами одной крестьянской семьи без найма посторонних рабочих.

стьян при Екатерине II приходилось в среднем почти по 4 дес. пашни на каждую душу. Оброка же они платили от 1 дес. с души, при чем с каждым десятком лет оброк этот все повышался. В конце XVIII-го стол. он достиг уже 10 руб. с муж. души и продолжал все более расти. За последние сто лет перед освобождением крепостных оброки возросли втрое и вчетверо. И всетаки оброчным крестьянам жилось лучше, чем барщинным, и не только потому, что земли у них было больше и заработки выгоднее, но главным образом потому, что жизнь их была гораздо свободнее. Барин по большей части знал только одно: „вынь да положь оброк", а в хозяйство и семью крестьянскую, равно как и в их мирские дела, он мало вмешивался. В барщинных-же имениях весь труд и вся жизнь, домашняя и мирская, находились под самым строгим надзором и тягостной опекой господина или его приказчика. А между тем крепостных крестьян в барщинных имениях было гораздо больше, чем в оброчных; именно, перед освобождением крепостных по всей Европейской России было приблизительно три четверти барщинных крестьян (точнее — 73,8%), и одна четверть оброчных. А всего тех и других было $10\frac{1}{2}$ милл. душ муж. пола.

Так вместе с распространением барщины вместо оброка, с повышением самых оброков ухудшалось и положение крепостных крестьян, сокращалось их землепользование и отягчалась их и без того горькая доля; все это вместе вело к обнищанию и даже вымиранию крепостного населения. Понятно, к каким бедствиям это привело-бы Россию, если-бы не была, наконец, уничтожена крепостная неволя крестьян, и они не были признаны свободными людьми и гражданами русского государства. С этого времени, с 19 февраля 1861 г., начиналась новая жизнь нашего народа, а вместе с тем и новая эпоха в истории земельных порядков.

Глава шестая.

ЗЕМЕЛЬНАЯ ОБЩИНА ВО ВРЕМЕНА КРЕПОСТНОЙ НЕВОЛИ.

Теперь вернемся несколько назад и продолжим наш рассказ о судьбе тех общинных земельных порядков, которые зародились в России еще в самую отдаленную пору, в стародавние времена земельного приволья и первого овладения землей.

Мы видели уже, во первых, как в общинах — волостях появилось сильное земельное неравенство вследствие перехода земель из рук в руки без всякого вмешательства и контроля со стороны мира. Земля постепенно стала уходить из рук бедных и слабых рабочими силами семей и начала собираться в семьях удачливых, богатых работниками и хозяйственным обзаведением. Внутри общин появились безземельные и малоземельные семьи, а наряду с ними—семьи „заможные", многоземельные, богатые. Между ними рано или поздно должна была загореться борьба из-за земли; такая борьба действительно и закипела внутри общин, в одних местах—раньше, в других —позже, как мы дальше скажем.

Во вторых, мы проследили, как понемногу таяли общинно-волостные земли и переходили в собственность нетрудовых землевладельцев—князей, монахов, бояр, дворян. Еще в удельные века (с XIII-го по XV-й) много земель попало через покупку, мену, завещание, подарки, а также путем насилия и неправого суда в собственности нетрудовых землевладельцев. А в следующие два столетия, во времена расцвета и могущества Московского царства, множество общинно-волостных земель было роздано правительством в поместья — наделы служилым людям—воинам и чиновникам. Наконец, в XVIII-м веке, от царствования Петра I-го до Александра I-го, много общинно-волостных земель попало в частную собственность дворян через императорские пожалования.

В конце концов общинное землевладение все более и более сокращалось в России. С каждым новым столетием общинных земель становилось все меньше и меньше, а в некоторых краях они и совсем исчезли. Обыкновенно бывало так, что

вольное крестьянское землевладение оставалось в неприкосновенности лишь там, где земля не годилась в раздачу помещикам или за дальностью от главных городов и обороняемых границ, или-же за неплодородием и суровостью климата края. Вследствие этого общинное землевладение и свободное, некрепостное крестьянство с каждым в ком все более отступало из средины Московского царства на его окраины—на дикий север, вновь завоеванный восток и беспокоеный татарами юг: земли дальнего севера по р.р. Двине, Онеге, Печере, как были исстари, так и остались навсегда крестьянским краем; точно также почти безраздельно господствовало общинное землевладение на северовостоке—в среднем (и позже—в нижнем) Поволжье и Прикамье; наконец, и южная окраина, вновь заселяемые земли по притокам Дона, на Кубани, в степных областях Украины и Новороссии еще долгое время сохраняли крестьянский земельный строй. В крепостную пору (с половины XVII-го до половины XIX в.в.) вообще, где больше было крепостных крестьян, там меньше было свободных, а где не было свободных крестьян, там не было и крестьянских общинных земель. Крепостная неволя наложила свою тяжелую цепь не только на труд и жизнь крестьянина, но и на его земельные порядки.

Вот почему мы на следующих страницах рассмотрим отдельно, как изменялись земельные порядки в России у крестьян, остававшихся свободными, и у крепостных. Начнем с первых.

Прежде всего надо сказать, что перемены в общинном землевладении некрепостных, или так называемых „черносошных" крестьян происходили не только от внутренних народных нужд, но также и от действий тогдашнего правительства, которое чем дальше идет время, тем все больше вмешивается в хозяйственную жизнь русского народа.

Сначала, в удельные века *), княжская власть почти не касалась совершенно общинных порядков. Она представляла крестьянам, жившим в так называемых „черных" **) волостях,

*) Что называется удельным веками см. прим. на стр. 30.

**) „Черный", т. е. податными-эти волости назывались в отличие от „белых" вотчин духовных и светских „господ", которые не платили податей и пользовались многими другими льготами.

владеть и пользоваться их землями по их воле и обычаю, лишь-бы только волости платили подати и отправляли налагаемые на них повинности в пользу князя.

Однако, под конец, и удельные князья должны были вмешаться. Поводом для этого послужило то, что многие монастыри, бояре и дети боярские, завладев тем или иным путем общинными волостными землями „обеляли" их, делали „белыми", свободными от крестьянских податных и натуральных повинностей. Какой-нибудь монастырь или боярин, приобретя волостную землю у крестьянина, не хотел платить падавшую до того времени на эту землю часть податей, не хотел отправлять по мирской раскладке и свою долю крестьянских повинностей. Общины от этого терпели убыток и жаловались на таких „беломестцев" князьям; те, в свою очередь, не могли не видеть, что от „обеления" общинноволостных земель может произойти ущерб княжеской казне. Поэтому князья стали требовать, чтобы покупщики „черных" земель возвратили эти земли общинам, получивши назад заплаченные за них деньги; а кто не сможет выкупить этих земель или не захочет от них отказаться, тот должен „тянуть к черным людям", т. е. платить наряду с крестьянами подати и нести повинности; кто-же и этого не захочет делать, тот должен бесплатно отступиться от приобретенных им „черных", т. е. волостных земель, которые возвращаются „черным людям", т. е. крестьянам, живущим в волостях. Так уговаривались между собою удельные князья насчет „черных" земель, но этот уговор плохо соблюдался ими самими, а еще хуже — их слугами, особенно-же — сильными боярами и влиятельными монастырями. Сами князья постоянно его нарушали, разрешая некоторым своим „богомольцам" — монахам и приближенным вельможам „обелять" приобретаемые ими „черные" земли.

Не особенно строго заботясь о сохранении в целости „черных" волостных земель, князья удельного времени не давали и ясного ответа на то, признают ли они „черные" земли собственностью крестьянских общин, или отдельных крестьянских семей. Суды то-же поразному отвечали на этот вопрос: Они то признавали владельцем земли волость — общину, то отдельных волощан - общинников. Сами власти тогда еще плохо различали законное владение землею по праву от простого хозяйственного пользования ею.

Положение „черных“ земель и права на них стали разъясняться только позже, когда власть многих удельных князей сменилась единым „государством“ Московских царей, сделавшихся самовластными владыками Великороссии.

Тогда с XVI века, со времени Ивана Грозного, царское правительство начинает все чаще и чаще предъявлять свои хозяйские права на волостные „черные“ земли. Оно считает себя верховным обладателем всех земель в государстве. И подобно тому, как вотчинное владение светских господ в Московском царстве терпелось лишь под условием обязательной военной службы бояр и дворян, подобно этому и общинное землевладение терпелось лишь под непременным условием исправного несения „тягла“, т. е. платежа податей и отправления всех падающих на крестьян повинностей в пользу правительства.

Чем дальше идет время, тем Московское царское правительство все чаще и настойчивее заявляет свои права на общинно-волостные земли, распоряжается ими и вмешивается даже и во внутренние крестьянские порядки пользования землей.

Сначала правительство требует лишь, чтобы пустые земли занимались вновь только с разрешения властей; затем оно переписывает различные приносящие доход земельные угодья —рыбные ловли, сенокосы, звериные ловы и т. п.; все такие угодья оно „кладет в оброк“, т. е. назначает за них определенную плату и сдает в наем общинам или отдельным семьям.

За пустопорожними землями и оброчными статьями доходит очередь и до занятых уже волостями „тяглых“, т. е. обложенных податью земель. Во первых, Московское царское правительство, по примеру удельных князей прежнего времени, стремится охранить их от расхищения „беломестцами“. Видя, что требование тянуть „тягло“ вместе с крестьянами не исполняется „господами“, правительство вовсе запрещает приобретать „черные“ крестьянские земли всем лицам, пользующимся освобождением от платежа податей и несения крестьянских повинностей. Правительство в XVII веке не раз строго запрещает им покупать земли у „черных“ крестьян, грозя нарушителям безденежным отобранием купленных ими волостных земель.

Но и запрещения и угрозы плохо помогают. Крестьяне продолжают продавать, а бояре, дворяне, купцы и монахи — покупать „черные земли“, „обеляя“ их при этом.

Тогда царское правительство прибегает к другому средству. Оно запрещает самим *крестьянам* продавать и закладывать их участки под угрозой отобрания их в казну. В некоторых краях, напр. в Заонежье, около средины XVII века правительство даже вовсе запрещает крестьянам продажу и залог земель и при том не только „беломестцам“, но даже и друг другу.

Запрещение это было сделано для того, чтобы предупредить убытки казны, происходившие от обезземеления крестьян и перехода их земель в руки свободных от податей людей.

Как видно из этого запрещения, Московское царское правительство понемногу дошло до такого взгляда на крестьянские „черные“ земли, по которому настоящим хозяином и распорядителем этих земель могло быть только само правительство; крестьяне-же—и не только отдельные семьи, а и целые общины-волости, по мнению тогдашней власти, являлись лишь неполными, подчиненными владельцами, и даже вернее сказать—пользователями этих земель—не больше.

Однако, крестьяне, жившие на „черных“ землях, не сходились в мнении с правительством насчет его власти над этими землями. Так, когда крестьян северного Двинского края, спрашивали про их земли, чьи они, „черные“ люди отвечали: „Эта земля царя и великого князя (Московского), а нашего владения“. Или же говорили: „земля великого князя, а роспаши и ржи— наши“. „Земля великого князя, а мое посилье“.

Что-же это значило в устах тогдашних крестьян? Что они хотели сказать такими словами? Выходит как будто бы нелепость: у одной земли два хозяина: великий князь и крестьянин или крестьяне, т. е. община.

На самом-же деле слова эти не были бессмысленными и не заключали в себе никакого недоразумения.

Называя земли, обработанные и засеянные ими, землями „великого князя“ или „царя“, крестьяне тем самым признавали, что высшее господство над этими землями принадлежит верховной государственной власти. Мы знаем, что они действительно, и не противились отдаче мирских земель в вотчину и в поместье или приписке их к дворцу вместе с живущим

на них рабочим людом. Они не отказывались платить с этих земель подати и отправлять повинности, даваться на суд царским слугам, поставлять ратников и проч. Московский государь волен дать „черным“ землям то или иное назначение, употребить их на какую нибудь надобность государства.

Но признавая это высшее земельное *господство* за ним, крестьяне дальнего севера оставляли за собою обычное, повседневное *хозяйственное* владение и пользование „черными“ землями, которые они вольны оставлять детям, закладывать, менять и даже продавать, ибо эти именно земли их отцы и дети превратили из диких в пахатные. Здесь, по этим землям, крестьянские „соха, коса и топор ходили“; стало-быть „эти земли принадлежат им во владение“ *по праву труда*, в них вложенного: земли эти являются крестьянским „посильем“, они ими „осилены“, отвоеваны у леса и болота их усилиями. Поэтому, хотя земля и признается царской, „росчаши и ржи“, по мнению крестьян, их неотъемлемое *трудовое владение*. Поскольку в землю вложен крестьянский труд, она—их кровное достояние. А что такое это достояние? Собственность или владение? Владение или пользование? Крестьяне в этом тонком вопросе о правах не разбирались и им не интересовались. В их понятиях не было большого различия между владением и пользованием, потому что не было такого различия в их обычной трудовой жизни: владение и пользование у них в быту сливались, ибо земля в их жизни была лишь полем, на котором они сами работали, а не капиталом, не средством добывать прибыль от чужого труда.

Так уживались в крестьянских головах старинного времени и признание мирской земли царской или великокняжеской и права трудящихся людей на эту же самую землю. Хозяйственное владение обработанными угодьями они удерживали за собою, а господство над всеми черными землями без спору оставляли государству. Этим объясняется и то, что когда Московское царское правительство стало распоряжаться пустыми и необработанными мирскими землями, крестьяне не противились. Но стоило только правительству наложить свое запрещение на право крестьянской семьи распоряжаться своим трудовым „посильем“, стоило правительству запретить продавать и закладывать крестьянские участки, как крестьяне перестали

его слушаться и даже решительно ему воспротивились. Запрещение продавать крестьянские участки даже друг другу вызвало в Заонежском крае в средине XVII века сильное волнение в волостях и мирские выборные начали ходатайствовать об отмене этого запрета. Правительство, однако, не уступало. Правда, оно согласилось признать законными все переходы крестьянской земли, происшедшие до того времени, но впредь решительно требовало, чтобы всякий оборот тяглых земель был остановлен. Но при этом оно не указывало, какой новый порядок владения землею следует ввести на смену старого.

Тогда крестьяне, попросту, нашли способы обходить запрещение. Так, продажа земли, запрещенная правительством, совершалась под видом уступки или дарения и т. п.

Следовательно, крестьяне, не смотря на запрещения правительства, остались при своих понятиях о земельном строе и продолжали считать себя в праве распоряжаться своим „посильем" в целях обычного трудового хозяйства. Это распоряжение, по виду напоминающее нетрудовую частную собственность, на деле существенно от нее отличалось тем, что власть хозяйна-крестьянина над землею не была самодержавной и простиралась только на обработанные участки. Поэтому даже и продавая свое „посилье" другому, земледелец сохранял за собою право всегда потребовать землю назад, уплативши за нее взятую у покупателя сумму денег. Следовательно, это была продажа не земли, а скорее уступка вложенного в нее труда, уступка в бессрочное пользование впредь до того времени, пока у прежнего хозяина-работника явится снова нужда в новом труде на старом „посилье". Выходило, что крестьяне продают, собственно говоря, не самую землю, а свой труд, затраченный на ее распашку и расчистку.

Это не мешало тому, что крестьяне считали эти продаваемые земли мирскими. Община—мир также не препятствовала распоряжению обработанными землями и наследственному семейному владению ими.

Другое дело—земли обработанные, но запустевшие, покинутые их „вотчичами", т. е. наследственными владельцами. Такими заброшенными землями мир распоряжается сам: он отдает их в наем до возвращения на них „вотчичей", с усло-

вием: в случае возвращения „вотчича" отдать ему землю, получивши с него вознаграждение за труды. Если-же „вотчич" не возвращается, с'емщик вступает вместо него во все права общинника: тянет с остальными крестьянами по мирской раскладке „тягло" и обязан, в случае ухода из волости, подыскать себе заместителя, который бы взял его землю со всеми лежащими на ней мирскими тягостями. Во всех таких случаях распоряжения покинутыми участками волость выступает как настоящий хозяин земли, чем и обнаруживает ясно, что земля эта—мирская, общинная.

Кроме этих „пометных" и „пустовых" земель волость-община уже во времена Московского царства распоряжается и теми угодьями, которые находятся в нераздельном общем владении всего волостного мира: таковы взятые у казны на оброк рыбные ловли, сенокосы, выгоны, иногда — и некоторые пашни. Сенокосами, особенно—поемными лугами, волости часто владели сообща—несколько соседних миров вместе. Перед покосом, обыкновенно, луга делились между совладельцами „по тяглам", т. е. по количеству лежащих на каждой волости податей и повинностей. Иногда, еще в XVI веке, встречались уже переделы покосов и на определенный срок, на несколько лет.

Так зачатки уравнения земель очень рано стали появляться в общинах свободных крестьян, но развиться в новые уравнительные порядки землепользования им долгое время мешал земельный простор, сохранившийся на малолюдных окраинах Московского царства—на дальнем севере, в Волжско-Камском крае и во многих других глухих областях тогдашней России.

Для того, чтобы установились и окрепли уравнительные земельные порядки в общинах свободных крестьян надо было прежде всего, чтобы им стало тесно хозяйствовать и чтобы эта нехватка земли сделалась постоянным горем *многих* семей. Это—во первых; а во вторых, требовалось для этого сломить сопротивление тех крестьян, которым хорошо жилось при старых земельных порядках.

Все это и пришло на самом деле, но пришло не сразу и не везде в одно и тоже время. Отсюда и понятно, почему переделы земли в общинах появились в каждом крае в свое особое время и при различных обстоятельствах. Установлению

уравнительного пользования общинной землей предшествовала долгая внутренняя борьба в общинах между крестьянами, борьба из-за земли.

Мы уже говорили не раз, что отдельные семьи владели и распоряжались своими трудовыми участками беспрепятственно и наследственно и что вследствие этого именно земля стала скопляться в руках немногих богачей, мироедов, которые завладели и мирскими делами, не допуская до них остальных крестьян, но сваливая на них все подати.

Для примера возьмем один случай. В Матигорской волости (Архангельской губ.) 56 душ имели каждая более чем 9 дес. в трех полях; 376 душ имели меньше, а у 16-ти совсем земли не было. Таким образом, земля собралась у небольшой кучки крестьян, которые составляли немного более $^{1}/_{10}$ части жителей волости; из них $^{8}/_{10}$ были малоземельные и кроме того в волости оказались уже и безземельные.

На этой-то именно почве между многоземельными „прожиточными“ крестьянами и „маломочными“ возгорелась ожесточенная борьба. Часто при этом „маломочные“, растерявшие свои отцовские, „вотчинные“ земли, не будучи в силах сладить своими мирскими силами с „прожиточными“, жаловались на них в Москву, правительству. Тогда власть вмешивалась во внутреннюю общинную борьбу и отдавала распоряжение расследовать дело на месте. „Прожиточные“ в свою очередь жаловались на „маломочных“ и чаще всего спор кончался ничем. Но иногда правительство брало сторону малоземельной партии и тогда оно начинало запрещать продавать крестьянские участки, как мы уже только что видели. Шло оно иногда и дальше, толкая прямо крестьян на передел земли.

Так, писцы, переписывавшие северные поморские уезды в 20-х годах XVII столетия, обыкновенно, обложивши земли волости податями предписывали „пашнею и сенными покосами волости, всем крестьянам меж собою поверстаться (т. е. поровняться) самим сообразно с своими жеребьями вытного письма (т. е. податного обложения), кто сколько пашет“. Этим самым писцы как бы подсказывали крестьянам, что им следует делать с своими землями: уравнять владение „жеребьями“, т. е. пахотными долями смотря по тяжести податного бремени.

Однако, исполнению этого предписания противились зажиточные многоземельные крестьяне и дело в лучшем случае кончалось только междеревенским переделом: т. е. уравнение земель происходило не между хозяйствами—семьями всей волости, а только между отдельными поселками, входившими в черту волостной земли. Правительство же не особенно было заинтересовано в уравнении земель между крестьянами потому, что подати в то время падали на землю, а кто ею владеет—один или несколько, казне было до того мало дела. Вот почему и распоряжения касательно внутренних земельных порядков среди свободных крестьян были во времена Московского царства отрывочны и даже иногда противоречивы. Правительство то запрещало продавать крестьянские участки, то разрешало; в одном краю делало одно распоряжение, в другом—другое.

Положение дела изменилось тогда, когда правительство сделалось само заинтересовано в равномерном распределении податных земель между плательщиками. Известно, что при Петре I-м, в двадцатых годах XVII века, введена была так называемая подушная подать. С этого времени подати стали брать со всех душ мужского пола, независимо от возраста и рабочей силы. Тогда получилось, что и безземельные и малоземельные и многоземельные должны были нести одинаковую податную тяжесть, какова бы ни была их зажиточность. Особенно в невыгодном положении оказались малоземельные и многосемейные крестьяне. Случалось, что в семье 5—6 душ мужского пола (включая и младенцев), а земли всего на всего одна—две десятины. И наоборот: у „прожиточного" крестьянина десятки десятин земли, а мужских душ мало—двое, трое. Между тем начальство ничего знать не хотело: ему вынь да выложь подати по числу душ, а сколько у кого земли и какие доходы,—ему дела нет...

Такое несоответствие между земельным обеспечением и податными платежами у „маломочных" и малоземельных вызвало среди них сильное недовольство, обострило до крайности их вражду к „прожиточным" и многоземельным. Жестокая борьба закипела в волостях особенно со второй четверти XVIII века, борьба между многоземельными и обделенными; скоро эта борьба получила и свою определенную цель: это была борьба за передел земель, за их уравнение между мирскими людьми.

Сначала было „маломочные" попробовали переложить подушный платеж на многоземельных и требовали, чтобы общая сумма подати, падающая на волость, самими крестьянами распределялась между собою сообразно с землевладением: у кого больше земли, пусть больше и платит и т. д. Иначе говоря, они хотели обратить подушное обложение в поземельное. Однако, зажиточные решительно этому воспротивились.

Они ссылались на закон, требовавший платежа с душ, а не с земли. „Маломочные" знали, что по закону нельзя принудить богатых платить с земли, а не с душ. Самое большее, на что в некоторых местах соглашались многоземельные крестьяне, - это на небольшую помощь миру в платеже подушной подати за дряхлых и малолетних.

Тогда малоземельным, но многодушным крестьянам ничего не осталось уже, как поставить вопрос ребром и прямо добиваться передела пахатных земель по душам.

Примеры таких переделов бывали уже и раньше кое где и кое когда. Так, еще во времена Московского царства встречались переделы сенокосов, а иногда и пахотных угодий, когда эти последние расчищались из под леса общими мирскими силами. Случалось делить пахатные земли, взятые на оброк у казны или брошенные бежавшими из мира крестьянами. Все эти и подобные случаи и послужили образчиками для малоземельных, требовавших общего передела пахатных угодий.

Борьба партий в общинах свободных крестьян, борьба из-за передела, шла долго и упорно, причем число сторонников передела все более и более росло, а число противников сокращалось. Проиходило это само собою неизбежно вследствие того, что продажа и залог участков скопляли земли все в меньшем и меньшем числе богатых хозяйств, причем среди этих богатеев все чаще и чаще встречались нетрудовые владельцы, пришедшие в волость из города, со стороны. Это были обыкновенно купцы, приобретавшие земли обедневших и задолжавших крестьян.

Часто эти обезземеленные крестьяне оставались у купцов обрабатывать свои прежние участки, но уже не на себя, а на своих хозяев. Такие подневольные съемщики земли назывались на крайнем русском севере „половниками", т. е. половинщиками. Они назывались так потому, что рядились обрабатывать чужую землю за половину урожая, отдавая другую половину

хозяину. Иногда „половники“ получали и меньше — третий и даже пятый сноп. В то же время положение их в хозяйстве землевладельца было очень тяжелое, напоминавшее положение крепостных у помещиков. Правда, хозяин не мог распоряжаться их трудом и семьей, не мог ни судить, ни наказывать их. Но это лишь по закону так было, а в действительности хозяин часто обращался с „половниками“, как с крепостными и даже сдавал их насильно в солдаты...

Такие купцы, завладевшие крестьянскими землями и обрабатывавшие их трудом „половников“, назывались на севере (в теперешних Архангельской, Вологодской, Вятской губ.) „деревенскими владельцами“. На ряду с купцами среди „деревенских владельцев“ было много и духовенства, а также разбогатевших крестьян.

Вот против этих то „деревенских владельцев“, да и вообще против всех „прожиточных“ крестьян и подняли борьбу в мирах малоземельные и безземельные люди, требуя передела пахотных земель по душам.

Если-бы против передела были одни нетрудовые землевладельцы — купцы, духовенство, мироеды, — оскудевшему землями трудовому люду не так трудно было бы добиться своей заветной цели. Но беда в том, что этих нетрудовых людей поддерживали и „прожиточные“ крестьяне, которые по большей части были сами хорошими тружениками хозяевами. Они то и придавали партии противников передела крепость тем, что выставляли ее упорство справедливым делом даже на взгляд трудового человека, крестьянина.

Вот как, напр., отстаивали эти „прожиточные“ крестьяне свое право на беспеределкное, наследственное владение своими старинными участками и в каком виде представляли они сторонников уравнения земель.

Крестьяне Химаневской волости Важского уезда (по р. Ваге, притоку р. С. Двины) жаловались в средине XVII века, что „моты“ и „ленивцы, размотавшие свои отцовские земли и нежелающие как следует работать, требуют передела роспашных и унавоженных рачительными хозяевами земель; они хотят отобрать их у тех, кто, имея старание к хлебопашеству, неусыпными трудами привел их из дикого состояния в годное к посеву и унавоживает их ежегодно. Если эти трудовые земли

отдать „ленивцам“ и „мотам“, то у прилежных хозяев пропадет всякая охота к труду, ибо никому не хочется работать на ленивых. А „мотам“ и „ленивцам“ передел все равно не принесет пользы, так как земли вообще мало и на всех не хватит. Да и помощи им от такого передела не будет, ибо они снова все земли промотают и запустошат.

И так, стало быть, по мнению „прожиточных“ крестьян, передел несправедлив потому, что он нарушает право трудящегося человека на плоды его труда, вложенного в землю при ее обработке. Земля должна принадлежать тому, кто на ней работает и чем больше на ней трудится, тем прочнее и бесспорнее его право на землю. На этом основании „прожиточные“ и отстаивали старые земельные порядки, согласно которым каждая трудовая семья владела обработанными землями наследственно и беспрепятственно ими распоряжалась.

Не так рассуждали те самые „моты“ и „ленивцы“, о которых говорят „прожиточные“ крестьяне Химаневской волости. Они находили решительно несправедливым, чтобы земля распределялась внутри волости неравномерно и не сообразно с лежащими на крестьянах платежами. В то-же время, как и Химаневские „прожиточные“ крестьяне, жаловались на свои земельные нужды и маломочные крестьяне Толшемской волости Тотемского уезда. „У нас в волости, говорили они, у многих крестьян имеется душ по 8, по 7 и по 6, а пашенной земли самое малое число десятин; а у других крестьян по 3, по 2 и по 1-й души, а пашенной земли полное число; от этого многодушным разорение и скудость бывает“. Это кажется многодушным, но малоземельным крестьянам отяготительным и обидным. Богатые завладели всеми землями и в „поверстку“ (уравнение) их не дают. Поэтому малоземельные обращаются к правительству с просьбою об уравнении земли по душам соразмерно с платежом податей. Раз все должны равно платить с душ, то все должны и землей владеть равномерно, по душам.

Таким образом подушное обложение податями дало в руки малоземельным и безземельным мирским людям новый и крупный козырь. Требуя уравнения земель, они теперь могли ссылаться не только на свои трудовые нужды, но и на свои обязанности перед казной. Это давало им новую опору в борьбе с многоземельной партией и кроме того обещало им помощь началь-

ства, которое также было заинтересовано в исправном платеже подушной подати и не могло быть равнодушно к обеднению и захуданию массы среднего и бедного крестьянства.

И вот, когда в своей борьбе за передел мирских земель маломочные крестьяне северных, поморских губерний России стали в средине XVIII века обращаться к местным и столичным властям, прося распоряжения об уравнении земель, начальство стало к этим жалобам прислушиваться и вникать в положение дел. Конечно, оно в этом случае руководствовалось не справедливостью жалоб малоземельных и не их трудовыми интересами, а главным образом выгодами казны, исправным оборотом подушной подати.

Как бы то ни было, в ответ на жалобы спорящих мирских партий начальство начало делать распоряжения о переделе земель в той или другой волости. Однако, такие отдельные и местные распоряжения не имели еще большого влияния на земельные порядки, пока правительство не вмешалось окончательно во внутреннюю общинную борьбу и не стало при этом решительно на сторону желающих уравнения. А это случилось не сразу, после долгих колебаний, ибо правительство долгое время само не знало, на чью сторону лучше стать в этой чуждой ему борьбе трудовых людей между собою.

Не раньше средины XVIII века правительство заинтересовалось земельными делами у свободных крестьян. Натолкнули его на это дошедшие до него жалобы на распродажу крестьянами Вятского края их тяглых податных земель „деревенским владельцам“. Боясь, как-бы оставшиеся без земли крестьяне не сделались недоимщиками, правительство, по примеру прежнего времени, запретило продажу и покупку крестьянских земель. Вскоре же однако, года через 2—3, оно в виде исключения, опять дозволило в Устюжском уезде покупку крестьянских земель местному купечеству.

Но собираясь произвести общее (генеральное) межевание в 1754 г., правительство издало инструкцию (наказ), в которой предписывалось отобрать без денег у „деревенских владельцев“ все купленные ими крестьянские земли и отмежевать их к волостям. Еще более решительно было предписание *второй* межевой инструкции, изданной через 12 лет, уже при Екатерине II-й. В этой инструкции уже прямо требовалось возвратить

волостям все „черные“ мирские земли, проданные в некрестьянское владение в течение последнего века, с самого Уложения 1649 г. На будущее время запрещалось крестьянам каким-бы то ни было способом отчуждать свои земли в некрестьянские руки. Но этого мало. Инструкция предписывала, чтобы крестьяне не делили по смерти своих земель и не давали их в приданое в другие волости; по наследству разрешалось передавать тяглые участки только по прямой мужской линии и только в своем селении.

Таким образом, в межевой инструкции 1766 г. правительство решительно смотрит на крестьянские участки, как на казенные земли и требует, чтобы эти земли служили государству, а не частным интересам. и всегда оставались во владении волостей. Распоряжение землями стесняется настолько, что крестьянин уже не является хозяином своего участка, а только условным и ограниченным его владельцем.

Однако, уравнения земель межевая инструкция 1766 г. еще не требует прямо и определенно. Правда, крестьяне, узнав о предписаниях, содержащихся в Межевой инструкции, должны были стать в тупик, не понимая, как же им дальше владеть мирской землей. Во первых, к волостям возвращают земли, когда то проданные их владельцами в купеческие руки. Кто-же должен теперь владеть этими возвращенными землями? Весь ли мир или старые их владельцы с их потомством? Если старые владельцы, то ведь, не всегда они были на лицо. Тогда опять возвращенная от „деревенских владельцев“ земля оказывалась на руках у мира и ему предстояло решить вопрос, кому ее дать и как ею владеть? А между тем в каждой волости оказывались семьи малоземельные и безземельные, которые и пред‘являли свои права на отобранные у „деревенских владельцев“ участки.

С другой стороны, Межевая инструкция 1766 г. запрещала продажу и вообще всякую передачу участков за пределы мирского общества, да и внутри его ограничивала сильно переход земли из рук в руки. Но если крестьянская семья не могла свободно распоряжаться своей землей, то кто-же должен был определить порядок пользования ею? Опять-таки,—повидимому, мир, общество под наблюдением начальства. И опять возникал вопрос, не следует ли прибегнуть к поравнению, если в руках мира окажется свободная земля?

Так, „Межевая инструкция“ 1766 года, не требуя передела земель, наталкивала крестьян на мысль о нем. За нее ухватилась партия сторонников передела, которая была уже всюду и давно добивалась земельного уравнения. Малоземельные и стали толковать Межевую инструкцию 1766 г. в желательном для себя смысле.

Испуганные этим, противники передела, „прожиточные“ крестьяне, начали, наоборот, усиленно хлопотать о сохранении старого земельного строя. Борьба в общинах из-за уравнения земли снова вспыхнула на дальнем севере России в 60-х годах XVIII столетия, вспыхнула ярким пламенем и не потухала уже там в течение следующих 50—60 лет вплоть до введения переделов.

Правительство, осаждаемое просьбами и жалобами обеих борющихся сторон, колебалось, не зная, на кого ему выгоднее опереться: на зажиточных-ли, которых было немного, или на малоземельных, составлявших большинство. Оно медлило сделать решительный шаг и тотчас-же настоять на исполнении предписаний Межевой инструкции.

Однако, мало по малу оно все более и более стало склоняться к тому, чтобы принудительно произвести в волостях уравнение земель. Это казалось ему единственным и самым простым способом разом покончить с запутанными и надоедливыми спорами из-за земли и с жалобами, заполнявшими все суды и канцелярии. Кроме того правительство думало, что иначе невозможно безнедоимочно получать подушную подать, как разверставши и земли по душам.

И вот в конце XVIII века правительство делает ряд распоряжений, клонящихся к уравнению земель в общинах северного свободного крестьянства.

В 1792 г., наконец, земли „деревенских владельцев“, действительно были у них отобраны и присоединены к волостям. Через пять лет издано распоряжение по всем казенным крестьянам о наделении малоземельных крестьян по 15 дес. на душу из оброчных (т. е. сдававшихся раньше в наем) и пустых казенных земель, причем в случае нехватки земли, следовало разравнять наличное количество и дать столько, сколько придется на душу. В это-же время, где раньше, где позже, отдавались предписания о переделе мирских земель в различных губерниях, населенных свободными крестьянами. Впрочем,

предписания эти очень нескоро и с большими трудами проводились на деле. „Прожиточные“ противники переделов упорно отстаивали земельную старину и на их сторону нередко становилось и местное начальство и местные суды. Правительство же боялось действовать принуждением, опасаясь народных волнений. Оно не раз отступало от своих требований, прежде чем добилось их осуществления.

И если эта борьба всетаки рано или поздно повсюду привела к уравнению земель в общинах свободных крестьян, то произошло это не столько по предписанию правительства, сколько потому, что сама крестьянская жизнь с ее трудовыми нуждами этого требовала. На самом деле, не будь в общинах в то время внутренней борьбы между малоземельными и „прожиточными“, предписания правительства о переделах остались бы на бумаге, ибо никому они не были бы нужны, выгодны и интересны. Правительству не на кого было-бы тогда опереться в осуществлении своих предписаний. У него не было бы сочувствующих его мерам, самые эти меры были-бы непонятны для всех крестьян и они встретили бы их равнодушно и даже враждебно. Если-же этого не случилось, если в конце концов правительству удалось провести уравнение земель в общинах свободных крестьян, то об'ясняется этот успех лишь тем, что в среде самих крестьян в это время было много сторонников уравнения и при том число их с каждым годом все возрастало и возрастало.

Следовательно, правительство, настаивая на уравнении, шло только навстречу желаниям многочисленной части, а во многих волостях и явного большинства самого трудящегося населения волости. Разные цели и желания были при этом у правительства и малоземельного крестьянства; правительство надеялось путем переделов обеспечить лучше исправное поступление податей и прекратить споры и тяжбы из-за земли между крестьянами. У крестьян-же цель была иная—получить доступ к земле, уравнять тяжести своих обязанностей перед казной с хозяйственными средствами плательщиков. Но стремясь к разным целям, правительство и малоземельные временно сошлись на одном пути и помогли друг другу. Если правительство ничего не добилось-бы без поддержки со стороны малоземельного мирского люда, то и сторонники уравнения земель без поддержки правительства не скоро сломили-бы

упорное сопротивление зажиточных и богатых членов волостного мира.

Но все-таки главная сила во всем этом деле была не в правительстве, а в земельной нужде, которая вызывала во многих крестьянах стремление к переделам. А эта земельная нужда, в свою очередь, была порождена двумя главными причинами: во первых, размножением народа, а во вторых—скоплением земель в руках немногих богатых людей и переходом ее в нетрудовое владение.

Вот какие силы превратили старинное русское общинное землевладение из неуравнительного, семейно-наследственного в *уравнительное передельно-душевое*.

Так появились переделы земли у казенных или государственных крестьян на дальнем севере, где их было всего больше. К концу царствования Александра I-го, в двадцатых годах XIX века, переделы понемногу, стали входить уже в обычай в этих северных краях.

Что-же касается переделов у прочих свободных крестьян, живших в других краях России, то здесь уравнение земель входило в обыкновение в разное время и понемногу, причем всюду кипела такая же борьба партий, как и на севере. Разница заключалась только в том, что нигде сопротивление многоземельных не было так сильно и упорно, как в поморских губерниях (Архангельская, Олонецкая, Вологодская), почему нигде не понадобилось и такого прямого вмешательства со стороны правительства, как там. В остальном превращение общинного землевладения из неуравнительного в передельное протекало в общем подобным-же путем и в других краях России.

Сейчас мы узнали, с каким трудом и борьбой удалось малоземельному крестьянству добиться первого передела земель и как в этом трудном деле ему понадобилась поддержка правительства.

Но стоило только *однажды* переделить землю, чтобы через некоторое время передел снова повторился, а потом—еще и еще, пока уравнение земли не сделалось уже в общине обычным делом. Об'ясняется это тем, что сопротивление переделу сильнее всего бывает вначале, в первый раз, а затем с каждым следующим уравнением оно ослабевает. Это и понятно. Земельное неравенство в общинах накоплялось целыми веками.

а потому и отобрать мирскую землю у завладевших ею богатых и сильных семей бывает особенно трудно: слишком уже это невыгодно им... После же первого передела земля еще не успевает снова скопиться в немногих руках, как уже в общине опять наростает партия, стоящая за новый передел. Партия эта состоит теперь из тех семей, которые разрослись, при чем в них народились новые мирские души. Так как первый передел был произведен по мирским душам, то через 10—15 лет земельные наделы уже не соответствуют количеству душ в семьях: у одних душ прибавилось у других убавилось; семьи с прибылыми душами теперь и требуют нового передела, а семьи с убылыми душами ему противятся. Снова загорается борьба за передел, но борьба эта уже не так ожесточена, как при первом переделе, ибо противники нового передела еще не успели много труда вложить в свои наделы, а при убыли душ в их семьях и не особенно дорожат лишними землями. Поэтому дело обыкновенно решается тем, что семьи, для которых передел не является ни особенно убыточным, ни особенно выгодным (а таковы семьи, в которых число мужских душ мало изменилось или-же осталось прежнее) примыкают к семьям, требующим передела, и тем дают им перевес на мирском сходе.

Этим и об'ясняется, почему вслед за первым переделом уже гораздо легче, чем раньше, следует скоро и второй, за вторым третий и т. д.

У государственных (казенных) крестьян, обычно, передел производился при каждой новой „ревизии". „Ревизией" называлась перепись всех мужских душ для того, чтобы правительство знало сколько и где живет плательщиков податей. На такие „ревизские души" и делилась, обыкновенно, земля в общинах государственных крестьян. „Ревизия" являлась при этом как будто сигналом для нового передела земли. Ведь главным „козырем" в руках сторонников первого передела в их борьбе за уравнение служила их обязанность платить подати с душ наравне с богатыми. Само собою разумеется, что и теперь при вторичных переделах новая „ревизия" решала вопрос об уравнении в сторону многодушных, но малоземельных семей. Стало быть, в борьбе общинных партий из-за земли последний толчек к переделу и здесь давало начальство, которое своей „ревизией" как-бы предписывало проверить и владение землею по душам. Новое распределение податей вело к новому

уравнению земель, которое давало хозяйственные средства платить эти подати.

Так установились с течением времени в общинах государственных крестьян те внутренние земельные порядки, которые просуществовали у них до самого конца крепостной поры, до отмены крепостной неволи в 60-х годах XIX века.

Мы тоже знаем из предыдущего[1]), что еще со времен Ивана Грозного (средина XVI-го века) царское правительство взяло на себя распоряжение всеми служилыми и тяглыми землями государства и считало, что даром, не неся службы и не платя податей, никто не может владеть землею. Вся земля признавалась уже тогда государственным достоянием, а все землевладельцы—обязанными трудиться на государство—одни мечем, другие—сохой и косой.

„В нашем Московском государстве, писали в одном указе на рубеже XVII-го и XVIII веков,—с земель служилые всякого чина люди служат... службы, а крестьяне пашут десятинные пашни и платят оброки, а *даром землями никто не владеет*". Таково было общее правило, как мы сказали бы по нынешнему, *основной земельный закон* Московского государства.

Правда, закон этот соблюдался плохо и не строго до самого конца Московского царства: служилая поместная земля мало по малу расходилась по рукам помещиков и вотчинников, которые неохотно исполняли свою служебную повинность и в конце концов добились укрепления за ними их казенных наделов в собственность. Крестьяне тоже больше на словах признавали государство владельцем тяглых земель, а в действительности распоряжались ими по своему желанию.

Позже, в XVIII-го столетии, государство, как мы говорили выше[2]), отказалось постепенно от своих прав на дворянские земли и признало их неприкосновенной частной собственностью; зато теперь именно оно всю свою земельную власть обратило на распоряжение податными, тяглыми, землями, на которых исстари сидели общины государственных, так называемых „черных" или „черносошных" крестьян. Мы только что узнали из

---

[1]) См. гл. 3-ю стр. 31—45.

[2]) См. стр. 4.

предшествующих страниц, как правительство вмешалось в земельные порядки этих „черных“ крестьян и помогло малоземельным из них произвести первое уравнение земель.

Но этим правительственные заботы о земельном устройстве казенных крестьян не ограничились. Оно продолжало все более и более входить в права настоящего хозяина „черных“ земель, настойчиво внушая своим чиновникам и крестьянам мысль о том, что тяглая, податная земля есть государственное достояние, отданное во владение крестьянским общинам за подати и оброки. Требуя с крестьян исправного несения платежей и повинностей, правительство признавало себя обязанным предоставить им соразмерный с их нуждами *земельный надел*. Поэтому в течение всего XVIII-го и первой половины XIX века правительство принимает различные меры к обеспечению государственных крестьян достаточным количеством казенной земли. Для этой цели оно переселяет крестьян из малоземельных местностей на пустующие окраины государства, нарезывает им дополнительные наделы из оброчных и порожних земель на месте их жительства, предписывает уравнивать тяглые земли общин и пр.

Меры эти шли, конечно, на пользу крестьян тем, что обеспечивали их землею, причем установился мало по малу к концу XVIII века и обычный казенный размер надела—от 8 до15 дес. на „ревизскую“ душу. Но видя в крестьянах только плательщиков податей, чиновники, заведывавшие сбором их, считали необходимым опекать крестьян, как малых ребят или слабоумных; чиновники не ограничились тем, чтобы дать крестьянам землю, но стали вмешиваться и во все внутренние земельные и хозяйственные порядки государственных крестьян. За всеми мелочами они наблюдали, на все требовали своего разрешения, словом действовали так, как будто-бы они лучше самих крестьян знают, что им нужно в жизни и хозяйстве. Этим назойливым вмешательством во все дела крестьян чиновники приносили им больше вреда, чем пользы. И чем дальше шло время, тем больше стесняла чиновничья опека жизнь казенных крестьян.

Особенно много мер для устройства казенных крестьян было принято правительством при Николае I-м, в 30-х годах XIX столетия, при министре Киселеве, заведывавшем государственными имуществами. Киселев предпринял полное пере-

устройство всего мирского и земельного строя казенных крестьян, имея в виду главным образом выгоды казны в сборе податей и управлении казенными имуществами.

Не смотря на прежние чиновничьи заботы о наделении государственных крестьян землею, среди них оказалось ко времени Киселева немало безземельных и малоземельных дворов. По „ревизии“ (переписи), произведенной в 1837 году, на 7 миллионов 800 тысяч душ муж. пола государственных крестьян было 36 тыс. душ (около 50-ти на 1000) безземельных; кроме того 56 тыс. душ (до 1%) имели менее 1 десятины земли, а 212 тысяч душ (около 3%)—по 1 десятине; до 600 тыс. душ (8%) по разным причинам не пользовались своими наделами.

Киселев предпринял наделение малоземельных и безземельных, давая им от 8 до 15 дес. на ревизскую душу, а всего прирезав к казенным общинам около 3 миллионов 400 тыс. десятин земли. После этого наделения в общем оказалось в наделе у государственных крестьян 53 мил. десятин, при чем в среднем приходилось на круг по 5½ дес. на ревизскую душу. Не всем земля была дана на месте: 231 тыс. душ было устроено путем переселения.

Киселев вводил однообразные земельные порядки казенных крестьян. Он держался мнения, что земли, которые находились в общинах, есть не собственность их, а государственное имущество, котрое отдано в постоянное владение крестьянским общинам, а через них—во временное пользование отдельным семьям. Он предписывал своим чиновникам следить, чтобы общины не делили земли без крайней необходимости, а при переделе оставляли запасный клин для дополнительного наделения прибылых душ; приговор о переделе мог быть обжалован недовольными и тогда чиновники вмешивались в это дело; если жалобы не поступало, приговор сразу-же входил в законную силу. За недоимки, надел мог быть у крестьянина отобран. За исправность-же платежей отвечал весь мир, обязанный круговой порукой.

Так устроено-было земельное управление казенными крестьянами при Киселеве. Он пытался внести однообразие и порядок в мирской земельный строй, который он ценил за то, что он предохраняет государство от безземельного и беспокойного народа, а казну—от недоимок и оскудения.

Но сам Киселев не признавал общинное землевладение наилучшим. Поэтому он старался, насколько возможно, испра-

вить его недостатки и подготовить переход к более выгодному на его взгляд для сельского хозяйства земельному устройству. Таким лучшим строем он считал хуторское хозяйство на наследственно-семейных участках. В 40-х годах XIX века Киселев и попытался устраивать неделимые семейные участки по 30—40 десятин, на которые переселяли желающих казенных крестьян. Хозяйство такие хуторяне должны были вести образцовое, по составленному для них чиновниками плану и под их наблюдением. За неисполнение этого плана и недоимки участок отбирался. Однако эта затея встретила сочувствия в среде крестьян и мирской строй продолжал оставаться всюду в казенных селениях.

Во всех этих и подобных им заботах правительства XVIII-го и первой половины XIX века о государственных крестьянах была и своя плохая и своя хорошая сторона. Дурно, вредно было то, что чиновники своими запретами и надзором стесняли крестьянское хозяйство и жизнь, мешали ему устраиваться по своему уму-разуму и по своей воле и совести. Своей опекой чиновники часто больше вредили народу, чем помогали.

Но в то-же время, обеспечивая крестьян землю, помогая превращению общинного землевладения из захватного в уравнительное, правительство шло навстречу желаниям народа. Особенно важно заметить, что своими мерами правительство укрепляло в народе смутно живший в его уме взгляд на землю как на государственное достояние, как на общий запас для наделения трудящихся, а на надел, как *на право каждого земледельца:* не спуста же ему платить тягло!...

Уравнительное пользование землей, которое мы только что рассмотрели у государственных крестьян, существовало в крепостную пору у крепостных в Великой России, а также—в Белоруссии и некоторых частях Малороссии. Как-же, спрашивается, появилось *здесь* уравнение земель и каков вообще был внутренний земельный строй крестьян, находившихся под ярмом „господ“?

Припомним, что еще до закрепощения крестьян те из них, которое селились в имениях духовных и светских „господ“, заключали с ними особые договоры, „порядные записи“, где обыкновенно условливались, какой именно участок земли и за

какую плату крестьянин нанимает у „господину“. При этом каждый „порядчик“ брал себе любой участок и по своим силам, стало быть, участки эти не были равны, ни по размерам, ни по своему качеству. Следовательно, об уравнении земли в „порядной записи“ не было и рэчи. Однако, „порядчик“, нанимая определенный участок земли и селясь в имении, тем самым входил в общину, в мир, становился членом того тяглого общества, которое уже раньше его сложилось здесь на месте и в которое господское имение со своими крестьянами входило, как часть. Но часто бывало, что крестьяне господского имения выделялись из здешней волости и составляли свое особое мирское общество—боярщину или монастырщину или дворцовую волость. Обыкновенно лишь мелкие господские имения оставались частью волостей, в которых они были расположены.

Как член мирского общества, вновь порядившийся крестьянин, наряду со „сторожильцами“, обязан был во всем подчиняться мирской власти и участвовать во всех раскладках податей и повинностей, неся из них свою долю тягостей, падавших на мир.

Но наряду с тягостями он принимал участие и в выгодах от мирского союза: если у мира оказывались какие нибудь общие угодия—выгоны, луга, рыбные ловли, а иногда и общие пахотные земли, то „порядчик“ наравне с „старожилами“ получал свою долю в этих доходных статьях. Участвовал он, как мирской человек, и в решении случавшихся у мира земельных споров и дел, вроде отдачи пустующих и выморочных участков. Но пахотного участка, взятого у „господина“ в наем крестьянин, сидевший на чужой, „господской“ земле, ни продать, ни заложить, ни дать в наследство не мог. Разве только „государь“ земли разрешал ему это в виде особой милости.

Впрочем владельцы, обыкновенно, не препятствовали в старину, пока земли было еще много, переходу участков из рук в руки внутри своего имения; поэтому крестьяне одной и той-же боярщины или монастырщины—особенно „старожильцы“, иногда-же и „новопорядчики“—не только делили свои участки между детьми и давали их в приданое за дочерями, но и закладывали, меняли, даже продавали их друг другу. Землевладелец только брал за все эти сделки себе разные побора и следил, чтобы земля не ушла из имения на сторону.

Часто случалось, что „черные“ волости попадали в поместье

сли в вотчину к частному лицу, а крестьяне их становились владельческими. В таких случаях мирская власть и мирские порядки, обыкновенно, сохранялись целиком, а власть нового господина ложилась на волостной мир сверху, как чужая ему, но неодолимая сила. Но хотя мир и продолжал всюду жить под господской властью, эта последняя стесняла его волю, подчиняла его внутреннюю жизнь своему надзору и своей опеке во всех делах, в том числе и в земельных. Но пока у владельческих крестьян было еще право перехода, эта чужая власть не могла быть особенно стеснительной для них: еще оставалась надежда на „выход", на перемену места жительства и работы. Другое положение получилось тогда, когда крестьяне стали крепостными. Теперь их состояние стало в полном смысле слово „безвыходным" и власть „господина" стала для крестьян мертвой петлей.

Теперь уже крестьянин не мог рядится на любой участок и брать столько земли, сколько в силах обработать и оплатить. Теперь „господин" именья сам определял, сколько кто должен пахать земли и платить оброков с нее. Крестьянин должен был хозяйствовать там, где его поставит „государь"—землевладелец. И уж от воли этого последнего зависило, отдать-ли этот вопрос на решение мира или распорядиться самовластно. Чаще всего бывало, что господин предоставлял миру решать и земельные дела, а сам только наблюдал через приказчика или старосту за действиями схода. И чем больше было имение, чем многолюднее и богаче, тем меньше было у его владельца охоты и поводов стеснять мир и вмешиваться в его дела самому. Но всетаки мир хотя и стесненный господской волей, продолжал еще по старине жить и вершить по своим обыкновениям внутренние крестьянские дела даже после закрепощения. Господская власть в большинстве случаев заняла по отношению к общине — миру крепостных крестьян то место, какое принадлежало правительству в „черных" волостях государственных крестьян.

Как правительство, считая себя верховным хозяином „черных" земель, долгое время без нужды не вмешивалось в мирские дела, так и господская власть поступала с общинной жизнью своих крепостных. И здесь мы видим много сходства во всем между земельными распорядками казенных и крепостных крестьян. И у крепостных также неуравнительное,

семейно-наследственное владение землями с течением времени сменилось уравнительным передельно-душевым; произошло же это подобно тому, как и у государственных свободных крестьян. И при том произошло во многих местностях даже *раньше*, чем у последних.

Дело в том, что в общинах крепостных крестьян уже в XVII веке стало замечаться утеснение в земле вследствие, во первых, размножения населения, а, во вторых,—под влиянием перехода земель в руки более зажиточных и сильных семей. Рано или поздно повсюду начали складываться—с одной стороны многоземельное меньшинство, с другой малоземельное большинство, чувствовавшее недостаток в земле.

А раз это случилось, неизбежно возникла и борьба за землю между обеими сторонами. Нетрудно угодать и последствия этой борьбы. Пошли споры, разгорелась вражда, посыпались к барину жалобы с обеих сторон и потребовалось его вмешательство в эту крестьянскую земельную распрю. Это вмешательство привело к тому-же, к чему привело вмешательство правительства в борьбу крестьянских партий в „черных" волостях: к уравнению земель путем передела.

„Господская" власть стала на сторону малоземельных, конечно, соблюдая свои собственные интересы. Как казна боялась, чтобы обезземельные крестьяне не обнищали и не перестали платить подати, так и землевладельцы опасались того-же самого. Охраняя свои доходы „господа" и удовлетворяли просьбы о переделе, шедшие от малоземельных крестьян их имений.

Так, под давлением земельного утеснения и внутренней борьбы из-за земли., в общинах крепостных крестьян произошел переход от неуравнительного к уравнительному пользованию землею. Власть „господина" и здесь сыграет ту-же второстепенную, но необходимую роль, как и в государственных волостях. Она ускорила и облегчила этот переход, но не было, ни его причиною, ни его главной силой.

Но как об'яснить, что переделы в крепостных общинах начали происходить даже раньше, чем в казенных?

Ответ на этот вопрос мы получим, если обратим внимание на то, *где раньше* всего начались переделы у крепостных крестьян.

Самые ранние переделы мы находили в тех местностях, где всего скорее почувствовалось земельная теснота: именно

в самой средине России, в подмосковных уездах, где население было наиболее многолюдно, а земля плоха и истощена, да на северо-запад от Москвы—в прежних Новгородских владениях. Отсюда переделы с течением времени распространялись кругами во все стороны. На окраинах государства, в Поволжье, Прикамье, Подонье, в Новороссии и на Кубани переделы у крепостных также, как и у свободных крестьян, стали появляться уже много лет спустя после того, как они вошли в обычай в срединных и коренных областях России. Это и показывает, что не произвол барина, а сама земельная нужда приводила крепостных крестьян к уравнению пашен. Переделов нет там, где земли много; наоборот, они обязательно появляются. лишь только становится тесно жить в общинах.

При всем сходстве земельных порядков в общинах крепостных с порядками у казенных крестьян, между теми и другими была и заметная разница. Отличие было в самой раскладке земли между крестьянами.

Хотя крепостные и были также обложены подушной податью, однако для них главная тяжесть была не в ней, а в оброках и работах на барина. Вот почему и при раскладке земли в общинах крепостных крестьян чаще всего делили землю не по „ревизским“ душам, а по „тяглам“. „Тяглом“ или „венцом“ в крепостную пору называлась рабочая пара, состоящая из мужчины и женщины (мужа и жены), иногда еще с присоединием к ним подростка или старика. На такую „упряжку“ помещик, обычно, и налагал свои оброки и повинности.

Стало быть, в крепостных общинах земля распределялась уравнительно по рабочим силам семей, а не по „ревизским“ душам, как у казенных крестьян. Отсюда и самой передел происходил иначе, чем там. Вместо того, чтобы делить землю при „ревизии“ через каждые 10—18 лет всю сразу и между всеми, крепостные крестьяне ежегодно производили „перепряжку“ тягол, „сваливая“ их с одних и „наваливая“ на других. Рабочая сила в семье то прибывала, то убывала. Одни работники умирали или дряхлели, другие входила в силу, подростали. Сообразно с этим требовалось с одной семьи, сбавить, „свалить“ часть земли или даже всю ее, а на другую семью „навалить“, накинуть десятину или две, смотря по рабочим силам.

Отсюда видно, какую черную печать наложила на уравнительные земельные порядки крепостная неволя: она превра-

тила передел в перепряжку ярма, а крестьянина поставила в положение рабочей скотины. Не выгоды от земли, не *право* на нее, а тяжесть и горе от нее уравнивали между собою крепостные.

Недаром уже много лет спустя они с такой ненавистью и обидой вспоминали об этих подневольных порядках. „Тогда была воля барская, говорили старики, хлебнувшие досыта крепостного горя: на кого захочет, на того и наложит побольше оброка и побольше работы; а наше (т. е. схода) дело тогда—дать тягольщику землицы: не спуста-же ему тянуть тягло“. А если крестьянин не в силах взять землю, его заставляли брать ее поневоле. „Прежде бывало—рассказывали крепостные—приведут в контору, разложат и выстегают, а потом и скажут: вот тебе „душа“ (земельный надел), работай! Скажешь: не в силе! Опять разложат... А „душу“ всетаки возьми!!. Стало быть надел был для крепостного то-же, что воз для лошади: хочешь, не хочешь,—а вези...

Таким принудительным для крепостных было уравнение мирской земли главным образом там, где деревни состояли на оброке, а земля была плоха и малодоходна, т. е. в срединных, окружающих Москву губерниях России. В черноземных-же плодородных местностях земля давала хороший доход; поэтому из-за доступа к ней шла борьба между крепостными и они охотно брали лишние наделы, если они были у мира. Здесь беда была в другом: барин сам старался как можно больше урезать мирскую землю, чтобы расширить свою барскую запашку и увеличить крестьянскую барщину.

Само собой понятно, что всюду, где была крепостная неволя, общины крестьян не были настоящими хозяевами земли и всегда чувствовали на себе чужую силу и чужую волю. Нетрудовые люди— духовные и светские „господа“, завладев землею и работающими на ней крестьянами, не могли уничтожить общинных земельных порядков и помешать им сделаться со временем уравнительными. Но они сделали все возможное, чтобы обратить эти трудовые земельные порядки в свою пользу и заставить их служить своим, нетрудовым интересам. Земельное уравнение должно было обеспечить „господские“ доходы, больше от общины „господа“ ничего не требовали. А полезна ли она самим крепостным—до этого им мало было дела.

В таком виде и с такими стеснениями и дожили крестьянские земельные порядки до конца крепостной поры, до отмены крестьянской неволи.

Теперь мы и посмотрим, какое переустройство земельного и хозяйственного строя принесла крестьянам долго жданная „воля“, освободившая их от крепостных цепей.

Глава седьмая.

КОНЕЦ КРЕПОСТНОЙ НЕВОЛИ И ЗЕМЕЛЬНОЕ УСТРОЙСТВО КРЕСТЬЯН ПРИ ЭТОМ.

Как ни крепка казалась крестьянская неволя в России, но и ей пришел неизбежный конец: 19 февраля 1861 года пали тяжелые крепостные цепи и „мертвый в законе“ крепостной был, наконец, об'явлен, если не свободным и полноправным гражданином, то, по крайней мере, самостоятельным человеком и подданным своего государства. В своих правах он был уравнен с государственными казенными крестьянами и причислен к низшему податному сословию. Еще много тут осталось от былой неволи на его руках и ногах, но по сравнению с его крепостным состоянием положение крестьянина всетаки сильно улучшилось и облегчилось. В этом и заключалась важность отмены крепосной неволи для всей крестьянской жизни, в которой с 19 февраля 1861 г. начинается новая полоса...

Особенно сильное влияние оказала отмена крепостной неволи на хозяйство и земельный строй всей России, как крестьянской, так и господской. Поэтому нам необходимо хорошо вникнуть в те меры, которые были предприняты правительством Александра II-го для устройства хозяйства и землевладения бывших крепостных и государственных крестьян.

Прежде, однако, скажем несколько слов о тех силах, которые вынудили в конце концов правительство отменить крепостную неволю, а дворян—согласиться на эту отмену.

Самой основной, хотя и мало заметной с первого взгляда силой, действовавшей в пользу уничтожения крепостной неволи, было размножение населения в России. В 1815 году, за 36 лет до отмены крепостной неволи, у нас считалось до 45 миллионов

жителей; а в 1858 г., за три года до 19-го февраля, население выросло уже до 74 миллионов. Хотя крепостной люд размножался медленнее других жителей, однако и число крепостных увеличилось. Так, с 1816 года по 1835-й прирост крепостного люда достигал полутора миллиона ревизских душ. Потом, в последние 25 лет перед освобождением, размножение крепостных сильно затормозилось и почти вовсе остановилось. Но всетаки общее увеличение жителей в государстве было уже настолько сильно, что при прежних способах хозяйства оставаться было невозможно.

Требовалось вводить улучшения и в земледелии и в промышленности, чтобы получить больше хлеба и изделий. А между тем крепостная неволя не позволяла увеличить успешность народного труда, ибо работа из-под палки, никогда не может давать хороших и обильных плодов. Крепостная неволя отбила у народа всякую охоту работать и тем в корне подрезывала всякую надежду на более успешный и доброкачественный народный труд.

Это важное обстоятельство было понятно еще задолго до отмены крепостной неволи; понятно оно было и некоторым членам правительства и лучшим, наиболее образованным и честным людям из дворян-помещиков и купцов. Но более всего ясно это было образованным выходцам из средних классов, занятым умственным трудом—писателям, учителям, врачам и проч. интеллигентам. И они всячески старались доказать не только несправедливость, но и невыгодность крепостной неволи для России, писали об этом и говорили, насколько только позволяло им это делать тогдашнее правительство.

Однако, крепостная неволя связывала не только труд и мешала улучшению народного хозяйства. Она оказывалась гибельной и опасной для самого существования государства. Во первых, она подрывала доходы казны и не позволяла покрывать все расходы на оборону России. Ведь с крепостных крестьян все доходы шли их владельцам, а казна, кроме подушной подати, ничего не получала. Увеличить-же эту подать или ввести какую нибудь новую не позволяли выгоды помещиков, которые были близки и дороги тогдашнему дворянскому правительству. Кроме того пока крестьяне оставались крепостными и помещики вытягивали из них все соки, нельзя было расчитывать на развитие в России промышленности и торговли, ибо крепостной крестьянин мало покупает изделий и довольствуется почти

исключительно своими домашними произведениями. А если крестьяне редко и мало покупают, то и сбывать товары в такой крестьянской стране, как Россия, почти что некому. Следовательно, казна не может рассчитывать на получение больших доходов от обложения налогами торговли и промышленности. Так крепостное право связывало и казну, не давая ей увеличивать доходы, и промышленность с торговлей, не давая им развиваться и расширяться. Бедность государства была неизбежным плодом крепостной неволи народа. А бедное государство не могло содержать все более и более дорого стоющие армию и флот Так и оборона России подверглась в конце концов опасности от внутренней язвы государства — от крепостной неволи. Это и обнаружилось ясно в Крымскую войну, когда крепостная Россия столкнулась на боевом поле с более богатыми и уже давно не знавшими крепостного права государствами Западной Европы. Столкнулась и потерпела позорное поражение.

Столкновение это привело к неудаче еще и потому, что русская армия состояла в большинстве своем из крепостных крестьян, забранных в войска насильно и не понимавших, для чего и за что они должны сражаться и умирать. Раб—плохой защитник отечества, ему нечего защищать в той стране, где он связан по рукам и ногам, где он лишен всего и обращен в рабочую лошадь. А именно таково и было положение крепостных в России перед падением неволи.

Такова была необходимость, требовавшая отмены крепосного права для блага России, как особого европейского государства.

Но правительству и стоявшему за ним дворянству этой необходимости было-бы еще недостаточно и крепостная неволя, может быть, долгое время изнуряла-бы силы государства и народа, если-бы она не стала в конце концов грозить самому господству в России дворянства и императорской власти. Опасность крепостной неволи для дворянства и самодержавия стала выясняться еще очень давно, по крайней мере за 100 лет до отмены крепостного права.

Народ в России никогда не мог вполне примириться с крепостной неволей и не раз открыто восставал против дворянской над ним власти. Мы уже знаем, что закрепощение крестьян в средине XVII века было следствием поражения, которое в

„смутную“ пору потерпели трудовые классы Московского государства, восставшие против господствовавших тогда классов.

Но и потом, когда крепостное право было утверждено на земском соборе 1849 г. особым законом, крестьяне не дали безропотно закрепостить себя землевладельцам. Вскоре-же недовольный народ собрался вокруг атамана Стеньки Разина на Волге и восстал против „господ“ с их крепостной неволей. Восстание это было, правда, подавлено правительством и дворянами, но недовольный крестьянский люд не переставал бунтовать против крепостного порядка в государстве. Разбои, грабежи, поджоги, убийства помещиков, казацкие бунты то и дело вспыхивали в России и до Петра В. и при самом Петре и после него вплоть до Екатерины II-й. А в 70-х г. XVIII века народное возмущение крепостным ярмом вырвалось снова наружу и запылало ярким пламенем с небывалой еще силой. Это было движение, во главе которого стал известный Пугачев.

Сила и обширность этого крестьянско-казацкого восстания „за землю и волю“ об'ясняется тем, что как раз в средине XVIII века крестьяне особенно сильно надеялись на освобождение их от господской неволи, но были жестоко обмануты в своих ожиданиях. Дело в том, что в это именно время случились два важных события, дававших крепостным все основания ждать скорого освобождения.

Одно событие заключалось в том, что в 1762 г. манифестом Петра III-го дворяне были освобождены от обязанности служить государству, как в войске, так и по гражданской части. Между тем крестьяне думали, что они дворянам не вековечные работники, а работают на них лишь до тех пор, пока дворяне служат государству своей саблей. Отсюда и надежда крепостных, что вслед за манифестом о вольности дворянской должен выйти от царя и манифест о вольности крестьянской. Пугачев именно такой манифест и издал, отвечая на народные желания... Но еще прежде, чем явился Е. Пугачев и собрал вокруг себя отчаявшийся крепостной люд, случилось другое событие, которое усиливало ожидания крестьян на скорое освобождение. Это событие—*секуляризация церковных вотчин* в 60-годах XVIII столетия. Секуляризацией называется отобрание в казну населенных крестьянами имений (вотчин) синода, монастырей, архиерейских домов и церквей. Мера эта была задумана давно,

еще Московскими царями, но сопротивление и угрозы монахов мешали ее осуществлению на деле. Петр Великий подготовил секуляризацию почти вполне, но провести в жизнь не успел. Он взял на учет доходы от имений черного духовенства, тратил их на казенные нужды, а все хозяйство и управление этими имениями поставил под надзор правительства.

Однако следующие императоры и императрицы не подвинули вперед этого дела; между тем монастырские крестьяне пришли в волнение и требовали отобрания их в казну, не желая подчиняться монахам и сносить их притеснения. Волнения монастырских крестьян особенно усилились с 50-х годов XVIII века и заставили правительство снова поставить ребром вопрос о секуляризации духовных вотчин. Волнения эти казались правительству опасными тем, что подавали заразительный пример другим крепостным крестьянам. Все это, а также нужда казны в деньгах и желание воспользоваться доходами с духовных вотчин, вынудили правительство решиться на отобрание в казну населенных имений духовенства, главным образом—монашествующего.

Вследствие этой меры из крепостного состояния вышло и причислено было к государственным крестьянам около 1-го миллиона душ муж. пола составлявших приблизительно 14% всего сельского населения тогдашней России. Не мешает заметить, что монастыри и архиереи исстари были самыми богатыми и крупными землевладельцами; их вотчины, непрерывно увеличивавшиеся до самой „смутной“ поры, ко времени секуляризации занимали громадные пространства. Самыми крупными землевладельцами в России были именно монастыри. У Троицко-Сергиевской лавры было 106 тыс. душ крестьян муж. пола; даже в среднем рассчете на каждый монастырь приходилось по 1445 душ, а на каждый архиерейский дом и еще больше—по 7474 д. м. п. Церкви, наоборот, были мелкими землевладельцами; в среднем счете на 1 церковь падало немного более 50 душ муж. пола.

Освобождение церковных крестьян сопровождалось наделением их землею; почти вся земля, находившаяся у них в пользовании под владычеством черного духовенства, была оставлена им; в 9-ти губерниях церковные крестьяне имели от 5—10 десятин на душу м. п., в 3-х губерниях от 10 до 20 дес., а в 4-х даже от 20 до 34 дес. За землю положен был оброк в 1 р. 50 к.

с души, вскоре несколько повышенный. Управление отобранными церковными имениями перешло в ведение особого правительственного учреждения.—„Коллегии экономии", а на местах крестьянам оставлено было их мирское устройство. Вскоре эти крестьяне, названные „экономическими", совершенно слились с казенными и разделили их дальнейшую судьбу.

Этот пример—освобождение церковных крестьян—и послужил поводом ко всеобщему ожиданию „манифеста" о воле среди крепостных крестьян светских „господ". Думали, что за отобранием в казну духовных вотчин скоро последует отобрание и помещичьих; так как помещикам уже дана воля от службы государству, то и крестьянам вскоре-же должна быть дана воля от службы помещикам.

Но дворяне и не помышляли о том, чтобы расстаться с крепостными работниками. Наоборот, теперь-то, освобожденные от обязательной службы, они и нуждались в них более всего для устройства своего хозяйства.

Когда возбужденные всеми этими событиями надежды на „манифест" о воле не сбылись, отчаявшиеся крестьяне охотно стали откликаться на призыв Е. Пугачева; под его предводительством они восстали против дворянской власти и предались мести своим „господам".

Кровавое восстание под предводительством Пугачева было в конце концов с немалым трудом и с большою жестокостью подавлено дворянским правительством Екатерины II-ой. Но урок, данный „господам" Пугачевщиной, не пропал даром для дела крестьянского освобождения. И правительство и дворянство сильно испугались; они увидели, что играют с огнем; они поняли, что крепостной—не вековечный на них работник и что рано или поздно он стряхнет с себя их господство. Поняли, и стали подумывать—сначала об улучшении положения крепостных и облегчении их участи, а затем—и об освобождении их. С тех пор и у правительства и у дворянства—явилась новая забота: как-бы подольше оттянуть час отказа от крепостной власти над народом, а затем—как-бы повыгоднее развязаться с крепостным правом.

Думать и потихоньку говорить об этом не переставали в „господском" обществе с самой Пугачевщины, тем более что с того времени почти не прекращались уже ни на один год волне

ния крепостных. То здесь, то там волновались крестьяне, а убийства, поджоги, грабежи помещиков происходили часто и во многих местах. За время Николая I-го насчитано до 679 случаев волнений, которые к тому-же становились все более и более частыми. Дворяне и правительство все время чувствовали, что земля под ними трясется, что все крепостное здание грозит ежеминутно рухнуть и задавить их. И все больше и больше приходила в голову дворянина мысль, высказанная потом Александром II-м: лучше освободить крепостных сверху, чем ждать, когда они сами освободят себя снизу...

Итак, крепостная неволя становилась все более и более опасной для дворянского господства над народом и царской власти над Россией. Неудивительно, что в конце концов и правительство и дворянство решили расстаться с крепостным правом.

В средине XIX века вопрос шел уже для них не о том, чтобы сохранить крепостную неволю, а лишь о том, чтобы как можно выгоднее для себя отпустить крестьян на свободу. А когда вопрос был так поставлен, то обнаружилось, что в среде самих дворян нет полного единства интересов и кроме того дворянские интересы не во всем сходятся с видами и нуждами правительства.

Разница в дворянских интересах происходила главным образом от неодинаковости хозяйственного положения их имений в разных краях России. Мы уже знаем [1]), что в крепостную пору одни имения состояли на оброке, другие на барщине. Первые были расположены преимущественно в срединных, северо-западных и северных губерниях, где почва была неплодородна и доход от земли невелик. Так, во Владимирской губ. из каждой сотни крепостных 80 человек состояли на оброке и лишь остальные 20 на барщине; в Ярославской—оброчных было 79 на сотню, в Вологодской и Костромской—77, в Московской—75, Тверской—63 и т. д. Наоборот, в хлебородных черноземных губерниях юга и юго-востока России оброчные крестьяне составляли лишь небольшую часть крепостных. Так, в Орловской губ. их было всего 11 на сотню, в Тамбовской—22 и т. д.

---

[1]) См. главу V-ю, стр. 60.

Здесь, в хлебородных краях, земля была очень доходна и это побуждало помещиков [переводить своих крестьян на барщину. Поэтому здесь почти все крепостные были барщинными. Напр., в Тамбовской губ. на сотню крепостных 78 человек были барщинники, в Тульской, Пензенской и Курской—75 на сто, в Орловской—72 и т. п.

Это различие в способах получения дохода с крепостного труда заставляло помещиков нечерноземной полосы при отмене крепостной неволи заботиться больше всего о том, как-бы повыгоднее развязаться с бездоходной землей, и получить выкуп за потерю своего права на доходы от крестьянских неземледельческих заработков и промыслов. Следовательно, в интересах этих северных помещиков нечерноземной части России было *освобождение крестьян с землей за выкуп*, который не только заключал-бы в себе стоимость земли (она здесь дешево ценилась!), но и возмещал-бы убытки от потери самого права помещика на крестьянские оброки. Нечерноземные помещики больше всего нуждались в том, чтобы каким нибудь путем получить выкуп за свое право на подневольный труд крепостных. А так как правительство решительно заявило, что личность крепостного выкупу не подлежит, то приходилось стараться так повысить цену земли, чтобы в ней скрыты были и выкуп за крепостные души.

Так определились домогательства помещиков, владевших оброчными имениями в нечерноземной, промысловой полосе России: *освобождение крепостных с теми наделами, которые они имели при крепостной неволе, но с условием, чтобы правительство обязательно выкупило на казенный счет эти наделы по оценке, сделанной самими помещиками и обеспечивавшей им вознаграждение за убытки от потери оброков.*

Иначи представляли себе отмену крепостного права помещики, владевшие имениями в барщинной, хлебородной, черноземной части России.

Здесь земля при самом ничтожном труде, без удобрения ее и без особо тщательной обработки, сама родила хлеб и давала хороший доход. Она была так ценна, что помещик больше дорожил землею, чем крепостными работниками и потому он должен-был заботиться прежде всего о том, чтобы

удержать у себя это главное свое богатство. Следовательно самым выгодным для помещиков черноземной России было бы *безземельное* освобождение крепостных: отпустить их на волю „голыми“, оставивши *всю* землю себе, даже и ту, которою крестьяне пользовались при крепостном праве.

Однако здесь интересы помещиков барщинных имений решительно столкнулись с видами правительства и его рассчетами. Правительство боялось безземельного люда, пролетариата, как бунтовщиков и смутьянов. Оно опасалось, как бы такой бездомный, безхозяйный, безземельный крестьянин, согнанный помещиком с своей земли, не произвел всеобщего возмущения и не сделался слепым орудием в руках революционеров. Словом, безземельное освобождение страшило правительство ужасным призраком бунта и волнений, почему оно не хотело и слышать о безземельном освобождении. Оно с самого-же начала заявило, что у бывших крепостных должна быть прочная оседлость—двор и усадьба, а также по возможности и пахатная земля. К этому побуждало правительство еще и другое опасение: безземельный крестьянин не мог быть надежным плательщиком податей. Следовательно и выгоды казны требовали, чтобы у освобожденного крепостного было свое хозяйство, постоянный приют и доход.

Впрочем, помещики черноземных губерний не особенно и настаивали на безземельном освобождении: они были озабочены тем, чтобы как нибудь привязать бывшего крепостного к своему имению: ведь земля, как не плодовита она на юге, сама не родит, надо приложить к ней рабочие руки, а такие руки без крепостной неволи всего легче и дешевле было можно получить, если поблизости окажется много малоземельных крестьян, привязанных к своему ничтожному клочку земли и потому всегда готовых к услугам помещика. Итак, *малоземельное освобождение крепостных было, пожалуй, не менее выгодно для помещиков черноземной России, чем безземельное.* Уступить за хорошую цену небольшую часть своей земли, но зато обеспечить всю остальную землю дешевыми и постоянно готовыми рабочими руками—это одно другого стоило. К тому-же помещики не менее правительства боялись безземельного люда и вовсе не желали, чтобы в России вспыхнула новая Пугачевщина.

Но соглашаясь уступить бывшим крепостным небольшую часть своих земель, помещики черноземной полосы, в отличие от помещиков в промысловой России, предпочитали уступить эту землю не в собственность, а лишь в постоянное пользование и при этом вовсе не желали, чтобы правительство или казна вмешивалась в их земельные дела с крестьянами. Желая, как можно дороже и выгоднее уступить крестьянам ничтожные клочки из своих имений, помещики хлебородной части России предпочитали отдавать эту землю по частным полюбовным сделкам с своими бывшими крепостными. Они рассчитывали, что нуждающийся в земле крестьянин поневоле даст ту цену, которую землевладелец запросит. Самое большее, что требовалось, по мнению южных помещиков, от правительства—это казенная помощь безденежному крестьянину в том случае, если он захочет купить уступленную ему землю в собственность; тогда казна должна помочь крестьянину—дать ему денег в долг, чтобы он мог уплатить за землю назначенную помещикам цену.

Итак, *выгоды помещиков черноземной хлебородной России заставляли их требовать, чтобы крестьяне получили как можно меньше земли и чтобы уступка этой земли была производима по „добровольным“ соглашениям между крестьянами и помещиками при поддержки покупщиков ссудою из казны.*

Таким образом, интересы помещиков промысловой России толкали их к тому, чтобы выторговать у правительства при отмене крепостной неволи как можно более высокую цену за отдаваемую крестьянам землю, а помещиков черноземной России заставляли торговаться главным образом из-за того чтобы урезать до самой последней крайности крестьянские наделы и уступить их на самых выгодных для себя условиях.

Стало быть, интересы северных и южных помещиков оттолкнули их между собою и заставили вступить в ожесточенную борьбу. Каждая партия старалась привлечь на свою сторону правительство и провести при отмене крепостного права полностью свой план освобождения.

Это обстоятельство поставило правительство между двух огней; в его среде были сторонники и той и другой помещичьей партии, что и заставляло правительство при выработке плана

крестьянской реформы постоянно колебаться, склоняясь то на ту, то на другую сторону. Но в то-же время эта борьба партией в помещичьем кругу представляла и некоторую выгоду для правительства тем, что делала его самостоятельнее и свободнее от влияния какой нибудь *одной* дворянской партии и дааала ему простор выбирать из домогательств и той и другой стороны то, что казалось ему самому наиболее полезным для государства.

Правительство при этом понимало интересы государства по своему: прежде всего оно заботилось о том, чтобы отмена крепостной неволи прошла без волнений и бунтов со стороны крепостных. Поэтому оно приняло не только различные полицейские меры к сохранению порядка и спокойствия, но и постаралось предупредить самые причины недовольства со стороны народа. С этой целью оно решительно отказалось и от назначения открытого, прямого выкупа за „душу", освобождаемых крепостных и от безземельного освобождения. С этой-же целью оно не только сохранило мирское управление крестьянских обществ, но сделало все возможное, чтобы власть мира, поставленного под строгий надзор чиновников, вполне могла заменить для крестьянина отменяемую власть барина.

Другой заботой правительства были выгоды казны: освобождаемый крепостной должен был быть исправным плательщиком податей; а для этого ему нужно обеспечить не только двор и усадьбу, но и небольшое пахотное поле для ведения собственного хозяйства. Вот почему правительство настаивало на наделении крестьян землею.

Интересы-же казны заставили правительство противиться желаниям северных помещиков, чтобы правительство взяло на счет казны выкуп крестьянских наделов у землевладельцев. На такой выкуп у казны не было денег, а достать денег за границей в долг после крымского поражения было не легко; поэтому правительство отказалось сделать выкуп наделов обязательным и немедленным; не решилось также и принять это дело всецело на счет казны.

Соблюдая, таким образом, интересы внутреннего полицейского порядка и выгоды казны, правительство и выбирало между домогательствами борющихся друг с другом помещичьих партий, уступая в одном—северянам, в другом—южанам, в третьем—отстаивая свои собственные выгоды и виды.

Эта борьба, разгоревшаяся в 50-х годах XIX столетия, от вступления на престол Александра II до окончательного подписания им манифеста 19 февраля 1861 г., привела в конце концов к следующему решению „крестьянского вопроса".

Земля, согласно единодушному требованию помещиков, *признана была их* полною и неотъемлемою *частной собственностью*, а *крепостные крестьяне—безземельными съемщиками* (арендаторами) этой *чужой земли*. Однако за крепостными было признано правительством право на получение *надела* из имений их бывших господ.

Надел этот состоял из двух частей: 1) *усадьбы* с двором и 2) *сельско-хозяйственных угодий*—пашни, лугов, выгона и пр.; то и другое крестьяне получали в „постоянное пользование" за оброк (наемную плату) в пользу землевладельце. По добровольному соглашению между помещиком и крестьянами последние могли весь надел или одну усадьбу выкупить у землевладельца в собственность, причем казна оказывала им свою поддержку, уплачивая за них деньги помещику и рассрочивая уплату ими долга казне на несколько лет.

Самые, *размеры надела* были установлены по следующим правилам. Вся Россия разделена на три больших полосы: 1) промысловая нечерноземная, в которую вошли срединные подмосковные губернии и те, которые лежат на север, северо-запад и отчасти северо-восток от Москвы: таковы губернии Московская, Владимирская, Костромская, Ярославская, Тверская, Новгородская, Петербургская и др., где при крепостном праве крестьяне находились по большей части на оброке. 2) Черноземная полоса, в которой преобладало барщинное ведение помещичьего хозяйства, заключало в себе хлебородные губернии южной Великороссии и среднего Поволжья, как Тамбовская, Тульская, Курская, Орловская, Пензенская, Симбирская и др. 3) Степная полоса, где по большей части велось еще самое простое хозяйство на вновь распаханной целинной земле, состояла из самых южных губерний Новороссии и Малороссии, как Харьковская, Херсонская, Симферопольская и др.

В нечерноземной полосе надел был определен в разных условиях: от 3 до 8 десятин на мужскую („ревизскую") душу; в черноземной он был от 3 до 4½ дес. и в степной—от 6-ти до 12 дес. на рев. душу.

Для каждого уезда был определен особый размер надела, причем устанавливался и наибольший (так называемый „*максимальный*“) и наименьший („*минимальный*“) размер надела. Крестьяне не могли получить больше *максимального* и меньше *минимального* надела.

Но как-же определялось, сколько земли должен был заключать в себе максимальный надел и сколько минимальный. И для чего устанавливались наибольшие и наименьшие размеры надела?

Происхождение этих наделов об'ясняется борьбою помещичьих партий из за земли и желанием правительства удовлетворить и тех и других, а в то же время обеспечить и интересы казны.

Наибольшим, максимальным наделом был признан средний, чаще всего встречающийся в уезде душевой участок земли. находившийся в пользовании крестьян при крепостной неволе, Мы уже говорили, что в оброчных имениях обыкновенно почти вся земля отдавалась помещиком в пользование крепостных; в барщинных-же имениях—чаще всего она делилась между помещиком и крепостными приблизительно пополам, так что на своем наделе крестьянин мог только прокормиться и работал обычно три дня в неделю. В общем и среднем надел крепостного барщинного крестьянина равнялся приблизительно продовольственной норме и половине трудовой. Вот этот-то обычный, чаще всего встречавшийся в каждом уезде размер крепостного надела и был признан теперь *максимальным, наибольшим*, выше которого крестьянин получить не мог.

Устанавливая это правило, правительство шло на уступки домогательствам южных, черноземных землевладельцев, старавшихся сократить как можно более ту часть земли, которую приходится уступать крестьянам. Раз было решено, что более максимального надела никто получить не может, все излишки земли у крестьян, оказавшиеся в отдельных имениях должны были отрезаться и оставляться помещику. Необходимость таких отрезков правительство об'ясняло тем, что при крепостном праве бывали такие добрые или недальновидные помещики, которые слишком щедро наделяли своих крестьян

землею. В таком случае было бы для них обидно из за своей доброты лишиться большого количества земли.

Но с другой стороны бывали и такие помещики, которые из жадности или почему-нибудь другому отбирали у крестьян всю или почти всю землю, так что наделы крепостных явно не могли-бы прокормить их. В таком случае несправедливо для крестьян было бы оставить их на таких ничтожных наделах, да и казне невыгодно было получить совершенно неспособных к уплате податей подданных. В виду этого правительство решилось установить и *минимальный*, меньшей размер надела для каждого уезда. Те помещики, у которых наделы крепостных были меньше этого *минимального* надела, обязывались *прирезать* им недостающее до *наименьшего* надела количество земли. А наименьшим считался надел составляющий *треть* наибольшего, максимального надела. Так, если максимальный надел был определен для уезда в 3 дес. на „ревизскую“ душу, то минимальный должен был быть в *одну* десятину; если максимальный был *6 дес.*, то минимальный—*2 десятины* и т. д. Поэтому минимальный надел получил еще название *третного*.

Как же определялся действительный размер надела крепостных при выходе их на „волю“? Возьмем такой примерный случай.

Допустим, что в каком нибудь уезде было 10 имений: в трех из них у крепостных было по 2 дес. на рев. душу, в двух—по 3 дес., в двух других по 4-е, в одном—по 5-ти дес. и еще в двух—по одной десятине на муж. душу. Каков-же будет *максимальный* надел в этом уезде? Он должен быть *средним арифметическим* 10-ти слагаемых указанных выше, т. е. наибольший размер надела будет 2,7 дес. на муж. душу [1]). Следовательно, во всех тех имениях, где крепостной надел был больше 2, 7 дес., а таких имений в уезде 5, излишки должны быть отрезаны у крестьян в пользу помещиков. В тех двух имениях, где наделы были по 3 дес. на душу, помещик удержит по 0,3 дес. из надела каждого крепостного „ревизского“; в других двух имениях с наделами в 4 дес., отрезки

---

[1]) 2+2+2+3+3+4+4+5+1+1=27. 27 : 10=2,7.

будут еще выше—по 1,3 дес. с души, а в одном имении с наделом по 5 дес. и еще выше 2,3 дес. с души.

Минимальный надел равняется *трети* максимального; следовательно для этого уезда *он будет равен 0,9 дес.* А так как в уезде самый маленький крепостной надел равен 1 дес., то крестьяне пяти имений, где при крепостной неволе было меньше максимального надела (2,7 дес.), *никакой прирезки не получат* и останутся при прежних крепостных наделах. Они получили бы прирезку только в том случае, если бы где нибудь крепостной надел в уезде был *меньше* 0,9 дес.

В конце концов в этом уезде крестьяне 5-ти имений проигрывают при отмене крепостной неволи, теряя часть своих прежних земель, а помещики выигрывают. Крестьяне же и помещики остальных имений остаются при своих прежних земельных отношениях: земли тех и других, как были при крепостном праве, так и остались у старых владельцев. После наделения крестьян в этом уезде получилась-бы следующая картина: в 5-ти имениях на ревизскую душу пришлось по 2,7 дес. (а было-бы—больше); в трех—по 2 дес. и в двух—по 1 дес. Очевидно, что такие перемены в земельных отношениях крестьян и помещиков явно выгодны только последним.

В действительности так и получилось вследствие применения на деле правил о максимальном и минимальном наделе. Отрезки в пользу землевладельцев оказались гораздо больше, чем прирезки в пользу крестьян. Так. в 36-ти губерниях Великороссии и Малороссии при крепостной неволе у крестьян было всего 28 миллионов 722 тысячи десятин земли, а стало после „освобождения"—24 мил. 967 тыс. дес., т. е. меньше на 3 мил. 775 тыс. дес.; иначе говоря, из каждой сотни десятин крестьяне потеряли по 13,1 дес. При этом из 36 губерний в 27-ми количество крестьянской земли убавилось и только в 9-ти—прибавилось. Отрезка произошла главным образом в губерниях Поволжья, Подонья и восточного Поднепровья (Саратовская, Самарская губ. и др.), где было отрезано более 25% (25 дес. на сотню). Значительные отрезки произошли и в средних черноземных губерниях. Прирезана-же земля крестьянам была в 8-ми северных и восточных губ., да еще в Могилевской. Кроме того в Белорусских губерниях (Ковенской, Гродн-

ской, Виленской, Витебской и Минской) прибавлено было крестьянам около 1 мил. (948 тысяч) дес. (т. е. до 27%) и в югозападной Малороссии (Киевская, Волынская, Подольская губ.), прирезано свыше миллиона (1,385 тыс.) десят. т. е, около 47%.

В конце концов, если не считать последних трех губерний, где прибавка земли крестьянам была произведена несколько позже и вынуждалась желанием правительства привлечь на свою сторону малороссийских крестьян против мятежных польских помещиков, то в коренной России наделы бывших крепостных увеличились преимущественно в нечерноземной полосе, там, где помещики не дорожили землей и наоборот. уменьшились там, где земля была ценна—на хлебородном черноземе. Следовательно, правила о максимальном и минимальном наделе оказались в конце концов гораздо выгоднее для помещиков, чем для крестьян, у которых в общем было отнято путем „отрезков" до 5-ти миллионов дес. земли, бывшей в крепостную пору.

Как сильно ухудшилось земельное обеспечение бывших крепостных в некоторых губерниях, видно из примера Саратовской губернии, Здесь из 1 мил. 78 тыс. дес., бывших в пользовании крепостных осталось у крестьян после „воли" только 834 тыс. дес., т. е. 77 дес. из каждой сотни. При этом *больше* прежнего получила земли четырнадцатая часть крестьян; у четвертой части надел остался такой-же, какой и был, а у двух третей он уменьшился и уменьшился очень сильно. Вследствие этого после „воли" в среднем расчете на рев. душу пришлось по губернии менее 3 дес. (2,8), а до „воли" приходилось почти по 5 дес.

Но этим южные помещики не удовольствовались. Они добились от правительства весьма важной уступки, которой они очень ловко воспользовались, чтобы почти вовсе обезземелить многих бывших крепостных. Правила о максимальном и минимальном наделе говорили о земле, которая давалась крестьянам *за плату*: за оброк или за выкуп. Желая удержать за собою как можно больше земли, помещики черноземных и степных губерний настояли на том, чтобы помещику по добровольному соглашению его с крестьянами было разрешено вместо полного или третного надела в постоянное поль-

зование за оброк давать своим бывшим крепостным $^1/_4$ часть полного надела *совершенно даром в их собственность.* Этот *четвертной* или *дарственный* надел получил в народе кличку „нищенского“ или „сиротского“. Если вернуться к тому примеру, который мы приводили, то в том уезде, где полный надел был 2,7 дес., помещик мог предоставить крестьянам вместо 2,7 дес. всего лишь около 0,7 дес. на душу, но зато бесплатно и в собственность. Это было-бы меньше, чем при крепостном праве приходилось крестьянину в самых малоземельных имениях здешнего уезда.

Но ведь на замену полного или третного надела дарственным требовалось *согласие* крестьян. Никто не мог их заставить отказаться от полного надела и удовольствоваться „нищенским“. Как же об'яснить, что дарственников оказалось в конце концов довольно много в России? Об'ясняется это многими причинами: во первых, условия платежа оброка и выкуп за надел были, как мы ниже увидим, довольно тяжелы для крестьян; во вторых, в многоземельных южных краях, где наем земли у помещика стоил в то время еще очень дешево, крестьяне надеялись дополнить недостаток надельной земли наймов земли у соседнего помещика, не догадываясь, что цены на наем земли скоро и быстро возрастут. Наконец, разница между третным и четвертным наделом была часто так невелика, что помещику легко было уговорить крестьян взять дарственный надел бесплатно вместо того, чтобы платить за третной оброк и всетаки не иметь собственной земли ни десятины. На самом деле: в нашем примере третной надел был равен 0,9 дес. на душу, а четвертной почти 0,7 дес. Разница в 0,2 дес. на душу при дешевой аренде была так невелика, что третнику казалось даже выгодным получить дарственный надел.

Все эти причины и привели к тому, что при наделении освобождаемых крепостных землею среди них оказалось довольно много дарственников: именно 640 тысяч ревизских душ или 6%. Особенно много таких „нищенских“ наделов было на востоке и юге, в таких губерниях как Оренбургская (почти $^3/_4$ крепостных получили „сиротские“ наделы), Уфимская, Самарская ($^2/_5$—дарственников), Пермская, Саратовская, Таврическая (около $^1/_3$), Воронежская, Екатеринославская и Казанская (около $^1/_4$ дарственников).

Было и еще одно обстоятельство, способствовавшие сохранению земли в помещичьих руках. Хотя за крестьянами и признавалось право на прирезку земли в тех имениях, где при крепостном праве у них было меньше трети полного надела, однако это правило действовало только там, где у помещика за наделением крестьян, оставалось еще не менее $^1/_3$ его земли. Эту *треть* помещик должен был сохранить во что бы то не стало, хотя бы для этого пришлось урезать крестьянские наделы ниже $^1/_3$ высшего их размера. При этом треть, сохраняемая обязательно за помещиком, высчитывалась таким образом, что принимались во внимание лишь земли удобные и лежащие не далее 12-ти верст от селения.

При таком рассчете могло случится, что у богатейшего помещика, владеющего землями в разных уездах, крестьяне не получали минимальных наделов, ибо вблизи некоторых из его имений не хватало земли за вычетом в пользу помещика обязательной трети.

Надел, как уже упоминалось, крестьяне получали не в собственность, а лишь *в постоянное пользование*, при чем в первые 9 лет они не могли даже отказываться от принятия этого надела. Так как *земля* признана была дворянской частной собственностью, то за постоянное пользование наделами бывшие крепостные должны были уплачивать землевладельцам *оброк* размере от 8-ми до 10-ти руб. с души при полном, *максимальном* наделе. При *третном*-же наделе оброк понижался но не на две трети, как следовало-бы по количеству земли, а только *на одну треть*. Если напр., полный надел был в уезде 6 десятин, а оброк за него 9 р., то за третной надел в 2 десятины нужно было платить не 3, а 6 руб; следовательно, при высшем наделе на 1 десятину падало на круг $1^1/_2$ руб. оброка, а при неполном, третном—3 руб., *вдвое больше*.

Такая несообразность и явная несправедливость получилась вследствие особого способа оценки надельной земли, придуманного тверскими помещиками для того, чтобы под видом платы за землю получить *выкуп за крепостные рабочие руки*, которых они теперь лишались. Этот способ оценки назывался „системой регрессивной градации“ и состоял в следующем хитром рассчете.

Первая десятина надела, в которую включалась и усадебная земля оценивалась очень высоко: на нее падала почти половина всего оброка. Напр., при 9 рублевом оброке с первой десятины нужно были платить 4 руб. Вторая десятина в тех местностях, где землю унавоживали, ценилась ниже первой, но выше остальных, а там, где земля не унавaживалась – все десятины надела, кроме первой ценились уже поровну. Таким образом, при 9-ти рублевом оброке в местностях с удобрением полный надел в $3^1/_2$ дес. оценивался так: за первую десятину—4 р, за вторую 2 р. 50 к., на третью 1 р. 66 к. и на $^1/_2$ четвертой 83 коп. Если-же удобрения не было, тот-же надел оценивался несколько иначе: на 1-ую десятину—4 р., на все прочие—по 2 руб. Третной-же надел в тех-же местностях облагался 6-ю рублями, так как и в удобряемых и неудобряемых имениях первая десятина брала 4 р., а остальная небольшая добавочная часть надела расценивалась по 2 р. 50 к. или 2 р. с десятины. Следовательно, чем меньше был надел, тем дороже он стоил крестьянину. Неудивительно, что многие крестьяне отказывались от третного надела, предпочитая бесплатно получить $^1/_4$ полного, чем платить $^2/_3$ оброка за $^1/_3$ полного надела, да еще получить его не в собственность, а лишь в „постоянное пользование“.

Допуская такую, явно несправедливую для крестьян оценку надела, правительство действовало в интересах помещиков и при том главным образом—помещиков нечерноземных губерний, которые получали под видом платежа за землю выкуп за отмену их крепостного права на труд крестьянина. Оправданием-же такой оценки служило то благовидное соображение, что ближние к усадьбе земли (первая десятина) были лучше обработаны, чем дальние.

Помещики черноземной полосы тоже не были обижены правительством: они получили от него в свою пользу правила о дарственном наделе и временное сохранение барщины. Именно крестьяне черноземных местностей вместо оброка должны были в течение 2-х первых лет по освобождении отправлять определенное законом количество работ и натуральных повинностей на своего бывшего барина. Так, напр., в Николаевском (Самарск. губ.) уезде крестьяне за высшей надел в 6 дес. должны были нести 40 дней барщины, что соответствовало 9 рублевому

оброку, а за низший 2-х десятинный—20 дней барщины или 5 руб. оброка. Следовательно, за каждую десятину при полном наделе приходилось работать 6 слишним дней, а при низшем— 10 дней.

Земля в надел отводилась *не каждому* крестьянину *отдельно, а целому сельскому обществу* по числу ревизских душ в нем, при чем на все общество падала круговая порука в исправном платеже оброка и несении барщины.

Бывшие крепостные крестьяне, получившие землю в „постоянное пользование“ за оброк, названы были „временно обязанными“, потому что все обязательства по отношению к их бывшему барину лежали на них лишь „временно“, до выкупа ими своих повинностей к владельцу земли. Тогда наделы становились их собственностью. Выкупать же повинности крестьяне могли только с согласия землевладельца.

Правда, они могли потребовать от него отдельно выкупа усадьбы, но не всех повинностей с надела. Наоборот, помещик мог принудить крестьян перейти на выкуп. Что-же касается правительства, то оно не брало на себя почина в выкупе крестьянами повинностей за наделы; оно только приходило им на помощь деньгами, если они заявляли желание приступить к выкупу. Тогда правительство брало на себя уплату денег помещику, а крестьян делало должниками казны, рассрачивая им долг на много лет.

Однако правительство не решалось всетаки вполне предоставить добровольному соглашению крестьян с помещиками установление самой цены на землю и способов уплаты долга. Оно боялось, как-бы крестьяне, будучи более слабыми и мало сведущими в законах людьми, не были втянуты помещиком в такую тяжелую сделку, которая могла бы разорить их и тем лишить казну ее плательщиков податей.

В виду этого правительство установило заранее и правила выкупа наделов. Правила эти заключались в следующем.

Сельское общество, пожелавшее с согласия землевладельца выкупить свою надельную землю в собственность, получало из казны ссуду в размере 80% стоимости земли при полном наделе и 75%—при неполном. Стоимость-же высчитывалась по оброку. Оброк приравнивался ежегодному доходу с капитала в размере 6%. За надел нужно было уплатить столько, чтобы

полученная помещиком сумма денег, будучи положена в банк из 6% годовых, приносила ему такой-же доход, как и оброк. Поэтому, при оброке в 9 руб. с души, за полный надел казна давала крестьянам ссуду в 120 руб., а при неполном— в $112\frac{1}{2}$ р.[1]) Это и составляло 80 и 75%% капитала, проценты с которого равнялись оброку. Остальные 20—25%% стоимости надела крестьяне должны были уплатить помещику сами, без помощи казны. Правительство платило помещикам за крестьянские наделы доходными процентными бумагами (так наз. „выкупные свидетельства“), а с выкупающих наделы крестьян в рассрочку на 49 лет взыскивало уплаченную помещику сумму. При этом в ежегодный выкупной платеж включены были и расходы казны на всю эту выкупную операцию. За исправность выкупных платежей все сельское общество отвечало круговой порукой.

Кроме того дозволялось и отдельным хозяевам выкупать свои наделы в собственность, не дожидаясь, когда на выкуп перейдет все общество. Но для этого необходимо было внести в казну всю оценку выкупных платежей сразу, на что способны были только очень богатые крестьяне.

Само собою понятно, если рассчет выкупа производился по оброку, то и платить выкуп было тяжелее тем крестьянам, которые получали неполные наделы. Так, напр., в местностях с 3-х десятинным полным наделом и 9-ти рублевым оброком выкуп десятины земли обходился при полном наделе в 40 р., а при третном—в 53 р. 33 коп., т. е. дороже приблизительно на целую треть.

Вот каковы были те условия, на которых крепостные крестьяне получили „землю и волю“ в 1861 году из рук царя и дворянства.

Теперь посмотрим, как-же изменилось земельное положение помещиков и их крестьян от этого переустройства.

Накануне „реформы“ у дворян было около 105 миллионов десятин земли, а у казны в Европейской России—приблизительно вдвое больше этого. Дворянская земля распределялась между владельцами крайне неравномерно, о чем можно судить

---

[1]) $9\text{ р.} + \frac{100}{6} + \frac{80}{100}$ или-же $9\text{ р.} + \frac{100}{6} + \frac{75}{100}$

по тому, у кого сколько было во владении крепостных крестьян. Накануне отмены крепостного права у 102 тысяч (муж. пола) дворян было во владении около 12 миллионов „ревизских“ душ (11. 907 тыс.), из которых $^{8}/_{10}$ находились в имениях крупных владельцев, державших каждый не менее 100 рев. душ, а таких владельцев среди дворян не было даже $^{1}/_{4}$ их числа. При этом почти половиной всех крепостных (47%-ми) владели крупнейшие из дворян: у каждого из них находилось во власти не менее 500 рев. душ, а сами они едва-едва составляли 4% всего дворянства. Таким образом выходит, что у ничтожной кучки дворян была в крепостной неволе чуть не половина всех помещичьих крестьян. Наоборот, остальное дворянство, более $^{3}/_{4}$ его, владело все вместе едва $^{1}/_{5}$ всех крепостных, имея кто 10, кто 20, кто 50 „ревизских“ душ, но менее сотни. Соответственно этому распределению крепостных среди дворянства распределялись и земли. Громадными имениями в тысячи десятин владели не многие вельможи, вроде графов Орловых-Давыдовых, Шереметьевых и др., а множество уездных дворян были „мелкопоместными“, земли которых исчислялись одной—двумя сотнями десятин.

При отмене крепостного права дворяне уступили в надел крестьянам из своих 105 мил. десятин около $35^{1}/_{2}$ (35697) мил. дес. (по 45 губерниями), т. е приблизительно $^{1}/_{3}$, а $^{2}/_{3}$ удержали за собою. Отведенные в надел бывш. крепостным земли так расположились по трем главным полосам России. В 15-ти нечерноземных губерниях до отмены крепостного права у крестьян было 13 мил. 944 тыс. десятин, а стало теперь 13 мил. 390 тыс., меньше на 554 тыс. дес.: убавилось 4 дес. из каждой сотни. В 21-ой черноземной губернии до „освобождения“ крепостные пользовались 14 мил. 16 тысячами десятин, а получили в надел 10 мил. 709 тысяч дес., меньше на 3 мил. 307 тысяч дес.; иначе говоря, из каждой сотни они потеряли около 24 десятин.—Наконец, в 9-ти западных губерниях вместо 7-ми мил 737 тыс. дес. крестьяне получили 10 мил. 901 тыс. дес., т. е. по 41 дес. на сотню больше. Если отбросить западные губернии, где прирезкой земли за счет польских помещиков правительство хотело привлечь на свою сторону малороссийских крестьян, то по 36 губерниям коренной России мы замечаем потерю крестьянами земли при вы-

ходе их на „волю“; в общем они потеряли здесь 3 миллиона 861 тысячу, а по всей Европейской России и еще больше— до 5 мил. дес., т. е. 18 дес. из каждой сотни. К этому привели „отрезки“ и другие ухищрения, которых удалось, как сказано выше, добиться помещикам, чтобы удержать у себя побольше земли.

Но главное зло от этих „отрезков“ заключалось не в том, что земли у крестьян стало меньше, а в том, что самая эта земля ухудшилась и при этом бывшие крепостные попали в новую хозяйственную зависимость к своим бывшим „господам“. Произошло это от того, что в „отрезки“ попали (часто вполне обдуманно и с хитрым рассчетом) такие необходимые для крестьянского хозяйства угодья, как выгоны, луга, водопои, проезд в поле и пр. Некоторые помещики воспользовались своим правом отрезки для того, чтобы отнять у крестьян самые лучшие земли и оставить им худшие; другие вырезали крестьянам в надел длинные и узкие полосы, так что крестьянские поля оказались растянутыми на десятки верст; везде наделы оказались разбросанными черезполосно в разных местах и часто со всех сторон были окружены помещичьими землями. Все это нанесло крестьянскому хозяйству неисчислимый вред и связало бывших крепостных по рукам и ногам.

В среднем рассчете бывшие крепостные получили по 3,2 дес. земли на ревизскую душу, а имели до „воли“ по 3.7 десятины. Но полученная земля в действительности распределялась внутри крестьян очень неравномерно. Так, по 45-ти губерниям коренной России *из каждой сотни* ревизских душ: 6 человек получили самые ничтожные клочки — меньше 1 дес.; 41 человек получил наделы от 1 до 3 десятин; почти столько же крестьян, именно 42—наделы от 3 до 5 десятин и лишь 11 человек — наделы более крупные. Следовательно, почти $^9/_{10}$ быв. крепостных получили менее 5 дес. на муж. душу, а около половины (47%) даже менее 3 десятин.

Особенно мелки были полученные бывшими крепостными наделы в восьми серединных черноземных губерниях; здесь из каждой сотни ревизских только одному достался надел крупнее 5 дес., а все остальные 99—получили более мелкие наделы. При чем наделы от 1 до 3 десятин получили 70 человек из

сотни, а еще более мелкие наделы—8 человек. Стало быть $^{8}/_{10}$ здешних крестьян не имели и 3 дес. на рев. душу.

Но кроме этих самых малоземельных крестьян среди освобождаемых крепостных было немало и вовсе безземельных людей, которые совершенно не получили наделов. Это были—„дворовые", т. е. те крестьяне, которые при крепостной неволе находились „во дворе" барина, работая на него, как прислуга и не имея своего отдельного земледельческого хозяйства. Они находились на полном содержании помещика и часто жили в особых „людских" избах и казармах, построенных на барском дворе. Все эти „дворовые"—лакеи, повара, кучера, конюхи, псари и т. п. крепостные слуги были отпущены на „волю" без земли. Перед „освобождением" число „дворовых" доходило до 720 тыс. душ муж. пола. При этом за последние годы перед „волей" многие помещики, не желая расставаться с своей землей, начали усиленно брать крестьян „во двор", обезземеливая их заранее, чтобы не дать им при „освобождении" надел. Эти злоупотребления были, правда, замечены и запрещены правительством, но было уже поздно, да и запрет трудно было уследить за переводом крепостных из крестьян в „дворовые".

Кроме того в крепостных имениях были и еще безземельные работники, трудившиеся на пашне. Это были так называемые „месячники": этим именем называли крепостных крестьян, обезземеленных помещиками и содержимых наряду с дворовыми всецело на счет хозяйства барина. „Месячники" вместо надела земли получали „месячину", т. е. каждый месяц им давался определенный продовольственный паек натурой, но зато они все время должны были употреблять на работу в барских полях. Такой способ ведения крепостного помещичьего хозяйства встречался чаще всего на юге и юго-западе России. Всего безземельных „месячников" насчитывалось накануне „воли" до 137 тыс. рев. душ. Вместе с „дворовыми" число крепостных, отпущенных без земли, доходило, следовательно, до 860 тыс. муж. душ.

Таким образом, кроме малоземельных крестьян с отменой крепостной неволи появился в деревне и настоящий безземельный пролетариат.

Итак "крестьянская реформа" 19 февраля 1861 года, охраняя неприкосновенность земельной собственности дво-

рянства, создала на помещичьих землях особый вид арендаторов, бывших крепостных, получивших наделы в „постоянное пользование“ с правом выкупа их в собственность. Она сократила почти всюду в черноземной полосе количество земли, находившейся до того времени в хозяйственном пользовании бывших крепостных крестьян; кроме того она ухудшила качество и состав угодий этих земель, создавши этим для крестьянского хозяйства небывалые трудности и поставив его в полную зависимость от помещика через „отрезки“ необходимых крестьянам угодий. Наконец, она укрепила и еще усилила малоземелье бывших крепостных крестьян и тем зажала их сельское хозяйство в тиски, не давая ему простора для усовершенствования и улучшения.

Последнее утверждение нуждается в следующем пояснении. Припомним, что крепостной крестьянин в лучшем случае имел в барщинных поместьях столько земли, чтобы прокормить семью; больше он и не мог бы обработать, так как половина его времени (3 дня в неделю) уходила на работу в барских полях. Между тем даже высшие наделы сохраняли крестьянину его прежний крепостной надел. А так как теперь он не обязан был более работать на барина, то полученной земли ему оказалось совершенно недостаточно, чтобы 1) улучшить свою жизнь и продовольствие своей семьи; 2) прокормить хотя-бы и попрежнему скудно прибылые души; 3) работать в своем хозяйстве в полную меру своих сил все дни недели; 4) вполне разумно употреблять в своем хозяйстве свое земледельческое обзаведение—лошадей, плуги, бороны и т. п. орудия. Ведь раньше этого обзаведения хватало и на барское и на крестьянское хозяйство вместе. Теперь оказался излишек вследствие недостатка надельной земли.

Так дело обстояло там, где крестьянин не потерпел урезки своего прежнего земельного пользования; тем более нехватка надельной земли должна была вредно подействовать на крестьянское хозяйство там, где прежние наделы уменьшились. Здесь кроется один из самых главных корней малоземелия, угнетавшего крестьянство преимущественно в черноземной, хлебородной части России.

Что-же касается нечерноземной, промысловой ее части, то здесь беда заключается не столько в нехватке надельной

земли, сколько не в сообразности наложенных на нее платежей с доходностью от сельского хозяйства. Здесь помещики, не дорожа плохой землей, не поскупились предоставить бывшему крепостному люду не только всю прежнюю, но во многих местах еще и добавочную землю. Но оброк за нее был рассчитан на доходы не от этой земли, а от посторонних крестьянских заработков и промыслов. Это видно из того, что в промысловых, нечерноземных губерниях дохода с надела едва хватало на покрытие лишь половины ежегодных платежей. Следующее сравнение цен на наем (аренду) земли с платежами за надел показывает, что надел в промысловых местностях оказывался *разорителем* для крестьян. В Подольском уезде (Московск. губ.) аренда десятины земли стоила 1 р. 30 к., а платежи за десятину надела—были 3 р. 30 к.; в Серпуховском уезде (Владимирск. губ.) аренда 98 к., платежи 3 р. 50 к. и т. п. Этим об'ясняется то, что во многих нечерноземных губерниях крестьяне не дорожили полученным наделом, считали его „разорителем", плакали от него и бежали от земли. В Каминском уезде (Тверск. губ.) с наделом—„разорителем" насчитывалось 88 обществ из каждой сотни их; в Козельском уезде—75 на сотню и т. д.

Тяжесть-же платежей зависела от высоких оброков и невыгодных условий выкупа. Если-бы крепостные могли сразу купить у помещиков всю землю, отведенную им в наделы, то эта покупка обошлась бы им гораздо дешевле, чем выкуп наделов в рассрочку по стоимости оброка, приравненного к доходу с капитала. А именно, по выкупу крестьяне должны были заплатить 867 мил. руб. за 32 мил. 268 тыс. дес., т. е. по 27 руб. за дес. на круг, а по ценам 1854—1858 годов такое количество земли стоило 544 мил. руб. или на 323 мил. руб. меньше. Следовательно, на каждой десятине крестьяне должны были при выкупе переплачивать в среднем по 17 руб.

Однако в действительности выкуп стоил дороже там, где обычно земля стоила при вольной продаже всего дешевле, именно—в нечерноземной промысловой полосе. Здесь цена земли, отведенной в надел бывшим крепостным, была выше, чем в вольной продаже, на 188 мил. р. или на 121%. Иначе говоря, вместо того, чтобы заплатить 100 руб., крестьянин при выкупе должен был уплачивать 221 р., почти в 2 с

четвертью раза дороже. Вместо 13 руб. за десятину крестьянин нечерноземной полосы должен был по выкупу платить 28 р. 50 коп. Очевидно это был выкуп не земли, а „душ", права помещиков на крепостной труд.

Но и в черноземной полосе, где земля была и в вольной продаже гораздо дороже, крестьяне при выкупе переплачивали значительно. Так, по рыночным ценам 1854—1858 годов за 9 мил. 341 тыс. дес., полученных здесь в надел, следовало бы заплатить 219 мил. руб., а по выкупной стоимости они ценились в 342 мил. руб., т. е. на 123 мил. руб. или на 56% дороже. И здесь крестьянин вместо 100 руб. платил 156 руб. Каждая десятина надела обходилась черноземному крестьянину по выкупу около 34 руб., а стоила около 21 руб., на 13 руб. дешевле.

Всего ближе к вольным ценам была выкупная оценка в западных губерниях где на 10 мил. дес. надела крепостные переплачивали при выкупе только 13 мил. р. или 8%. Следовательно, всякий раз вместо 100 р. они платили 108 руб. и десятина выкупаемой земли обходилась им в 18 руб. при цене ее в 17 руб.

Впоследствии, в начале 80-х годов XIX века, выкупные платежи были понижены, но это произошло уже тогда, когда, как мы в свое время увидим, выяснилась несообразность платежей с доходностью надельной земли.

Вот каковы в конце концов были изменения в земельном положении помещиков и их крестьян, происшедшие от уничтожения крепостного права на узаконенных „Положением 19 февраля 1861 г." условиях.

Устройство помещичьих крестьян при об'явлении их вольными повело за собою меры правительства к новому земельному обеспечению и других разрядов крестьян, из которых самыми многочисленными были крестьяне удельные и государственные (казенные).

„Удельными" с конца XVIII века (с 1797 г.) стали называться те бывшие дворцовые крестьяне, которые должны были работать на содержание императорской фамилии, составляли ее „удел", особую родовую собственность вместе с теми землями, на которых они жили. Дворцовые-же крестьяне до перехода в „удельное" ведомство ничем почти не отличались

от прочих государственных крестьян; разница была лишь в том, что доходы, получаемые с них казною, расходовались на нужды двора и содержание царской семьи. В половине XVIII-го века, незадолго до своего обращения в „удельные", дворовые крестьяне имели в нечерноземных губерниях от 2 до 6 дес. пашни на душу м. п., а в черноземных—от 4 до $7^{1}/_{2}$ дес. У них также существовало мирское устройство и шла сильная борьба между мирскими людьми за передел земли. Во время этой борьбы дворцовые крестьяне и перешли в „удельное" ведомство. В своих собственных интересах императорская семья старалась, чтобы имения, на доходы от которых она жила и богатела, были хорошо устроены. Поэтому „удельное" ведомство заботилось об обеспечении своих крестьян землею и правильном распределении этих земель между крестьянами. С этой целью оно наделяло их необходимыми угодьями, помогало переделам земли, переселяло из малоземельных имений в многоземельные и пр. Вследствие всего этого хозяйственное и земельное положение удельных крестьян было не хуже, а местами и лучше, чем положение государственных крестьян.

Приступая к освобождению помещичьих крепостных, правительство распространило и на удельных крестьян главные правила выхода на „волю". Однако, их хозяйственное устройство было гораздо лучше, чем бывших помещичьих. Объясняется это, во первых, тем, что и до „воли" удельные крестьяне находились в более выгодном положении, а во вторых, тем, что здесь правительству не пришлось делать уступок своекорыстным интересам дворянского сословия. Императорская семья была слишком крупным и богатым землевладельцем, чтобы торговаться из-за каждого колочка земли и из-за каждого рубля выкупа. Поэтому удельным крестьянам без урезок были отведены в надел все те земли, которыми они до того времени пользовались; причем было принято за правило, чтобы наименьший надел удельного крестьянина был не ниже высшего надела бывших помещичьих крестьян; кроме того выкуп этих наделов был сделан для них сразу-же обязательным через посредство казны, которая рассрочивала его уплату на 49 лет; само-же вычисление выкупа производилось по оброкам, которые раньше платили удельные крестьяне, без

всякого увеличения их или уменьшения. А так как наделы удельных крестьян до „воли“ были выше крепостных помещичьих наделов, а оброки—ниже, то в конце концов и условия, на которых удельные крестьяне получили “землю и волю“ оказались более выгодными для них сравнительно с помещичьими.

Удельные крестьяне на 850 тыс. рев. душ получили $4^1/_2$ мил. дес. почти по 5 дес. (4,9) на душу (а помещичьи—по 3.2 дес.). По всем губерниям (кроме Симбирской) у удельных крестьян оказалось даже больше земли, чем было раньше.

Среди удельных крестьян полученная ими земля распределялись так. Из каждой сотни рев. душ у 3-х человек было меньше 2 дес. на душу, у 39 человек от 2 до 4-х дес. на душу, у 35-ти—от 4 до 6 дес. и у 23 человек—более 6 дес. Следовательно, совершенно малоземельные среди удельных крестьян встречались очень редко; $^2/_5$ имели земли маловато, менее 4-х дес. на душу, зато большая половина (58%) располагали не менее чем 4-мя десятинами на рев. душу, при чем свыше $^1/_5$ были очень хорошо обеспечены землей, не менее чем по 6 десятин.

Как мы уже знаем, государственные крестьяне получили однообразное земельное и мирское устройство еще при министре госуд. имуществ Киселеве, с конца тридцатых до средины пятидесятых годах XIX века. Это устройство, особенно по части внутреннего управления волостями, послужило образцом для тех, кто разрабатывал план „освобождения“ помещичьих крестьян. Но когда последние получили „волю“, то через несколько лет (в 1863—1866 г.г.) вышел закон, заново определяющий земельное положение и государственных крестьян.

По этому закону все наделы, бывшие доселе в пользовании государственных крестьян, сохраняются за ними в наследственное пользование; а там, где наделы им ранее отведены не были, им нарезывается земля не более 8-ми, а в многоземельных местностях—15 дес. на ревизскую душу. Если земли в пользовании крестьян где нибудь было менее 8-ми десятин, им предоставлялось получить дополнительный надел на месте, а если это было невозможно - право на переселение в более просторные края.

За казенную землю крестьяне обязывались платить оброк, размер которого оставлен был прежний, гораздо более низкий, чем у помещичьих крестьян: через 20 лет он мог быть повышен. Оброк можно было выкупить, т. е. приобрести надельную землю у казны в собственность, но сама казна в этом им не помогала и требовала уплаты всей стоимости земли сразу.

На таких условиях около 10 мил. (10.347 тыс.) рев. душ государственных крестьян получили более 66 мил. (66.290) дес. земли, при чем в среднем на душу пришлось по 6.4 дес., *вдвое* выше среднего надела помещичьего крестьянина. Между тем платежи, падавшие на эту надельную землю, у государственных крестьян были гораздо легче, чем у помещичьих здесь 83 коп. на 1 десятину, а там 1 р. 31 коп., т. е. на 48 коп. или на 37% ниже Иначе говоря, там где государственный крестьянин уплачивал оброка 1 р., помещичий платил 1 р. 37 коп.

Итак, государственные и удельные крестьяне были обеспечены землею гораздо лучше помещичьих.

Теперь, рассмотревши земельное положение всех главных разрядов крестьян при отмене крепостного права, можно дать ответ и на вопрос о том, к чему привело в конце концов наделение крестьян землею.

Так как для трудового земледельца, каким являлся почти всякий крестьянин, земля необходима, во первых, для продовольствия себя и своей семьи и, во вторых, для приложения к ней своей рабочей силы, то количество земли у него можно было-бы признать достаточным в том случае, когда оно удовлетворяет вполне и продовольственную и трудовую (хозяйственную) нужду крестьянина—работника.

Однако, очень трудно, почти невозможно наверняка высчитать, сколько именно десятин в каждой из местностей необходимо и для продовольствия и для трудового хозяйства крестьянина. Поэтому, чтобы хотя бы приблизительно выяснить, насколько удовлетворяли продовольственную и трудовую нужду крестьянина отведенные ему в 60-х годах XIX века наделы, приходится прибегать к следующим далеко не точным и неполным рассчетам.

Один ученый, проф. Ходский, сделал такой рассчет [1]). Он признал, что обычно государственные крестьяне наделялись таким количеством земли, какое они могли силами своей семьи обработать. Поэтому средний надел государственного крестьянина в каждой губернии можно без заметной ошибки считать *трудовой нормой.* С другой стороны *высший* (максимальный) надел у помещичьих крестьян в большинстве случаев соответствовал в барщинных местностях *потребительной норме.* В виду этого в каждой губернии всех тех крестьян, которые получили *не более среднего* надела государственных крестьян и *не ниже* наибольшего надела помещичьих, можно признать наделенными *достаточно.* Наоборот, тех, которые получили меньше наивысшего надела у помещичьих, следует считать *недостаточно* обеспеченными землей, ибо она не дает им возможности даже прокормить семью. Наконец, тех, которые получили земли больше, чем в среднем имели в каждой губернии государственные крестьяне, следует признать наделенными *щедро, избыточно.*

Итак, достаточным следует, если соглашаться с Ходским признавать надел, который не выше трудовой и не ниже продовольственной нормы для крестьянской семьи. При таком вычислении оказывается, что из *каждой сотни* помещичьих крестьян 13 человек были наделены *щедро,* 44—*достаточно* и 43—*недостаточно.* Иначе говоря, $^2/_5$ бывш. помещичьих крестьян получили земли меньше, чем нужно для прокормления; приблизительно столько-же среди них оказалось таких, которые могли прокормиться с надела и более или менее использовать здесь свои рабочие силы, и, наконец, свыше $^1/_{10}$—помещичьих крестьян уж заведомо могли на своих наделах вполне затратить все свои рабочие силы и даже, может быть, имели излишек земли. Таких, однако, среди помещичьих крестьян оказалось очень мало.

Другое дело — государственные и удельные крестьяне. Среди них *щедро* наделенных, по рассчету Ходского, приходилось по 51 человеку на каждую сотню, *достаточно* наделенных 36 на сто, а *недостаточно*—только 14. Стало-быть, здесь добрая половина крестьян получила земли свыше трудовой нормы,

---

[1]) См. его книгу „Земля и земледелец", том. II-й.

около трети — не меньше потребительной и не больше трудовой. Прокормиться-же с своего надела не могла только приблизительно $^1/_7$ часть государственных и удельных крестьян.

Если применить этот рассчет к крестьянам всех разрядов вместе, то окажется следующее: из каждой сотни *щедро* наделенными является 32 человека (около $^1/_3$), *достаточно*—40 человек ($^2/_5$) и *недостаточно*—28 (свыше $^1/_4$).

С этим рассчетом проф. Ходского можно согласиться, но не во всем. Что крестьяне, получившие земли меньше высшего помещичьего надела обеспечены совершенно недостаточно— это бесспорно. Но едва-ли правильно смешивать вместе и считать достаточно наделенными и тех, которые получили надел, равный среднему наделу государственных крестьян, и тех, которые получили только высший помещичий надел. Ведь первые получили в общем столько земли, сколько в силах обработать, а вторые—лишь столько, чтобы прокормиться. Поэтому было-бы более правильным разделить тех и других и считать *достаточно* наделенными только первых, наделы которых не ниже средних наделов государственных крестьян, а не вторых, наделы которых не меньше высших помещичьих. Тех же, кого проф. Ходский называет *щедро* наделенными, следует скорее признать обеспеченными лишь по трудовой норме, редко—более. Если таким образом несколько изменить рассчет Ходского, то получим в конце концов следующее: *по трудовой норме* обеспеченными являются около $^1/_3$ (32%) крестьян всех разрядов; не ниже *продовольственной нормы* — $^2/_5$ их, и, наконец, более $^1/_4$ (28%) не получили даже и продовольственной нормы надела.

Попытаемся еще другим путем высчитать, сколько крестьян получили надельной земли по трудовой норме, сколько— по потребительной и сколько—меньше ее.

Если принять обычный, *средний* надел крепостных в барщинных черноземных губерниях до „воли“ равным продовольственной норме и половине трудовой, то следует считать, что все крестьяне, имеющие наделы *менее 3,2* дес. на рев. душу, не обеспечены даже продовольственной нормой земли; а крестьяне, имеющие *менее 6,4* дес. на рев. душу не обеспечены трудовой нормой.

Отсюда выходит, что *не менее $^1/_2$ бывших помещичьих* крестьян наделены совершенно недостаточно даже для своего

прокормления от земли; что-же касается наделов в $6^1/_2$ и более дес., то они являются редким исключением среди помещичьих крестьян, ибо даже те, которые получили более 5 дес. на душу, составляют немногим более $^1/_{10}$ части „ревизских“; следовательно, обеспечение трудовой нормой встречалось у помещичьих крестьян изредка. Все остальные помещичьи крестьяне, *т. е. около* $^2/_5$—получили только по потребительной норме. Поэтому нет никакого сомнения, что лишь весьма немногие из бывших помещичьих крестьян могли на своих наделах вполне затратить с пользою для хозяйства все рабочие силы своих семей; в большинстве случаев они могли только кормиться с своих наделов, а для целой половины крестьян даже и этого было невозможно.

Если взять наделы помещичьих крестьян по отдельным губерниям, то окажется следующее:

Трудовая норма (6,4 дес.; для округления возьмем $6^1/_2$ дес.) была достигнута *высшим* наделом помещичьих крестьян в 2-х уездах Херсонской и 6-ти уездах Таврической; *немного* превышали эту норму высшие наделы в Царицынском уезде (Саратовской губ.) и Оренбургском, а из губерний нечерноземных - в некоторых уездах Вологодской, Вятской, Новгородской, Олонецкой и Пермской (по 7 дес. на ревиз. душу); *заметно* превышали трудовую норму высшие наделы в части Самарской губернии (2 уезда по 8-ми дес. и 1 уезд — по 10 — 12 дес.). Кроме того в некоторых уездах Костромской, Оренбургской, Пермской и Самарской губернии эти наделы были *близки к трудовой норме* (6 дес.). Стало быть, только в этих *11-ти губ. из всех 45-ти губ.* коренной России (менее чем в $^1/_4$ части всех губерний) помещичьи крестьяне *могли* получить земли по трудовой норме; в действительности-же получили только немногие и из них. В остальных $^3/_4$ губерний трудовая норма не могла быть обеспечена помещичьим крестьянам уже по самому закону 19 февраля 1861 года.

Что-же касается потребительной нормы (3,2 дес.), то она была достигнута *высшими* наделами помещичьих крестьян в большинстве губерний и уездов. Однако, вся Полтавская губ. (кроме 1-го уезда) и еще 73 уезда в 11-ти других губерниях не были обеспечены через высшие наделы даже этой потребительной земельной нормой. Так, в 46 уездах губерний: Екатеринославской (1 уезд), Казанской (Чебоксарский и Ядринский

уезды), Курской (1 у.), Московской (4 у.), Орловской (9 уу.), Пензенской (4 у.), Рязанской (5 у.), Тамбовской (7 уу.), Тульской (7 уу.) и Харьковской (6 уу.) высшие наделы были лишь *по 3 дес.*; в 4-х уездах Черниговской и во всех (кроме 1-го) Полтавской губ.—они достигали *$2^3/_4$ дес.*, в Курской (12 уездов), Пензенской (1 уезд), Рязанской (6 уу.) и Тульской (4 уу.)— только *$2^1/_2$ дес.* Следовательно, во всех этих уездах и губерниях помещичьи крестьяне не могли по закону получить даже простого обеспечения своих продовольственных нужд не говоря уже о трудовых интересах своего сельского хозяйства.

Что касается удельных крестьян, то трудовая норма была достигнута наделами почти $^1/_5$ ($22^0/_0$ — более чем по 6 дес. на ревиз. душу) их, а потребительная более чем $^1/_3$ ($35,4^0/_0$—от 4 до 6 дес.). Однако и здесь, около $^2/_5$ крестьян находились в положении, далеко не всегда обеспечивавшем потребительные нужды (наделы от 2—4 дес. у $39^0/_0$).

Средний душевой надел государственных крестьян, как мы уже говорили, составлял 6,4 дес., т. е. как раз равнялся трудовой норме. Это значит, что добрая половина этих крестьян была обеспечена землей до полного поглощения ею всех рабочих сил семьи; из остальной-же половины не менее $^4/_5$ получили земли по потребительной норме. В конце концов, необеспеченной наделом в своей потребительной нужде оказалась лишь приблизительно $^1/_{10}$ всех государственных крестьян.

Итак, *трудовая норма*—лишь счастливое исключение среди наделов помещичьих крестьян; наоборот—она—доля *большей* половины государственных и почти $^1/_5$ части удельных крестьян. *Потребительная норма*—получена приблизительно *половиной* помещичьих крестьян, $^2/_5$-ми удельных и почти $^1/_3$ государственных. Совершенно не обеспечены наделом даже *потребительные нужды* приблизительно $^2/_5$—помещичьих крестьян,- значительно меньшей части—удельных и лишь $^1/_{10}$ части государственных.

Какой-бы из этих расчетов читатель ни предпочел, расчет ли проф. Ходского или предлагаемый нами, для него будет одинаково очевидно, что земельное обеспечение крестьян в 1860-х годах не давало земледельческому трудовому люду прочного фундамента для обновления и усовершенствования своего хозяйства и лучшего устройства всей его жизни, материальной и духовной.

9*

Все сказанное нами выше подтверждает правильность этого, но для лучшего уяснения этого важного вопроса еще повторим самое главное наше заключение. На самом деле, только те крестьяне, которые были обеспечены землей по трудовой норме, могли считаться совершенно независимыми в своей хозяйственной жизни, не прибегать к найму чужой земли и работе в чужом хозяйстве. Надельной земли им было достаточно для того, чтобы вполне развернуть здесь, на своем поле, все свои рабочие силы и использовать все свое хозяйственное обзаведение. Все же прочие крестьяне принуждены были искать на стороне и земли и заработка, одни—чтобы кое как прокормиться, другие—чтобы не сидеть праздно и выбиться из бедности и темноты прежней подневольной жизни крепостного времени.

При наделении крестьян, особенно помещичьих, не был принят во внимание неизбежный рост населения и увеличение самых нужд, потребностей крестьянина в более человеческом, сытом, богатом и просвещенном существовании сравнительно с его прежним, полурабским жалким и бедным прозябанием. Не принявши этого важного соображения во внимание, устроители крестьянского быта в 1860-х годах тем самым поставили хозяйство множества крестьян в очень затруднительное положение, обрекая его на застой и не давая ему простора для улучшения.

С другой стороны „крестьянская реформа“ не развязала и еще одного старинного узла, завязанного всем ходом нашей истории еще издавна, с самой удельной поры. Как до „воли“, так и после „воли“, Россия осталась такой страной, где земельный строй находился в совершенном разладе с хозяйственными порядками. Еще в крепостную пору Россия была можно сказать „крестьянским царством“ в том смысле, что вся она обрабатывалась мелкими трудовыми хозяевами — крестьянами; но в то-же время она еще больше могла-бы быть тогда названа „дворянским царством“, ибо не только политическая власть, но и земельное могущество всецело принадлежало в ней дворянству. *Землевладение* было привилегией, почетной и выгодной особенностью дворянства, тогда как *земледелие* было горькой участью крестьянства. Нетрудовая, барская, помещичья частная собственность на землю царила безраздельно, насильно привязывала к себе подневольное трудовое крестьянское хозяйство, питаясь его соками и дыша его силами. Этой основной

несообразности, разлада между барским земельным и трудовым земледельческим строем не уничтожила и „крестьянская реформа". Крепостная неволя отошла в вечность, крепостное *право* пало навсегда в России; но неволя трудового крестьянского *хозяйства* и зависимость земледельца от нетрудового землевладельца осталась и после „воли". Произошло же это оттого, что „крестьянская реформа" проводилась не столько в интересах народа, народного хозяйства и труда, сколько в выгодах дворянства и правительства, тесно связанного с тем-же дворянством. „Крестьянский вопрос" в России решался и на этот раз „без хозяина"; за трудовой люд его судьбу решали „господа" и решили его по своему, не спросясь воли и разума того „мужика", которого одни из них от души хотели осчастливить, а другие столь-же от души—обойти и окрутить в свою пользу.

Глава восьмая.

ЧАСТНОЕ ЗЕМЛЕВЛАДЕНИЕ И НЕТРУДОВОЕ СЕЛЬСКОЕ ХОЗЯЙСТВО ПОСЛЕ „ВОЛИ".

В XVIII-м веке, достигнувши высшей степени своего политического могущества, русское дворянство добилось того, что по закону частная, полная собственность на землю могла принадлежать в России только лицам этого „благородного" сословия. Все другие „подлые", т. е. платящие подати люди не могли быть землевладельцами. Если они и приобретали еще землю, то лишь в исключительных случаях или пользовались особым разрешением сохранить ранее имевшиеся у них земли. Хотя потом, понемногу, и лица податных сословий были допущены к владению ненаселенной землей, но всетаки вплоть до самого 19 февраля 1861 г. дворяне оставались почти единственными людьми, которые могли иметь земельную собственность с неограниченной, полной властью над нею. Вот почему накануне „воли", почти вся земля в коренной Европейской России была собственностью либо казны, либо „уделов" (т. е. императорской семьи), либо дворян. Казна и уделы владели двумя третями земли, дворяне—остальной третью. Другие собственники—купцы мещане, крестьяне едва насчитывали у себя 6 мил. дес., тогда

как дворянская земля превышала 100 мил. дес. (105 м. д.), а казенная и удельная—200 мил. дес.

Как-же изменилось частное нетрудовое землевладение после „воли" и какова была его дальнейшая судьба в тот промежуток времени, который протек от „крестьянской реформы" 1861 г. до революции 1905 года?

Попытаемся разобраться в этом вопросе.

Хотя наделы и отводились крестьянам редко в „постоянное пользование" впредь до их выкупа в собственность, однако дворяне были уже лишены права распоряжаться той частью своих земель, которая поступала в надел быв. крепостным. Они могли только получать с нее доходы ввиде оброка, но ни продать, ни заложить, ни употребить на какую нибудь хозяйственную надобность не могли. Таким образом, можно сказать, что они почти лишились этой земли. Следовательно, в *полной* частной собственности у дворян осталась только прочая их земля, т. е. 70 мил. десятин. „Крестьянская реформа" сократила площадь самодержавной дворянской земельной собственности приблизительно на $^1/_3$, сохранивши однако им полную земельную власть на $^2/_3$ их прежних владений.

Земли этой было более, чем достаточно, чтобы дворянство „устояло на ногах" от „крестьянской реформы" и могло на этом земельном фундаменте поддерживать и свое хозяйственное и свое политическое могущество. Однако, мы замечаем, что тотчас-же после „воли" дворянская земля начинает быстро таять, как воск от огня. Так, оказывается, что в 36 губ. Европейской России уже в первое пятилетие после „воли" дворяне успели лишиться части своих земель: из каждой сотни десятин они потеряли в черноземных губерних 3, а в нечерноземных—2 дес., а во всех этих губ.—3 дес. За следующие же 10 лет убыль еще возросла: в черноземных губ. на 8 дес. с сотни, а в нечерноземных—14, а по всем 36-ти губ.—на 10 дес. Следовательно, за первое 15 лет после „воли" дворяне потеряли в общем по 13 дес. из каждой сотни.

Землю, продаваемую дворянами, покупали купцы, мещане и крестьяне (дальше мы скажем, *какие* крестьяне и сколько покупали дворянской земли). После этого по подсчету, произведенному в 1878 году, через 17 лет посл „воли", оказалось, что вся земля, находящаяся с 49 губ. Европейской России, распределяется между владельцами таким образом. Из 391 мил. дес. 150 мил. дес. или 38,5% принадлежало казне; 7,4 мил.

дес. или 2,2% — „уделам“, 130 мил. дес. или 33,4% — сельским обществам в качестве наделов крестьян; наконец, 93 мил. дес. или 23,8% — находилось в собственности частных лиц. В том числе у дворян было 73 мил. дес. у купцов 11½ мил. дес., у крестьян — 6½ мил. дес., у прочих — 2 мил дес. Кроме того до 8½ мил дес. было у городов, церквей, монастырей и разных других учреждений. И так, нетрудовое частное землевладение к этом времени занимало около ¼ части всех земель Европейской России (24 + 2% — частные и удельные владения).

Что это землевладение было нетрудовым видно уже из того, что $^{8}/_{10}$ всей частной земли находилось в дворянских руках; а если к этому прибавить еще $^{1}/_{7}$, находившуюся в собственности купцов, мещан и др. неземледельческих сословий, то окажется, что более $^{9}/_{10}$ (именно 94%) частной земли находились у не трудовых владельцев; мелкие крестьяне — работники могли встречаться среди частных земельных собственников того времени только как исключение и владеть самой ничтожной частью этих земель.

С тех пор доля земли, приходящейся в России на частную собственность, до самого 1905 года оставалась почти без изменения. Если в 1878 году частная земля занимала около ¼ части Европейской России, то и в 1905 г. она осталось почти в том-же положении: теперь она достигала 102 мил. дес., но так как общее количество земель несколько возросло (с 391 до 395 дес.), то частная собственность всетаки составляла лишь около ¼ (точнее говоря — 26%) всех земель.

Зато распределение этой земли между владельцами сильно изменилось: доля *дворянских* земель и после 1878 года с каждым новым десятилетием все более и более уменьшается. Уже через 10 лет в 1887 г. дворяне владели не $^{8}/_{10}$, как прежде, а только $^{7}/_{10}$ этой земли, а к 1905-му году у „благородного“ сословия оставалось в руках немного более половины (52%) всей частной земли. Дворяне в 1905 году имели уже только 53 мил. дес., т. е. за 27 лет с 1878 г. они потеряли 20 мил. дес., а с 1861 года и еще более. В некоторых губерниях эти потери были очень велики. Так, в Казанской губ. за 18 лет, с 1877 по 1895 год, дворянская земля убавилась на целую треть. Немногим меньше были потери дворянами земли в Самарской и Саратовской губерниях.

Особенно важно теперь-же заметить, что чем ближе к на-

шему времени, тем сильнее и быстрее земля уходит из дворянских рук к владельцам других сословий. Так, высчитано, что в первые 20 лет, после „воли“ дворяне теряли в среднем по 500 тыс. дес. каждый год; в следующие десять лет убыль стала достигать уже 750 тыс. дес. ежегодно, в 90-ых годах „утечка“ земель из дворянского сословия еще усилилась: каждый год в среднем дворяне не досчитывались уже 800 тыс. дес., наконец, в последние годы перед Японской войной, начиная с 1900-го, потеря дворянами земли дошла до одного мил. дес. в год. С каждым новым годом дворяне все меньше и меньше покупают земли и все больше и больше продают. Еще в промежуток с 1863 по 1872 год из каждых 100 дес. проданной земли 84 дес. было продано дворянами, а из каждых 100 дес. купленной земли куплено ими за то-же время только 47 дес.; в пятилетие с 1893 по 1897 года из 100 дес. перешедшей к новым собственникам земли дворянами было продано 60 дес, а куплено только 32 дес., почти вдвое меньше; наконец, за время с 1898 по 1903 годы из 100 дес. проданной земли 53 дес. приходились на дворянскую землю, а купленно ими тогда было лишь 27 дес. из сотни покупаемой земли. Таким образом, новых земель дворяне покупали почти всегда вдвое меньше, чем продавали своих старых и этим путем их земельная собственнось непрерывно и все быстрее и быстрее сокращалась.

Что-же это значит? Как понять эту убыль старой дворянской земельной силы? Куда она девалась? Что подточило дворяское земельное могущество?

Ведь „крестьянская реформа“ была сделана при участии самих дворян; им, как мы знаем, удалось сохранить за собою около $^2/_3$ прежней земли, а с остальной трети удержать доходы и даже получить хороший выкуп за самые „души“ крепостных и за их наделы.

Все это так; и не смотря на это после „воли“ началось быстрое оскудение дворяского сословия и его земельное обессиливание.

Однако во всем этом нет ни чего чудесного; все это так и должно было быть, как в действительности случилось. Об'ясняется это следующем образом.

Начало этого ослабления дворянской земельной мощи заметно уже до „воли“. Так, уже в первой половине XIX века стало убывать количество самых мелких землевладецев — дворян,

имевших менее 20 душ крепостных (и менее 200 дес. земли) и самых крупных, владевших тысячами крепостных (и десятками тыс. дес. земли). Зато число средних землевладельцев, у которых было от 20 до 100 душ крепостных (и от 200—до 1000 дес. земли), увеличилось приблизительно на $^1/_3$ часть. Происходило это, во-первых, от того, что с Александра I-го прекратилась прежняя бешенная раздача казенных крестьян и земель дворянам; теперь им жаловались, да и то в небольшом количестве, лишь незаселенные земли казны. Следовательно, главный путь, которым дворяне усиливали свое земельное могущество, закрылся для них и приток земель в дворянские руки почти прекратился.

В то-же время дворянские имения, переходя от отца к детям по наследству и в приданое, понемногу делились, дробились, мельчали, а тем самым каждый из новых владельцев имел уже меньше земельной силы, чем прежние. Наконец, дворяне все чаще и чаще закладывали свои земли в казну и многие из них стали запутываться в долгах. Об'ясняется это тем, что дворяне все более и более нуждались в деньгах для роскошной и привольной жизни, для учения детей, для путешествий за границу, для придворных балов и службы. А между тем хозяйство давало мало денежного дохода, продукты же земледелия были еще дешевы и продавать их не всегда бывало выгодно. Особенно сильная нужда в деньгах под залог земли почувствовалось дворянами после войны 1812 года с Наполеоном когда были разрушены и растроены многие имения в губерниях, занятых неприятелем.

И вот мы замечаем, что долг на дворянской земле растет, как снежный ком, катящийся под гору. В 1800 году было заложено 162 тыс. рев. душ, а в 1833 году уже почти 4 миллиона (3,849) рев. душ. Перед самой-же „волей“ в 1859 году число заложенных крепостных перевалило за 7 мил. (7,107 тыс.) р. душ; иначе говоря за 60 последних лет крепостной поры долг дворян успел вырости в 44 раза. Ко времени „освобождения“ уже $^7/_{10}$ крепостных и $^2/_3$ дворянских земель были заложены на громадную по тогдашнему счету сумму денег в 500 миллионов руб. Все эти силы, которые ослабляли дворянскую земельную силу еще в крепостную пору остались в действии и после „воли“, да не только остались, но еще укрепились. Пожалований земли из казны теперь почти уже не случалось; дворянские имения попрежнему, переходя к детям от родителей,

делились и мельчали; но особенно увеличилась сильно задолженность земель.

Уже в 1876 г., через 15 лет после об'явления „воли", на дворянской земле лежало до 380 мил. руб. долга, а к 1906-му году он дошел до 2 тыс. 247 мил. р, т. е. увеличился почти в 6 раз, между тем как сама дворянская земля за это время убавилась на 20 мил. дес., почти на целую треть.

Долги на дворянских землях росли и росли, не смотря на то, что дворяне после „воли" получали оброки и выкупные платежи за отведенные в надел крепостным земли. Так, в первые-же 5 лет после „крестьянской реформы" (1862—1866 гг.) крестьяне уплатили около 40 мил. р. выкупа и 249 мил. р. оброка, а всего 289 мил. р., по 58 мил. р. в среднем ежегодно. В следующее пятилетие выкупа уплачено ими 163 мил. р. (вчетверо больше), а оброка 135 мил. руб., а того и другого вместе 298 мил. р. Далее сумма выкупа ежегодно до 1882 года росла, а сумма оброка падала по мере того, как „временнообязанных" крестьян оставалось все меньше и все большее и большее количество сельских обществ приступало к выкупу оброков. И всетаки за это десятилетие крестьяне уплатили 539 мил. руб. оброка и выкупа, а в следующее (с 1882 до 1891) — 402 мил. руб. Затем по пятилетиям до 1906 г. доходов дворян от выкупа и оброка медленно шел на убыль, понижаясь с 39 мил. р. до 30 мил. р. ежегодно. За это время было уплачено крестьянами выкупа 440 мил. руб. Следовательно, за 44 года с „воли" до первой революции помещичьи крестьяне уплатили свыше $1^1/_2$ (1, 541) тыс. миллион. руб. выкупа и более 500 (528) мил. р. оброка, а вместе более 2 тыс. миллионов (2.069) руб. В большей своей части эти деньги поступили дворянам и дали им тот капитал, с помощью которого они могли бы вести свое всякое хозяйство и поддерживать свою земельную собственность. Однако, и это не спасло дворянской мощи, не сохранило в их руках и всей их земельной собственности.

Видя неудержимое разорение дворянства и боясь остаться без опора и поддержки, самодержавное императорское правительство принимало всякие меры, чтобы как нибудь помочь дворянскому землевладению и отсрочить его обессиление и истощение. С этой целью был устроен в 1885 году особый Дворянский Банк, который на льготных условиях давал дворянам деньги под залог их земель. За 25 лет (1885—1910) им было выдано

в ссуду более 1 тысячи миллионов руб. При этом он очень часто переписывал снова просроченные долги и тэм спасал неисправных должников от потери их имений. Кроме того он способствовал повышению цен на землю и таким образом помогал дворянам, продающим имения, выгоднее расстаться с своей землей.

Итак, ни оброки и выкупные платежи, ни дешевый казенный кредит не в силах были после „воли" остановить ослабление дворянского землевладения и удержать землю в собственности дворянства.

В чем-же здесь разгадка? Что за болезнь съедала изнутри землевладение дворян и делала его хилым и неспособным держаться?

Разгадка заключается в том, что земельная сила дворянства до отмены крепостной неволи зависела не от его хозяйственной мощи, а от политических причин. Власть в России в крепостную пору находилась всецело в руках дворянского правительства, которое насильно привязывало к дворянской земле крестьянские рабочие руки и снабжало дворян все новыми и новыми заселенными имениями из казны.

Припомним, что земельная мощь дворянства выросла, во первых, на укреплении за ними в собственность казенных поместий-наделов; во вторых, на пожалованиях казенной-же земли в дворянскую собственность. Все это пути, которые давали дворянам землю за их услуги правительству; стало-быть земля попадала к ним в руки не потому, что они были самые сильные из сельских хозяев и умели лучше других вести это хозяйство, а потому, что они занимали высшее место в государстве, держали в своих руках политическую власть. Этим не экономическим, а политическим путем земля и скопилась тысячами десятин в руках очень немногих влиятельных дворян, а сотнями—в руках многих уездных „мелкопоместных" из них-же. Но был-ли у этого крупного дворянского землевладения какой нибудь прочный хозяйственный фундамент, который придавал-бы этому землевладению не только политическую, но и экономическую силу?

В крепостную пору таким фундаментом был единственно насильно привязанный к дворянской земле крепостной труд крестьянина. У дворян в „золотое время" Екатеринина царствования была как-бы монополия на безраздельное пользование

крестьянским трудом и эта монополия давала дворянскому хозяйству такое выгодное положение, какого ничье другое хозяйство не могло тогда иметь в России. Если и случалось кому нибудь не принадлежащему к дворянам, заниматься тогда сельским хозяйством (напр., купцам, белому духовенству), то такому хозяину приходилось пользоваться наемным трудом, затрачивая деньги на оплату вольных рабочих рук. Между тем таких рабочих рук тогда было очень мало, ибо наниматься могли по большей части только крепостные крестьяне нечерноземных губерний, отпущенные на оброк своим барином. Значит, нанимая такого рабочего, недворянин-сельский хозяин должен был платить ему столько, чтобы этот рабочий-оброчник мог не только сам прокормиться, но и уплатить оброк своему барину. Этим об'ясняется недостаток вольно-наемных рабочих в крепостную пору и дороговизна их, а в то-же время и малая успешность их труда (они работали, ведь, не для себя, а для барина!).

Наоборот, дворянин-сельский хозяин не должен был искать наемных рабочих и платить им дорого, так как к его услугам были крепостные, трудом которых он мог распоряжаться сколько и как угодно. Их труд стоил ему равно столько, сколько стоило их прокормление. Стало-быть, по сравнению с нетрудовым хозяином из других сословий, нетрудовой сельский хозяин дворянин в крепостную пору оказывался в самом наилучшем положении. Земля ему была в изобилии дана государством за услуги последнему; рабочие руки не могли от него никуда уйти тоже благодаря силе государства; капитала для ведения своего хозяйства он мог совершенно не иметь: все необходимые орудия для обработки земли дадут ему крестьяне, в случае нужды они принесут с собой и семена для посева. Это—в барщинных имениях. А в оброчных дело обстоит и еще лучше: здесь у помещика нет даже и своего особого сельского хозяйства; он просто собирает доходы (оброки) с крестьянских хозяйств своих крепостных и дело с концом.

Теперь ясно, какой болезнью было внезапно поражено дворянское землевладение с об'явлением „воли": 1) оно лишилось своего монопольного положения среди других нетрудовых землевладельцев и должно было вступить с ними в борьбу за землю, в борьбу на равных правах; 2) лишилось принудительного труда крепостных и должно было нанимать вольных рабочих; 3)

лишилось всего хозяйственного обзаведения, которое осталось у крестьян, в их хозяйствах, т. е. лошадей, плугов, борон и пр. и пр. Говоря короче, дворянская земельная сила надломилась и пошла на убыль после „воли“ потому, что сила эта была не внутренняя, а внешняя, исходила она не от хозяйственной мощи дворянства, а от его политической власти в государстве. Чужой труд—труд крепостных и чужое хозяйство—крестьянское трудовое, поддерживали дворянское землевладение и хозяйство в крепостную пору. А когда не стало во власти дворянина ни подневольных рабочих рук, ни чужого хозяйственного обзаведения, то и остались они перед „разбитым корытом“... Не было ни лошадей и плугов, чтобы вспахать землю, ни рабочих, чтобы ее обработать. Не хватало лошадей и орудий, чтобы обработать $^{3}/_{5}$ засеваемой земли в дворянских имениях. Все нужно было *купить* и для этого выдержать соперничество с другими сословиями, которые тоже хотели заниматься сельским хозяйством и иметь для этого землю.

А такое соперничество оказывалось по плечу только немногим дворянам, которые раньше уже вели улучшенное сельское хозяйство, не полагаясь всецело на крестьянское хозяйственное обзаведение; или-же тем, которые сумели выкупные платежи и оброки с бывших крепостных быстро обратить в необходимые хозяйственные приспособления для продолжения хозяйства.

Большинство-же дворян, наоборот, не сумели встать на ноги в новых обстоятельствах своей хозяйственной жизни; доходы с выкупных свидетельств и оброки они попросту проели и прокутили; они не привыкли к упорной борьбе за свое существование и умели только просить у правительства все новых и новых подачек из казны за народный счет.

И вот дворянская земельная собственность, державшаяся на крепостном труде и правительственных пожалованиях, пошла быстрыми шагами на убыль лишь только „воля“ отняло и то и другое.

Впрочем, хотя убыль эта замечается почти повсюду в России, однако для ее понимания нужно различать особые обстоятельства, бывшие у дворян-землевладельцев в нечерноземной и в черноземной полосах государства.

В первой дворяне и до „воли“ не могли уже вести своего особого сельского хозяйства и соперничать с дешевым хлебом,

привозимым с юга. Тем более им не было выгоды заводить такое хозяйство после „воли“, когда оно стало здесь много дороже и рискованнее. Поэтому в нечерноземных оброчных губерниях дворяне тотчас же после „воли“ спешат развязаться поскорее с бездоходной землей и обратить ее в денежный капитал. До 80-х годов некоторых еще задерживало ожидание повышение оброков с бывш. крепостных; с переходом-же последних на выкуп и эта задержка исчезла. И вот мы видим, как в нечерноземных губерниях исчезает одно дворянское имение за другим. Там, где в 1862 году было сто десятин дворянской земли через 5 лет оставалось еще 98; проходит новое десятилетие и из 100 дес. остается только 84, проходит еще 10 лет и остается уже 70 дес., а через новое десятилетие всего 58 дес. Так к концу XIX-го века почти половина дворянских земель нечерноземных губерний ушла от них в чужие „подлые“ руки...

Не совсем то видим мы в черноземных краях. Здесь к концу века дворяне еще сохранили 70 дес из каждой сотни своих прежних земель. Об'ясняется это, однако, не столько хозяйственной годностью дворян и экономической силой их земель, сколько тем, что дворянская земля здесь не совсем была лишина принудительного крестьянского труда, а дворяне сохранили за собой власть на получение доходов с чужого крестьянского хозяйства. Произошло это благодаря отрезкам—с одной стороны, недостаточности земельных наделов крестьян—с другой.

То и другое, отрезки и малоземелье, вынуждали крестьян обращаться к дворянам за землей и давали тем самым дворянам власть над их трудом и доходами от него. Дворяне черноземной полосы скоро увидели, что они не ошиблись в своих рассчетах, настаивая на малоземельном освобождении крепостных. Зажатый в тиски дворянских земель, малоземельный крестьянин оказался для дворянина - землевладельца куда более доходным, чем безземельный батрак. С нуждающегося в отрезных землях, в лугах, выгонах, водопоях, лесах и т. п. - соседнего крестьянина можно было взять за наем этих отрезков сколько угодно. Без них он все равно не обойдется. Точно также и с голодающего тульского или пензенского дарственника или третника помещик мог взять такую цену за наем земли, какой не даст ему никакой самый богатый капиталист, снимающий землю из-за наживы.

Чтобы пояснить это, возьмем такой примерный случай.

Допустим у землевладельца Иванова хотят снять землю двое: купец Петров и соседний дарственник Семенов. Что может дать за 1 дес. земли купец и крестьянин? Купец Петров хочет снять землю, чтобы иметь от этого выгоду, прибыль. Он готов затратить деньги на наем и обработку земли с тем, чтобы они принесли ему прибыль, процент, не меньше того, что может он, Петров, получить с них, если положит их в банк, в рост скажем из 10%. Тогда Петров рассчитывает, во что обойдется ему десятина нанимаемой земли; он прикидывает, сколько получится пудов зерна с десятины, скажем 40 пуд.; их базарная цена, примерно, по 50 коп. за пуд. Следовательно, он может рассчитывать на валовой доход в 20 р. с десятины. Из этого дохода он должен вычесть все расходы и получить еще чистый барыш *не меньше 10%-ов* на затраченный капитал; если обработка и уборка десятины обойдется ему, скажем, в 10 руб., то на наем земли у него остается меньше 10 руб., так как из них он должен еще получить себе % на затраченный капитал в 15 руб. Поэтому за наем 1 дес. купец *не может дать более 8 р. 50 коп.*, иначе он не оправдает затраты капитала и ему будет выгоднее просто положить деньги в банк из 10%-ов Если землевладелец потребует 10 р. за наем десятины, купец от земли отступится: ему это дело не выгодно.

Теперь, сколько может дать за ту-же десятину малоземельный крестьянин, если ему не хватает надела для прокормления семьи? Его рассчет будет иной; он не гонится за прибылью на капитал. Обрабатывать и убирать землю он будет сам, не истративши на это ни копейки. Если десятина даст ему 40 пуд. зерна, а ему не хватает для продовольствия 20-ти пудов, то остальные 20 пуд. он может продать, чтобы уплатить за наем земли. Итак, узнавши, что купец дает помещику 8 р. 50 коп., а помещик просит 10 р., крестьянин согласится и на это. Тогда купец отступится и земля останется за малоземельным крестьянином, как дополнительный паек к его наделу. Следовательно, при соперничестве капиталиста и крестьянина из за найма земли, победа останется на стороне последнего; землевладельцу выгоднее сдать землю за 10 р., чем за 8½ р.

И это тем более, что крестьянин подчас согласится заплатить даже еще дороже, если голод и нужда заставят его во что бы то ни стало добиться найма соседней помещичьей земли.

Таким образом, помещики черноземной полосы очень часто

находили для себя выгодным сохранить за собою свои земли, так как сдача их в наем крестьянам обещали им хорошие доходы безо всяких хлопот по ведению собственного хозяйства.

И это тем более, что сдача земли крестьянам на упомянутых выше условиях оказывалась гораздо более выгодным делом, чем устройство и ведение своего собственного хозяйства на капиталистический лад.

Но самом деле, мы уже приводили пример, когда купец, захотевший нажится на засеве нанятой земли, отступился от этого дела, столкнувшись в борьбе за эту землю с малоземельным крестьянинам. Точно так-же и землевладелец, задумавший завести свое собственное хозяйство на собственной земле должен будет отказаться от этой мысли, если ему придется соперничать с крестьянским хозяйством.

В приведенном нами примере мы положили стоимость обработки и уборки десятины в 10 р., а прибыль купца в 1 р. 50 к.

Рассчет наш нисколько не изменится, если мы на месте купца представим землевладельца. Ему так-же, как и купцу, надо затратить капитал и надо получить от него прибыль; ему придется купить семена, нанять рабочих, дать им лошадей, плуги, бороны и пр. орудия труда или-же нанять конных рабочих с своими орудиями и пр. За все эти хлопоты он получит 1 р. 50 к. прибыли; ему-же останется и то, что купец мог-бы заплатить за наем земли—именно 8 р. 50 коп. Итого весь его доход с десятины, и как землевладельца и как сельского хозяина—капиталиста не превысит 10 р. Между тем крестянин соглашается заплатить ему за наем этой десятины тоже 10 р. Что выберет в таком случае землевладелец? Конечно, он откажется от намерения самому сеять и убирать эту десятину и сдаст ее крестьянину: доход для него одинаков, а между тем он освобождается от всяких хлопот и риска: уродится-ли хлеб или нет, подорожают ли рабочие руки, подешевеет-ли осенью зерно— ему все равно: 10 р. он с десятины получит, а получит ли он их, если сам начнет хозяйничать,—это бабушка еще надвое сказала... Итак, раз есть возможность сдать землю малоземельному крестьянину, помещик не станет вести своего собственного хозяйства.

Так оно в действительности, обыкновенно, и выходило: меньшая часть помещиков находили выгодным вести свое сельское хозяйство; остальные-же предпочитали заниматься сдачей

своих имений в аренду (наем) крестьянам, целиком или отчасти. Так, из имений, заложенных в Дворянском банке (а таких имений—большинство), в 1886—1890 годах около трети сдавались в аренду целиком, и больше $^1/_3$—отчасти сдавались, отчасти засевались самими владельцами; и только остальная треть приходилась на имения с одним лишь собственным хозяйством помещика. И притом, чем дальше шло время, тем количество таких имений все сокращалось: через 10 лет, в 1896—1900 годах уже около половины (точнее 47%) всех, заложенных в Дворянском банке имений, сдавалась в аренду целиком, да $^1/_3$ (32%)—отчасти. А имений, в которых велось одно собственное сельское хозяйсто владельца, насчитывалось лишь около $^1/_5$ (21%). Следовательно, из каждых 5 имений 4 целиком или отчасти сдавались в наем.

Однако, и те имения, которые оставались еще под хозяйством самого землевладельца, по большей части обрабатывались не наемными рабочими и не лошадьми и орудиями самого хозяина, а теми-же крестьянами, их лошадьми, сохами, боронами и т. п. Ведь у дворян, по отмене крепостного права, по большей части не оказалось ни своего рабочего скота, ни орудий обработки земли; все это до „воли“ было у них крестьянское и теперь оказалось чужим. Но помещикам помогло недостаточное наделение бывших крепостных землей. Мы уже видели, что огромное большинство из них не могли на своих наделах занять рабочих сил своей семьи и своего скота и искали для этого найма чужой земли. Этим безвыходным хозяйственным положением и воспользовались помещики, сохранившие после „воли“ свое сельское хозяйство. Они или нанимали крестьян за деньги с тем, чтобы они обрабатывали землю на своих лошадях и своими орудиями; иль-же сдавали им часть своих земель в наем, но с условием, чтобы вместо наемной платы крестьяне-съемщики обрабатывали и убирали запашку самого владельца. В черноземной полосе, где у крестьян вообще было всегда мало денег, такая натуральная плата за наем земли казалась им даже более выгодною, а владелец получал рабочие руки, скот и орудия для ведения собственного сельского хозяйства.

Легко заметить, что в таких случаях вновь воскресало совсем было похороненное вместе с крепостным правом старинное барщинное хозяйство. Как до „воли“, так и теперь дворянская земля обрабатывалась крестьянскими руками, скотом и

орудиями, частью—для владельца, частью-же для крестьянина-работника. И даже доля имения, приходящаяся на крестьянскую и барскую запашку снова установилась прежняя: чаще всего крестьянин-с'емщик за каждую десятину навятой земли обязывался обработать на земледельца тоже десятину (а иногда—и более). Следовательно, крестьянский труд и хозяйственное обзаведение оказывались, как и встарь, поделенными между земледельцем и землевладельцем пополам...

Нетрудно также заметить, что старые хозяйственные порядки воскресли и там, где *все* имение дворянина (или часть) сдавалось в аренду крестьянам: здесь опять таки ожило „оброчное" хозяйство крепостного времени. И тогда и теперь помещик не вел никакого сельского хозяйства, а лишь, как землевладелец, получал доходы с крестьянских хозяйств, бывших на его земле. И, опять, как при крепостном праве, в руки барина попадали все плоды крестьянского труда за вычетом скудного пайка совершенно необходимого для прокормления крестьянской семьи..

Разница между старым и новым хозяйственным строем заключалась не столько в нем самом, не столько во взаимном положении владельца земли и работника на ней, сколько в том, что связывало того и другого вместе и заставляло одного пользоваться трудом другого, а второго—работать на первого...

До „воли" их связывало *крепостное право*, силою закона и правительства обеспечивавшее помещику власть над трудом крестьянина; после „воли" связь стала иной: теперь уже не закон и правительство принуждало крестьянина работать на барина или отдавать ему плоды своего труда, а *экономическая необходимость*: земельная нужда, недостаток наделов. Никто теперь не мог принудить крестьянина нанимать землю у дворянина, соглашаться на обработку его имения и пр. Повидимому, *он сам*, по доброй волюшке, шел на все это. В действительности-же *царь-голод* невидимо приказывал ему попрежнему работать на „барщине" и платить „оброк" дворянину землевладельцу. И этого приказа грозного царя „вольный" крестьянин еще менее мог ослушаться, чем в старое крепостное время—приказа царя земного...

И новые цепи земельной нужды оказались для крестьянина не менее тяжкими, чем цепи крепостные.

Было-бы, впрочем, неправильно думать, что всюду и везде

во всех дворянских имениях России сохранились под видом новых старые, крепостнические способы ведения сельского хозяйства. Живучесть этим „непогребенным мертвецам“ крепостнической старины придавало главным образом крестьянское малоземелье, выгодность для сдачи помещичьей земли в наем крестьянам, да отсутствие у дворян черноземной и степной полосы России собственного полного хозяйственного обзаведения в момент об'явления „воли“.

Однако, не везде это было так даже и в указанных местностях, а в близких к Польше и Галиции губерниях западных и юго-западных хозяйственный строй был и вовсе иной. Там еще до „воли“ помещики часто прибегали к найму рабочих, находя, что труд свободных людей успешнее, а, стало быть, и выгоднее, труда крепостных. Здесь дворяне еще до „воли“ старались вводить разные улучшения в своих хозяйствах: обрабатывали землю своими орудиями, а не крестьянскими, сеяли кроме зерновых хлебов и разные другие растения, перерабатываемые в промышленности и находящие спрос за границей. Благодаря плодородию почвы и теплому климату, благодоря близости заграничных рынков, помещики юго-западной России еще до „воли“ поставили свое хозяйство на более правильных и разумных рассчетах и улучшали его. Встречались такие образцовые усовершенствованные дворянские хозяйства и в других губерниях России, но уже как редкость. Во всех таких имениях крупное нетрудовое землевладение еще до „воли“ соединялось уже с крупным-же усовершенственным нетрудовым сельским хозяйством и этот экономический фундамент придавал ему крепость и силу, делал его не только выгодным для помещика, но и полезным для всего экономического строя государства.

Неудивительно, что большая часть таких усовершенствованных крупных сельских хозяйств дворян имела силу устоять и при „воли“. Многие из таких опытных и знающих сельских хозяев-помещиков сумели быстро приспособить свои хозяйства к новым нуждам и новым обстоятельствам и не только не распродали своих земель, но не прекратили и усовершенствования своего хозяйства. Они стали находить новые способы, чтобы увеличить прибыльность сельского хозяйства на своих землях и тем самым иметь возможность выгодно вести дело, даже нанимая вольных рабочих и затрачивая на него большие ка-

питалы. Такие помещики—после „воли“ сделались капиталистами в сельском хозяйстве, т. е. нетрудовыми хозяевами, которые занимаются сельским хозяйством для получения прибыли на свой капитал. В таких хозяйствах дело ведется трудом наемных рабочих с применением усовершенствованных машин и улучшенных способов севооборота.

Особенно много таких *капиталистических* дворянских (а на ряду с ними и купеческих) сельских хозяйств выросло на юго-западе России в связи с применением здесь посевов сахарной свекловицы и устройством сахарных заводов. Эта отрасль сельского хозяйства соединенная с нуждами капиталистической-же крупной промышленности, оказалась очень прибыльной и стала притягивать к себе большие капиталы и привлекать крупнейших и знатнейших помещиков, как гр. Бобринские и т. п.

В таких имениях с посевом свекловицы землевладельцы-капиталисты не боялись затрачивать много денег на оплату труда наемных рабочих, а окрестные крестьяне находя выгодным заработок в свекловичных полях, предпочитали этот заработок найму помещечьей земли. Следовательно в подобных случаях дворянам оказывалось более выгодным вести капиталистическое крупное сельское хозяйство, а крестьянам работать у них по найму, не стараясь во что бы то ни стало понимать их земли.

В 90-х годах XIX века один ученый (А. А. Кауфман) рассмотрел подробно хозяйственный строй более $1^1/_2$ тысяч передовых капиталистических имений, занимавших вместе около 6 мил. дес. При этом оказалось, что в 352 имениях, т. е. $1/_5$-ой части, велось улучшенное зерновое хозяйство с посевом трав; в 246-ти имениях ($16^0/_0$) такое-же хозяйство с посевами картофеля и др корнеплодов, 207-ми (т. е. в 14-ти $^0/_0$-ах) с улучшенным зерновым хозяйством соединялись посевы сахарной свеклы; в 344 ($20^0/_0$) хозяйствах был установлен правильный оборот посевов без оставления клина под пар; в 131 хозяйстве делались опыты введения различных новых улучшений, наконец, в 161-м имении применялись иные менее важные усовершенствованные способы сельского хозяйства.

Такие капиталистические сельские хозяйства были не только в юго-западных губерниях, вроде Киевской но местами держались и в тех степных и южных черноземных районах, где особенно удобно и выгодно было сбывать зерно за границу

и где взращивание его стоило очень дешево; напр. в южных уездах Самарской и Саратовской губерний, на Дону и на Кубани, в Херсонской губ., в Новороссии и нек. др. Здесь главная сила таких капиталистических хозяйств заключалась даже не в улучшении самых способов обработки земли и ухода за пашней, а в применении усовершенствованных машин для уборки собранного урожая—косилок, жнеек, молотилок и т. п. местами также и паровых плугов. В этих плодородных и выгодно расположеных краях не только дворяне, но купцы и даже богатые крестьяне часто вели капиталистическое сельское хозяйство, т. е. занимались выращиванием хлеба на продажу, чтобы получить прибыль на капитал.

Что таких сельских хозяйств с применением машин становилось постепенно все больше, видно из увеличения числа выделываемых и привозимых из-за границы сельскохозяйственных орудий и машин. В 1876 году их продавалось в России менее чем на 4 мил. руб., а к 1890 году уже на $7^1/_2$ мил. р., т. е. вдвое больше.

И всетаки такие сельские хозяйства капиталистической складки были немногочисленны в России во весь промежуток времени с „воли“ и до революции 1905 года. Под конец этой поры число их стало как будто несколько увеличиваться, но всетаки они, можно сказать, терялись среди дворянских имений, в которых земля либо сдавалась в наем крестьянам, либо обрабатывалась их силами, скотом и орудиями производства.

В 90-х годах, как мы говорили, в имениях с улучшенным сельским хозяйством насчитывали около 6-ти мил. дес. Между тем одних дворянских земель в это время было около 60 мил. десятин, не считая купеческих и крупно-крестьянских, где тоже встречалось капиталистическое хозяйство. Следовательно, не более $^1/_{10}$ части дворянских земель служили почвой для крупного усовершенствованного капиталистического сельского хозяйства. Все же остальные дворянские земли не имели за собой никакой новой хозяйственной силы; они дышали лишь остатками старых крепостнических хозяйственных порядков, которые все еще продолжали жить, поддерживаемые крестьянским земельным голодом и продовольственной нуждой.

Дворянское землевладение как было до „воли“, так и после „воли“ в большинстве случаев оказывалось в полном разладе со всем строем сельского хозяйства России. Хозяйство это было мелкое трудовое крестьянское, а землевладение крупное, не-

трудовое. За исключением $^{1}/_{10}$-ой части земли, на которой скоро начало расти и укрепляться капиталистическое сельское хозяйство, остальное $^{9}/_{10}$ дворянских земель *нисколько не служили для улучшения способов сельского хозяйства* и для увеличения общего количества плодов земли, получаемых в России. Эти $^{9}/_{10}$ дворянских земель служили только средством эксплуатации крестьянского труда, так сказать, давильным камнем, который выдавливал из крестьян их рабочую силу и обращал плоды крестьянского труда в доход дворян без всякого почти труда со стороны владельцев земли, без всякого полезного участия их в сельском хозяйстве.

В этом и заключалась причина слабости и хилости дворянского землевладения; в коренной России; этой хозяйственной ненужностью его, *его паразитическим духом*, об'ясняется то, что при столкновении с другими сословиями в борьбе за землю, дворянство было всегда побиваемо и постепенно теряло одну сотню десятин за другою из своих когда-то необозримых земель, пожалованных царями и заслуженных их отцами старинными московскими помещиками.

Кто-же именно побеждал в этой борьбе за частную земельную собственность? Кто приходил на смену дворянам? К кому попадали барские имения?

Первым, кто пришел на смену „благородному" дворянину и завладел его землей,—был „чумазый" купец.

Тотчас-же после „воли", когда частная собственность на землю перестала быть дворянской монополией, к ней потянулись купеческие руки. Уже в первое десятилетие после „воли" (1863—1872) из каждой сотни десятин земли купленной в частную собственность, 43 дес., т. е. чуть не половина, были приобретены купцами и мещанами (вместе с духовенством и чиновниками). За это-же время из 100 десятин проданной земли только 12 было продано купцами, а 84 дес.—дворянами. Ясно, к кому переходила дворянская земля.

Но что делали купцы с дворянскими имениями? Покупали-ли они их для того, чтобы сделаться сельскими хозяевами и, может быть поставить земледелие на капиталистическую ногу?

Ответ на это дают следующие рассчеты. В 90-х годах между 1893 и 1897) из каждой сотни десятин земли, купленной в частную собственность, 42 дес. приходилось на покупки купцов. Иначе говоря, они и теперь, как в первые годы после „воли",

продолжают скупку земель. Но что они с ними делают? Перепродают другим. Так, оказывается, что из каждых 100 дес. проданной земли 29 дес. были проданы именно купцами. А в следующие годы эта доля земель, продаваемых купцами еще более увеличивается. На каждую сотню десятин земли, купленной за время с 1898 по 1903 гг., купцы приобретали 36 дес. Стало быть покупки их почти сравнялись с продажами: они продавали землю почти так же часто, как и покупали. Иначе говоря, они приобретали землю не для того, чтобы на ней капиталистически хозяйствовать, а для того, чтобы спекулировать ею, как выгодном товаром: покупать дешево, а продавать дорого. Т. е. и здесь купцы остались тем, чем, были, обычно, по своему роду занятий простыми барышниками, прасолами; у большинства из них и на уме не было сделаться передовыми сельскими хозяевами. Мы уже видели выше почему купцам, обыкновенно, не было рассчета заниматься сельским хозяйством на снятой земле; также им не было выгоды делать это и на купленной земле: крестьяне с жадностью рвали землю из дворянских и купеческих рук, и купцы покупали землю только для того, чтобы нажиться, перепродавши ее втридорога крестьянам.

Конечно, не все купцы так поступали; некоторые находили для себя выгодным, подобно дворянам, владеть землею, чтобы отдавать ее в наем крестьянам. Поэтому, хотя с течением времени, купцы все чаще и чаще перепродавали покупаемые земли крестьянам, однако всетаки их частное землевладение продолжало рости. В 1878 г. купцы, как мы говорили, имели $11^1/_2$ мил. дес. земли. В 1905 году купцам и торговым товариществам (вместе с чиновниками) принадлежало уже около 17 мил. дес. Следовательно, удержали они у себя всетаки больше, чем перепродали, но в конце концов землевладение их выросло немного, и при том замечено, что чем ближе к нашему времени, тем все менее и менее купцы приобретают земли в свою частную собственность: повидимому, она их мало интересует. Почему-же пропадает у них интерес к земельной собственности? Не потому-ли, что перепродажа ее крестьянам становится менее выгодным способом наживать деньги?

Действительно, начиная с 80-х годов казна сама приходит крестьянам на помощь в покупке ими земель у дворян. В 1883 г. открывается крестьянский банк и чиновник стано-

вится на место купца посредником между продающим землю дворянином и покупающим ее крестьянином.

Крестьяне мало по-малу вытесняют купцов из первых рядов покупщиков земель: под конец века они становятся даже главными покупщиками земель в России.

Мы уже знаем, что в 1878 году, через 17 лет после „воли“, крестьянам принадлежало $6^1/_2$ мил. дес. на правах частной собственность. Земли эти были приобретены покупкою, главным образом у дворян непосредственно или же перекуплено у них через купцов. Первое время, однако, крестьяне в общем покупали еще немного земли; за 1863—1872 годы из ста дес. купленной в частную собственность земли только 10 дес. приходилось на долю крестьян. Но с течением времени крестьянские покупки все растут и растут. Так, в 1893—1903 годах—даже $37^1/_2$ дес., т. е. чуть не $^2/_5$. В этом деле они обогнали не только дворян, но и купцов. Продавали же они свою землю редко; так, из 100 дес. проданной земли на долю крестьян приходилось в 1863—1872 годах только 4 дес., а в 1898—1903 гг.—14 дес. Иначе говоря, крестьяне на пороге двух столетий приобретали земли вдвое больше чем теряли и потому их частное землевладение с течением времени растет все сильнее и сильнее. Если в 1877 году крестьянам из сотни десятин частновладельческой земли принадлежало лишь 6 дес., то в 1905 году их доля удвоилась, дошедши до 13 дес. За все время от „воли“ до 1905 года крестьяне приобрели в личную собственность около 18 мил. дес., больше даже чем купцы

В 1905 году крестьяне в личной собственности имели уже более 13 мил. дес, да сельские общества около 4 мил. и товарищества—около 8-ми мил., а всего крестьянское частное (не надельное) землевладение доходило почти до 25 (24,8) мил. дес.

Таким образом оказывается, что частная земельная собственность в России, за время с „воли“ до первой революции (1905) сильно *демократизировалась* по составу своих владельцев. Раньше она была исключительной принадлежностью „благородных“—дворян; теперь она уже только наполовину дворянская; остальная половина перешла в руки „подлых“, неблагородных, „чумазых“: купцы, мещане, горожане и особенно—крестьяне сделались собственниками частновладельческих земель. Из сословной дворянской монополии собственая земля стала бессословной, всем доступной, *всем у кого есть деньги*,

чтобы купить ее, и есть достаточно хозяйственной мощи, удержать землю в своих руках.

Это и значит, что земельная соственность в России демократизировалась.

Но этого мало. Она кроме того стала раздробляться на более мелкие части. Высчитано, что за время с 1877 по 1905-й г. земля, находящаяся в крупнейших частных владениях, (более 1000 десятин каждое) пошла на убыль, а ее место стала занимать земля под самыми мелкими (до 50 дес) и средними (50 — 200 дес.) владениями, которая увеличилась приблизительно на $^1/_3$; имения более крупные (от 200—500 дес.), хотя и увеличили свою площадь, но уже гораздо меньше, чем мелкие и средние, а имения еще более обширные возросли и того меньше. Отсюда видно, что чем крупнее было частное владение, тем меньше оно оказывалось стойким в борьбе за землю: самым живучим оказалось мелкое имение до 50 дес., самым слабым—крупнейшее. В конце концов средний размер частновладельческого имения сократился на 40%, причем измельчание более всего замечается среди крестьянских владений. Так, дворянские имения уменьшились в среднем рассчете только на 9%, купеческие—на 16%, а крестьянские—на 42%. Иначе говоря, последние измельчали почти на $^1/_3$. Произошло это от того, что с течением времени изменился состав крестьян, покупавших землю в собственность.

В начале, в первые годы после „воли", землю покупали почти одни только богатые крестьяне, которые или совсем не вели уже трудового сельского хозяйства, или-же на ряду с своим трудом употребляли для обработки земли и чужой, наемный труд. Но потом за богатыми потянулись к земле и середняки, а с открытием Крестьянского банка—и бедные, даже безземельные крестьяне.

Так, высчитано, что на каждую сотню участков приобретенных крестьянами за время с 1899 по 1903 гг, приходится 48 владений менее 5 дес. каждое; 38 участков от 5 до 25 дес. каждый, 11 участков—от 26 до 100 дес. и 3 участка—более 100 дес. каждый. Следовательно, 86% или свыше $^8/_{10}$ крестьянских владений были так малы, что на них можно было вести только трудовое, а отнюдь не капиталистическое хозяйство. Правда, во всех этих участках, взятых вместе, находилась только $^1/_4$ часть купленной крестьянами земли. Наоборот, у

немногих крестьян, купивших имения свыше 100 дес., было собрано больше половины (52%) всей земли, приобретенной за эти годы крестьянами. Таким образом, нет сомнения, что среди крестьян, покупавших землю в собственность, были и нетрудовые владельцы, которые только по паспорту числились крестьянами, а в действительности пользовались землею не покрестьянски, а покупечески или побарски. Но всетаки это нисколько не обессиливает того важного замечания, что среди частных земельных собственников в конце концов оказалось большинство таких владельцев, которые не по паспорту, а по своему хозяйственному положению сходны с крестьянами, ибо они могут вести свое сельское хозяйство трудовым способом, не прибегая к чужой рабочей силе.

Именно, если взять всех частных собственников России, сосчитанных в 1905 г., то из 750 тыс. их 620 тыс. или $^{8}/_{10}$ окажутся владельцами участков, из которых каждый не доходит и до 50 дес. Собственников более крупных имений, размерами от 50 до 500 дес. тогда-же насчитывалось 102 тыс. или 16 на сотню, а собственников крупнейших владений (—более 500 дес. каждое) только 28 тыс. или 4 на сто. Отсюда видно, что по своему составу класс частных землевладельцев на $^{8}/_{10}$ являлся перед 1905 годом уже мелким, *крестьянского пошиба*. В этом смысле можно сказать, что в России после „воли“ совершалось постепенное *окрестьянивание* класса частных землевладельцев и приобретенная ими земля возвратилась, не смотря на частную собственность, в рабочие руки людей, из которых одни и по сословию и по хозяйству являются настоящими трудовыми крестьянами, а другие, принадлежа по паспорту к иным сословиям, по своему земельному положению стоят на одном уровне с крестьянами.

Но окрестьяниваться стал *класс* частных земельных собственников России; что-же касается земли, состоящей в частной собственности, то из нее *окрестьянилось* до 1905 г. только небольшая доля, каких нибудь 10%, а остальная вся масса частновладельческих земель $^{9}/_{10}$-их, и накануне первой революции находилась в самодержавной хозяйственной власти нетрудовых людей—дворян, купцов, богатых крестьян, мещан и проч. Частное землевладение России до самого 1905 года сохранило свой нетрудовой, барско-купеческий характер, тогда

как самый класс частных собственников сделался чуть не целиком трудовым—крестьянским.

Об'ясняется это тем, что крестьянские рабочие руки, нуждаясь в земле, тысячами протянулись к барскому земельному богатству; через покупку земли в собственность они надеялись утолить свой голод и найти приложение своим рабочим силам. Насколько это им удалось и почему они так жадно рвали из нетрудовых рук каждый ничтожный клочек земли, мы увидим в следущей главе.

Глава девятая.

КРЕСТЬЯНСКОЕ ЗЕМЛЕВЛАДЕНИЕ И ТРУДОВОЕ СЕЛЬСКОЕ ХОЗЯЙСТВО ПОСЛЕ „ВОЛИ".

Обратимся снова к крестьянскому земельному строю и трудовому сельскому хозяйству и посмотрим, какие изменения происходили здесь после об'явления „воли" вплоть до революции 1905 года.

Самое главное, что прежде всего обращает на себя внимание в крестьянской жизни этих годов,—это малоземелье, земельная теснота, которая быстро растет и, как железными клещами, сдавливает трудовой народ все сильнее и сильнее.

Мы уже знаем, откуда взялось это злое проклятие крестьянской жизни: его породила еще крепостная неволя, державшая крестьянина на таком наделе, который еле еле прокармливал его семью и занимал лишь половину его рабочего времени и сил. „Положение 19 февраля 1861 г." закрепило этот земельный паек за доброй половиной помещичьих крестьян и только немногие счастливцы среди них получили земли достаточно, чтобы целиком удовлетворить с нее свои рабочие нужды.

Удельные и государственные крестьяне, правда, по большей части не знали сначала такого малоземелья, но и среди них было порядочное число недостаточно обеспеченных наделами.

Однако положение крестьян всех разрядов начало вскоре ухудшаться по мере того, как трудовое население деревень стало год от году увеличиваться.

За 40 лет, протекших с „воли" сельское население в Европейской России увеличилось почти вдвое с 49 мил. душ обоего пола 86 мил. в 1900 году. Естественно, что на каждую душу приходилось, считая на круг, все меньше и меньше надельной земли. В 60-ые годы на душу (обоего пола) приходилось круглым счетом около $2^1/_2$ (2,4) дес.; через 20 лет (1880 год) этот земельный паек сократился до $1^3/_4$ (1,75) дес., а еще через 20 лет уменьшился он до $1^1/_3$ (1,3) десятин. Иначе говоря, за 40 лет, протекших со времени об'явления „воли", обеспечение крестьян (всех разрядов вместе) сократилось во столько-же, во сколько сельское население увеличилось, т. е. *почти вдвое*.

Но так выходит, если брать всю Европейскую Россию и считать на круг, беря крестьян и помещичьих и государственных вместе. На самом-же деле земельная теснота была далеко не одинакова в разных губерниях у крестьян помещичьих и государственных. Конечно, всего теснее оказалось жить помещичьим крестьянам и особенно в тех местностях, где наделы уже при выходе на „волю" были малы. Поэтому мы замечаем, что в малороссийских и срединных черноземных губерниях Великороссии наделы сократились более чем вдвое, местами даже втрое.

Кроме того надо принять в соображение и то, что размножение населения было не одинаково сильно у крестьян, имевших большие и маленькие наделы. Оказывается, что прибыль в семьях с большими наделами шла быстрее и сильнее, чем в семьях безземельных и малоземельных. Так, по подсчету, сделанному в конце 70-х годов, через два почти десятилетия после „воли" (в 1878 г.), обнаружилось, что у бывших государственных крестьян прибыль населения происходила следующими образом: в семьях с наделом менее 2 дес. на рев. душу прибавилось 13 человек на каждую сотню, в семьях с наделом от 2 до 4 дес.—18 душ; в семьях, имевших от 4—6 дес. земли, прибыло 23 на сто и, наконец, в семьях с еще большими наделами—27 душ. Иначе говоря, семьи самые многоземельные росли вдвое сильнее, чем самые малоземельные; чем семья была богаче наделом, тем лучше она размножалась. То-же самое обнаружилось и среди быв. помещичьих крестьян. И здесь у самых бедных землею (до 2 дес на рев. душу) прибыль была 18 на сотню душ, у владельцев надела от 2—4

дес.—уже 20 человек на сто, у еще более обеспеченных землею (от 4—6 дес.)—24 души, у самых многоземельных (более 6 дес.)—даже 29 человек.

Помещичьи крестьяне размножались, значит, еще быстрее, чем государственные, но обилие надельной земли и среди них способствовало прибыли душ, а земельная теснота—задерживала ее. Иначе, конечно, и быть не могло: чем беднее человек, тем менее у него желания и рассчета иметь большую семью. Лучшее размножение большенадельных крестьян повело к тому, что полученные ими первоначально наделы должны были более дробиться и скоро сделались уже недостаточными. Происходило как бы естественное земельное уравнение крестьян с наделами разной величины и те из них, которые хорошо были обеспечены землею при выходе на „волю“, скоро потеряли свое более выгодное сравнительно с прочими положение и смешались с многочисленными семьями, средне и плохо наделенными землей. Если государственные и удельные крестьяне оказались тотчас-же после „воли“ как будто в особо счастливом положении насч т земли, то скоро это льготное положение исчезло и они спустились до общекрестьянского земельного уровня. Таким образом, земельная теснота пришла и к ним, как уже при самом выходе на „волю“ была она закреплена за помещичьими крестьянами...

В конце концов малоземелье, постепенно усиливаясь, достигло крайнего своего развития и сделало крестьянскую нужду невыносимой.

По произведенному в 1905 году подсчету оказалось, что на каждую сотню дворов приходилось: 23 двора с наделом менее 5 десятин; 27 дворов—с наделом от 5 до 8 дес.; 32 двора с наделом от 8 до 15 дес.; 7 дворов с наделом от 15 до 20 дес., 9 дворов с наделом от 20 до 50 дес. и 2 двора с наделом более 50 дес.

Этот рассчет можно перевести на души таким образом. Раньше надел давался на ревизскую душу, т. е. на каждого мужчину всех возрастов. Если принять во внимание, что средний крестьянский двор состоит из 6 душ в том числе половина—мужских, то упомянутые выше дворовые наделы будут равняться следующим размерам душевых (на мужскую душу) наделов: дворы, имеющие меньше 5 дес. надела, соответствуют по своему земельному обеспечению тем „ревизским“

которые при отмене крепостного права получили меньше $1^2/_3$ дес. на душу; далее дворовые наделы от 5 до 8 дес.—это то-же, что душевые „ревизские“ от $1^2/_3$ до $2^2/_3$ дес. Отсюда выходит, что *все те дворы, которые в 1905 году имели менее 8 дес. на двор*, не были обеспечены даже *и потребительной душевой нормой крепостного времени*, которая тогда была в черноземной полосе не менее 3,2 дес. А таких дворов теперь насчитывалось *ровно половина*.

Дворы, имевшие в 1905 году от 8 до 15 дес. надела, были обеспечены так-же, как прежние „ревизские“, получившие не меньше $2^2/_3$, но меньше 5 дес. на мужскую душу. Таких дворов теперь оказалось без малого $^1/_3$. В их числе было порядочно, стало быть, таких, чьи наделы не доходили до старинной крепостной потребительной нормы (в 3,2 дес.), но в большей части эти дворы по своему земельному обеспечению имели эту норму и даже немного больше ее, но всетаки меньше 5 дес. на мужскую душу. Значит, крестьян, заведомо не имевших даже крепостной потребительной нормы в 1905 году было *больше* половины, хотя в точности сказать *насколько* именно больше, нет возможности. Из $^1/_3$ дворов с наделами от 8 до 15 дес. надо отделить *некоторую часть* на долю тех, кому не хватало земли до крепостной потребительной нормы; остальные из этих дворов можно считать *обеспеченными по потребительной норме*. К ним надо причислить и дворы с наделом от 15 до 20 дес., так как эти наделы равны душевым ревизским наделам от 5 дес. но менее $6^2/_3$ дес. Следовательно, крестьяне, живущие в этих дворах, обеспечены лучше, чем по потребительной норме (3,2 дес.) крепостного времени, но наделы их редко всетаки достигают трудовой нормы той поры (6,5 дес.). Поэтому без большой ошибки можно считать, что крестьян, обеспеченных *по крайней мере потребительной душевой нормой крепостного времени в 1905 году* было *от $^1/_3$ до $^2/_5$ всего числа дворов*.

Что-же кажется дворов с наделом не менее 20 дес., то все они имеют не меньше $6^2/_3$ дес. на мужскую душу и, следовательно, обеспечены *по меньшей мере трудовой нормой* крепостного времени, а некоторые и гораздо выше ее. Таких дворов *немного более $^1/_{10}$ части*.

Из этого сравнения дворовых наделов 1905 года с душевыми наделами „ревизских“, полученными ими при отмене

крепостного права, видно, насколько ухудшилось земельное обеспечение крестьян за протекшие с „воли“ 44 года.

Прилагая оценку проф. Ходского к сведениям о крестьянских наделах 1905 г., получим, что теперь *щедро* наделенными следовало бы признать $^1/_{10}$ часть дворов (от 20 дес. надела), *достаточно* наделенными от $^1/_3$ до $^2/_5$ дворов (от 8—20 дес.) и *недостаточно* наделенными свыше $^1/_2$ (до 8 дес. надела) дворов. Следовательно, за 40 лет с „воли“ произошли очень важные изменения. Щедро наделенная часть крестьянства сжалось за это время *втрое*; достаточно наделенная изменилась мало; зато недостаточно наделенная разрослась *вдвое*. Значит, множество крестьян, которые при выходе на „волю“ имели земли много или достаточно, теперь спустились на положение совершенно необеспеченных наделами.

Итак, земельная теснота, все усиливаясь, грозила задавить огромное большинство крестьянства.

Однако весь этот рассчет верен только в том случае, если мы согласимся, что и через 40 лет после „воли“ потребительная и трудовая земельная норма нисколько не изменилась ни в ту, ни в другую сторону. Стало быть, все дело в том, сколько надельной земли *теперь* через 40 лет, требовалось нашему крестьянину, чтобы, во первых, утолить свои насущные потребительные нужды, во вторых затратить полностью все свои рабочие силы в трудовом сельском хозяйстве. Число десятин, нужное для первой цели, и следует считать его потребительной нормой, а нужное для второй цели—трудовой нормой. Итак прежде всего спросим себя, осталась-ли потребительная норма у крестьянина без всякого изменения с крепостной поры и вплоть до революции 1905 года, или же она уменьшилась?

Здесь достаточно немного вникнуть в дело, чтобы решить, что остаться без изменения она едва-ли могла. Ведь те 3,2 дес. на ревизскую душу, которыми мог удовлетворить свои потребительные нужды крепостной крестьянин, были достаточны для него только потому, что самые эти нужды были сокращены под гнетом барской власти до самой последней крайности. Как плохо жил крепостной крестьянин, это всем известно. Один горячий народолюбец, сам происходивший из дворян Саратовской губ.,—А. Н. Радищев так описывал обычную избу крепостного крестьянина лет за 70 до „воли“.

„Четыре стены до половины покрытые, как и весь пото-

лок. сажею; пол в щелях, на вершок по крайней мере поросший грязью; печь без трубы; дым, всякое утро наполняющий избу; оконины, в коих натянутый пузырь (вместо стекла) пропускал в полдень смеркающийся свет; горшка два или три— счастлива изба, коли в одном из них всякий день есть пустые щи!—Деревянная чашка и кружки, называемые тарелками; стол, который скоблят скребком по праздникам... Корыто кормить свиней или телят, если они есть, спать с ними вместе, глотая воздух, в котором горящая свеча кажется как будто в тумане или за завесою... К счастию кадка с квасом, похожим на уксус, и на дворе баня... Посконная рубаха, обувь, данная природою (т. е. крепостной ходил босиком! П. А.), онучки с лаптями для выхода"... Словом, грязь, бедность, нужда во всем, жизнь, напоминающая безрадостное существование рабочей скотины—таков был круг обычных потребностей, на утоление которых хватало крепостного земельного надела. Со времен А. Н. Радищева до „воли" эта жизнь помещичьего крестьянина мало улучшилась и нужды его остались такими-же скудными и ничтожными. Отсюда ясно, что прежняя *потребительная* норма земли, норма крепостного времени, могла бы удовлетворять крестьянина и потом только в том единственном случае, если-бы его жизнь нисколько не улучшилась и его нужды и желания не расширились, не сделались больше, разнообразнее, просвещеннее. Остаться с прежней потребительной нормой, значило бы для него остаться при старом, крепостном образе жизни, не желать лучшего и не стремиться к нему. Но это, конечно, невозможно и даже опасно для государственного и народного блага: кто не идет вперед, тот пятится назад... Следовательно крепостная потребительная норма с отменой крепостной неволи должна быть признана также бесповоротно отжившей, мертвой. Вольный крестьянин имел право не на скотскую, а на человеческую жизнь. А для этого и его потребительная земельная норма должна была бы увеличиваться с течением времени по мере расширения, умножения и прояснения его желаний и нужд. Лишь такое количество земли можно было бы признать достаточной потребительной нормой, которое давало бы крестьянину средства улучшать свою жизнь, полнее и разумнее удовлетворять свои обычные насущные потребности. Не курная и темная изба, а светлая и теплая; не грязь и свинство, а чистота и человеческое существование;

не пустые щи, а сытная и достаточная пища—такие и им подобные требования должна-бы была обеспечивать крестьянину земельная потребительная норма. Итак, в 1905 году потребительная норма должна быть больше крепостной, т. е. *больше 3,2 дес. на мужскую душу.*

Впрочем, в одном случае она могла-бы не только остаться в прежнем размере, но даже и уменьшиться: если бы наш крестьянин, получивши „волю“, стал с каждым новым годом вырабатывать на своем небольшом наделе все больше и больше хлеба и других сельскохозяйственных плодов. Тогда он мог-бы с тех-же 3 десятин не только лучше прокармливать себя и семью, но удовлетворять и прочие насущные нужды, продавая для этого излишки произведений своего сельского хозяйства. А получить с прежнего надела больше плодов труда он мог-бы тогда, когда научился бы улучшать свое сельское хозяйство, применять новые, усовершенствованные способы обработки земли, ухода за скотом и пр. Словом, потребительная норма крепостного времени могла бы оказаться и потом достаточной и даже избыточной, если-бы земледельческий труд крестьянина делался все успешнее и успешнее.

От этой успешности могла-бы измениться после „воли“ и *трудовая норма* надела. Если при крепостной неволе требовалось около $6^1/_2$ дес. на мужскую душу, чтобы занять в своем хозяйстве все рабочие силы, орудия и скот крестьянина, то потом эта трудовая норма должна была-бы постепенно уменьшаться по мере того, как лучшая обработка земли и новые, более совершенные планы и способы хозяйства требовали-бы все большей затраты труда и обзаведения. Наука о правильном ведении сельского хозяйства говорит, что чем совершеннее, лучше устроено это хозяйство, тем больше труда требуется на обработку одной десятины земли. Возьмем пример. Если сравнить два хозяйства, из которых в одном земля удабривается, в другом нет, то окажется, что на собирание, возку, раскидывание навоза первый хозяин потратит немало времени и труда, которого не знает второй, не удабривающий земли. Но зато первый получит с десятины, скажем, 50 пудов, а второй только 30. Однако, для того, чтобы в свою землю вложить все свои силы и средства первому хозяину понадобится допустим, 5 десятин, а второму мало будет и 6-ти. Следовательно, трудовая норма для первого хозяйства, хозяйства с удобрением,

будет 5 дес. на муж. душу, а для 2-го, хозяйства без удобрения, уже $6^1/_2$-й. Так, от улучшения способов ведения сельского хозяйства увеличивается количество необходимого для обработки 1 десятины труда и уменьшается число десятин, составляющих трудовую норму.

Из сказанного выходит, что после „воли“ *при успешном ходе крестьянского хозяйства* трудовая норма должна была-бы сравнительно с крепостным временем все более и более уменьшаться, а за ней и потребительная норма, которая, однако, должна была-бы сокращаться менее и медленнее трудовой, или даже—оставаться в прежнем, крепостном размере.

Наоборот, *при застое или-же ухудшении крестьянского сельского хозяйства* потребительная норма обязательно должна была увеличиваться, а трудовая остаться по крайней мере прежней, крепостного размера.

Стало-быть, для того чтобы окончательно решить, насколько улучшилось или ухудшилось земельное обеспечение крестьян после „воли“, необходимо узнать, *улучшалось или ухудшалось их трудовое сельское хозяйство за это время.*

Так как крестьяне сеют главным образом хлеб, то первым признаком успешности их сельского хозяйства является количество собираемого ими с десятины посева зерна. Спрашивается, увеличилась ли урожайность надельных земель после „воли“?

Да, увеличилась: с 1861-го по 1910 г. количество зерна, собираемого с 1 десятины в крестьянском хозяйстве, возросло с 29 пуд. до 43 пуд., т. е. приблизительно в полтора раза: там, где ранее собиралось 100 пудов, через 50 лет собирается 148 пуд. Отсюда как будто выходит, что и количество земли, необходимой крестьянину, могло бы соответственно этому уменьшиться наполовину: там, где раньше нужно было 3 дес., теперь можно обойтись двумя. Но это заключение будет еще слишком поспешно и малоосновательно, если мы ограничимся одним этим признаком успешности трудового сельского хозяйства. Необходимо принять во внимание и другие не менее важные признаки.

Успешность сельского хозяйства очень сильно зависит от числа голов рогатого и рабочего скота (коров, волов, лошадей), так как он не только служит орудием производства, но дает

необходимое удобрение и важные припасы, как молоко, масло и пр.

Каково обеспечение крестьянского хозяйства скотом? Улучшается-ли эта важная статья крестьянского хозяйства или нет?

К несчастью нет возможности прямо и точно ответить на этот вопрос, так как для этого нет всех необходимых сведений.

Однако известно, что у наших крестьян гораздо меньше лошадей, чем у сельских хозяев других, передовых стран. Так, наши крестьяне в среднем счете имеют по 94 лошади на 1000 десятин, между тем как во Франции приходится на такое-же количество земли 107 лошадей, в Англии 115, а в такой крестьянской стране, как Дания, 172 лошади, т. е. чуть не *вдвое* больше, чем у нашего крестьянина. Но это показывает только, как сельское хозяйство России далеко отстало от передовых стран, но не отвечает прямо на вопрос, *улучшилось ли* за время, протекшее с „воли" до революции 1905 г., обеспечение русских крестьян рабочим скотом. Впрочем, кое какие сведения и на этот счет можно всетаки получить.

Так известно, что в первые-же годы после „воли" в России (а не у одних крестьян) было 16 мил. лошадей; в 1892 году их насчитывалось уже 18 мил., а еще через 5 лет — 20 мил. голов. Таким образом, количество лошадей увеличилось за 35 лет на 4 мил. голов или на $^1/_4$ часть. Кроме того подсчитано, что в 1900 году из 19 мил 682 тыс. голов лошадей на долю всех крестьянских хозяйств приходилось 16 мил. 672 тыс., т. е. лошадей у крестьян было больше, чем в первые годы после „воли" насчитывалось их во всей России, и у крестьян и у владельцев. Очевидно, что общее количество лошадей *во всех* крестьянских хозяйствах России за 35 лет всетаки увеличилось. По сведениям 1900 года у крестьян находилось $^4/_5$ всех лошадей, у других сельских-хозяев $^1/_5$. Если допустить, что *также* распределялись лошади по хозяйством и раньше, в первые годы после „воли", то окажется, что тогда у *всех* крестьян было 12 мил. 800 тыс. лошадей. В 1900 году у них считалось 16 мил. 672 тыс. лошадей, т. е. больше почти на 3 мил. 900 тыс. голов, или *приблизительно на* $^1/_3$. Но этого еще мало для того, чтобы ответить на вопрос, улучшилось-ли обеспеченность крестьянского хозяйства рабочим скотом, ибо

за это время увеличилось и количество распахиваемой крестьянами земли.

Немного спустя после „воли“ в России распахивалось 82 мил. десятин, а в 1887 году уже 124 миллиона. В 1901—1905 годах количество пашни оставалось приблизительно в том-же размере или-же немного увеличилось. Почти вся эта приходилась на долю крестьянского хозяйства. Если мы после этого сделаем рассчет число лошадей на каждую десятину пашни, то получим следующие цифры, конечно, лишь очень неточные: вскоре после „воли“ на каждую крестьянскую лошадь приходилось накруг по $6^1/_2$ дес. пашни; в 1900 году, через 35—40 лет, уже по $7^1/_2$ дес., если не больше. Отсюда можно догадываться, что обеспеченность крестьянского хозяйства рабочим скотом с течением времени *не улучшалось, а ухудшалось*.

Но ведь кроме лошадей роботают на крестьянских полях также и волы, а коровы дают удобрение. Стало-ли за это время крестьянское хозяйство богаче рогатым скотом?

С средины 60-х годов до 1897 года, за 30 с лишним лет, число голов рогатого скота увеличилось с 23 до 33 миллионов т. е. на 10 миллионов или приблизительно на $^2/_5$: там, где раньше насчитывалось 100 голов, к концу века оказалось 143 головы. Но опять таки этого увеличения еще мало, чтобы говорить об улучшении обеспеченности крестьянского хозяйства рогатым скотом. И действительно, если сделать рассчет на каждую душу населения, то окажется что обеспеченность *всего* населения России рогатым скотом даже уменьшается с течением времени. Так, в 1861 году на каждую тысячу жителей России приходилось по 357 голов рогатого скота, а в 1898 году уже только по 252 головы, т. е. там, где ранее насчитывали 100 голов, потом оказалось уже только 71 голова.

По сведениям 1900 года у крестьян находилось более $^8/_{10}$ всего рогатого скота, прочий же—у остальных сельских хозяев. Если предположить, что так было и раньше, то окажется, что у крестьян вскоре после „воли“ имелось около $18^1/_2$ мил. голов рогатого скота, а в 1900 году 26 мил. 882 тыс. голов; прибыло, стало быть, свыше 8 мил. голов. Но если мы так же, как и раньше, сделаем рассчет на десятину пашни, то окажется, что в средине 60-х годов на каждую голову рогатого скота приходилось менее $4^1/_2$ десятин, а в конце века, через 35 лет,

уже более 4,6 десятин. Иначе говоря, обеспеченность трудового сельского хозяйства рогатым скотом не только не улучшилось, но даже ухудшилось; а это значит, что если раньше крестьянин навозом от одной коровы должен был удобрять примерно, $4^2/_5$ десятины пашни, теперь он принужден был удобрять уже $4^3/_5$ десятины или даже—более. Точно также, там где он раньше одной парой волов должен был вспахать $4^2/_5$ дес., теперь ему надо вспахать уже $4^3/_5$ дес. и т. д.

Итак, несомненно, что крестьянское скотоводство, и именно—наиболее важная для земледелия часть его—разведение лошадей и крупного рогатого скота—за время, протекшее с „воли" до 1905 года, не только не подвинулось вперед, но даже пришло в расстройство и упадок. А это значит, что и трудовое сельское хозяйство, не смотря на небольшое увеличение урожайности, *не могло получить полного и беспрепятственного хода вперед*, к усовершенствованию способов обработки земли.

Так в действительности и было: способы сельского хозяйства у огромного большинства крестьян остались почти без всякого изменения по сравнению с крепостным временем. Как хозяйствовали их подневольные отцы и деды, так и после „воли" продолжали вести свое дело их дети и внуки.

Это прежде всего видно из того, что старинный обычай делить поле на 3 клина и оставлять под пар целую треть земли сохранился в течение 40—45 лет после „воли" почти во всех тех местностях, где этот стародавний обычай был заведен еще в крепостную пору.

Между тем этот способ ведения сельского хозяйства пригоден лишь до тех пор, пока население редко и земли у него много; ведь при трехполье ежегодно пропадает под паром целая треть земли, а остальные $^2/_3$ дают лишь слабые урожаи, если к ним не применяются улучшенные способы обработки. Как мы уже знаем, после „воли" крестьянское население России стало сильно и быстро размножаться и скоро дошло до такого предела, когда оставаться с трехпольем уже нельзя. Ученые агрономы знают, что трехполье не может кормить населения, если на 1 квадратную версту приходится более 50 человек жителей. Между тем в средних губерниях России вскоре-же после „воли" население сгустилось настолько, что на 1 кв. версту приходилось местами до 64 человек. Стало быть, разумное ведение трудового сельского хозяйства обяза-

тельно требовало, чтобы крестьяне оставили старинные дедовские обычаи в земледелии и прежде всего—обычное трехполье и переходили понемногу к улучшенному многопольному обороту посевов, т. е. к такому порядку, когда поля делятся на 4, 5, 7 и даже 9 клиньев и каждый клин засевается из—года в год различными полезными растениями в строго определенном порядке. рожь, пшеница, ячмень, овес и др. зерновые хлеба должны чередоваться с посевами кормовых трав (клевер, люцерна и др.), корнеплодов (картофель, свекла и пр.) и технических растений (лен, конопля и пр. доходные, промышленные знаки). Тогда земля сама себя обновляет и не требует отдоха под паром.

На ряду с правильным полевым хозяйством необходимо применение и улучшенных способов скотоводства: постепенно надо переходить от пастьбы скота на выгонах и лугах к стойловому содержанию скота. Тогда земля, пропадающая под выгонами и лугами, почти вся может уйти в правильный полевой оборот. Кроме того от улучшения пород скота и ухода за ним увеличится доход от хозяйства и не будет необходимости так много земли засевать зерновым хлебом, ибо зерно—менее ценный товар, чем продукты скотоводства и различные технические растения.

Все эти и им подобные улучшения стали на очередь в трудовом сельском хозяйстве России тотчас-же после „воли", но крестьяне мало и туго шли на эти новшества и не отставали от стародавних хозяйственных порядков.

Правда, за время, прошедшее с „воли" до первой революции. крестьянское хозяйство всетаки не стояло на одном месте; улучшения в нем замечаются, но далеко не везде и не у всех крестьян. Еще и через 40 лет после „воли" во множестве местностей не применялось даже простое навозное удобрение полей, которые постарому делились на 3 клина. При этом замечено, что, чем лучше крестьяне какого нибудь уезда или местности были обеспечены землею, тем позже и неохотнее они начинали удобрять свои поля и вообще применять те или иные усовершенствования. Так напр., в Харьковой губ. еще в 1907 году в самых малоземельных уездах большинство местностей было таких, где большая часть крестьян уже применяла удобрение; в уездах среднеземельных — $^2/_5$, а в многоземельных уездах—даже только $^1/_{10}$ часть. Оставались там целые

уезды, как Старобельский, где и через 50 с лишнем лет после „воли“ крестьяне не удобряли полей. Впрочем, в черноземных, хлебородных губерниях крестьяне вообще очень мало вводили улучшений в способах хозяйства и многие из них даже не оставили и того, еще более устарелого и крайне невыгодного порядка, по которому не $^1/_3$ отдыхает под паром, а целая половина или большая часть земли забрасывается на несколько лет, пока не отдохнет сама собою...

Гораздо больше улучшений в крестьянском хозяйстве замечалось в малоземельных местностях нечерноземной полосы и юго-западного края. Здесь, вынуждаемые земельной теснотой и малым доходом от земледелия при прежних способах хозяйства, крестьяне стали понемногу переходить к усовершенствованной обработке земли и улучшенному скотоводству.

Они нетолько применяли удобрение полей, но стали прибегать к очень важному очередному улучшению их хозяйства, к посеву кормовых трав. Так напр., в 1898 году в Московской губ. травосеяние было уже во всех уездах, при чем в Волоколамском уезде $^2/_5$ надельных земель приходилось на те сельские общества, которые применяли это улучшение; в Рузском, Можайском и Звенигородском уездах на общества с травосеянием приходилось $^1/_4$ надельных земель. Но зато в других уездах той-же губернии на общества с травосеянием падало уже менее $^1/_{10}$ доли всей надельной земли, а в Верейском и Подольском—даже менее $^1/_{20}$ (4, 8 и 3, 1%). Между тем Московская губ. одна из самых передовых по части улучшений в трудовом сельском хозяйстве. В большинстве-же других губерний распространение улучшений в крестьянских хозяйствах было еще слабее. Даже в самое последнее время (в 1916 г.) травосеявие занимало в Московском и Приозерном районах не более 5—8 дес. из каждой сотни надельных земель, а в остальных местностях только 2 дес. из ста.

Еще менее применялся посев сахарной свекловицы, различных технических растений и пр. улучшения, как в земледелии, так и в скотоводстве.

Вместо этого пути усовершенствования трудового сельского хозяйства огромное большинство крестьян прибегали к распашке все новых и новых земель из своих наделов, стараясь увеличить сбор зерна при прежних или лишь немного улучшенных способах хозяйства. Так, уже упоминалось, что коли-

чество пашни увеличилось с 82 мил. дес. до 125 мил. дес. за время с „воли" до первой революции 1905 г. т. е. приблизительно на половину: там, где ранее распахивалось 100 дес. стали распахивать 152 дес. Почти вся эта пашня приходилась на долю крестьян. Но увеличение распашки шло очень неравномерно в разных краях России. В северном, лесном и малолюдном крае с 1887 по 1905 год количество пашни увеличилось на $^1/_5$ часть; в Новоросии за то-же время на одну четверть, в восточных губерниях—на $^1/_{10}$. Зато в черноземном крае, также как в Молороссии и в северовосточных губерниях, распашка, или совсем, или почти не увеличилась. Наконец, были и такие обширные местности, где количество пашни даже сократилось: в промышленых подмосковнных губерниях, срединных черноземных, в Поволжье.

В 1900 году всего под крестьянским сельским хозяйством было свыше 116 миллионов дес. надельной земли; из нее под посевом находилось около 50 (49,721) миллионов дес., т. е. распахано было (считая и пар) не менее 75 мил. дес. или $^2/_3$. Между тем в тот-же год из частновладельческих земель распаханы были не более $^2/_5$ частей. Иначе говоря, распаханность надельных земель оказывается сильнее часновладельческих приблизительно в полтора раза. Крестьяне обращали под пашни такую большую долю своих надельных земель, что наносили вред своему-же сельскому хозяйству и отнимали у себя возможность правильно его вести и улучшать. Желая во что бы то ни стало расширить свои посевы, крестьяне распахивали выгоны и луга, обращали в пашню леса, иногда даже от трехполья переходили к беспорядочному пестрополью и т. д. Этим всем они лишали себя возможности содержать необходимое количество скота, должны были держаться старинного, но очень вредного для хозяйства обычая пасти скот на жнивах, парах и т. д. Действительно, крестьянское скотоводство, чем дальше шло время, тем все более и более расстраивалось: сократилось число овец и др. мелкого скота, содержимого крестьянами, а самый скот почти не улучшился.

Что-же это значит? Что заставляло крестьянина действовать во вред своему-же собственному хозяйству? Разве он не видел этого вреда?

Не всякий и не всегда видел, а когда и видел, то ничего не мог поделать: были в то время такие причины, которые

вынуждали крестьян действовать не так, как следовало по разумному и дальновидному хозяйственному расчету. Эти-же самые причины стали поперек дороги и коренному, быстрому улучшению приемов и орудий трудового сельского хозяйства крестьянина после „воли".

В чем же заключались эти причины, оказавшиеся сильнее человека и насильно подчинившие его волю?

Для того, чтобы ответить на этот вопрос, надо еще раз вникнуть в то положение, в каком очутилось крестьянство после отмены крепостного права.

Уже не раз приходилось нам отмечать, что вследствие недостаточности наделов, тяжести оброков и платежей, невозможности обойтись без найма „отрезных" земель, крестьянское хозяйство тотчас-же после „воли" оказалось связанным по рукам и ногам; в черноземных местностях оно не освободилось от экономической зависимости по отношению к своему бывшему „барину", да и в нечерноземных принуждено было отдавать много плодов своего труда собственникам земли. В первое-же 5-летие крестьяне (б. помещичьи) уплатили около 250 мил. оброка и 40 мил. р. выкупа, а в следующее пятилетие еще больше. За 10 лет (1862—1871) они заплатили оброка и выкупа до 587 мил. руб. Но этим не ограничивались платежи, падавшие на трудовое сельское хозяйство. На крестьянах лежали казенные подати (подушная до 1882 года), земские и мирские сборы, а сверх того на ситце, керосине, спичках, железных изделиях и мн. др. необходимых товарах крестьяне переплачивали много так называемых косвенных налогов, скрытых в самой цене товара. Высчитано, что в 1903 году, напр., с одной десятины надельной земли сходило разных платежей: 1) казенных податей и выкупа 77 коп. 2) земских 27 коп. 3) мирских—40 коп, 4) страховых 12 коп, а всего 1 р. 56 коп. Между тем чистая доходность десятины в то время, считая на круг, была 4 р. 38 к. Следовательно, из каждого рубля чистого дохода крестьянин уплачивал 36 коп., т. е. более $^1/_3$. Если же к этому прибавить еще разные натуральные повинности (подводы и пр.), переведя их на деньги, то получится уже платеж в 2 р. 23 коп. с десятины или по *51 коп.* с каждого рубля чистого дохода, т. е. *более половины*. Из остальной половины своего чистого дохода крестьянин должен был оплатить еще косвенные налоги, заключенные в цене покупаемых им товаров, и, наконец, поддер-

живать и улучшать свое трудовое сельское хозяйство. Высчитано, что косвенных налогов в среднем падало на 1 душу крестьянского населения около 7 руб. (6 р. 92 коп.). Если принять во внимание, что в 1900 году на душу населения приходилось в общем по 1.3 дес. надела, то на 1 дес. надела падает 5 р. 24 к. косвенных налогов. Прибавив и этот расход к высчитанным выше платежам, получим 7 р. 47 коп. с десятины, т. е. на 3 р. 9 коп. больше чистого дохода. Ясно, что на поддержание и усовершенствование хозяйства крестьянину не оставалось уже ничего. Чистого дохода от надельной земли не хватало на покрытие всех прямых и косвенных платежей в казну, земство и мир, даже если не считать натуральных повинностей.

Конечно, весь этот рассчет сделан на круг, на все крестьянство и на всю коренную Россию. В действительности положение трудового сельского хозяйства было очень и очень различно, смотря по местности, и степени земельной обеспеченности. Но если в одних случаях оно было лучше описанного, то в других, наоборот, положение трудового сельского хозяйства на надельной земле было еще более безвыходным, чем кажется по рассчету на круг. Рассчет этот и показывает как трудно было огромному большинству крестьян нести все эти платежи, как сильно обременяли они селькое хозяйство; они не давали крестьянину собраться со средствами, чтобы приступить к улучшению способов земледелие и скотоводства.

Мы уже говорим в своем месте, что после выхода на „волю“ чуть не половина помещичьих крестьян должны были плакать от земли и бежать от своего надела, который оказался для них „разорителем“. В таком положении оказались преимущественно крестьяне нечерноземной полосы, которые были вынуждены искать заработка на стороне, чтобы кое как вытянуть платежи, лежавшие на их наделе. С наделом—„разорителем“, эти крестьяне прожили первые 20 лет после „освобождения“, пока, наконец, правительство не вынуждено было (боясь недоемок), понизить выкупные платежи на 1 руб. с души в Великороссии и на 16 коп. с рубля в Малороссии. Для особенно нуждающихся допущено было еще добавочное понижение платежей. Ежегодное облегчение составляло около 12 мил. руб. или 20%, но по разным губерниям понижение выкупа было очень различно. Больше всего он был понижен в нечерноземных губерниях: в Олонецкой на 90 коп. с рубля (чуть не вдвое), в

Петербугской—на 43 коп., в Терской и Вятской на 34 коп. и т. д. Из черноземных и степных местностей заметнее других выкуп был понижен в 8 западных и юго-западных губ. Малороссии (до 55 коп. с рубля с десятины), также в Черниговской (на 34 коп. с рубля) и Астраханской (35 коп. с р.)

Почти одновременно с этим понижением выкупа, оброки были отменены и выкуп сделан был обязательным для крестьян (1881 год) Произошло это в виду прособ самих помещиков, особенно-черноземных. Мы уже знаем, что нечерноземные помещики еще накануне „воли" настаивали на обязательном выкупе наделов при при помощи казны; но против этого были черноземные землевладельцы, которые надеялись удержать у себя и землю и крестьянские рабочие руки. Согласно их желанию на 2 годе после „воли" сохранялась для черноземных губерний даже и барщина вместо снежного оброка. Но тотчас-же после „воли" черноземные помещики увидели, что они ошиблись в рассчетах. „Временно—обязанные" крестьяне не хотели попрежнему отправлять барщину, работали плохо и только портили помещичье хозяйство; а прежней власти принудить их хорошо работать у помещика уже не было: за всем нужно было обращаться к сельским властям или уездной полиции, жаловаться начальству, а все это было для „барина" обидно и не обычно: он привык расправляться с мужиком „своими средствами", по домашнему. С другой стороны крестьяне скоро смекнули выгоду своего положения, и по прошествии 2-х летнего срока отказывались переходить с барщины на оброк. Впрочем, они и не могли без ломки своего обычного хозяйства уплачивать свои оброки, так как денег у них не было и взять их было им не откуда: в черноземной полосе крестьянское хозяйство в это время было еще всецело натуральным и потребительным, т. е. оно давало крестьянину разные сельскохозяйственные припасы, которые шли на нужды этого-же самого хозяйства. Черноземный крестьянин мало продавал свои сельские плоды и обходился почти без денег. Да продавать было в хлебородной полосе некому, а не земледельческих заработков, подобных промыслам северного и срединного Великорусского края, здесь не было по близости. Стало быть, черноземному крестьянину было выгоднее числиться на барщине, чем ломать все свое привычное хозяйство, везти хлеб на продажу или идти на далекие заработки, чтобы добыть денег на уплату оброка.

Видя все это, черноземные помещики и стали добиваться от правительства, чтобы оно сделало выкуп наделов обязательным для крестьян и взяло долг их помещикам на казенный счет. Но до перевода на обязательный выкуп, крестьяне успели уплатить помещикам более 500 (527) мил. оброка и свыше 600 (606) мил. руб. выкупа, а всего 1233 мил. руб. Впрочем незадолго до этого (1879 г.) лишь $^1/_7$ крестьян еще находилась в положении „временно-обязанных", остальные-же $^6/_7$ и без принуждения правительства приступили к выкупу своих наделов, и не только приступили, но уже успели выплатить $^4/_5$ той суммы, в которую была оценена надельная земля при отпуске крепостных на „волю".

Казалось-бы, уже немного оставалось крестьянам до того желанного часа, когда они сделаются, наконец, полными господами своих наделов и окончательно освободятся от всяких платежей за землю.

Но не тут-то было. Прошло снова 25 лет, а выкупные платежи все еще лежали на плечах крестьян, да не только помещичьих, а и более счастливых—государственных [1]). К 1906 г., оставалось на всем крестьянстве выкупного долга 1107 мил. руб., в том числе 323 мил. на помещичьих и 783 мил. руб. на государственных и удельных крестьянах. И это не смотря на то, что за это время было уплачено еще 935 мил. руб. выкупа.

Об'ясняется это тем, что в выкупной долг вошла не только стоимость наделов по оценке оброка (как мы говорили в главе 7-й) но также расходы казны по взиманию выкупа (и вообще на выкупную операцию) и проценты по этим платежам.

Насколько тяжелы были эти платежи для крестьян и как мало сообразовались они с доходностью их селького хозяйства, видно из того, что за крестьянами накапливались большие недоимки.

Так, в первый год (1862) по выходе на „волю" недоимки достигали 60 коп. с рубля, во второй год—45 коп., в 3-й—30 коп., в 4-й 16 коп. В следующие годы эти недоимки были уже не более 10 коп. с рубля, но понижение это оказалось только временным. Недоимки в первые 20 лет после „воли" накапливались особенно сильно в нечерноземных местностях, где надел совершенно не оправдывал платежей. Так, в Смо-

---

[1]) Государственные крестьяне были переведены на выкуп в 1886 году

ленской губ. в первое-же 10-летие недоимки составляли 129 коп. на рубль годового оклада, в Новгородской—102 коп., в Петербургской—88 коп. и т. д. Накануне перевода крестьян на обязательный выкуп (в 1880 г.) общая сумма недоимок дошла до 16 мил. Понижение выкупа временно дало крестьянам небольшое облегчение, но не надолго; недоимки не исчезли они стали накапливаться теперь уже за крестьянами черноземных и степных губерний. К 1892 году по всей России (кроме западных губ.), недоимки составляли 72 к. с кажд. руб годового оклада. Это вынудило правительство пойти на новое облегчение платежей крестьян. Оно стало отстрочивать им долг, пересрачивать недоимки под видом „царской милости" и т. п. Так, в 1904 году пришлось сложить 130 мил. руб. недоимки по выкупу. В конце концов дошло до того, что общая недоимочность (по выкупу и податям) у крестьян некоторых губерний—срединных черноземных и Поволжских — вчетверо и впятеро превышал годовой оклад их платежей.

Все это показывает, какое сильное обременение представляли разные платежи для крестьянского трудового сельского хозяйства. Они брали у него в лучшем случае большую половину чистого дохода с надельной земли, а в худшем превышали этот доход, не оставляя никакого запаса на усовершенствование хозяйства.

Кроме того эти платежи и налоги были разложены таким образом, что главной тяжестью давили самых слабых крестьян, наименее обеспеченных и землей и хозяйственными средствами. Мы уже знаем, что чем меньше был надел, тем больше лежавшей на нем оброк, а следовательно и выкуп. Подушная подать (до 1882 г.) падала тоже тяжелее на бедных, чем на богатых также была разложена и поземельная подать; косвенные —налоги брались с предметов самой первой необходимости, без которых не могли обойтись одинаково и бедные. Что-же касается взыскания податей и выкупа, то оно производилось с сельских обществ по круговой поруке, (до 1904 года), вследствие чего за недоимки одних должны были платиться другие. Дело доходило нередко до описи крестьянского имущества и даже—до отобрания наделов. Все это отбивало и у зажиточных крестьян всякую охоту улучшать свое сельское хозяйство, увеличивать его доходность. Бедным-же крестьянам не оставалось средств не только на улучшение хозяйства, но даже на простое

поддержание его в прежнем положении. Часто у крестьянина среднего достатка не хватало дохода от сельского хозяйства и на обычные насущные нужды семьи.

Один ученый (Щербина) собрал сведения о доходах и расходах крестьян Воронежской губ. в конце XIXв. И что же оказалось? Расходы у крестьян *среднего* достатка были больше их доходов. Так, каждая душа (обоего пола) средней крестьянской семьи расходовала тогда: на пищу 19 р. 46 коп., на жилище—3 р. 83 коп. на одежду—5 р. 50 коп.. на скот и птицу 10 р. 64 к., хозяйственное образование и сбрую 1 р. 24 коп., на прочие нужды 3 р. 94 коп., а всего—44 р. 61 коп. Стало быть, на пищу, жилище и одежду уходило 3/5 части всех расходов, на скот и птицу—около 1/4 части, а на хозяйство—всего какая нибудь 1/33 часть. Если прибавать к хозяйственным расходам и расходы на птицу и скот, то выйдет, что на поддержание хозяйства уходит всетаки лишь немногим больше 1/4 части всех расходов, а 3/4 их идут на обычные потребительные нужды.

Если теперь сравнить эти расходы с доходами от сельского хозяйства среднего-же Воронежского крестьянина, то окажется, что доходы эти могут покрыть лишь 2/3 расходов, а остальную треть необходимых средств крестьянин должен добывать каким нибудь посторонним заработком. Иначе говоря, там, где крестьянину нужно было на расходы 1 руб. его сельское хозяйство давало ему только 69 коп.

Эта нехватки вынуждала крестьян искать заработков в чужом хозяйстве—в сельском или в городе, а также заниматься различными промыслами, как дома—кустарничать, так и на стороне—в торговле и ремесле. Ежегодно от 1½ до 2½ мил. человек отправлялись временно на посторонние работы, в том числе до 1 мил. на сельскохозяйственные заработки. Больше всего отпускали на сторону рабочих те семьи, которые были плохо наделены землей. Замечено, что чем лучше было земельное обеспечение крестьянской семьи, тем меньше уходили из нее работники на сторону. Отсюда ясно, что земельная нужда гнала крестьянина работать в чужое хозяйство и скитаться по России в поисках промысла. Иначе и быть не могло: чем меньше было дохода от *своего* сельского хозяйства, тем больше была нужда в доходе со стороны, в заработке на чужбине. Однако без заработков на стороне не могли обойтись и средние по наделам крестьяне: почти половина таких семей посылает своих членов

на стороннюю работу. Наконец, даже семьи с наделами по 15 дес. и более ищут сторонних заработков, так как надельной земли не хватает им для полного и полезного занятия всех рабочих сил в своем сельском хозяйстве. Стало быть, крестьянин под давлением земельной тесноты и высоких платежей до 1905 года оставаясь по своему главному занятию трудовым сельским хозяином все чаще и чаще превращался во временного наемного рабочего и своей заработ. платой пополнял ту нехватку, которая оказывалась в его доходе от собственного сельского хозяйства. И чем малоземельнее был крестьянин, тем больше в его жизни значил наемный труд, тем сильнее он напоминал собою рабочего-пролетария.

Но работа на стороне, труд по найму, был для крестьянина все-же лишь подсобным заработком; он вовсе не хотел сделаться наемным рабочим, а наоборот, всеми силами старался как-нибудь поддержать свое трудовое сельское хозяйство и увеличить доход от него хотя бы настолько, сколько нужно было для утоления самых насущных нужд крестьянской жизни. И так как увеличить доход путем улучшения хозяйства оказывалось не только для самых малоземельных, но и для среднеобеспеченных наделами крестьян редко возможно, то все свои силы они и направляли к тому, чтобы расширить свое земельное пользование, добыть тем или иным путем лишнюю десятину „землицы“.

Путей этих было несколько: покупка земли, наем ее, переселение на новые места, наконец уравнение мирских земель между собою.

О покупке земли крестьянами отчасти уже говорено в предыдущей главе. Здесь мы добавим лишь следующее насчет трудового купчего землевладения.

Всего было куплено крестьянами с 1861 до 1905 года почти 25 (24,6) миллионов десятин, в том числе 13 мил. дес. —приобретены были отдельными хозяевами, около 4 мил. дес. —сельскими обществами и около 8 мил. дес.—товариществами. Стало быть, немного больше половины (54%) купчих земель перешли в частную собственность отдельных крестьян (вернее —их семей) приблизительно 1/3 часть—в товарищеское владение и около 1/6 части—в мирское, общественное.

Однако, не все земли отдельных крестьян принадлежат действительно *трудовым* сельским хозяевам. Из 13 мил. дес.

только 4 с небольшим миллиона приходится на долю таких покупщиков, в руках которых участки менее 50 дес. каждый. Наоборот, до 9 мил. дес. куплены хотя и крестьянами по паспорту (по сословию), но такими большими участками, что вести на них мелкое *трудовое* сельское хозяйство своими личными силами покупщики заведомо не могут. А именно: из 9 мил. дес. $1\frac{1}{2}$ мил. приходится на владения от 50—100 дес. каждое, 5 мил. дес.—на имения от 100 до 1000 дес. и 2 с лишним миллиона дес.—на более крупные владения. Если относительно владений от 50—100 дес. купчей земли можно еще сомневаться не сами ли хозяева трудятся на ней, то насчет прочих, более крупных покупщиков не может уже быть никакого сомнения. Хотя они и „крестьяне“ по паспорту, но по хозяйству и землевладению своему они—нетрудовые собственники, капиталисты. Значит под трудовое сельское хозяйство из купчих крестьянских земель отходит только немного *более 4-х мил. десятин*, т. е. *около $\frac{1}{3}$ единоличной крестьянской собственности*. К тому-же в общем приводят и другие подобные сведения о купчем крестьянском землевладении.

Купчие земли, единолично приобретенные крестьянами с 1899 по 1903 год распределялись между покупщиками так, что на долю самых мелких участков—размерами менее 5 дес.—приходилось всего $4\frac{1}{2}$ дес. из сотни; на долю покупок от 5—25 дес.—уже 20 дес. из сотни; на долю средних участков от 25—100 дес. — 23 дес. из 100; остальная, большая половина (53%) — приобретена более крупными участками. Стало быть, в *трудовое* владение несомненно попало лишь около $\frac{1}{4}$ купчей земли, да еще приблизительно столько-же в полутрудовое. Но и из чисто трудовых владельцев самым мелким досталась ничтожная частичка: $4\frac{1}{2}$ дес. из 100; однако, и эти земли раздробились между ними так, что в среднем на одного покупщика не досталось и 2 дес. Зато число таких мельчайших покупателей составляло чуть не половину (48%) всех крестьян, приобретавших тогда купчие земли. А если к ним прибавить и тех, которые купили участки от 5 до 25 дес., то этих мельчайших и средних собственников окажется 85%, т. е. *более $\frac{8}{10}$ всех* крестьян—единоличных покупателей.

В 1883 году был открыт особый Крестьянский банк, который должен был давать из казны ссуды крестьянам на покупку

земли из частных собственников. В первые 4 года банк старался помочь малоземельным крестьянам, давая в ссуду до $^{9}/_{10}$ цены земли и требуя небольшой доплаты наличными деньгами. Этим он стал привлекать к покупке земли и довольно бедных кресьян. Но скоро произошел поворот в другую сторону. С 1887 года банк стал, наоборот, покровительствовать покупкам земли состоятельными крестьянами, чтобы укрепить в России мелкую частную собственность, которая, по мнению правительства, „служит источником процветания страны и опорой гражданского порядка“. Поэтому крестьян. банк начал теперь отказывать в выдаче ссуд на покупку земли маломочным крестьянам, требовать больших доплат наличными (от 20 до 33 коп. с рубля), описывать и продовать земли неисправных плательщиков и пр. Всем этим он сделал покупку земли при содействии казны доступной только для зажиточной и богатой части крестьянства. Новое изменение в деятельности банка произошло в 1895 году, когда, по новому уставу, Крестьянскому банку было разрешено самому покупать землю для перепродажи крестьянам; в то-же время размер ссуд был повышен снова до 90% покупной цены, доплаты наличными понижены и кроме того было установлено, что размер участков, приобретаемых крестьянами с помощью банка, не должен превышать количество земли, которое может быть обработано силами самого покупщика и его семьи. Таким образом, банк должен был содействовать переходу земли в трудовую собственность. Эти перемены снова оживили деятельность банка и снова стали привлекать к нему маломочных и малоземельных крестьян. За время с 1896 г. по 1903 г. было куплено крестьянами с помощью банка почти 5 мил. дес. земли из 8-ми миллионов десятин приобретенных за все время его существования до 1905 года. Крестьянский банк сам купил более 900 тыс. дес. и из них до 1905 года перепродал крестьянам 627 тыс. дес.

К кому-же попадала земля через Крестьянский банк?

Вот какие сведения имеются у нас на этот счет.

В числе заемщиков Крестьянского банка со времени его основания и до 1903-го года крестьяне, имевшие менее $1^{1}/_{2}$ дес. на муж. душу составляли в разные годы от 20 до 32 человек на каждую сотню; владевшие от $1^{1}/_{2}$ до 3 дес. на муж. душу колебались от 29 до 39 на сто; еще более обеспеченные составляли от 23 до 32 человек на каждую сотню. Следовательно,

самых малоземельных покупщиков через банк было не менее $^1/_5$ и не более $^1/_3$; несколько более обеспеченных, но все-же еще малоземельных—не менее $^3/_{10}$ и не более $^2/_5$; наконец, средне и многоземельных—от $^1/_4$ до $^1/_3$. Если-же взять обеспеченность покупщиков банка в среднем расчете, то окажется, что у них на каждый двор было земли *до покупки через банк*: в 1899 г.—5,7 дес., в 1900 г.—$6^1/_2$ дес., в 1901 г.—6,8 дес., в 1902 г.—7,2 дес., в 1903—1904 г.—6,8 дес. Так как средний дворовый надел крестьян в 1905 году оказался $9^1/_3$ дес., а половина всех дворов имела наделы менее 8 дес., то стало быть, в большинстве случаев покупщиками земли через банк были не самые обделенные землею (они имели менее 5 дес. на двор), а те малоземельные крестьяне, которые имели от 5 до 8 дес. на двор, т. е. менее среднего дворового обеспечения 1905 года. Что-же касается безземельных крестьян, то, хотя среди покупщиков земли через банк их было довольно много (от 6 до 14-ти на сотню), но по своей зажиточности эти безземельные оказывались вовсе не бедняками, а наоборот—более богатыми, чем малоземельные покупщики. Это видно из того, что они покупали более крупные участки. Итак, несомненно, что даже в годы наиболее благоприятной для маломочных крестьян деятельности банка (1896—1904), купчая земля переходила через него чаще всего в руки хотя и малоземельного, но все-же не самого нуждающегося в земле крестьянина. Тем менее помогал этому последнему банк в предыдущие (1887—1894) года, когда он явно покровительствовал покупкам земли состоятельными крестьянами.

Все сказанное приводит нас к убеждению, что путем приобретения земли в единоличную частную собственность *наиболее* нуждающиеся в ней крестьяне почти не могли утолить своего земельного голода. Из 4-х с лишним миллионов десятин, перешедших этим путем к трудовым сельским хозяевам, только самая незначительная часть действительно пошла на уменьшение земельной нужды наиболее обездоленных наделами крестьян. Остальная попала в руки тех из трудовых сельских хозяев, которые были всетаки малоземельны и стремились через покупку земли подняться до положения среднесостоятельных крестьян. Это видно из того, сколько земли приобреталось через банк его покупщиками. Оказывается, что в среднем счете, на каждого единоличного покупателя в годы 1896—1903-й приходилось от

12 до 15 дес. Купивши столько земли, крестьянин становился владельцем 20 — 25 дес., т. е. поднимался почти вдвое выше среднего земельного обеспечения тогдашних крестьян наделами.

Такова была помощь, которую оказывала крестьянам покупка земли в единоличную частную собственность через банк. Покупка же земли непосредственно у дворян, купцов и богатых крестьян без подмоги Крестьянского банка была, конечно, еще менее по силам самым маломочным и томимым земельной нуждой крестьянам.

Несколько более доступна им была покупка земли не в одиночку, а в складчину—товариществами, или-же целыми сельскими обществами. Эти покупки также делались через Крестьянский банк, причем таким путем получали доступ к земле и самые нуждающиеся в ней крестьяне. Это видно, напр., из такого сравнения: в 1904 году крестьян, не имеющих лошадей (т. е. самых бедных), в сельских обществах, покупавших землю через банк приходилось 22 домохозяина на сотню; в товариществах только 10 безлошадных на 100; еще менее их было среди отдельных покупщиков: всего 6 на 100. Следовательно, крестьяне, покупавшие землю целыми обществами были почти *вчетверо* беднее покупщиков в одиночку и *вдвое* беднее покупщиков-товарищей.

Это-же подтверждается и сравнением того, сколько земли покупалось миром, в складчину и в одиночку. При покупке всем миром—на 1-го покупщика в 1904 году приходилось менее 2-х десятин покупаемой земли; на каждого товарища—уже без малого по 7 дес., а на каждого покупщика—одиночку—более 14½ дес. Стало быть, покупки общественников были *в семь раз мельче* единоличных покупок, а покупки товарищей—*вдвое* мельче. Если взять средние рассчеты по годам, то окажется, что между 1892 и 1904 годами мирские покупки не доходили и до 5 дес. на покупщика, товарищеские были около 7 дес. на товарища, а покупки в одиночку—около 13½ дес.

И этот рассчет говорит нам о том-же, о чем и прежний: при покупке земли сельскими обществами получали доступ к ней и самые малообеспеченные ею хозяева; покупка товариществами была сподручнее немного более зажиточным; но все-таки этот путь был гораздо удобнее для маломочных, чем единоличные покупки. Конечно, не всегда и земля, купленная целым сельским обществом, распределялась между его членами сооб-

разно их нужде, уравнительно; случалось, что и купчая общественная земля делилась между общественниками по платежам за нее. Так-же и в товариществах более зажиточные, внесшие больше паев на покупку земли, получали при дележе соответственно больше купчей земли. Но все-же при покупках миром и в складчину земля легче попадала в руки безземельных и малоземельных крестьян, чем при покупках в единоличную собственность. И уж без всякого сомнения, общественная и товарищеская купчая земля целиком шла на расширение и укрепление *трудового* сельского хозяйства.

Важно также иметь в виду и то, что крестьяне только тогда могли прочно завладеть землею, когда они покупали ее в мирскую или товарищескую собственность; единоличная-же собственность плохо держалась даже в крепких мужицких руках. Так, оказывается, что на каждую сотню десятин купленных земель отдельные крестьяне продавали: в 1863 — 1892 годах 58 дес., в 1893—1897 годах — уже 66 дес., а в 1898—1903 годах даже $78^1/_2$ дес. Иначе говоря, чем дольше шло время, тем труднее становилось покупщикам-крестьянам удерживать землю в своей частной собственности: сначала, в первые 30 лет после „воли" они продавали чуть не вдвое меньше земли, чем сами покупали; но потом, особенно, после голодного 1892 года, проданная земля у них равнялась уже $^2/_3$ купленной, а еще позже, продаваемые ими земли составляли чуть не $^8/_{10}$ покупаемых. При этом чем мельче был участок купчей земли, тем менее прочно было владение им со стороны крестьянина собственника; только крупные, нетрудовые владения (более 100 дес.) держались довольно крепко их собственниками; но ведь эти последние были „крестьянами" только по имени...

Не то мы замечаем насчет товарищеских и мирских земель. Так, в 1863 — 1892 годах на каждые 100 дес. купленной товариществами земли приходилось только 12 дес. проданной; в следующие 4 года — 17 дес., еще в следующие 4 — $19^1/_2$ дес. Следовательно, покупка товарищеских земель по крайней мере в пять раз была сильнее продажи их.

То же самое можно сказать и о мирских купчих землях. И здесь, если сравнить покупки с продажами, окажется, что на каждую сотню купленных земель приходится от 14 до 22 дес. проданных. Следовательно, и мирские купчие земли почти так-же прочно держались в крестьянском владении, как и товарищеские.

Эта непрочность трудовой единоличной земельной собственности крестьян об'ясняется самой сущностью частного землевладения, которое, как мы знаем, выросло среди господствующих классов и пропитано насквозь их нетрудовым духом. Земля, находящаяся в частной собственности, есть товар и потому она всегда собирается в руках денежных, богатых людей, льнет к ним, так сказать, сама собою... Не перестает она быть товаром и тогда, когда попадает в руки трудящихся; поэтому удержать ее за собою они могут только ценою самых чрезмерных усилий и жертв.

Чтобы это стало очевидно, надо сравнить цены на землю, которые приходится платить мелким покупщикам — с одной стороны, капиталистам—с другой. Приведем несколько примеров. В 1893 году тот, кто покупал громадные имения, не менее 10.000 дес. сразу, платил в среднем около 10 р. за десятину. Покупщики не столь обширных имений, но не меньше 1000 дес; платили дороже, но все же не более 39 руб. за десятину.

А тот, кто хотел купить участок от 100 до 50 десятин, должен был уже заплатить по 55 р. за десятину. Еще сильнее переплачивали покупщики трудовых владений и при том, чем меньше был покупаемый участок, тем цены его выше. Так, участки от 50 до 20 дес. ходили по цене 58 р. за дес; участки от 20 до 10 дес.—68 руб. за дес., а самые маленькие, менее 10 дес., — по 156 руб. за дес. Иначе говоря, самый мелкий (а стало быть и бедный) покупщик платил за землю в 15½ раз дороже, чем самый крупный капиталист: последний мог купить 15½ дес. за столько, за сколько мелкий покупатель едва-едва был в состоянии приобрести одну десятину.

Если отнести к трудовым владениям все участки менее 50-ти дес., то окажется, что цена самого крупного из них была в шесть раз дороже, чем цена самого крупного из нетрудовых имений.

С другой стороны и внутри трудовых владений цены на землю сильно разнились: цена одной десятины (58 р.) в самом крупном из трудовых участков (50 дес.) была чуть не *втрое* дешевле, чем цена десятины (156 р.) в самом мелком из них (менее 10 дес.). Стало быть, даже в среде трудовых владельцев крупному, зажиточному крестьянину было *втрое легче* купить землю в частную собственность, чем самому мелкому и нуждающемуся.

Такая разница цен на землю при трудовых и нетрудовых покупках, а также при крупных и мелких трудовых—объясняется тем же, чем разница цен на наем земли при найме ее капиталистом (напр. купцом) и малоземельным трудовым хозяином (напр., дарственником крестьянином) [1]. Как при найме, так и при покупке земли; капиталист гонится за прибылью и наживой, а крестьянин—за куском хлеба и работой. Поэтому первый никогда не даст за землю так дорого, как второй. Чем сильнее нужда покупщика в земле, тем больше с него может взять продавец. А уж кто-же больше нуждается в земле, чем тот малоземельный или безземельный крестьянин, который из последних сил старается нанять или купить какую нибудь десятину—другую земли для прокормления себя и своей семьи.

Если трудно малоземельному и маломочному хозяину купить землю в собственность, то еще труднее ему ее удержать в своей власти навсегда. Высокие покупные цены тяжелым жерновом повисли у него на шее и тянут из него все силы. Первый неурожай, падеж скота, пожар, смерть кого-либо из семьи—все это расстраивает тотчас же его хлипкое хозяйство и делает его неисправным плательщиком; а заминка в платежах ведет к новым долгам, к взысканиям и штрафам; так, маломочный собственник купчей земли катится неудержимо под гору к полному банкротству и дело иногда кончается продажей его участка за недоимки. Вспомним, что чем дальше шло время, тем больше продовали крестьяне своих купчих земель: к 1905-му году дошло уж до того, что на 100 дес. покупаемой крестьянами земли приходилось 78 дес. продаваемой ими. Значит, покупки земли только на $^1/_4$ превышали продажи, тогда как в первые десятилетия после „воли" покупаемая земля вдвое превышала продаваемую. Отсюда видно, что с течением времени приобретаемая отдельными крестьянами в собственность земля делалась все более и более шатким и ненадежным обеспечением их семьи и хозяйства. В то-же время покупка ее для крестьянина становилась все более трудной, так как земельные цены росли.

Так, в первое десятилетие (1863—1872 г.г.) после „воли" средняя покупная цена за десятину была около $17^1/_2$ р.; в следующее десятилетие уже 21 р., в 1883—1890 годах—еще

[1]) См. главу 8-ю.

выше—35 р., в 1891—1895 г.г.—41 руб. с лишним, в 1896—1900 годах—более 56 р., в 1901—1903 г.г.—около 81 р. Стало быть, за 40 лет, протекших с „воли“, цена на землю выросла в $4^1/_2$ раза и одна десятина стала стоить столько, сколько раньше стоили $4^1/_2$ десятины.

Этот рост цен об'ясняется прежде всего и больше всего крестьянской земельной нуждой: гонимые земельной теснотой, крестьяне рвут землю из нетрудовых рук и, соперничая друг с другом в покупке, набивают цены. С другой стороны, правительство, устроив Дворянский банк, всячески задерживает продажу дворянами их имений и этим также способствует росту цен на продаваемую землю. Следовательно, с каждым новым годом крестьяне все дороже и дороже переплачивают за землю и тем самым затягивают у себя на шее мертвую петлю неоплатного долга. Непосильные платежи высасывают из их трудового хозяйства все силы и делают их „собственность“ на землю лишь простой видимостью. Зарвавшийся в непосильных платежах покупщик и не замечает, что в действительности он работает на продавца и на заимодавца, а не на свое собственное хозяйство. Платежи за землю пожирают все плоды его сельского хозяйства, едва—лишь вознаграждая его тяжелый труд скудным прокормлением его самого и семьи.

Так земельная личная собственность часто оказывается обманчивым и не подходящим для *трудового* сельского хозяина средством облегчения его тяжелой жизни. Вместо освобождения от земельной нужды и голода, она самому маломочному крестьянину несет новое, скрытое рабство, заставляя его жить впроголодь и работать на другого за призрачное право—числиться „собственником“ и „хозяином“ купчей земли...

Из сказанного ясно, что далеко не всякий крестьянин мог пополнить недостаток своей надельной земли покупкой. Казалось бы сподручнее и легче было такому бедняку нанять землю, арендовать ее. Крестьяне это, действительно, и делали, как мы уже говорили в предыдущей главе. Посмотрим теперь внимательнее, на каких именно условиях нанимали крестьяне чужую землю и к чему приводил их хозяйство этот наем.

Прежде всего, сколько земли арендовали крестьяне?

На этот вопрос не легко ответить прямо, так как разные

подсчеты дают и разные цифры. Через 20 лет после „воли" правительство считало, что в нечерноземных губерниях снималось крестьянами около 1 мил. дес. частновладельческой пашни. т. е. $^3/_{10}$ ее, а в черноземных губерниях 5 мил. дес. или свыше $^1/_3$. Известно, что с течениэм времени количество арендуемой крестьянами земли увеличивалось по мере того, как росла их земельная нужда. Нет ничего удивительного в том, что через 40 лет после „воли" считали уже 13 мил. дес. снимаемой крестьянами частной земли; это значит, что около $^1/_4$ этих земель (не считая лесов и неудобных земель) находилось в найме у крестьян. Кроме того они снимали около $6^1/_2$ мил. дес. казенной земли. Таким образом, до $19^1/_2$ мил. дес. находилось во временном пользовании крестьян помимо наделов. Это— самый скупой подсчет; по многие ученые находят, что в действительности крестьяне арендовали гораздо больше земли. Именно, одни насчитывают $22^1/_2$ мил. дес., (Мануйлов) другие—$24^1/_2$—25 мил. дес. (Дядиченко и Чермак, также—Туган-Барановский), третьи—еще больше—33—35 мил. дес. (Огановский, Анисимов). Будем держаться из осторожности самого меньшего из этих подсчетов и допустим, что круглым числом крестьяне нанимали не менее 20 мил. дес. чужой земли. Это значит, что во временном их пользовании находилось ежегодно около $^1/_4$ частных земель; такая добавка к их хозяйству составляла приблизительно 14 на сотню дес. их надельного запаса.

Однако, рассчет этот сделан ведь на всю Европейскую Россию; в действительности-же нанимаемая крестьянами земля расположена очень неравномерно в разных краях и полосах государства. Всего больше арендуется земли крестьянами южных и юговосточных губерний—Херсонской, Донской, Самарской, Астраханской, Полтавской, Таврической, Екатеринославской. Тамбовской, Саратовской, Симбирской и Уфимской, а также из нечерноземных губерний—Московской, Тверской. Смоленской. Здесь арендованная земля по своему количеству составляет более половины надельной. Наоборот, в губерниях северных и северо-восточных (Казанская, Костромская) и западных (литовских, белорусских и малороссийских) арендованная земля не составляет и $^1/_{10}$ части надельной. Прочие губернии занимают на этот счет среднее положение между этими двумя крайними полосами. Отсюда видно, что обилие или скудость нанимаемой земли не соответствует степени земельной нужды

крестьян и наиболее малоземельные по наделам местности вовсе не оказываются самыми первыми в найме земли. Больше арендуется, конечно, там, где много частных земель; где их мало, там и арендовать при всей крестьянской нужде нечего. В наиболее малоземельных губерниях черноземной полосы—срединных Великорусских и Малороссийских нанимаемая земля увеличивает их надельное пользование на $^1/_{10}$, в лучшем случае—на $^1/_5$ часть, от 10 до 20 дес. на сотню надельной земли)

Как же распределялась эта наемная земля между крестьянами? Насколько она облегчала им борьбу с земельной нуждой?

Конечно, чаще всего к аренде прибегали „дарственники“: среди них $^2/_3$ дворов принимали землю к своим „нищенским“ наделам. Но и прочие помещичьи крестьяне прибегали к этому средству очень часто: даже там, где сдаваемой земли было мало, многие помещичьи крестьяне снимали ее; от $^2/_5$ до половины их дворов припанимали чужую землю. В местностях же с большим количеством сдаваемой земли почти $^3/_5$ дворов нанимали ее. Меньше всего нуждались и нанимали чужую землю государственные крестьяне: в губерниях с малым запасом сдаваемых земель лишь немного более $^1/_5$ дворов пользовались чужой наемной землей, а в местностях с большим числом арендных земель—несколько более $^1/_3$ дворов. В среднем для всей России считают, что *не менее 37 дворов* из каждой сотни прибегали к найму чужой земли.

Но чем зажиточнее крестьянин, тем больше земли он нанимает. Один ученый—проф. Карышев высчитал, что, напр., в Камышенском уезде (Саратовск. губ.) у дарственников, арендующих землю, дворы, вовсе не имеющие наделов, нанимали в среднем немного более, чем по $4^1/_2$ дес.; дворы с наделом менее $2^1/_2$ дес. нанимали уже по 7 дес.; дворы с наделом от $2^1/_2$ до 10 дес.—немного более 9 дес., дворы, имеющие от 10 до 20 дес. надела арендовали по 12 дес., наконец, дворы еще более хорошо наделенные—снимали уже почти по 18 дес. Стало быть даже и среди „дарственников“ участки, нанимаемые самыми необеспеченными дворами, в 4 раза были мельче тех, которые арендовались самыми многоземельными. То же самое замечено Карышевым и у других разрядов крестьян. Так, из прочих владельческих крестьян самые малоземельные (с наделом до $2^1/_2$ дес.) дворы нанимали лишь около 4 дес., а самые многоземельные (от 20 дес. надела)—22 дес.,—в 5 с лишним раз больше.

По тому-же Камышинскому уезду другой ученый Вихляев подсчитал, что снимаемая крестьянами земля распределена между ними таким образом. Дворы, имеющие менее $2\frac{1}{2}$ дес. надела, все *вместе взятые* арендуют вообще очень немного земли. Но при этом оказывается, что *меньше всего* из них нанимают земли дворы, вовсе не имеющие лошадей. Дворы с одной лошадью снимают уже гораздо больше безлошадных; дворы с 2—3 лошадьми—втрое больше однолошадных, а дворы с 4-мя и более лошадьми и земли арендуют еще сильнее. Тоже самое замечено и относительно дворов с наделами от $2\frac{1}{2}$ до 5 дес., с той только разницей, что среди них неуравнительность еще сильнее: там, где безлошадный двор арендует 1 десятину, однолошадный снимает уже 4 с лишним, двух и трехлошадный—$10\frac{1}{2}$ дес., а многолошадный и того более. Такая-же „разверстка" снимаемой земли выходит и между дворами с наделами от 5 до 10 дес. Опять и здесь та же картина: где безлошадный двор арендует 1 десятину, там однолошадный 6 с лишним десятин, двух и трех лошадный—без малого 24 дес., многолошадный — более 56 дес. и т. д.

Расчет этот с ясностью показывает, что даже дворы, совершенно одинаковые по величине надела, нанимают разное количество земли и при том нанимают ее тем более, чем лучше обеспечены они лошадьми, т. е. рабочим скотом, этим главным орудием производства в трудовом сельском хозяйстве. Иначе и быть не могло, ибо нанимать чужую землю, не имея, чем обработать свой надел,—было бы смешно и бесполезно. И наоборот, если хозяин богат рабочими силами, а надел его мал, то, само собою разумеется, он будет стараться изо всей мочи найти земли на стороне, чтобы занять свои бесполезно пропадающие рабочие силы и средства. Этим и об'ясняется, почему арендуемая земля попадает в руки более сильных хозяев в каждом разряде и в каждой группе крестьян. Не самые нуждающиеся в земле и маломочные, а именно *средние* по наделу и зажиточности крестьяне являются по большей части нанимателями земель у частных владельцев. Почему же средние, а не самые богатые и многоземельные?

Потому что самые богатые и много земельные, не зная особой земельной нужды, а тем более недостатка в пропитании своей семьи, не очень гонятся за сдаваемой землей и не соглашаются давать за нее такие большие цены, какие вынуждены

платить гонимые малоземельем крестьяне. Разница между богатыми и средними крестьянами здесь та-же, какая указана была нами выше между капиталистами и трудовыми хозяевами снимающими землю. Гонясь за нею, споря из-за найма чужой земли, богатый крестьянин и средняк (или бедняк) имеют разные виды, преследуют совершенно другие цели. Капиталист думает о прибыли на капитал, о выгодном обороте денег, а крестьянин-трудовик— о куске хлеба для семьи и работе для себя и своей лошади. Чтобы содержать себя и семью, прокармливать лошадь платить подати и вообще с грехом пополам поддерживать свое трудовое сельское хозяйство, он нуждается в земле во что бы то ни стало. И если для всего этого ему не хватает надела, то он готов пойти на все, лишь-бы получить в наем недостающее ему число десятин. При этом он будет набавлять наемную цену до тех пор, пока с нанятой и надельной земли вместе он будет расчитывать получить необходимое пропитание для семьи и рабочей скотины. Этим он набьет цену на сдаваемую землю до того, что богатому и не терпящему земельной нужды крестьянину (не говоря уже о настоящем капиталисте) не будет никакого смысла тягаться с ним дальше, и он отступится от земли в пользу своего соперника.

Что действительно так и было, показывают цены на наемную землю во множестве уездов, отличающихся своим малоземелием и крестьянской нуждою. Приведем несколько примеров, показывающих, что цена 1 десятины, сдаваемой в аренду крестьянам, больше чистого дохода с *десятины* пашни. Горбатовский уезд: арендная плата 2 р. 80 коп., чистый доход 93 коп., т. е. меньше на 1 р. 87 коп.; Задонский уезд: арендная плата 14 р. 52 к., чистый доход—10 р. 46 к., меньше на 4 р. 6 к.; Александровский уезд: аренда 9 р. 96 к., доход—3 р. 68 к., разница—5 р. 98 к.

Как понять эту нелепость? Зачем крестьянин арендует землю, если платить за нее надо больше, чем выручить с нее? Затем, чтобы получить необходимую для своих потребительных и рабочих нужд добавку к своей надельной земле. *Вместе на надельной и арендованной земле он вырабатывает достаточно на прокормление своей семьи и скотины, а в тоже время*

займет в своем сельском хозяйстве, если не целиком, то большую часть своих рабочих сил и средств, не ломая сложившегося хозяйства и не теряя надежды на его улучшение и укрепление в будущем. Конечно, такой с'емщик земли работает не столько на себя, сколько на землевладельца; он больше по видимости, чем на самом деле является хозяином; скорее он чужой сельский работник, чем свободный и экономически независимый от других сельский хозяин. Но все таки крестьяне и не одни лишь самые малоземельные, а и середняки упорно держались за такую призрачную хозяйственную самостоятельность и жадно хватали из нетрудовых рук сдаваемую в аренду землю.

При найме земли так-же, как и при ее покупке, всего тяжеле приходилось самым слабым и нуждающимся из крестьян. Им всего больше приходилось и переплачивать за землю. Так, например, крестьяне Рязанского уезда, имевшие меньше 3 дес. надела, платили в среднем за снимаемую землю по 11 р. 21 к., тогда как крестьяне с наделом от 3 до 5 дес. —только 6 р. 49 к., а еще более многоземельные по 5 р. 77 коп. за десятину, стало быть малонадельные переплачивали на с'еме земли почти *вдвое* по сравнению с большенадельными. И это лишь потому, что земельная нужда гнала их к найму земли сильнее; а этим и пользовались землевладельцы, чтобы поднять цены.

Известно, что население деревни после „воли“ быстро росло, а земля не прибывала; с каждым годом земельная теснота усиливалась и тяга крестьян к покупке и аренде чужих земель все более и более возрастала. Это гнало вверх и покупные и наемные цены на землю. Так, за 40 лет с „воли“ в черноземной полосе аренда земли вздорожала в 10 раз. Особенно выросли цены в степных губерниях. Перед „волей“ здесь за наем земли платили 30—40 коп., а в конце века уже 20—30 р. Но и в других местах цены на сдаваемую землю сильно поднялись. При этом мелкая крестьянская аренда всегда бывала дороже крупной капиталистической. Так, напр., в Полтавской губ. в 1890—1893 гадах за десятину крестьяне платили от 8 р. 61 к. до 9 р. 73 к., тогда как крупные арендаторы всего лишь 6 р. 56 к., т. е. по крайней мере на $^1/_3$ меньше. И позже, в 1901 году, мелкие арендаторы платили уже 12 р. 60 к. за дес., а крупные—8 р. 68 к. Значит, те хозяева, которых не

гнала к найму земли крайная нужда, в 1901 году еще платили за землю столько, сколько малоземельные—десять лет тому назад. За это время цена на наем земли по мелочам возросла чуть не наполовину, а цена на крупную аренду—только на одну треть. Опять, стало быть, и при найме земли все невыгоды оказывались на стороне маломочного мелкого арендатора и положение его ухудшалось.

Но это мало. Если трудна и все более тяжела становилась для крестьянина—работника аренда частной земли *за деньги*, то еще труднее и невыгоднее была для него так называемая *натуральная аренда*, т. е. такая, когда за снятую землю следовало платить не деньгами, а или трудом или частью урожая. Первая из них называется *отработками*, другая—*испольщиной*.

По сведениям, изученным проф. Карышевым, на 100 случаев аренды земли приходилось 21 случай натуральной аренды, да еще от 2 до 3 случаев смешанной—отчасти за деньги, отчасти натурой. Стало быть, около ¼ части всех крестьянских аренд были натуральными. Через несколько лет после Карышева, правительство, собирая сведения о крестьянах, нашло, что из 100 случаев аренды в 18-ти аренда была натуральной. Может быть, это и правильно, так как с течением времени натуральная аренда всетаки понемногу отживает свой век и заменяется денежной. Но всетаки и по последнему из этих двух подсчетов натуральная плата за снимаемую крестьянами землю встречается еще довольно часто: на пять арендных сделок одна—натуральная. Хотя такие случаи бывают всюду в крестьянском хозяйстве, но особенно часто прибегают к отработкам крестьяне срединных черноземных губерний Великоруссии и югозападных губерний Малороссии. Испольщина-же особенно часто встречается в южных степных губерниях. По подсчету Карышева испольная аренда составляла в губерниях с малым количеством сдаваемой земли 13 случаев на сотню сделок, а в губерниях с большим арендным полем—даже 17 слишним случаев на 100. Отработки же в губерниях первой полосы—7—8 случаев из ста, в губерниях второй полосы—3 случая на сотню.

Что-же заставляет крестьян соглашаться на наем земли за отработки и исполу? И почему эти виды с'ема особенно тяжелы для крестьян?

Заставляет их идти на такие невыгодные земельные сделки с землевладельцами все та-же нужда, особенно—недостаток своих наделов.

К натуральной аренде прибегают самые бедные крестьяне, которые не имеют денег, чтобы платить за наем земли. Но особенно часто к натуральной аренде приходится обращаться тем крестьянам, которые вынуждены арендовать „отрезки", а также—господские земли вклинившиеся среди крестьянских и мешающие им вести свое сельское хозяйство. Эти земли крестьяне вынуждены нанимать обязательно, во что бы то ни стало даже и в том случае, когда они им сами по себе не нужны Выпасы, водопой, чрезполосные клинья, прогоны для скота; проезды в поле и т. п. клочки помещичьей земли приходится брать из рук „барина", как милость, и соглашаться на какую угодно плату за них. Этим пользовались помещики, чтобы заставить крестьян за снятую ими землю работать на барском поле. Этим путем многие помещики, не имевшие, ни достаточного числа голов своего рабочего скота, ни необходимых земледельческих орудий, обработывали свои имения крестьянскими хозяйственными силами и средствами. И хотя крестьяне в таких случаях работали очень плохо и больше портили землю, однако многие помещики рады были дешевизне рабочих рук и упорно держались отработочной сдачи земли.

Если отработочная аренда оказывалась весьма вредной для нетрудового сельского хозяйства помещика, то тем гибельнее отражалась она на трудовом хозяйстве крестьянина. Обязавшись отрабатывать за снятую землю поля помещика, крестьянин должен был на первую очередь ставить работу на барина в ущерб своему собственному хозяйству. В горячую страдную пору он должен был лучше время тратить на чужую работу и запускать свое хозяйство. Пока он пашет или навозит барское поле проходит лучшее время для пахоты и возки навоза; пока косит барский луг—перестаивается и портится его собственный покос; пока убирает барскую рожь—сыплется и течет его собственная и т. д. Словом, отработки в действительности не что иное, как воскресшая старина барщина со всем ее вредом для сельского хозяйства.

Немногим лучше отработков и испольщина, при которой за снятую землю крестьянин платит долю полученного с нее урожая: это есть в конце концов воскресший натуральный оброк

крепостного времени, не более. При этом условия испольщины не только вообще тяжелы для с'емщика, но они еще ухудшались с течением времени. Так, в 1895 году из 100 испольщин 23 брали у крестьянина ⅓ урожая, а 72—половину. Через пять лет положение уже сильно ухудшилось: из 100 случаев испольщины в 86 помещики требовали от с'емщика половины урожая и только в 10 случаях—трети. Кроме того помещики брали еще с испольщиков и денежные доплаты: в 1895 году таких случаев было 32 на сто, а через 5 лет уже 45.

Трудно, почти невозможно учесть тот вред, который наносил своему хозяйству крестьянин такой натуральной арендой чужой земли, но без нее он обойтись не мог—в этом отгадка.

Зато можно хотя бы приблизительно высчитать, каковы были денежные затраты крестьян на наем чужой земли. Так, если принять в рассчет, что средняя цена одной десятины при аренде помещичьей земли была в 1900 г. для всей России 9 р. 14 к., а арендовалось у частных владельцев круглом числом 13 миллионов десятин, то окажется, что за снятую частную землю крестьяне всей России заплатили в один год около 119 мил. руб. Кроме того ими было арендовано 6½ мил. дес. казенной земли по средней цене 1 р. 47 к. за дес.; следовательно, казне они уплатили более 9 мил. р. Всего-же за нанятые 19½ мил. дес. они внесли более 128 мил. р. Так как покупная цена земли в 1901 г. была 80 р. за дес., то на деньги, уплаченные в *один лишь 1900 год* за наем земли, крестьяне могли бы в 1901 году приобрести в собственность 1 мил. 600 тыс. десятин. Можно себе представить, как много переплатили крестьяне за аренду чужой земли *в течение всех 40 лет*, прошедших со времени отпуска на „волю“!

А между тем в конце концов все эти жертвы и трудом и деньгами не освобождали даже крестьянина от все сильнее давящей его земельной тесноты.

Если взять те 20 мил. дес., которые принанимали крестьяне из чужих земель ежегодно в начале XX-го века, то окажется, что этим путем к каждой сотне имевшейся у них надельной земли они прибавляли всего лишь 14 десятин. Даже если мы согласимся с теми учеными, которые считают, что крестьяне арендуют до 35 мил. десятин, то и в таком случае прибавка к надельной земле выйдет только в 25 дес. на каждую сотню дес. наделов. Между тем надельной земли было в это-

время так мало, что если-бы разверстать ее поровну между всеми сельскими жителями, пришлось-бы не более $1^1/_3$ дес. на душу. От аренды-же земли этот душевой паек увеличился-бы на самую незаметную частичку!

Но ведь у крестьян была еще купная земля... Возьмем и ее по крайней мере, ту ее часть, которая, как мы высчитали, досталась на долю *трудового* сельского хозяйства: 4 мил. дес. отдельных мелких владений, почти столько-же мирских и вдвое большее количество товарищеских. Итого круглым счетом—16 мил. дес. Вместе с арендованными это составит не менее 35 и не более 51 мил. дес. Если принять меньшую из этих двух цифр то получится, что к 139 мил дес. наделов крестьяне добыли еще через покупку и аренду около 25—26 дес. на каждую сотню, а вся земля находившаяся в их пользовании, достигла 175 мил.. Это немного более 2 дес. (2,03) на душу сельского населения 1900 года. Если-же принять большую из указанных цифр, аренды земли крестьянами, то покупка и аренды вместе дадут им около 37 дес. на сотню добавки к наделам, а всего 190 мил. дес. Это составит на душу около $2^1/_3$ (2,3) дес.

Между тем не только купчая, но и арендованная земля доставалась не самым нуждающимся и малоземельным, а скорее середнякам из трудовых сельских хозяев; вполне понятно, что ни покупка, ни аренда земли не могли *утолить самого* острого земельного голода. Гонимая земельной нуждой самая обделенная при выходе на „волю“ часть крестьян, не найдя дома лучшей доли, искала ее на чужбине, в переселении на новые места.

Крестьянское переселение известно было еще и в крепостную пору; тогда правительство помогало казенным крестьянам выселяться в многоземельные местности, а помещики делали это с своими крепостными сами.

После „воли“ переселение не только прекратилось, но даже усилилось, так как множество крестьян оказались необеспеченными наделами на родине. Однако правительство в первые 21 лет после „воли“ и знать ничего не хотело об этой крестьянской тяге на новые места. Поддаваясь помещичьим интересам, оно даже всеми средствами препятствовало переселению крестьян, боясь, как бы помещики не остались без дешевых рабочих рук и без выгодных арендаторов земли. К тому-же

ово опасалось, как бы помощь со стороны казны переселенцам не вызвала среди крестьян толков и слухов о новом наделении их землею. Разрешалось переселяться только на Алтай и на Дальний Восток, так как это было выгодно казне.

Но нужда в переселении у многих крестьян была сильнее всяких запрещений и переселенцы шли на новые места сами, на свой страх и риск. Так в 70-х годах на северный Кавказ прошло до 200 тыс., а в Уфимскую губ.—до 120 тыс. переселенцев.

И только через 20 лет после „воли" (в 1881) правительство приняло меры к тому, чтобы взять дело переселения в свои руки; однако, оно своими правилами (1889 г.) старалось не столько помочь, сколько помешать крестьянам переселяться: разрешения давались туго, ссуды были малы, помощи в пути почти не было никакой, наделы на новых местах нарезались с большими опозданием и пр. Но все эти препятствия не могли остановить тяги к новым, привольным землям, и число переселецев все увеличивалось. С того времени все больше стало расти переселение в Сибирь. В 1991 году туда прошло уже 90 тыс. и лишь немногие из них возвращались назад, не устроившись на новоселье. Прочим удавалось без помощи правительства найти землю и обосноваться.

Вскоре, однако, правительство начало помогать переселению в Сибирь. Это произошло с постройкой в 1893 г. Сибирской железной дороги. Тогда правительство стало нуждаться в увеличении населения Сибири и распашки здесь большого количества земель. Поэтому оно давало переселенцам льготы и ссуды деньгами. Крестьяне хлынули за Урал, но натолкнулись здесь на неожиданные препятствия: готовых и подходящих земель скоро оказалось мало и далеко не всем удавалось теперь устроиться на новых местах. Все большее и большее число переселенцев вынуждено было возвращаться назад на родину. В 1896 г. вернулось 12 семей из каждой сотни переселенцев, а в 1903 г. даже—19 из ста. Тогда правительство снова начало всячески тормозить переселение: требовало предварительной посылки ходоков, предписывало следить, чтобы

не переселялись слишком бедные, которые не в состоянии устроиться на новых местах и пр. Не смотря на это, переселенцы все шли, многие самовольно, подвергаясь всем опасностям и мытарствам в пути и на новых местах. Наибольшего роста переселение достигло в 1900 году, когда число переселенцев дошло до 200 тыс. Затем поток этот спадает и к 1905 году, во время Японской войны, почти совершенно иссякает. Всего на всего за время, протекшее с „воли“ до революции 1905 года, переселилось около 1-го миллиона 885 тыс. душ. На первый взгляд это—очень много. Но если вспомнить, что сельское население за то-же время увеличилось с 49 до 93 мил. душ, то переселенцев окажется мало сравнительно с прибылыми душами: всего каких нибудь 4 человека на каждую сотню!

Само собою ясно, что такая убыль не была даже и видна среди вновь народившихся сельских жителей, и уход переселенцев с родины не мог облегчить сколько нибудь заметно земельной тесноты.

Это ясно, если брать всю Россию и все крестьянство. Но ведь переселение шло не из всех местностей одинаково сильно. Были губернии, откуда почти не уходили на новые земли; наоборот, из других переселенцы шли целыми сотнями и тысячами семей. Уходили с родины главным образом крестьяне черноземной России и притом из самых малоземельных губерний: Полтавской, Черниговской, Курской, Воронежской, Тамбовской. Но и среди многоземельных губерний были также, откуда шло много переселенцев, напр. из Самарской...

Переселялись, конечно, прежде всего гонимые с родины земельной нуждой. Большею частью это были те крестьяне, которые получили земли меньше, чем 3,2 дес. на рев. душу, т. е. недостаточно обеспеченные землею по крепостной потребительной норме. Но кроме них среди переселенцев было немало и крестьян со средними наделами, многоземельных. При этом переселялись чаще государственные, чем помещичьи крестьяне.

Это об'ясняется тем, что бедному и задавленному нуждой

крестьянину трудно подняться с родины и еще труднее устроиться на новом месте. Поэтому среднесостоятельные крестьяне всегда составляли главную массу переселенцев. Впрочем, среди последних было довольно много и слабых хозяев. Так, безлошадные и однолошадные составляли среди переселенцев 90-х годов от $^1/_4$ до $^1/_3$ всех хозяев.

Стало быть, хотя нужда и малоземелье являются главной силой, гонящей крестьянина с родины, однако эта-же нужда, если она уже слишком велика, может даже и препятствовать переселению. Да не одна она и тянет крестьнина на Сибирское приволье: желание лучшей жизни и большего простора для хозяйства часто приводит и среднесостоятельного, даже богатого крестьянина к переселению на „вольные земли“.

Таким образом, мы видим, что переселение не могло после „воли“ помочь крестьянскому населению в его борьбе с земельной теснотой и упадком хозяйства; не могло не только потому, что переселенцы совершенно терялись во множестве вновь народившегося крестьянства, но также и потому, что оно было доступно далеко не всем: именно—самым малоземельным и слабым из трудовых сельских хозяев оно часто оказывалось не под силу.

Итак, выходит, что ни покупка земли в частную собственность, ни аренда чужой земли, ни переселение не могло пересилить надвигавшейся на крестьянство беды: земельного голода и задержки в ходе и усовершенствовании трудового сельского хозяйства.

Если не удавалось в достаточной мере расширить поле крестьянского труда путем распространения его на новые земли, то оставалось еще одно средство, к которому обратились крестьяне Великороссии во множестве местностей. Средство это заключалось в более уравнительном распределении надельной земли, которая находилась в распоряжении сельских обществ. Передел мирской земли—вот свое домашнее средство, к которому прибегли очень многие сельские общества, когда

они почувствовали надвигающуюся на них земельную тесноту.

Чтобы нам стало ясно, что могло дать и действительно дало это „домашнее хозяйство“ от земельной нужды, необходимо обратиться к внутренней жизни крестьянских общин после „воли“.

Для большего удобства и ясности рассмотрим по отдельности земельные порядки общин у бывш. помещичьих и б. государственных крестьян.

Сначала обратимся к тем местностям оброчной нечерноземной полосы, где надел после „воли“ оказался для крестьян „раззорителем“, т. е. не окупал лежавших на нем платежей.

Как только рухнуло крепостное право, помещичьи крестьяне поспешили было уничтожить ненавистное имя „господское заведение“—разверстку земли по „тяглам“. Вместо этого они пробовали разверстать землю по „ревизским душам“, на которые был отведен надел. Но не прошло и 10 лет, как пришлось приняться за новую переверстку: многие семьи не могли никак осилить платежей и оказались недоимки. Приходилось развёрстывать землю так, чтобы каждый получил земли, сколько в силах оплатить, т. е. разложить землю по рабочим рукам. Опять пришлось вспомнить старое „господское заведение“ и разделить землю по „тяглам“, но еще строже и уравнительнее, чем прежде. В тех обществах, где надел оказался особенно тяжелым, приходилось раскладывать землю по *действительной*, хозяйственной силе семей, учитывая не только работников, но скот и заработки. Так, надел—„раззоритель“ поневоле заставлял помещичьих крестьян не только держаться уравнительности в пользовании мирской землей, но еще и совершенствовать это равнение, деля меж собою общее горе. В таком бедственном положении жила добрая половина помещичьих крестьян целых 15—20 лет после „воли“.

Но вот мало по малу стало податное бремя легчать: понижение выкупа, отмена подушной подати, отсрочки недоимок, вздорожание хлеба—все это привело к тому, что земля стала

давать больше дохода и надел начал окупать платежи, становясь кормильцем. Скоро он сделался даже самым надежным кормильцем, так как сторонние заработки с 80-х годов стали сильно сокращаться. Тогда и помещичьи крестьяне нечерноземных местностей начали все более и более дорожить землей, добиваться ее у мира.

Так, в земледельческих уездах Владимирской губ. из каждой сотни помещичьих общин до 1870 г. было 39 общин не доруживших землей; через 10 лет таких общин было уже только 9, а еще через 10 лет не осталось ни одной. Другое дело—промышленные уезды той-же губернии: здесь и раньше и потом было много выгодных сторонних заработков на фабриках, постройках и пр. Поэтому земля здесь мало того привлекала в 1870 году 45 общин из каждый сотни не дорожили там наделами; в 1880 году таких общин стало 34, а через 10 лет—40. Значит, коренной перемены не заметно за все 30 лет.

По мере того, как надел из „разорителя" становился „кормильцем" крестьянина, в общинах начала постепенно разгораться борьба за землю. Борются две партии: одна состоит из хозяев, которые платили за наделы с „воли", вынесли на своих плечах всю тяжесть платежей, плакали над землей, но не бросали наделов. Среди них много сильных хозяев. Эта партия хочет, чтобы наделы оставались в их владении навсегда, не поступали в передел. Другая партия составляется из молодых хозяев („новожены", „новорожденцы"), подросших к тому времени, когда надел подорожал. С ними заодно и те хозяева, которые „бежали от земли", побросали на мир свои наделы после „воли". Они требуют передела земли, уравнения ее. Борьба этих партий привела в разных общинах к не одинаковому концу.

В одних общинах победила партия старых и сильных хозяев и переделы земли прекратились. В других, наоборот, победила партия новых хозяев и переделы продолжались; чаще всего землю делили по работникам. Разверстывать так было необходимо в тех местах, где не всякий может „соху

осилить", где требуется для обработки земли много труда. Но некоторые общины переменили способ разверстки и, по примеру государственных крестьян, стали делить землю по мужским душам. Бывали случаи раздела и по „едокам", т. е. по душам обоего пола.

Посмотрим теперь, что делалось в помещичьих общинах, где надел с самой „воли" был „кормильцем" крестьян.

Многие из таких общин, как получили землю по „ревизским" душам, так и не переделяли ее; крестьяне передавали наделы по наследству, делили между родственниками, сдавали в аренду, даже продавали без мирского ведома. Все владели „родительскими душами", „родовыми", „стариковскими" землями. Кроме таких общин среди бывш. помещичьих крестьян встречаем и другие общины, где после „воли" был только один передел, но передел окончательный „навечно": условливались больше уже не делить земли. Впрочем, такие приговоры часто не исполнялись и после них землю опять делили. Некоторые общества постановляли приговоры об отказе от мирского землевладения и переходе к подворному; но такие случаи бывали редко, так как на это требовалось согласие ⅔ домохозяев, а добиться его было трудно.

Однако, не все общины с наделом „кормильцем" совершенно оставили уравнение земли. Наряду с такими заглохшими, как бы мертвыми общинами, были и общины „живые", которые, хотя и не скоро после „воли", но всетаки вернулись к уравнению земли—одни по мирским душам, другие по работникам, третьи—по едокам. И заставило их вспомнить об уравнении земли не что иное, как земельная теснота.

По сведениям, собранным земствами между 1897 и 1902 годами в 35-ти губерниях Европейской России, оказалось, что по своим внутренним земельным порядкам общины б. помещичьих крестьян распределяются следующим образом.

На каждую сотню общин насчитывалось 34 таких, которые с самой „воли" ни разу не переделяли земли и „ревизские" владели в них землею наследственно. Затем в 6 общинах из 100, хотя земля и разверстана между старыми „ревиз-

скими", но в одних переделы всетаки бывали уже после „воли" в других—случаются кое какие дополнительные наделения малоземельных, в третьих—начинается новая борьба за передел. Далее в 9 общинах на сто происходят иногда „свалки—навалки" душ, хотя земля и разверстана по „ревизским". Без переделов живут и те 5 общин из каждой сотни, которые по многоземелью и способу своего сельского хозяйства еще не имеют нужды с уравнении земель: это общины губерний крайнего севера и востока, а также некоторых глухих углов прочих местностей. Таким образом, взятые все вместе, эти общины без переделов или со слабыми попытками уравнения составляли у помещичьих крестьян 54 на каждую сотню, т. е. *несколько более половины*. Остальные 46 общин из сотни уже прибегали к переделам. При этом 12 из них делили землю по мужским душам, 19—по работникам и 6—по едокам; в прочих порядок разверстки, или еще не установился, или—неясен.

Из этих сведений видно, что через 40 лет после „воли" до $^1/_3$ общин быв. помещичьих крестьян совершенно бросили уравнение земель, а некоторые ($5^0/_0$) еще не приступали к нему. Кроме того в $15^0/_0$ общин уравнение едва заметно и не то замирает, не то еще не вошло в силу. Следовательно, около половины общин бывших помещичьих крестьян не уравнивали или почти не уравнивали земель. Зато другая, меньшая половина общин прибегала к уравнению, применяя ту или иную разверстку, смотря по обстоятельствам. При этом $^2/_5$ сохранили старинное обыкновение делить землю по работникам, около $^1/_4$ перешли к разделу по мужским душам, а около $^1/_7$ части—ввели у себя даже совершенно новую разверстку—по едокам, очевидно, под влиянием земельного голода.

Теперь спрашивается, какие-же именно общины оказались более передовыми в уравнении мирских земель? Многоземельные или малоземельные, мелкие или крупные?

Если мы будем делить так-же, как и раньше, то окажется, что из каждых 100 семей быв. помещичьих крестьян в безпередельных общинах живет 32 семьи, в общинах со слабыми следами уравнения 16 семей, а всего во всех непод-

нижных и сомнительных—48 семей. Между тем община этих, как сказано 54 на сотню.

Затем во всех общинах с переделами находится 52 семьи из 100 а общин трех 46 на 100. Отсюда видно, что общины, уравнивающие землю, крупнее, многолюднее безпередельных.

При этом из семей, живущих в уравнительных общинах, на общины с мужской разверсткой падает $^1/_3$ семей, на общины с рабочей разверсткой—около $^2/_5$ семей, с едоковой более $^1/_7$ семей. Из этого рассчета видно, что средние по количеству жителей общины держатся дележа по работникам, более населенные же, переходят к разделу либо по мужским, либо по всем наличным душам.

Стало быть, можно думать, что мелкие общины были менее передовыми в уравнении земли, чем средние, средние—менее, чем крупные. По этому и получилось, что хотя большая половина *общин* б. помещичьих крестьян пользовались землею неуравнительно, но за то жила в таких общинах *меньшая* половина крестьян. Несколько больше половины их оказались жителями общин с уравнительными порядками.

Для того, чтобы выяснить, как обеспечены *землею* общины без переделов и с переделами, приведем следующий рассчет:

Из 100 десятин земли б. помещичьих крестьян 35-ти губерний приходилось на общины без переделов 27 дес., а если прибавить общины в которых и до „воли" еще не принимались за переделы, то на все эти общины придется 31 дес. На общины со слабыми следами уравнения падает 16 дес., из каждой сотни, а всего на те и другие,—47 дес., т. е. *немного менее половины* земли б. помещичьих крестьян. В общинах же с переделами оказывается прочая, *большая половина земли*, именно—53 дес. из каждой сотни. При этом на общины с переделами по работникам приходится 35$^1/_2$ дес. из сотни десятин земли уравнительных общин; столько-же—на общины с дележом земли по мужским душам и 11 дес. из 100—на общины с разверсткой по едокам.

Выходит, таким образом, что общины без уравнения бо-

лее скудны землей, чем общины с уравнительным пользованием. В то время как первых *по числу* большая половина (54%), по наделенности и земельности уже *меньшая* (46 и 47%). При чем общины с заглохшими переделами составляют больше $^1/_3$ всего числа общин б. помещичьих крестьян, а земли в них только 28 дес. на каждую сотню, т. е. немного более $^1/_4$. Наоборот, общины с переделами *по числу своему* составляли *меньшую* половину (46%) всех общин, но земли в них *большая* половина (53%); стало быть, в среднем на 1 общину без переделов приходилось меньше земли, чем на 1 общину с переделами. И дальше старые способы уравнения найдены были в $^2/_5$ общин с переделами, а земли в этих общинах оказалось 35 дес. на сто, т. е. менее $^2/_5$. Разверстка по мужским душам была в $^1/_4$ общин, а земли в таких общинах—также 35 дес. из 100, т. е. больше $^1/_3$; иначе говоря, на каждую общину с переделами по работникам приходилось в среднем менее земли, чем на 1 общину с переделами по мужским душам; а это и значит, что к этому способу разверстки прибегали более многоземельные общины, чем те, которые делили землю по рабочим силам. Наконец, общин с дележом земли по едокам насчитывается $^1/_7$ часть, а земли в них немного больше $^1/_{10}$. Отсюда ясно, что по едокам делили землю самые малоземельные из общин с переделами.

Итак, выходит, что уравнение земли у помещичьих крестьян захватило не самые мелкие и малоземельные общины, а те из них, которые, хотя и чувствовали недостаток в земле, но не слишком были малы и задавлены этой нуждой. Значит, черезчур сильная земельная теснота препятствовала уравнению земли, так-же точно, как и большой земельный простор в некоторых из северных и восточных губерний. К переделам прибегали, во первых нуждающиеся в земле общины, но всетаки не самые обделенные из них; во вторых, средне обеспеченные землею.

Теперь обратимся к земельным порядкам в общинах быв государственных крестьян.

До „воли“, в крепостную пору, государственные крестьяне,

как мы знаем, делили землю при каждой „ревизии“ на всех „ревизских“, т. е. по мужским душам.

Первое время после „воли“ эти порядки сохранялись. Но через 10—15 лет „ревизские“ души, получившие наделы, частью повымерли, частью состарились, а в то-же время много появилось новых, ненаделенных мужских душ. Явилась нужда в новом переделе: ждали только новой „ревизии“, не зная даже, что ее вовсе не будет. Между тем „заревизные“ пошли уже в солдаты, а земли все еще не получали. Тогда началось в общинах сильное неудовольствие и толки о переделе. Это было в начале 80-х годов, лет через 20 после десятой „ревизии“. Около этого времени, наконец, крестьяне узнали, что новой ревизии больше не будет, а переделять землю они могут сами. Это послужило как будто толчком: давно подготовлена уже была почва для переделов, и теперь они прокатились по общинам государственных крестьян, как волна. Одна за другой общины принимались за уравнение. Закипела борьба между партиями, причем победа чаще всего оставалась за сторонниками передела. Делили, обыкновенно, по старому: по мужским душам, которые теперь уже не были „ревизскими“. Некоторые общины, однако, не сразу осмелились лишить оставшихся в живых „ревизских“ их наделов, думая, что „земля дана даром ревизным“. Поэтому некоторые общины пускали в передел сначала только одни „выморочные“ наделы, разверстывая их между „заревизными“. Но так как „ревизские“ все более и более вымирают, то постепенно их наделы переходят к новым мужским душам и понемногу сама собой устанавливается разверстка на всех мужчин.

В этом обычае делить землю по мужским душам видно у государственных крестьян приверженность к старине, слышится отголосок их мирских земельных порядков во времена крепостного права. Но понемногу эта привязанность к старым обыкновениям уступает место разумному рассчету при разверстке земли. Так, в некоторых местностях земля плоха и требует большого труда, или надел очень велик, так что не всякий может его осилить, если дать земли по числу мужских

душ в семье. Среди мужчин могут быть нерабочие души—малые и старые; в семье может оказаться много едоков, но мало работников. Поэтому более рассчетливо в таких случаях делить землю по работникам, выключая малых и старых. И вот некоторые общины государственных крестьян обратились к этой разверстке, оставив дележ земли по мужским душам. К этому их вынуждали интересы их хозяйства.

В других местностях, где земли мало и она легка для обработки, прокормление семьи вынуждает крестьян переходить от дележа земли по мужским душам к разделу *„по едокам“*, т. е. по всем наличным душам, мужским и женским. При чем в одних случаях каждый едок получает одинаковый земельный пай, в других женщины и дети получают меньше, чем мужчины, а рабочие мужчины больше, чем малые и старые.

Таким образом, у государственных крестьян после „воли“ произошла 20-летняя остановка в уравнении земель; но потом они не только вспоминали старинные уравнительные порядки, но начали приспособлять их к своему хозяйству и продовольственным нуждам семей, стараясь улучшить способ разверстки и сделать уравнение более совершенным и справедливым.

И вот в конце XIX века и в первые годы XX-го (1897—1902) общинные порядки у государственных крестьян пришли в такое положение.

Общины без переделов у них 22 на сотню, причем половина из них приходится на многоземельные местности, где в переделах и нужды еще нет. Значит, заглохли уравнительные порядки после „воли“ только в 11% (немного более 1/10) общин. Затем, в 6 общинах из каждой сотни уравнение едва-едва заметно. Всего беспередельных и слабых уравнением общин вместе несколько более 1/4 (28%).

Общины с переделами составляют немногим менее 3/4 (72%) всех общин государственных крестьян. Из этих общин немного более половины (51%) приходится на те, которые переделяют землю по мужским душам, около 1/6 (17%)—на об-

щины с разверстками по работникам и несколько более $^1/_5$ (21%)—на общины с переделами по едокам.

По этим общинам с разными земельными порядками государственные крестьяне распределяются так. Около $^1/_7$ (14%) их живет в общинах без переделов или с едва заметными попытками уравнения земли: прочие $^6/_7$ или 86 человек из каждой сотни приходится на общины с переделами. Из жителей этих общин более $^3/_4$ (76%) принадлежат к общинам с переделами по мужским душам, около $^1/_{10}$ (10,5%)—к общинам с разверсткой земли по работникам и до $^1/_{12}$ (8,1%)—к общинам с разделом по едокам.

Отсюда видно, что общины и у государственных крестьян без переделов мельче, чем общины с переделами: в первых приходится на одну общину вдвое меньше жителей, чем во вторых. Из общин-же с переделами самые многолюдные чаще всех разверстывают землю по мужским душам, средние—по работникам, более мелкие—по едокам.

Обеспеченность надельной землей государственных крестьян в общинах с разными земельными порядками такова.

Из каждой сотни десятин на общины, где никогда еще не было переделов (за многоземелием) приходится 9 дес. около $^1/_{10}$), на общины, прекратившие переделы после „воли", —3 дес., а всего на общины без переделов 12 дес.: немного более $^1/_3$ части земли. На общины с слабыми следами уравнения приходится 4 дес. из каждой сотни. Значит, на все общины без хорошо налаженного (уравнения падает 16 дес. из 100, т. е. около $^1/_6$ части. Прочие $^5/_6$ земли, или 84 дес. из каждой сотни, находятся в общинах с переделами; причем из этой земли около $^7/_{10}$ (68%) у общин с разверсткой по мужским душам, немного более $^1/_8$ (12%) части у общин с рабочией разверсткой и около $^1/_6$ (15%) у общин с дележом по едокам.

Таким образом, оказывается, что, хотя общин без переделов и более $^1/_4$ всех, но земли у них только $^1/_6$ часть; тогда как общин с переделами несколько меньше $^3/_4$, а земли у них $^5/_6$; опять выходит, что на 1 общину с переделами приходится

круглым счетом больше земли, чем на каждую общину без переделов. Стало быть, общины с уравнительными порядками лучше обеспечены землей, чем общины без переделов. Особенно мало земли в общинах, переставших делить землю уже после „воли“.

Что же касается земельной обеспеченности общин с переделами, то из них самыми многоземельными оказываются те, которые делят землю по мужским душам, а наиболее стесненными переделяющие ее по едокам.

Сравнивая земельные порядки в общинах государственных крестьян с порядками в общинах помещичьих, мы замечаем большую разницу. По части уравнения земли первые далеко опередили последних и переделы оказались у них гораздо более живучими и строгими, чем у помещичьих.

Чем-же это об'ясняется? Ведь главная пружина, толкавшая к уравнению земли—теснота, недостаток надела. Между тем известно, что государственные крестьяне гораздо лучше были обеспечены землею в 60-х годах XIX веке, чем помещичьи. Казалось-бы, им меньше было нужды в переделах и уравнительные порядки должны у них отстать от порядков помещичьих крестьян и ослабеть после „воли“. Вышло-же как раз наоборот.

Об'ясняется это многими важными причинами. Прежде всего приведенные выше сведения с несомненностью убеждают, что *крайнее малоземелие является не толчком, а помехой переделу.* И у помещичьих и у государственных крестьян общины, где переделы после „воли“ прекратились, являются более малоземельными, чем община с переделами. Значит, недостаток земли, если он уже черезчур далеко зашел, мешает уравнению. Это и понятно: если земли становится очень мало, то сколько-бы ее ни равняли, толку не будет; раскрошить ее, „мерить лаптями“, конечно, можно; но и пользы от такого равнения никому не будет. Лишняя четверть земли в поле, которую может выиграть черезчур малоземельный крестьянин не спасет от нужды ни его, ни его семью. Значит, и смысл

передела сам собою теряется; никому не охота добиваться равнения, раз этим все-таки не поправишь беды.

Ясно, что передел, как средство, уравнением земли уменьшить земельную нужду, требует, чтобы земли было не слишком уже мало у общины. Иначе средство это делается негодным. Следовательно, уравнение наделов более доступно и выгодно общинам с малыми (но не слишком маленькими) и средними наделами. А таковых общин было больше у государственных крестьян, чем у помещичьих. Среди последних многие общины, по крайнему своему малоземелью, уже не могли воспользоваться переделом для борьбы с земельной теснотой.

Но не в одном этом заключается отгадка большей живучести уравнительного пользования землей у государственных крестьян.

Припомним, что эти последние гораздо быстрее размножались, чем помещичьи; кроме того прибылых душ оказывалось в семье тем больше, чем больше был ее надел. Поэтому у государственных крестьян скорее и сильнее почувствовалось несоответствие между распределением земли по семьям и их наличным составом. Это давало лишний толчок к переделам и облегчало последние, так как ослабляло сопротивление семей получивших в 60-х годах большие наделы: ведь они то всего сильнее размножились и из хорошо обеспеченных землею многие из них превратились через 20 лет после 10-ой „ревизии" в обеспеченных средне и даже плохо. При новом дележе на мужские души многие раньше многоземельные и размножившиеся теперь семьи „ревизских" могли получить даже прибавку на свои „прибылые души".

Наконец, много значило и то, что переделы по мужским душам успели укорениться у государственных крестьян еще до „воли", и сделались старым обычаем, который держится уже сам собою, как дедовское установление. Стало быть, принявшись с 80-х годов XIX века за новые переделы по мужским душам, государственные крестьяне только следовали старине, против которой не всякий решался уже восстать.

А потом, когда старый обычай переделять землю между

всеми мужчинами снова воскрес, то оказалось, что одним он прямо выгоден, другим не вреден и только меньшая часть от него страдает, да и то не так-уже сильно. Прямой и большой ущерб (от редкой земли) передел, обычно, приносил лишь немногим из общинников. Для тех-же, кому передел грозил *небольшим* уменьшением наделов, равно как и тем, кому он оставлял наделы в прежнем размере, служила утешением надежда, что при следующем переделе они могут и выиграть: ведь прибыль душ могла произойти в каждой семье. Для них передел служил как-бы *страховкой* от земельной нужды на будущее время. Все эти соображения были опять таки более доступны государственным крестьянам, где землю чаще всего делили не по работникам, как у помещичьих, а наличным душам—мужским, иногда-же и женским.

Следует еще добавить, что с уравнением земли у государственных крестьян не было связано ненавистных воспоминаний о крепостной неволе; хотя переделы у них в XVIII веке и вводились при поддержке и даже по приказу начальства, однако это было уже давно и успело забыться; да и принуждение это шло всетаки навстречу интересам многих тогдашних крестьян и вызывалось их же просьбами. Наоборот, у помещичьих крестьян уравнение земли сводилось к „навалке“ барского „тягла“, ярма, и долго еще после „воли“ оно оставалось таким из за надела=„раззорителя“. Помещичьим крестьянам переделы казались „господским заведением“ и были ненавистны. Многое после „воли“ должно было в корне измениться; старики, помнившие крепостную неволю, должны были раньше повымереть, чтобы помещичьи крестьяне смогли без отвращения и ненависти обратиться к уравнению земель. К тому же для них раньше была обычной разверстка земли по работникам („тяглом“), которая после того, как надел сделался кормильцем, стала уже мало пригодна. Завести-же разверстку по мужским душам, а тем более—по едокам, казалось для помещичьих крестьян небывалым невшествсм, на что многие не решались согласиться.

Стало быть, не только положение помещичьих крестьян

после „воли“, но и вся их былая старина затрудняли им уравнение общинной земли; государственным-же крестьянам те-же причины, наоборот, облегчали такое уравнение. Этим и об‘ясняется то, что первые сильно отстали от последних в этом деле, отстали не смотря на то, что земельная теснота толкала их к уравнению все более и более.

Теперь, возьмем крестьян *всех разрядов вместе* и, не входя в большие подробности, подведем итог их общинно-земельным порядкам, какими они оказались в конце концов через 40—45 лет после „воли“.

Общин без переделов в 35-ти губерниях тогда насчитывалось 35 на каждую сотню; семей в них—около 30 на сотню, а земли—26 дес. из 100. Общин с переделами 65 на сотню; семей в них—70 на 100, а земли 74 дес. из 100. Стало быть, ⅔ общин, $^7/_{10}$ населения и около ¾ земель приходились через 40—45 лет после „воли“ на долю уравнительного земельного строя, который вновь ожил у крестьян, преимущественно—в Великороссии. Мы уже знаем, что воскресило его к жизни: это прежде всего была земельная теснота и передел казался крестьянам средством уменьшить тяжесть этого бедствия. Но мы в то же время убедились, что средство это делалось негодным там, где земельная нужда была черезчур сильна, там и уравнивать было бесполезно, ибо, в сущности говоря, и уравнивать было крестьянам нечего.

И так, уравнивание наделов могло лишь отчасти и временно насколько облегчить тяжесть положения крестьян, и дать им выход из того тупика, в который попало в конце XIV века их хозяйство и жизнь.

Из сказанного до сих пор ясно, почему это произошло. Корень всего несчастия заключается ведь в том, что не только бедный, но и средний по достатку крестьянин, обыкновенно, не в силах был вести вперед свое сельское трудовое хозяйство так быстро, как было необходимо для удовлетворения всех насущных нужд размножившегося населения деревни. *Народ прибывал быстрее, чем росли плоды трудового сельского хозяйства.*

На самом деле: урожайность крестьянской земли возросла с 1861 г. по 1910 г. в 1½ раза, а сельское население только за 50 лет увеличилось почти вдвое. Иначе говоря, там где раньше приходилось 100 пуд. на 100 едоков, теперь стало приходиться 148 пуд. на 175 едоков. Очевидно, на каждого приходится теперь меньше, чем прежде. Правда, возросли и посевы крестьян, но и они также отстали от прибыли сельского населения. Увеличилась и площадь земли, имеющейся в распоряжении всего трудового сельского хозяйства; но опять таки, прибыль эта оказалась меньше, чем размножение населения, и земельная теснота увеличивалась

Словом, в конце концов вышло, что трудовое сельское хозяйство с каждым новым десятилетием все меньше и меньше могло утолять насущные нужды трудового крестьянства; прежними способами хозяйства нельзя уже было прокормить всего деревенского люда; это и есть то, что называется по ученому „*аграрным перенаселением*“.

Из этого положения могло быть только два верных выхода: 1) усовершенствование трудового сельского хозяйства настолько, чтобы количество зерна и др. его плодов росло *быстрее*, чем размножается кормящееся от него население или хотя бы также быстро; и 2) уход лишних крестьян от земли и сельского хозяйства в города—для других, не сельско-хозяйственных занятий—работы на фабриках, в торговле, на железных дорогах и т. п.. Оба эти выхода были однако, почти совершенно закрыты для массы крестьянства. Легче было бы верблюду пролезть в игольные уши, чем русскому крестьянству выбиться из беды „аграрного перенаселения“ указанными двумя путями. Оба они были так узки и тесны, что многомилионный крестьянский люд не мог пройти в эти калитки к лучшей доле.

Мы уже знаем, почему огромное большинство крестьян не могло быстро и коренным образом улучшать свое трудовое сельское хозяйство: малоземелье, платежи, работа на землевладельца и ростовщика, назойливая опека начальства, наконец, привычка к старине и невежество—вот путы, связывавшие трудового хозяина и мешавшие ему двигаться вперед.

Не менее важны были препятствия, стоявшие пред ним и на втором пути: уйти от земли было некуда, переменить

сельское хозяйство на другое занятие было невозможно, невозможно опять таки—для многих, а не для некоторых, конечно.

Дело в том, что для разрежения трудового сельского населения, размножившегося после „воли", было необходимо быстрее и сильнее развитие промышленности, торговли и городской жизни в России. Тогда крестьянин с выгодой для себя и своего хозяйства мог отпустить на постоянную работу в город своих детей, да и сам мог-бы найти даже лучшую долю, уйдя от земли навсегда.

В других передовых государствах Европы так и было: там крестьянское население все сокращалось, а городское, фабрично-заводское росло. Крестьянин *пролетаризовался*, становился наемным рабочим, пролетарием.

И у нас происходила такая *пролетаризация* после „воли": часть крестьян бросила свое хозяйство в деревне и стала работать на фабриках, заводах, железных дорогах, в торговых домах и пр.. Но эта *пролетаризация* сильно отставала от размножения сельского населения и потому уход в город не мог разредить его и предупредить земельную нужду в деревне. В то время как сельское население за 40 лет после „воли" выросло почти *вдвое* (75%), городское население—меньше чем в полтора раза (на 41%). Иначе говоря там, где раньше в селах было 100 человек, теперь стало 175, а в городах, где раньше было 100 человек, стало только 141. Отсюда видно, что уход в города, от сельского хозяйства, не мог захватить даже все вновь прибылые души, не мог разредить сколько нибудь заметно деревенское население.

Такая отсталость городской жизни об'ясняется слабым и медленном ходом промышленности и торговли в России. А эта медленность в свою очередь зависела от... бедности и слабости нашего деревенского населения. Ведь, чтобы фабрики и заводы могли увеличиваться в числе и расширять свое производство, необходимо им было иметь прочный и обеспеченный сбыт товаров. Сбыт этот они могли иметь или за границей, или дома, внутри России. По дороговизне русских промышленных изделий и вследствие плохого их качества они не могли соперничать с заграничными в других странах; поэтому главным местом сбыта для них могла быть только Россия. А в России 7/10 жителей были крестьяне; очевидно, они одни только

могли быть надежными покупщиками множества изделий русской промышленности. Но для покупки этих промышленных изделий у крестьянина было слишком мало денег, да и нужды его были невелики. Он по старине старался обойтись своими деревенскими изделиями и покупал только самое необходимое. Итак, главный покупатель изделий промышленности был крестьянин, а он был беден и покупал редко и мало. А русские фабрики не могли расти и процветать, не имея сбыта своих товаров. Русская промышленность не могла развиваться быстро и давать прочный и хороший заработок миллионам малоземельных и нуждающихся крестьян. Таким образом, уйти от сельского хозяйства могли только немногие; остальным и уйти было некуда.

Значит, и этот второй путь к устранению „аграрного перенаселения“ оказывался для массы крестьян закрытым.

Все это и привело в конце концов к тому, что трудовое сельское хозяйство начало хиреть и ухудшаться, крестьянство— раззоряться, нищать и голодать, а все государство – приходить в расстройство.

Много было признаков наступления такого народного бедствия и дальновидные ученые указывали на него вскоре-же после „воли“ (проф. Янсон). Позже особенно, после всероссийской голодовки 1892 года, это бедствие сделалось уже вполне очевидным и с каждым годом все более и более угнетало народ.

Нет нужды подробно его описывать. Достаточно указать лишь самые бесспорные признаки этого *„аграрного кризиса“*.

Упадок трудового сельского хозяйства лучше всего виден из подсчета и распределения имеющегося у крестьян рабочего скота и притом главного из этого скота—лошадей.

Накануне великого голода в 1888—1891 годах, т. е. через 30 лет после „воли“, из каждой сотни крестьянских дворов было: дворов, не имеющих вовсе лошадей (безлошадных)—28; дворов, владеющих 1—2-мя лошадьми—59; дворов с 3—5-ю лошадьми—11 и дворов с 6-ю и более лошадьми—2. Стало быть, большая половина дворов располагала для своего хозяйства 1—2-мя лошадьми, это – мелкие хозяева; середняки имели по 3—5 лошадей, – но их было только немного более 1/10 части всех хозяйств, а богатых рабочим скотом—еще меньше: всего 1/50 часть. Зато более 1/4 (28%) оказалось дворов, совершенно

лишенных главной рабочей силы—лошади. Это хозяева должны были нанимать чужих лошадей для уборки своих наделов. или-же сдавать их в аренду. Так дело обстояло через 30 лет после „воли“.

Что-же произошло с крестьянским хозяйством дальше? Укрепилось ли оно с течением времени?

Для ответа на этот вопрос надо сравнить распределение рабочего скота среди крестьян в более близкое к нам время. И вот что тогда обнаружится.

Через пятнадцать лет, в 1904—1906 годах, из каждой сотни дворов было: дворов без лошадей—33; с 1—2-мя лошадьми—59; с 3—5-ю лошадьми—7 и с 6-ю и более лошадьми—один. Стало быть. по сравнению с прежним временем, произошли следующие важные перемены: одно и двухлошадные дворы по прежнему составляли большую половину всех дворов. Но зато сильно изменилось положение среди крестьян, как богатых, так и самых бедных хозяев. Средних (с 3—5 лошадьми) было больше 1/10. а стало всего лишь 1/14 часть, т. е. произошло уменьшение приблизительно на 1/3 там, где раньше было 100 трех, четырех и пяти—лошадных дворов; теперь насчитывается уже только 66 дворов. Так-же сильно сказалась убыль и самых богатых дворов: там, где раньше было 100 таких хозяев, теперь стало только 67. [1]) Наоборот, дворы без лошадей умножились: их было несколько более 1/4, а теперь стала целая треть; иначе говоря, там, где было 100 безлошадных дворов образовалось 117.

Что-же значит все это? Перемены эти показывают, что с течением времени трудовое сельское хозяйство приходит все в больший и больший упадок: многие из тех, кто раньше имел 1—2 лошади, остались совсем без рабочего скота и оттого число безлошадных увеличилось. Равным образом обеднели и многие из тех. которые раньше владели 3, 4 и 5 лошадьми: они спустились в разряд более бедных рабочим скотом—одно и двухлошадных хозяев; наконец, и самых богатых стало меньше оттого, что многие из них, обедневши, стали держать вместо 6-ти—3 и 4 лошади, вместо 10 ти—5 и т. д.; все такие охудавшие дворы и попали в число среднелошадных. Таким

---

[1]) Цифры в тексте округлены; более точные цифры многолошадных: 1,8% и 1,2%; уменьшение за 15 лет на 33%.

образом, происходило явное ухудшение трудового сельского хозяйства: сильные ослабели, слабые окончательно захирели и все вообще трудовое крестьянство стало беднее хозяйственными средствами. Раньше немногим менее $^3/_4$-ей его могли вести свое хозяйство силами *своих* лошадей. а потом уже только $^2/_3$: из каждых 3-х дворов один был без лошади, стало быть— его владелец был уже, можно сказать, не хозяин... Среди остальных-же $^2/_3$-й рабочий скот теперь распределялся несколько ровнее; почти не стало слишком сильных хозяйств, мало осталось и очень зажиточных; большая часть сравнялась между собою в том, что имели лишь самое необходимое хозяйственное обзаведение.

Надо еще принять во внимание, что приведенные нами сведения—средние для всей России. Поэтому в действительности ослабление крестьянского хозяйства во многих губерниях было гораздо заметнее и сильнее. Так, напр., были губернии, где безлошадные дворы составляли большую половину всех (Полтавская 58%)—или же около половины (Харьковская—44%).

Обыкновенно, обеспеченность рабочим скотом тем больше, чем больше надел и наоборот; поэтому безлошадные часто оказываются и безземельными. а однолошадники—малоземельными крестьянами: земельная теснота и хозяйственное оскудение идут в трудовой семье рука об руку, в ногу... Неудивительно, что с размножением населения и малоземельем увеличивается вместе количество безлошадных и малолошадных дворов.

И так, хозяйственное расстройство и обеднение захватывало с каждым годом все большую и большую часть крестьянства. А между тем народ все прибывал и прибывал, так что в конце концов ему стало трудно даже прокармливаться от своего сельского хозяйства: не хватало продовольствия. Высчитано, что в России на 1 душу земледельческого населения собирается в среднем около $22^1/_2$ пуд. хлеба и картофеля, а употребляется для прокормления от 16 до 18 пуд. на душу. Между тем для здоровья необходимо, чтобы человек потреблял не менее 20 пуд.; следовательно, для простого прокормления земледельческого населения не хватает ежегодно от 2 до 4-х пуд.. И это при рассчете на круг. В действительности-же у безлошадных и безземельных или малоземельных нехватало это гораздо больше. Кроме того по отдельным районам заме-

чается очень большая разница. Так, в Новороссийском крае избыток хлеба почти равняется 20-ти пудовому продовольственному пайку; в восточных и юго-восточных губерниях этот избыток уже не более $^1/_4$—$^1/_5$ этого пайка, а во всех прочих местностях уже и вовсе нет избытка; наоборот, здесь ощущается недостаток: в нечерноземной полосе он от 4 до 10 пуд. на душу, а в черноземной—от 2 до 8 пуд. на душу по разным районам. Также не хватает и овса для прокорма лошадей.

А между тем не весь собираемый хлеб идет на продовольствие самого земледельческого населения: немало его продается для уплаты податей и покупки необходимых товаров. Так в первые годы XX века из 2 тыс. 100 миллионов чистого сбора продовольственных хлебов не менее 1 миллиона, т. е. около половины поступало в продажу, а из этого продаваемого хлеба $^2/_3$ принадлежали крестьянам. Проданный хлеб в большом количестве вывозился за границу в обмен на золото и изделия промышленности, при чем вывоз этот все более и более увеличивался с годами.

Через 10 лет после „воли" вывезено было $22^1/_2$ миллиона четвертей хлеба, а еще через 25 лет, уже более 50 мил. четв; т. е. в два с лишним раза больше. Если через 10 лет после „воли" вывозилось 12 четв. из 100 четв. собранного хлеба, то через 35 лет вывозилось уже 22 четв. из 100 четв.. Это значит, что оставалось хлеба для внутреннего продовольствия народа все меньше и меньше.

И вот чем дальше идет время, тем все больше недостает „сеятель наш и хранитель"; тем чаще он хворает и тем более умирает народу в России. С 90-х годов почти не проходит зимы, чтобы где нибудь в России не было крестьянской голодовки, и все чаще случается, что голод захватывает своими клещами целые десятки губерний... Народ бьется в цепях малоземелья, нужды, бродит в темноте и невежестве, связанный опекой начальства и задавленный гнетом труда, идущего на пользу немногочисленных господствующих классов—главным образом крупных землевладельцев и богатейших капиталистов...

В таком безотрадном положении находилось крестьянское трудовое землевладение и хозяйство, когда грянул с востока гром Японской войны. Гром этот прогремел не даром: он явился предвестником надвигающейся революционной грозы, которая и разразилась над Россией в 1905 году.

Гроза эта разбудила и русского крестьянина, поднявши его на борьбу за лучшую долю. „Аграрное движение“ 1905—1906 годов всколыхнуло до глубины народное море и его волны с яростью ударились в твердыню нетрудового частного землевладения, заставивши его затрястись и заколебаться...

Об этом народном движении мы и побеседуем в следующей главе.

Глава десятая.

АГРАРНОЕ ДВИЖЕНИЕ ВО ВРЕМЯ ПЕРВОЙ РУССКОЙ РЕВОЛЮЦИИ (1905—1906 Г.Г.)

Триста с лишним лет тому назад, во время так называемой „смуты“ в Московском государстве, крестьяне впервые поднялись против того общественного строя, в котором им на долю оставался безконечный труд на других и самое незавидное существование. Они восстали тогда против грозящего им порабощения, но, испытавши неудачу, вынуждены были терпеть над собою власть „господ“ и дали себя закрепить за ними. Но оправившись от нанесеннаго в „смуту“ поражения, они снова поднялись и рукою Разина пытались сбросить с себя только что надетую им на шею петлю. Побежденные снова, они не переставали волноваться разрозненно, пока какой-нибудь удобный случай опять не давал им общего вождя и не об‘единял вокруг него недовольный крепостной люд. После освобождения дворян от обязательной службы государству, крепостные, напрасно прождавши своего освобождения, опять грозно поднялись под предводительством Пугачева, стремясь снять с себя „господское“ иго. Опять побежденные, они продолжали волноваться то здесь, то там вплоть до самой отмены крепостного права. Но и по об‘явлении „воли“ крестьяне не скоро успокоились. Народ был сильно недоволен теми стесненьями, которые были на него наложены при уничтожении крепостной неволи. Оставление земель помещикам, урезки наделов, временное сохранение платежей и повинности в пользу помещиков и т. п. постановления закона 19 Февраля 1861 г. делали эту „волю“ в глазах крестьян фальшивой, ненастоящей. Они подозревали

в этом какую-то хитрость, обман со стороны дворян и чиновников, ждали настоящего, „неподдельного“ царского манифеста о воле, о полной воле с землей, ждали окончательного и моментального уничтожения всего, что напоминало собою крепостную неволю. Этим недовольством крестьян, несоответствием Положения 19 Февраля 1861 г. ожиданиям крепостных об‘ясняются те волнения крестьян, которыми сопровождалось во многих местах об‘явление этой „воли“. В двух тысячах с лишним селений дело дошло до усмирения волновавшихся крестьян с помощью войск, причем дело кое-где кончилось стрельбою и жертвами. Из случаев такого рода особенно известно усмирение волновавшихся крепостных в селе Бездне Спасского уезда Казанской губ. Тысячи крестьян, смущенные невежественными основаниями Положения 19 Февраля 1861 г. раскольничьим начетником Антоном Петровым, не признали „воли“ настоящей и требовали подлинного царского манифеста. Присланные солдаты, по приказу начальства стреляли и убили 55 крестьян, а многих ранили.

Менее сильные волнения происходили тогда-же и в других местах; но чаще всего случалось, что крестьяне, не производя никаких беспорядков, упорно отказывались подписать составленные на основании закона 19 Февраля 1861 г. „уставные грамоты“ об отводе им наделов и определении оброков. Отказы эти были очень многочисленны: из 97½ тыс. „уставных грамот“ около 46 тыс., т. е. 47 из каждой сотни, не были приняты первоначально крестьянами.

Все это показывает, что крестьяне были очень недовольны полученной „волей“ и не хотели помириться с тем положением полусвободных работников, в которое их ставил закон 19 февраля 1861 года, охраняя сильнее интересы казны и помещиков, чем общенародное благо.

Хотя в конце концов и на этот раз крестьяне должны были смириться и удовольствоваться той „землей и волей“, которую согласно было уделить им правительство, близкое к дворянству, но в душе народ не был спокоен и не хотел отказаться от надежды на настоящую полную волю с землей. В народе не переставали ходить неизвестно откуда берущиеся слухи о новой нарезке земли из казны, о „черном переделе“ всех земель, о „слушном часе“. Ждали какого-то сигнала, который подаст царь; по этому сигналу крестьяне должны взять

и разделить между собою помещичью землю. Правительство не раз пыталось рассеять это ожидание и об'являло при каждом удобном случае, что помещичья земля есть „неприкосновенная собственность" и что никакого нового наделения крестьян не будет. Но все эти заявления не производили действия на народ: ожидания земли жили в народной душе и переходили из уст в уста в виде разных, большею частью самых неправдоподобных слухов...

Все это показывает, что народ не мирился с тем безвыходным и тяжелым положением, в которое он попал после „воли„ и которое с течением времени все более и более ухудшалось.

Через 40—45 лет положение это, как сказано в предыдущей главе, стало для многих крестьян совершенно невыносимым: малоземелье, непосильные платежи, расстройство хозяйства, насилие помещиков, произвол и притеснения со стороны земских начальников и полиции, наконец, —голодовки и болезни-все это мало по малу накапливало в сердце народа грозное недовольство; негодование и обида накипели в нем и рвались наружу при каждом удобном случае. Как и перед отменой крепостной неволи, народное недовольство стало пробиваться всюду, выражаясь в самых разнообразных видах; то там, то здесь происходили различные „нарушения прав частной собственности на землю": потравы, порубки, захваты спорных земель, даже поджоги помещичьих построек и т. п. „свои средствия" пускались в ход все чаще и чаще. В этом не было никакого сговора и под'учивания со стороны, как подозревало правительство. Просто терпение народа уже истощилось и ждало только удобного случая, чтобы выбиться наружу, чтобы недовольство из тайного стало явным. Особенно это накопление народного недовольства в деревне делается заметным с 1898 года.

Однако до 1902-го года не было еще сколько нибуть значительных волнений в деревнях. Почин в этом движении сделали Полтавские крестьяне, которых постиг неурожай.

Голодающие крестьяне Константиноградского уезда стали являться к помещикам и просили о даровой выдаче им хлеба и корма для скота. Получив отказ, они самовольно, действуя скопом, начали брать продовольствие и увозить к себе для дележа между собою. Обычно приезжали сразу на нескольких

подводах и забирали хлеб, корм. а иногда угоняли и скот, даже увозили сельско-хозяйственные орудия; кое-где поджигали и помещичьи постройки.

Это движение вышедших из терпения голодных людей, как пожар, быстро перекинулось в соседние уезды Полтавской и Харьковской губерний. Всего было разгромлено в первой 54, а во второй 27 имений.

Дело кончилось усмирением с помощью солдат. В одном месте даже стреляли и убили несколько человек. Но чаще начальство прибегало к излюбленному старинному средству, не забытому еще от времен крепостного права: порке крестьян розгами. На усмиренных крестьян было наложено взыскание убытков в сумме 800 тыс. руб. в пользу пострадавших помещиков.

Итак, первыми застрельщиками движения были голодающие крестьяне, выведенные из терпения нуждою и расстройством хозяйства. Не надо забывать, что волновавшиеся уезды принадлежат к числу самых малоземельных и безлошадных...

Подобные-же волнения, но не такие сильные возникли в 1902 году в Саратовской губернии. На этот раз волнения правительству удалось быстро подавить и несколько лет они не возобновлялись. Однако, помещики и правительство не на шутку перепугались; им уже видилась новая Пугачевщина; поэтому они не прочь были кое-что сделать в пользу крестьян для облегчения их положения, но не решались на что нибудь важное. Пошли совещание высших чиновников с участием помещиков; кое-где привлекали и некоторых крестьян по выбору начальства. Но спрошенные чиновниками, они заговорили тотчас-же о земельной нужде, что очень не понравилось начальству...

На ряду с мерами строгости, вроде учреждения сельских стражников, правительство приняло кое-какие меры, для облегчения участи крестьян: в 1903 году была отменена круговая порука по взысканию податей, а в следующем году в виде особой царской милости уничтожены телесные наказания и сложены накопившиеся недоимки.

Такой поворот в сторону народа об'ясняется не только боязнию правительства, как бы, не повторились волнения 1902 года, но также нуждою в солдатах и новых налогах, которую почув-

ствовало правительство с началом Японской войны. Особенно пришлось итти на уступки с тех пор, как на войне пошли неудачи, а недовольство правительством отовсюду выбивалось наружу и из тайного делалось явным.

Военные неудачи в 1904 году подняли против правительства даже высшие классы: помещики, земцы, купцы-капиталисты—образованные люди-интелигенты, фабрично-заводские рабочие, даже мелкие городские мещане—все резко осуждали правительство и требовали ограничения его самодержавной власти созывом народных представителей.

Мы не будем говорить о том, как это недовольство правительством привело к революции 1905 года. Напомним только, что, все разгораясь и разгораясь, волнения городского населения в Октябре месяце привели к всеобщей железнодорожной и фабрично-заводской забастовке. Растерявшееся захваченное в расплох правительство должно было пойти на уступки и Николай II-й издал свой знаменитый манифест 17 Октября, в котором он отрекался от своего самодержавия, ограничивал свою законодательную власть Государственной Думой и признавал за народом политическую свободу.

Во всех этих событиях, приведших к ограничению самодержавия многомиллионная громада деревенского люда не принимала прямого и самостоятельного участия. Но события в городах подействовали на крестьянство так, что его скрытое недовольство вырвалось, наконец, наружу и народное море разбушевалось.

К тому-же в деревне, как раз в это время, были и свои особые обстоятельства, переполнившие чашу народного терпения. Прежде всего 1905 год был неурожайным: две трети губерний были поражены недородом, а помощь казны запоздала и была недостаточна. В деревнях голодали... В особенно тяжелом положении оказались семьи запасных солдат, не получавшие из казны обещанной помощи. Это вызывало негодование народа, вообще крайне недовольного войной и желавшего ее прекращения.

Все это и послужило последним толчком, заставившим крестьянство прийти в движение и заволноваться.

Понемногу и незаметно разгорался этот пожар деревенской России. Еще с 1903 года стали учащаться в разных местах порубки, потравы, захваты помещичьей земли и поджоги

построек. А в 1905 году они слились в один неудержимый огненный поток народного возмущения, который с небывалой силой и быстротой охватывал уезд за уездом, губернию за губернией.

Уже в начале 1905 года было охвачено крестьянскими волнениями 74 уезда; летом движение это распространилось на 91 уезд, а осенью, в связи с всеобщей октябрьской забастовкой, поднялись даже 240 уездов. С начала года крестьянское движение расширилось более, чем *втрое*. Затем зимой оно как будто-бы на время улеглось и в начале следующего года насчитывалось вдвое меньше (120) уездов, захваченных волнениями. Но это было только затишье перед новой бурей: летом 1906 г. движение снова выросло и даже переросло свои осенние размеры: теперь было захвачено волнениями уже до 249 уездов.. К осени 1906 года, впрочем, замечается сильное падение волны: она сокращается *втрое* (72 уезда) и даже более. В 1907 году волнение все более и более утихает, пока совершенно не замирает к концу года: в начале его волновались еще 44 уезда, летом уж только 28, а осенью—3... Таким образом, движение шло волнами при чем самые сильные из них поднялись дважды: осенью 1905 и летом 1906 года; в первый прибой было охвачено волнением 48% всех уездов коренной России, во второй—даже 52%, т. е. немного более половины...

В чем-же проявляло себя это крестьянское движение? Что делала народная громада, разбушевавшаяся от глубокого и давно накопившегося недовольства?

Виды этого крестьянского движения были очень различны, смотря по местности и по тому, кто и когда в нем участвовал.

Рассмотрим по отдельности главнейшие виды крестьянского движения времен первой революции.

Все действия, какие производила поднявшаяся крестьянская громада, можно разделить на два главных вида: 1) одни направлены были на захват земли, орудий и плодов частновладельческого сельского хозяйства; 2) другие—на улучшение в пользу крестьян их положения в сельском хозяйстве.

Возьмем сначала первый вид аграрного движения.

Действия, направленные на захват помещичьей земли и имущества, были очень многочисленны и разнообразны. Причем одни из них почти вовсе не требовали никакого предваритель-

ного сговора и разумного рассчета, тогда как другие могли быть выполнены только при дружном действии под руководством вождей и в определенном порядке.

Будем рассматривать отдельные виды захвата частной собственности, переходя постепенно от самых простых и малосознательных к самым сложным и требующим руководства, организованности.

Самым распространенным захватом частновладельческой собственности со стороны крестьян являлась самовольная рубка лесов. Сотни и тысячи крестьян с лошадьми являлись одновременно в соседний помещичий (реже казенный или удельный) лес и приступали к порубке и возке леса. Иногда это делалось в присутствии и под руководством мужских властей, при чем нарубленный лес делился уравнительно по душам. Но это бывало далеко не всегда и часто кто сколько мог нарубить и увезти деревьев, столько ему и доставалось. Конечно чем богаче рабочими силами (руками и лошадьми) оказывался крестьянин, тем больше выгоды выпадало на его долю от такого захвата частновладельческих лесов.

Порубки бывали во всех концах и в разных полосах России, особенно же там, где у кресьян не было своего леса. В начале 1905 года такие порубки были произведены в 29 уездах, а осенью захваты лесов замечались уже в 167 уездах. В начале следующего года порубки происходили в 79 уездах, летом—почти во стольких же (72), но к концу года уже только в 43-х уездах.

Так-же мало сговора и общего руководства требовал и другой вид нападения на частновладельческую собственность: потравы полей и лугов помещиков. Этот вид крестьянского движения особенно распространен был в черноземной полосе России. С начала 1905 года потравы были только в 8 уездах, летом уже —в 39 а осенью—в 41; но летом следующего года этот вид движения охватил целых 92 уезда.

Дружные действия и общее руководство гораздо более необходимы были для того, чтобы увозить с помещичьих земель хлеб и сено.

Часто предварительно происходил раздел хлеба и сена по душам.

Это „нарушение прав частной собственности тоже имело место главным образом в черноземной полосе, причем особенно часто

такие случаи бывали летом 1906 года, когда они были замечены в 121 уезде.

Еще больше организованности необходимо для запашки чужой, помещичьей земли. Иногда это действие совершалось по предварительному приговору мира и после правильного передела запахиваемой земли по душам. Чаще всего запашки бывали опять таки в черноземной полосе и вызывались они, обыкновенно, какими нибудь особенными обстоятельствами в жизни местных крестьян. К запашке часто прибегали царственники, которые считали помещичью землю принадлежащей им по праву труда, некогда в старину потраченного их отцами и дедами на обработку ее при крепостном праве. Теперь они и постановляли эту недоданную им при выходе на „волю“ землю самовольно отобрать у своего бывшего барина, разделить ее по душам и запахать.

Запахивали часто также „отрезки“: те необходимые угодья, без которых сельское общество не могло обойтись в своем хозяйстве и которые были отрезаны у него при выходе на „волю“. Эти „отрезки“ общество в обыкновенное время арендовало на самых тяжелых условиях; теперь-же, выйдя из спокойного состояния, крестьяне уже не хотели платить за „отрезки“, а даром запахивали их.

К запашке легко прибегали и в тех случаях, когда необходимая обществу земля была помещиком перепродана в другие руки и таким образом крестьяне поставлены в безвыходное положение. Запахивали также земли спорные, о которых шел между крестьянами и помещиками суд; не дожидаясь решения суда или же видя, что оно выходит не в их пользу, крестьяне и прибегали к самовольной запашке такой спорной земли.

Наконец, самой трудной, рискованной и требующей сговора и руководства (организованности) действиями толпы являлась „разборка“ экономий. Тут надо действовать по плану и до конца держаться стойко друг за друга. Поэтому нередко случалось, что „разборке“ экономии предшествовало составление особого мирского приговора на этот счет.

До осени 1905 года „разборка“ экономий встречалась редко, но за то во время и после всеобщей забастовки „разборка“ экономий сделалась самым обычным действием поднявшейся крестьянской громады.

Движение это охватило тогда 119 уездов. Но затем эта волна „разгромов“ имений спала и более уже не поднималась никогда так высоко. Летом следующего года „разбор“ экономий наблюдался только в 52 уездах, а в прочее время революции—и еще реже.

Что-же вызвало крестьян на эти крайние действия? Почему так часто случались они именно осенью 1905 года?

„Разборкой“ экономий крестьяне многих уездов откликнулись на всеобщую забастовку и политические события городской жизни.

„Разбор“ экономий произошел во многих местах под влиянием слухов о забастовках в городах. Невежественные жители глухих деревень, не понимая политического смысла происходящих в городах событий, истолковали их по своему. Самый манифест 17 Октября, об'являвший политическую свободу, многие поняли так, что теперь „все делать можно“; другие, особенно в Малороссии, слыша о еврейских погромах, думали, что и „панов грабить можно“! Темные люди и спешили воспользоваться этой „свободой“, чтобы свести счеты с своими ближайшими и старинными врагами—помещиками. Ходили даже слухи о скрытом царском манифесте, разрешающем брать у помещиков землю и хлеб.

Что же касается посторонних агитаторов, на которых взваливало вину за эти „разборки“ экономий правительство, то их влияние было очень невелико. Обыкновенно, руководителями „разборки“ являлись свои-же месячные люди, но люди бывалые и видавшие немало в городах и на стороне. Это были крестьяне, которые не раз уже уходили из деревни на сторонние заработки, или-же бывшие солдаты, рабочие с фабрики и т. п. Впрочем, важно не то, кто толкнул крестьянина „разборку“ экономий, а то *почему* этот толчек вызвал такие действия народа, которые, как зараза, быстро охватили чуть не половину России.

В ответ на этот вопрос следует еще раз вспомнить, что год был голодный и нужда в хлебе дошла до крайности. При таком положении достаточно было слухов о свободах и забастовках, чтобы голодающие люди пошли, не дожидаясь ничьих разрешений, за хлебом, который лежит рядом в помещичьих экономиях.

Обычная картина „разборки“ экономий была такова.

Большею частью крестьяне предупреждали заранее владельца, что явятся к нему тогда-то, причем иногда приходила предварительно небольшая группа и осматривала экономию. В назначенный день недалеко от усадьбы зажигая омет соломы, куль или просто большой пук соломы на дымной жерди. По этому знаку собиралась толпа крестьян с подводами, иногда 500—700 лошадей.

Подойдя к экономии, крестьяне ломали замки у амбаров (или требовали ключи у управляющего), нагружали хлеб на подводы и уезжали. Присутствие помещика их не смущало, но они и не вступали с ним ни в какие об'яснения. Брали, обыкновенно, только хлеб; картофель и другие продукты увозили в разных случаях. В дома помещиков не заглядывали, денег не требовали, насилий не чинили.

Но если крестьяне встречали препятствия со стороны полиции управляющего или самого помещика, тогда толпа приходила в ярость и люди превращались в диких зверей дело доходило до разгрома усадьбы, поджога построек, уничтожения скота и сельско-хозяйственных орудий, иногда—даже до убийства..

Значит, чаще всего „разборка экономий" сводилась к захвату помещичьего хлеба голодающими крестьянами „Это—ли не голодовка? Нам есть нечего!" говорили крестьяне, „разбирая" хлеб. Но не всегда дело этим и оканчивалось. Нередко к захвату хлеба прибавляется захват скота и селяскохозяйственных орудий а то так и помещьичей земли. В некоторых местах крестьяне искали и уничтожали бумаги, удостоверяющие собственность помещика на землю.

В некоторых губерниях, особенно в Саратовской, крестьяне дейтвовали при нападении на экономии более организованно как бы по плану и под руководством особых вожаков из своей среды. Они стремились к тому, чтобы совершенно и навсегда выжить помещиков из деревни и завладеть их землями. „Раззорим пасиженные гнезда помещиков; они больше не возвратятся и хозяйствовать не будут. Нам будет больше земли и жить будет свободнее! Так об'ясняли сами Саратовские крестьяне свои действия по „разборке" экономий. Они часто жгли помещичьи усадьбы, чтобы „выкурить" помещиков, чтоб им больше некуда было вернуться. „Земля и хлеб нам," говорили крестьяне: а постройки ваши нам не нужны! Впрочем, более разумные и дальновидные жалели помещичьи дома, расчитывая

что лучше их обратить в школы и на др. какие нибудь нужды народа, чем бесполезно жечь и уничтожать.

Саратовская губерния была одним из самых жарких очагов аграрного крестьянского движения осенью 1905 года. Но очаг этот был не единственным.

Кроме него было 5 таких очагов: Черниговская, Курская, Орловская, Екатеринославская и Бессарабская губернии. От этих очагов, как от костров, пожар распространялся во все стороны, захватывая соседние губернии на далекое расстояние. Всего сильнее были об'яты аграрным огнем губернии черноземной России, особенно—же—те из них, где крестьянское хозяйство велось по старине почти без всякого улучшения, даже без обыкновенного удобрения.

Всего за одну осень было „разобрано" до 2000 экономий и разгромлено до 900 усадеб. Убытки, понесенные при этом помещиками, исчислялись ими 30 мил. руб.. Всего больше эти убытки были в Саратовской губ.—9½ мил. р., затем—в Самарской—4 мил. р., в Пензенской убытки эти достигали полмилиона, в Симбирской—не доходили и до этой цифры (420 тыс. р.) в большинстве прочих—исчислялись десятками тысяч (в Казанской 75 тыс.).

Таким образом, движение, начатое просто голодными людьми и имевшее в виду главным образом захват помещичьего хлеба, разгорелось во всероссийский пожар, уничтожавший местами, частную собственность на землею, и крупное нетрудовое сельское хозяйство.

Сильнейшего разгара этот пожар достиг, как сказано, осенью 1905 года после всеобщей забастовки и манифеста 17 октября. „Свободу" крестьяне поняли по своему, как свободу от помещиков, как развязку всякой хозяйственной зависимости от них по земле.

Сначала правительство было ошеломлено этим натиском крестьян на землевладельцев, а эти последние поспешили бежать в города, спасая жизнь и семьи. Но вскоре-же, оправившись от первого испуга, правительство бросилось усмирять крестьянское волнение. В губернии, охваченные движением, были посланы особо уполномоченные генералы, которые с помощью солдат и казаков и приняли самые крутые меры. В лучшем случае дело ограничивалось отобранием у крестьян взятого ими помещичьего имущества и арестом зачинщиков; но

часто усмирение доходило и до порки и избиения крестьян нагайками, а иногда—и до применения оружия. Были случаи, когда в ход пускали даже пушки. В конце концов среди крестьян, участников восстания, оказалось много жертв; арестованными „аграрниками“ наполнились тюрьмы городов.

Испуганные помещики, бежавшие из деревень, требовали от правительства принятия самых решительных мер к охране их собственности и жизни. В ответ на это правительство и снарядило свои усмирительные походы на крестьян.

Но одними мерами строгости успокоить взволнованное крестьянское море было уже невозможно. И вот правительство пытается утишить народное волнение некоторым облегчением участи крестьян. Манифестом 3 Ноября выкупные платежи с 1 Января 1906 г. были уменьшены наполовину, а с следующего года и совсем отменялись. Кроме того крестьянскому банку предписывалось расширить свои действия по покупке частных земель и продаже их крестьянам на самых льготных условиях. Дальше мы увидим, какую цену и какое значение имели для крестьян эти меры правительства; теперь-же обратимся снова к крестьянскому движению.

Усмирения и жертвы, понесенные крестьянами, а также и спокойное рассуждение побудили наиболее передовых и сознательных из них на будущее время удерживать своих собратьев от разгромов помещичьих усадеб и „разборки“ экономий, а пример городских забастовок навел крестьян на мысль обратиться к другим, более мирным и разумным средствам борьбы с помещиками.

И действительно, с каждым новым месяцем мы замечаем все большее и большее стремление крестьян действовать не столько прямым захватом помещичьей земли и имущества, сколько дружным давлением на них, чтобы этим путем улучшить свое экономическое положение и вынудить их отступиться от земли.

Действия подобного рода состояли главным образом в забастовках крестьян, работавших в экономиях или-же снимавших чужую землю.

Забастовки работавших в имениях раньше всего, еще в Феврале месяце 1905 года начались в Прибалтийских губерниях, где помещичье хозяйство устроено капиталистически и ведется силами безземельных и безхозяйных батраков. Отсюда

забастовки перекинулись в югозападный край; в то же время они сами вспыхнули в двух уездах Саратовской губернии и в некоторых других местах коренной России. Здесь везде забастовки из батрацких сделались крестьянскими и превратились тогда в борьбу с помещиками за землю. Ход и распространение этого забастовочного движения видны из следующего: в начале 1905 г. сельскохозяйственные забастовки были замечены в 18 уездах; летом того года—в 45, а осенью—в 58 уездах. В начале следующего года забастовки имели место в 31 уезде, летом они распространились в 157 уездах. Осенью они еще бывали в 15 уездах, а затем пошли на убыль пока к концу 1917 года не замерли окончательно.

Таким образом сельскохозяйственная забастовка-самый распространенный вид крестьянского движения в 1906 году; этот путь так полюбился крестьянам, что оттеснил на задний план и заменил собою все иные пути борьбы за лучшую долю, даже и столь нравившийся крестьянам осенью 1905 г. путь „разборки“ помещичьих экономий. Крестьяне хорошо оценили с течением времени все преимущество мирного разумного средства борьбы перед погромами и поджогами.

Вот как описывал такую забастовку один из крестьянских делегатов на с‘езде Крестьянского союза в Ноябре 1905 г.

В северной части Сумского уезда Харьковской губернии есть имение в 12 тыс. десятин. В один день и час все работники, вся прислуга ушли и огромная экономия сразу осталась с одним управляющим. Он один ничего не мог сделать, обратился к крестьянам и они пришли к нему на помощь. „Мы-рассказывал делегат--сказали ему, что скот есть национальная (народная) собственность и мы сохранили ее для народа. Мы предложили людей с платой по 1 руб. (в день), но с условием, чтобы управляющий не смел обращаться к ним, а только в (забастовочный) комитет и не смел обращаться на „ты“: пусть он знает, что крестьяне не ему служат. Эти условия были приняты, но потом управляющий нашел их для себя стеснительными и выхлопотал себе казаков. Казаки за скотом не стали ухаживать и волы стали дохнуть. Управляющий, не зная, как развязаться с казаками, и сам бежал из экономии. Победа осталась за крестьянами, которые составили приговор: ничего не трогать в экономии.

В других случаях помещику с полицией удавалось сор-

вать забастовку. Вот напр., что рассказывал киевский делегат на том-же с‘езде.

„Трудно-жить: у помещиков земли много, у крестьян мало; заработок в день 20 коп. Мы посоветывались сделать маленькую забастовку. Помещик обратился к губернатору. Пригнали эскардон драгун, приехал губернатор, арестовал 4-х человек. Остальные говорят: „арестуйте и нас!“ А он говорит: „плети распустить!“ Распустили драгуны плети и пошли чесать... Ребята, как ягнята, сбились в кучу. Губернатор кричит: „Почему не работаете? Я вам покажу! Я вас растерзаю! Я все распишу на ваших спинах!“ Не работать! „А на чем работать?“...

Как видно из этих рассказов, при забастовках крестьяне действовали дружно и стойко, по предварительному сговору и не производили сами никаких бесчинств и насилий. В некоторых местах эта организованность и порядок при забастовках были очень хороши и сказывались во всем. Выбирались особые стачечные комитеты, которые и руководили действиями забастовщиков. Иногда условия, которые пред‘являли забастовавшие крестьяне помещикам, обсуждались на сходках и закреплялись мирским приговором, единодушно соблюдавшимся. Так, в Козловском уезде Тамбовской губ., сходы устанавливали цены на рабочие руки, и уполномоченные от сел следили за выполнением этих условий; по постановлению сходов, сельские рабочие снимались с работ в экономиях; плату за работы получали также эти уполномоченные, причем в некоторых случаях-половина ее шла обществу; в других местах забастовавшие, при помощи мира, устраивали кормление помещичьего скота во время забастовки, охраняли помещичье имущество от расхищения и вообще следили, чтобы не было никаких беспорядков: „Мы озорства не допустим!“—говорили они.

В этой организованности и мирном ход забастовочной борьбы заключалось ее преимущество перед разгромами, и крестьяне во многих местах это хорошо понимали: „Не кровью и поджогами будем бороться, а мирным путем“—говорили они. Они знали, что „в законе не сказано, чтобы насильно заставлять на господ трудиться“. Поэтому они всячески старались при забастовке сохранить спокойствие и порядок. Но это им не всегда удавалось, так как помещики и особенно-

губернаторы прекрасно знали, в чем сила забастовки и старались ее сорвать, вызвав крестьян на какие-нибудь насильственныя действия. Из приведенного выше рассказа видно, как действовал приехавший усмиритель забастовщиков губернатор: он пустил в ход плети, чтобы заставить крестьян стать на работу.

Неудивительно, что такие вызывающие действия властей и помещиков раздраженная толпа забастовавших крестьян иногда отвечала насилием и разгромом экономии. Так, в Воронежской губернии мирное забастовочное движение превратилось в погром помещичьего имущества, после того, как власть и помещики своими действиями раздражили крестьян.

Рассмотрим теперь требования, которые пред'являлись забастовщиками

Там, где помещики вели свое хозяйство с помощью наемных рабочих, забастовщики требовали сокращения часов рабочего дня, улучшения пищи, жилища, обращения и пр. условий труда рабочих; кроме того они устанавливали наименьший размер, ниже которого хозяин не должен был платить за работу. В некоторых случаях крестьяне, по примеру городских рабочих, требовали, чтобы помещик нанимал не отдельных рабочих, а заключал один общий, обязательный для обоих сторон, договор с рабочими через стачечной комитет или через председателей от рабочих. Наконец, часто крестьяне требовали. чтобы помещик нанимал только местных крестьян, а не пришлых со стороны; последних позволяли нанимать только в случае недостатка своих.

Выставляя такия требования, крестьяне действуют, как сельские рабочие: они *борются за улучшение своего положения как наемные рабочие в чужом нетрудовом хозяйстве.*

Однако, не всегда такова была истинная цель крестьянских забастовок. Там, где в экономиях работали не батраки-безземельные и бесхозяйственные люди, а трудовые сельские хозяева-крестьяне, они стремились не столько к улучшению условий своего труда в чужом нетрудовом хозяйстве, сколько к остановке и полному прекращению этого хозяйства. Как и при „разборке“ экономий, крестьяне-забастовщики в глубине души хотели выжить помещиков из деревни, согнать с их земли, чтобы тем самым вынудить их отдать землю крестьянам. Поэтому часто они при забастовке, пред'являли такие

требования, которые оказывались для помещика явно убыточными и совершенно невыполнимыми. Напр., назначали ни с чем не сообразную поденную плату или плату за уборку десятины посева и пр. Так, в Речицком уезде Минской губ. подняли цену за обработку десятины с $2\frac{1}{2}$ р. до 6—7 руб. „Мы плакали, а платили (за землю); теперь пускай они заплатят“—говорили крестьяне. „Везде господишек выгоняют: вот и наши хотят“—об'ясняли они устройство забастовки.

Таким образом, забастовка, перенятая у рабочих крестьянами, в их руках превращалась в борьбу за землю с помещиками; это новое рабочее, пролетарское средство пускалось в ход для достижения чисто крестьянских, аграрных целей.

Эта скрытая настоящая цель крестьянских забастовок еще более выступает наружу тогда, когда к забастовке прибегают не крестьяне, работающие на помещичьей земле, а крестьяне-с'емщики этой земли.

Сговорившись между собою, одни из них вовсе отказываются снимать землю у помещика, и других, посторонних, не допускают до этого.

Тогда помещик лишается обычного дохода и земля для него теряет всякую цену, так как завести сразу—же новое хозяйство на наемном труде он, конечно, не может. На это крестьяне и бьют: если помещику нельзя будет попрежнему владеть землею, сдавая ее в наем, он принужден будет продать или отдать ее забастовавшим крестьянам.

В других случаях крестьяне устанавливают сами цену за наем помещичьей земли и делают стачку, чтобы не давать больше условленного и других не допускать снимать эту землю. При этом опять таки цены устанавливались часто нарочно такие низкие, чтобы у помещика пропала всякая охота далее владеть землею.

Наконец, иногда крестьяне самовольно снимали в аренду помещичью землю на желательных для себя условиях; здесь был уже прямой захват земли, во временное пользование, однако в надежде, что это пользование превратится поневоле в постоянное владение.

Во всех этих случаях арендаторских забастовок явно проступает истинная скрытая цель крестьян: борьба с помещиком за владение землей, выживание его из деревни.

Впрочем, не всегда бастующие крестьяне арендаторы име-

ли намерение вынудить помещика к отказу от земли навсегда; были и такие забастовки, которые клонились к тому только, чтобы снять чужую землю на выгодных для себя условиях. Так, напр., бывало, когда забастовщики арендаторы требовали, чтобы помещик не сдавал землю в одни руки больше, чем сколько ее может обработать своими силами крестьянская семья или—же, требовали чтобы земля сдавалась не отдельным арендаторам, а всему миру для уравнительного раздела между всеми, в ней нуждающимися. Случалось что крестьяне настаивали лишь на сдаче земли прямо им, минуя всяких посредников, которые снимали сразу большое число десятин и затем пересдавали ее по мелочам отдельным крестьянам. Устранения таких „прасолов“ и требовали в подобных случаяхзабастовщики арендаторы.

Это движение арендаторов замечалось почти всюду, где только помещики жили сдачей земли в наем „на года“ мелким крестьянам. В 1905 году забастовки арендаторов были замечены в 25 уездах, а летом следующего года—уже в 70 уездах. Забастовки крестьян, обрабатывавших чужие земли, в виде-ли рабочих, в виде-ли арендаторов захватили все вместе летом 1906 г. 227 уездов из 478, т. е. до 47$^0/_0$—чуть не половину всей коренной России.

Это ясно показывает в какую сторону шла борьба поднявшегося крестьянства, куда оно направилось в своем движении: от простых захватов помещичьей собственности крестьяне все чаще и чаще прибегали к организованным разумным действиям ради определенной цели, заранее обдуманной цели; от разгромов и поджогов помещичьего имущества они шли к мирным средствам, требующим не разрушения, а дружной и стойкой работы над улучшением своего положения; от разрозненных действий по одиночке, в разброд, „кто во что горазд,“ они все охотнее обращались к таким действиям, которые требовали участия всех и одинаковости их поведения до конца по одному общему плану; наконец, от применения „своих средств,“ заставляющих прятаться, как напр., поджоги, они старались перейти к таким видам борьбы, которые побуждают действовать открыто, на виду у всех: к забастовкам, устройству комитетов, посылке депутатов для переговоров с помещиком и т. п.

Значит, понемногу росла в крестьянском движении и организованность и творческий мирный дух и сознательность. Из

бунта голодных людей крестьянское движение все явственнее и явственнее превращалось в массовое стремление целого класса, *в борьбу трудящихся земледельцев за свои интересы.*

Еще в начале 1905 года крестьяне делают попытку сорганизоваться в один всероссийский крестьянский союз и действовать по общему согласию и обдуманному плану. Нужда в таком союзе для борьбы за крестьянские интересы особенно ясно чувствовалась наиболее развитыми и передовыми крестьянами, которые и пытались сначала у себя на местах устраивать мелкие союзы. Некоторые из крестьян напр. в Саратовской и Черниговской губерниях, примыкали при этом к партии социалистов революционеров, другие, как во Владимирской губернии — к социал-демократам, третьи — в Киевской губ., к Украинской радикальной партии и т. д. Но партийные организации не могли захватить в себя множество рядовых крестьян, так как они еще боялись идти против царя, а призывы к вооруженному восстанию их отпугивали. Даже в конце 1905 года в самый разгар крестьянского движения, передовые крестьяне сознавались, что рядовая, серая крестьянская масса не пойдет за ними на крайние и кровавые средства. Так, делегат Минской губернии на ноябрьском крестьянском с'езде заявил прямо: „Если-бы я явился сейчас в свою деревню и начал призывать крестьян к вооруженному восстанию, я-бы всех или громадное большинство оттолкнул от себя“. Тоже самое говорили тогда представители Московской, Костромской и др. губерний.

К тому же партийные крестьянские союзы или братства должны были действовать тайно, скрываться в подполье и уже поэтому одному были недоступны и подозрительны для массы крестьян.

Между тем нужда в союзе, который бы мог *всех* об'единить и вести открыто в борьбу за крестьянские интересы, была очень велика и неотложна. Вот почему такой успех имела попытка бр. Мазуренко на Дону основать открытый для всех, а не подпольный, всероссийский Крестьянский Союз, который должен был взять на себя защиту интересов трудовых земледельцев, действуя законными и мирными средствами.

Весною 1905 года, пользуясь указом 18 февраля, разрешавшим всем жителям России доводить до сведения царя через особые ходатайства о своих и общегосударственных нуждах, бр. Мазуренко начали созывать сельские сходы и на них

составлять приговоры о нуждах крестьян и их желаниях; в этих-же приговорах часто содержалось и постановление о присоединении к Крестьянскому союзу. Тяга к организации была так сильна, что целые сельские общества Донской области записывались в союз. Отсюда этот союзный дух перекинулся в соседние губернии и Крестьянский союз начал быстро расти. В мае месяце собрание крестьян Московской губернии наметило цели союза и его внутреннее устройство. А в конце лета (31 июля.—1 августа ст. счета) состоялся и первый с'езд представителей союза, который разработал эти вопросы более подробно. Но особенный расцвет Крестьянский Союз получил после 17 октября, когда он мог действовать открыто и за участие в нем сначала не решались преследовать. В начале ноября 1905 г. (6—10 числа старого счета) в Москве собрался второй с'езд делегатов Крестьянского Союза; на нем присутствовало 187 представителей от 27-ми губерний или от 75-ти уездов. Из них 56%, т. е. немного более половины, были присланы волостными и сельскими сходами, прочие же явились от местных комитетов Союза. Из этих делегатов 145 или 17%, т. е. более $^3/_4$ были крестьяне; остальные интеллигенты, преимущественно сельские: учителя, врачи, земские служащие, гласные земства и пр; встречались среди них и священники, но очень мало.

Приехавшие на с'езд делегаты рассказывали о том, что происходит у них в деревнях, и обсуждали вопрос: каковы должны быть цели Крестьянского Союза и его образ действий. Из этих рассказов выяснилось очень хорошо настроение крестьян как раз в самый разгар аграрного движения. Оказалось, что среди участников Союза было больше согласия насчет того, чего следует добиваться; но было мало единодушия насчет средств для достижения общих целей.

Как и следовало ожидать, главная нужда крестьян всей коренной России была в земле. Но в промышленных местностях, как Московская и Владимирская губернии, а также на многоземельных окраинах вроде Новороссии, к этому вопросу крестьяне были довольно равнодушны и для них на первое место выступил вопрос об улучшении их положения в России путем снятия с крестьян тех стеснений и податного ярма, которые остались на них от времен крепостного права: уравнение с прочими крестьянами перед законом, освобождение от опеки

земских начальников, справедливое распределение податей, участие в земстве и т. п. вопросы о правах были для них важнее всего. Наиболее передовые крестьяне таких местностей присоединяли к этому еще и желание, чтобы выборные от народа участвовали в управлении государством.

Однако в огромном большинстве местностей эти вопросы о правах отступили назад перед земельным вопросом. „Пахать мало, лесов и покосов нет. Как пополнить?“ Вот о чем была забота крестьянина. И на этот коренной вопрос крестьяне отвечали очень различно.

Одни готовы были удовлетвориться простой прирезкой земли. Так, крестьяне 7 деревень Краснинского уезда Смоленской губернии составили приговор, что если им земли не нарежут, они работать на помещика не будут, сделают забастовку, будут пускать лошадей на покос. Подобно этому и крестьяне Юрьевецкого уезда Костромской губ. пришли к заключению о необходимости увеличить наделы на счет прочих земель казенных, помещичьих, но в вопросе о том, кому именно должна принадлежать земля, крестьяне колебались. Одни находили, что она должна быть государственной, а не частной, но другие стояли за частные наделы; в конце концов решили предоставить этот трудный вопрос решению народных представителей.

Не было сомнения, что для наделения крестьян следует взять землю у помещиков и казны. При этом некоторые полагали, что земли дарственные, т. е. те, которые были подарены помещикам царем, следует отобрать без выкупа, благоприобретенные-же помещиками (т. е. купчие)—за выкуп. Но большинство стояло за бесплатное отобрание всех помещичьих земель. Что-же касается купчих земель других собственников, то в одних местах, как напр., в Курской губернии, крестьяне незнали, следует ли также отобрать землю у мелких землевладельцев. Решили положиться в этом трудном деле на разум народных выборных.

Решая вопрос об отобрании помещичьих земель, крестьяне по большей части не сомневались в своем праве на эти земли. „Мы требуем не чужого, а своего, нам искони принадлежащего— земли и нами сработанного и у нас отнятого—хлеба“—говорил на с'езде делегат Смоленской губернии. Сознание, что земля должна принадлежать трудящимся, пробивалось всюду среди

крестьян, особенно в местностях с общинным строем и уравнительными переделами: „Я думаю, сказал Киевский делегат, Бог сотворил и небо и землю. Как Бог сказал: „плодитесь и размножайтесь и владейте землею“, то и народ России должен владеть землею“. В том-же духе говорили и другие представители: „земля, как воздух и вода,—всему народу“ (Черноморский делегат).

Меньше единодушия заметно в мнениях о том, как-же народ должен владеть землею. Большинство склонялось к тому: что земля должна быть общей собственностью всего народа, но одни представляли себе дело так, что народ будет владеть ею через государство, другие — думали, что земля поступит во владение общин (сельских обществ). Наделяться этой землей по уравнительной разверстке будут только те, кто сам на ней работает. „Мы требуем — заявил Харьковский делегат — чтобы та-же свобода, которая 19 февраля 1861 г. раскрепостила человека, последовала и относительно земли: земля должна быть раскрепощена! Она должна быть общей собственностью народа, а земская волость—ею заведывать“. В Смоленской-же губернии крестьяне высказывались за передачу земли общинам. Так-же и в Саратовской губернии составляли приговоры о переходе земли в собственность сельских обществ. Более передовые из Саратовских крестьян, находившиеся под влиянием социалистов-революционеров, думали при этом, что это—лишь временное владение, пока не соберутся народные представители, которые и распределят землю. В Костромской губ. крестьяне постановляли, что земля должна быть государственной собственностью, а не частной. Обсуждавшие земельный вопрос крестьяне Орловской губернии признавали, что земля должна быть государственной с наделением ею всех желающих. В этом же смысле высказывались крестьяне Ярославской и мн. др. губерний на с‘езде. Киевский делегат напр., заявил, что вся земля должна быть в общем владении всех крестьян и пользоваться ею должен тот, кто обрабатывает ее сам.

Но некоторые сообщали, что среди крестьян есть и сторонники частной земельной собственности. Так, Московский делегат, побывавший не только в своей, но и во Владимирской, Ярославской, Виленской и др. губерниях, свидетельствовал, что „многие из крестьян стремяться к частному землевладению; они спят и видят, чтобы у них был клочек земли, чтобы им

никто не мешал". Делегат Владимирской губернии рассказывал, что когда толковали у них о земле, то мелкие собственники, имеющие купчую землю, „смущались вопросом об общей собственности" и спрашивали „лучше-ли это будет?"

Вообще заметно, что вопрос о том, как владеть отобранной у помещиков землей, не был ясен для *рядовых крестьян.* Хотя большая часть их и соглашалась, что землею должен владеть „весь народ", что она должна быть „общей собственностью", но как это сделать, множеству людей это не было ясно. Повидимому, чаще всего думали, что земля эта пойдет в разверстку для дополнения наделов, полученных при об'явлении „воли" и владеть ею будут так же, как и прежними наделами: там, где землю уравнивают, склонялись к продолжению этого порядка и впредь, там-же, где владели наделами наследственно, думали, что и новые наделы поступят в постоянное и бессрочное пользование семей. Словом, крестьянам, не находившимся под влиянием проповеди социалистов, желательные земельные порядки не были ясны, но в общем они рисовались им в виде обращения помещичьих земель в трудовое надельное землевладение и слияния в этом смысле с прочими надельными землями. Вся Россия представлялась им единым, земельным строем—строем трудового надельного владения землею; у одних это владение соединялось с уравнительными переделами, у других с семейно-наследственным пользованием. Но ни те, ни другие не видели в этом будущем, желательном им земельном строе чего-то нового, необычного, революционного. Наоборот строй этот казался им скорее лишь возвратом к старинному, исконному трудовому земельному порядку—и только.

Еще более разногласий вызвал вопрос о том, *как добыть землю народу.* Здесь обнаружилось три главных явления.

Большая часть делегатов стояла за то, чтобы действовать мирными средствами, постепенно и осторожно.

Так, делегат Ярославской губернии заявил, что вся надежда крестьян на законодательное собрание, правильно избранное народом. „Решить вопрос (о земле) желаем мирно, путем соединения в Крестьянский Союз." Стало быть, по мнению этого делегата земля должна отойти к народу по закону, изданному народными выборными, а добиваться такого закона крестьяне должны, действуя в союзе друг с другом, путем

крепкой организации. Поэтому некоторые крестьяне осуждали и самовольные захваты помещичьей земли. Так, по рассказу делегата Черниговской губерии, крестьяне Новозадковского уезда захватывали только ту помещичью землю, которую считают своею; бесспорно-же помещичью землю не трогают. А когда крестьяне соседних уездов Киевской губернии стали делать такие захваты, то их останавливали, говоря: „Что-же вы захватываете, а другие—нет. Выйдет потом неладно-ссора." А вот есть Крестьянский Союз, который говорит, что земля должна быть общая и никакого прикрепления к земле не нужно". И киевляне одобряли такое решение. Еще более решительно за мирное достижение целей высказывался делегат Новороссийской губернии: „Движение у нас без ужасов и крови .. Население наше хочет, чтобы всероссийский пожар потух и решение шло мирно. Наша аграрная (земельная) программа: Земля, как воздух, вода-всему народу... Передана она должна быть не иначе, как Учредительным Собранием." В том-же смысле говорил и делегат Симбирской губернии: „Мирным путем, без крови, хотим передать землю в общую собственность народа".

Представитель Смоленской губернии так-же заявил, что „крестьяне не желают жертв и погромов, они желают народного правления, которое и может без крови разрешить земельный и другие вопросы".

Московский делегат даже прямо сказал, что земельный вопрос крестьяне считают возможным разрешить *лишь законным путем*.

Ненужность погромов и насилий казалась сторонникам этого мнения совершенно очевидной, так как главную силу крестьян они видели в их единодушии и организованности. „Предлагаю неустанно проповедовать—настаивал делегат Черниговской губ.—что мы завладеем землей, но завладеем законными путями, через законодательное учреждение... А в грабежах нет заслуги: нельзя расхищать народное богатство. Нужно связать массу крепкими стальными узами. Когда сознание проникнет в массу, тогда дело выиграет. Нужна организация. В одном селе хотели было разграбить экономию, но я уговорил: нужно лучше соединяться в союзы, тогда будет сила не только на месте, но и по всей России." Делегат Минской губ. также заявил, что их крестьяне-против погромов и

не поджигали усадеб. Многочисленность крестьянства давала надежду на то, что Крестьянскому Союзу достаточно будет потребовать передачу земли народу, чтобы в законодательном собрании никто не осмелился противиться этой всенародной воле: если крестьян там окажется 1200 человек, а прочих сословий 200—300, то провести такой закон не представиться никакого труда: „Мы не партия, мы весь народ—говорил один из делегатов: будущий с‘езд будет всенародным.“

Тем менее, казалось им, было нужды в вооруженном восстании для добывания земли. „Все время дело шло у нас тихим и мирным путем--сообщал Харьковский делегат: мы и на будущее время так намерены действовать. У нас даже нет оружия. Против кого мы будем вооружаться? Против помещиков? Да достаточно отнять у них прислугу, они и сами разбегуться! Против солдат? Но ведь они наши братья и дети... Правительство-же разваливается!...'

А делегат Московской губернии даже прямо предупредил, что если Крестьянский Союз сделает постановление о вооруженном востании. то им придется выйти из Союза, потому что „если я приеду к товарищам, и призову их к оружию, они за мной не пойдут.“ Костромской делегат подтвердил тоже, что крестьяне их местности „никогда не решатся на вооруженное восстание“.

Таково было наиболее распостраненное мнение делегатов ноябрьского с‘езда Крестьянского Союза.

Но наряду с ним было и другое, которое стояло за крайние средства добывания земли и не останавливалось перед кровавым путем борьбы.

Этого мнения держались главным образом Саратовские делегаты и их поддерживали представители некоторых других местностей.

„Как мы можем говорить крестьянам. „мы не хотим крови! Говорите это правительству Мы долгие годы искали свою долю, мы поднялись; мы ввели порядок: землю нашего помещика мы определили во временное управление общины, мы хотели мира, а правительство прислало пушки и пулеметы. Организоваться нужно, но для борьбы: в борьбе прольется кровь; но если будет то, что теперь, то в тысячу раз больше прольется крови!...“ Так говорили Саратовцы на с‘езде. Но речи их вызвали сильное неудовольствие многих делегатов.

Один из них простодушно признался: „Мы все боимся крови... Необразованный человек боится крови: он боится и за правительство и за государя и за всех.“ Другие просили не допускать на с‘езде призывов к вооруженной борьбе.

Впрочем, далеко не все представители крестьянства оказались так робки. Среди них нашлось порядочное число таких, которые не отказывались во что бы то ни стало от вооруженной борьбы за землю, но считали необходимым раньше, чем браться за оружие, испытать все мирные средства и особенно—силу союзности, сплоченности, организованности. Они предлагали итти мирным путем, но быть всегда готовым и к вооруженному отпору врагам.

„Мы больше надежды возлагаем на Государственную Думу,—сказал делегат Симбирской губ.: но если она ничего не даст, то поднимем дубину.“ Один из Московских представителей высказал эту мысль более подробно: „Нам нельзя так думать, что все нам сейчас-же дадут, что мы потребуем... Нужен нажим, но не в форме выстрелов и резни: мы не можем вооружиться. В организации-сила; тогда нам не нужно будет стрелять и рубить: мы поднимем дубину. Наши представители в законодательном собрании должны опираться на силу внизу, эта сила-организация. Мы не должны всецело полагаться на наших представителей, мы должны держать дубину на готове. Поднявши ее, нам может быть, и не нужно будет ее опускать; но если безумие настолько уже овладело нашими опекунами, что они уже ничего не послушают, то нам и придется опускать ее, но только в некоторых местах.“

Сторонники этого среднего мнения предлагали быть готовым к борьбе за землю весною 1906 года. Если правительство откажется удовлетворить всенародное требование насчет земли, тогда Крестьянский союз должен подать знак к всероссийской сельской забастовке, которая и вынудит правительство и помещиков уступить. Так, делегат Орловской губ. от лица своих товарищей высказался за всероссийскую забастовку, как последнее решительное средство борьбы. „Вообразите, что в один прекрасный день вся Россия забастует. Крестьяне уйдут от помещика и помещик будет вынужден отказатся от земли. Железные дороги не будут возить войска, солдаты не захотят стрелять в своих отцов и братьев. Инженеры, доктора, учителя, чиновники-тоже забастуют. Правительство, конечно, сдаст-

ся. Возьмем крепость правильной осадой, но прежде пусть соединится в одно вся Россия.“ Другие предлагали, если землю не дадут крестьянам по закону, то одновременно по сигналу Крестьянского Союза всюду запахать ее самовольно. Если землю у помещиков не отберут, то запахать“—говорил Воронежский делегат.

К этому среднему мнению и склонилось в конце концов решение большинства Ноябрьского с‘езда Крестьянского союза: требовать издания закона о передаче всей частновладельческой земли народу. Если-же требование это не будет удовлетворено, то прибегнуть к всеобщей земельной забастовке. Точно также на преследование Крестьянского Союза правительством с‘езд грозил ответить отказом от поставки рекрут и платежа податей, от пользования сберегательными кассами и винными лавками.

Таким образом, с‘езд Крестьянского Союза обнаружил, что большая часть передовых, сознательных крестьян была против погромов и поджогов, боялась и избегала вообще всяких кровавых средств борьбы; все свои силы она направляла к тому, чтобы „всероссийский пожар потух“ и решение земельного вопроса шло мирно; по выражению одного из делегатов, крестьянам хотелось добыть землю „тихим и мирным путем,“ так, чтобы „не отдавить никому и мозоли.“ Все свои надежды они возлагали на великую силу народного единодушия, на организацию всего народа в один многомиллионный Крестьянский Союз. Скрепя сердце решилась эта передовая часть крестьянства поднять и держать наготове „дубину,“ на всякий случай, надеясь, что не придется всетаки ее опустить.“

Но надежды эти не сбылись. Правительство и помещики скоро оправились после первого испуга и принялись за свои старые средства-усмирение поднявшегося на борьбу народа. В ответ на угрозу всероссийской крестьянской забастовкой со стороны Союза правительство издало закон, об‘являющий сельские стачки уговным преступлением, и ввели снова круговую поруку при уплате помещикам убыков, причиняемых розгромом их имений. В места, где происходили весною и летом 1906 года крестьянские забастовки, правительство посылало войска и казаков, прибегало к порке крестьян и т. п. жестоким наказаниям.

Все это озлобляло крестьян и часто заставляло их опять

возращаться к тем приемам борьбы, которые они сами считали нехорошими и осуждали: к поджогам, погромам, потравам и запашкам. „Когда мы были сильны-признался делегат Минской губ.—мы добивались своей цели мирным путем забастовки; когда-же не могли сговориться, прибегали к поджогам и т. п. средствам.

Так правительство помешало крестьянам создать единый сильный союз для борьбы за крестьянские интересы, прежде всего-за землю. Вскоре-же после подавления вооруженного востания рабочих в Москве, в декабре месяце 1905 года, правительство, почувствовав свою силу, начало преследовать Крестьянский Союз и помещало ему сделаться руководителем крестьянской борьбы.

Поэтому движение пошло в разброд, и план действий, намеченный на Ноябрьском крестьянском с'езде, остался не выполненным. Весною 1906 года созыв Государственной Думы привлек к себе внимание крестьянской громады, которая все свои надежды возложила на избранных ею депутатов и от них стала ждать лучшей доли. Депутаты, среди которых было много передовых, но беспартийных людей, соединились в Думе в один союз под названием „трудовой группы". В ней насчитывалось до сотни депутатов, что составляло приблизительно пятую часть всех членов.

„Трудовая группа" прежде всего занялась вопросом о земле. Выработанная ею программа была очень похожа на те пожелания, которые высказывались делегатами крестьянского с'езда осенью 1905 года. Именно, „трудовики" требовали: 1) обращения всех земель, кроме надельных и трудовых купчих, в общенародную собственность 2) запрещение купли—продажи земли и вообще всякой торговли ею, как товаром; 3) ограничения прав наследования земли; 4) принятия мер к тому, чтобы земля не собиралась в большом количестве в одних руках. Общенародной землей должны распоряжаться народные представители, а на местах—земства, правильно избранные всем народом. Пользоваться—же общенародной землей могут все, трудящиеся на ней лично, но не более, как в том количестве, какое они в силах обработать. При недостатке земли устанавливается очередь наделения: сначала удовлетворяются из общенародного запаса безземельные, затем—малоземельные и т. д.

Таким образом, мы замечаем, что в своей аграрной прог-

рамме „трудовики“ подробно раз'яснили в духе крестьянских желаний вопрос о том, как именно следует владеть и пользоваться общей землей.

Но при этом они пошли дальше, чем летали думы рядового, серого крестьянина. Под влиянием социалистов—революционеров „трудовики“ особенно настаивали на том, чтобы земля перестала быть товаром и чтобы пользование ею было уравнительным.

В Думе, однако, „трудовиков“ было всего пятая часть и потому им не удалось провести полностью своей программы. Более многочисленная партия „кадетов“, среди которых было немало помещиков и купцов, соглашалась только на некоторые уступки крестьянам в земельном вопросе. Поэтому в адресе, представленном всей Государственной Думой Николаю II-му, признавалось необходимым лишь принудительное отчуждение по „справедливой оценке“ части владельческих земель для наделения ею малоземельных и безземельных.

Но и такое скромное дополнительное наделение встретило решительный отпор со стороны правительства и стоявшего за его спиной большинства дворянства. В „декларации“ (заявлении), прочитанной в Государственной Думе 13 мая (старого счета) 1906 г., правительство ответило, что частная земельная собственость „неприкосновенна“ и всякое „принудительное отчуждение“ ее „совершенно недопустимо“. И потом, немного позже, 20 июня в особом обращении к народу правительство об'яснило свой отказ тем, что оно лучше понимает пользу и настоящие нужды крестьян, чем Государственная Дума. Правительство старалось при этом доказать, что „принудительное отчуждение“ частных земель в пользу крестьян невыгодно последним, так как оно лишит их заработка; уравнивание-же земель еще более вредно, так как при этом обеспеченные землею лишается значительной части ее, а остальные получат лишь небольшую прибавку, ибо земли на всех не хватит. От „принудительного отчуждения“ за вознаграждение, по мнению правительства, выиграют только помещики, которые вместо земли получат деньги, крестьяне-же обнищают, а государство—раззорится.

Государственная Дума попыталась-было опровергнуть эти доводы и рассеять туман, который своим заявлением напустило правительство; оно обратилось к народу с особым воззва-

нием по земельному вопросу. Тогда правительство, боясь, что народ в споре о земле встанет на сторону Думы и та сделается сильнее правительства, поспешило, пока еще не поздно, распустить депутатов и закрыть Думу, назначивши на весну новые выборы. Оно надеялось, что к тому времени ему удастся крутыми мерами справиться со всеми своими врагами и новая Дума будет его послушной слугой. Надежды эти обманули его. Но в одном оно, несомненно, выиграло: вместе с Думой пали и те упования на решение земельного вопроса по закону, тихим и мирным путем, которое возлагало на своих депутатов рядовое крестьянство.

И вот мы видим, что после разгона 1-ой Государственной Думы, крестьянское движение сначала снова усиливается и крестьяне пытаются своими собственными силами побороть помещиков и вырвать из рук их землю. Главным средством борьбы служат крестьянам в это время забастовки; но по недостатку союзного об'единения и вследствие преследований со стороны правительства, это мирное оружие часто оказывается недоступным крестьянам и они снова обращаются к поджогам, разгромам и захватам. А правительству это на руку. С этими насильственными средствами борьбы ему легче бороться, ибо у него в руках грубая сила—полиция, казаки, темные солдаты. В конце концов ему удается победить крестьян в этой борьбе и понемногу утишить волнение народного моря. Тогда правительство, под руководством министра П. А. Столыпина, берет на себя смелость своими собственными силами, не спрашивая народа, решить *за него* земельный вопрос *по своему*. Как оно это делало, мы скажем дальше, а теперь обратимся снова к крестьянскому движению взамен первой революции и рассмотрим некоторые вопросы, касающиеся его.

Во-первых, до сих пор мы еще не разобрали вопроса, кто-же именно принимал участие в этом движении?

Какие именно крестьяне были его главной силой? Безземельные или малоземельные? Середняки или бедняки? Как относились к движению богатые? Какое участие принимали собственники купчих земель?

Свидетельства, собранные из разных мест по этому вопросу, говорят о том, что принимали участие все слои деревенского рабочего люда, но главной силой поднявшегося крестьянства были не безземельные (напр., батраки) и даже не самые сла-

бые, напр. безлошадные хозяева. Первое место в коренной России всюду занимали среднезажиточные крестьяне, более смелые и не так задавленные нуждой. В некоторых действиях, особенно при рубке помещичьего леса и „разборке“ экономии, главная добыча сама собою доставалась на долю людей, имеющих больше лошадей и лучше обеспеченных хозяйственными орудиями. Даже и богатые крестьяне, пока не трогали их собственных земель и дворов, готовы были итти вместе с другими.

Против помещиков и они охотно выступали, считая их дармоедами, лодырями, белоручками, которые несправедливо владеют землею. Но стоило только где-нибудь поднявшимся крестьянам заговорить об отобрании у богачей из крестьян их купчих земель и „разобрать“ хуторок какого нибудь кулака, как богатые крестьяне делались самыми ожесточенными врагами движения и не задумывались вступить в кровавую борьбу с ним. Так, известно, какую междуусобицу подняли богатые крестьяне с. Малиновки Сарат. губ., когда прочие крестьяне покусились на их земли и хозяйства.

Дело дошло здесь до кровавого самосуда богатых над бедными. Подобные-же столкновения бывали и в других местах напр. в Черниговской губернии и из-за того-же. Но так как обычно крестьяне, захватывая помещичью собственность, не трогали „благоприобретенной“ богатыми хозяевами земли и имущества, то среди поднявшихся на борьбу жителей деревни царило часто полное единодушие и сплоченность. Все дружно стояли за одно и не выдавали начальству зачинщиков и главарей движения. Это и неудивительно.

Главным врагом, против которого боролись крестьяне, были помещики. В Саратовской губернии так и об'ясняли все движение: „бывшие крепостные добывают землю своего барина“. Они были твердо уверены, что земля бывших помещиков должна остаться тем, кто на ней работал во время крепостного права. „Мы панам робили (работали) панщину и земля должна принадлежать нам“, говорили быв. крепостные малороссы. И подобные свидетельства идут со всех концов из 30-ти уездов разных краев России.

Что-же касается купцов и других крупных землевладельцев не из дворян, то чаще всего они наряду с помещиками подвергались нападениям крестьян. Но не везде. Местами,

захватывая земли и имущество помещиков, поднявшийся народ не трогал купчих земель даже крупных собственников других сословий. Это показывает, что за ними он признавал больше прав на землю, чем за дворянами: в покупке земли ему чудилось скрытое трудовое право; земля, ведь, приобретена на „заработанные“ деньги, хотя-бы эти деньги и были добыты неправедным путем. Между тем земли дворян не только даны им царем „даром“, но еще и „заработаны“ уже давным давно крестьянами, их потом и кровью во времена крепостного права. Вот в чем заключался глубочайший корень той непоколебимой веры в свою правоту, которой дышат все слова и действия крестьян, захватывавших помещичью землю и хлеб. Право трудящегося на плоды его труда— основа и фундамент крестьянского понимания справедливости, понимания, воспитанного в нем искони веков непрерывным тяжелым трудовым житьем. Этим-же душевным складом трудового человека об'ясняется и то, что крестьяне щадили мелкую земельную собственность трудового сельского хозяина из своего-же брата. В нем они видели человека, справедливо владеющего землею, купившего ее на скопленные трудом гроши.

Отсюда видно, что движение поднявшихся крестьян было направлено целиком против нетрудового крупного землевладения—особенно-же против дворянского,—помещичьего: крестьне стремятся разорить гнезда старых своих „господ“, стереть с лица земли эти живые остатки ненавистного им крепостного права; эти имения они считают причиной всех своих несчастий и уничтожают помещичью земельную и сельскохозяйственную собственность, источник их могущества над народом.

Таким образом, аграрное движение первой революции есть прежде всего и глубже всего—*движение противодворянское и противокрепостническое.*

Этим аграрное движении 1905—1907 годов сильно напоминает прежние крестьянские волнения времен крепостного права; оно многими нитями с ними связано и является как-бы прямым их продолжением.

Но это сходство прежних и нового движений не должно заслонять от нас и их коренного различия.

Различие заключается в том, что теперь—предметом всех крестьянских желаний является *земля*, тогда как раньше таким предметом была *воля*. Раньше народ восставал, чтобы

сбросить с себя крепостную зависимость; теперь он восстал, чтобы сбросить с себя зависимость экономическую, источником которой он считал недостаток надельной земли. Раньше для него самым главным был вопрос об освобождении себя от власти помещиков, *вопрос о* личных, человеческих *правах*; теперь—главным для него является вопрос *о земле*, как основе хозяйственной самостоятельности. *То была борьба народа за волю, это—борьба за землю.*

Правда, и раньше, еще до отмены крепостного права народ ценил волю не одну, а с землей; будучи трудовым земледельцем, крепостной не мог представить себя свободным человеком без полной самостоятельности своего хозяйства, а эту самостоятельность он понимал как обеспечение достаточным количеством земли.

Обманутый в своих ожиданиях, получивши „волю" без земли или с недостаточным наделом, он не считал это дело оконченным: „воля" была неполна, она была без фундамента, ибо таким фундаментом должна была быть земля. И он тогда-же пытался отказаться от такой „воли", признавая ее ненастоящей. Но силы его были слабы и он покорился. Однако покорился временно, чтобы при первом-же удобном случае снова подняться за полную волю, для которой теперь не хватало главного—земли. Во время первой революции он и поднялся, чтобы довершить дело освобождения себя от власти дворян—помещиков, чтобы добыть полную *волю с землей*. Но так как воля, личная свобода, теперь у него уже была, то на первый план сама собою и выдвинулась *земля*. Эта внутренняя связь „аграрного движения" с крепостным правом одним участникам его была вполне ясна (вспомним приведенное выше заявление Харьковского делегата о необходимости раскрепощения земли!), другие же и большинство только смутно ее чувствовали.

Но так как в аграрном движении времен первой революции принимали участие и многочисленные крестьяне, никогда не бывшие крепостными (быв. государственные), то для них борьба *за землю* получила не только главное, но и единственное значение. Они-то, а равно и наиболее развитые и передовые из помещичьих крестьян, старались расширить и прояснить цели движения: из борьбы за возврат бывшим крепостным заработанной ими помещичьей земли они стремились

превратить это движение в борьбу за возврат всему трудовому люду всех земель, разными путями отошедших от него в нетрудовую частную собственность. Так из противодворянского аграрное движение имело склонность стать *движением против нетрудового земельного строя вообще*. В этом смысле и действовали на народ руководившие крестьянской громадой образованные люди и поддерживавшие их наиболее передовые, начитанные и сознательные из крестьян.

Эти последние кроме того старались тесно спаять крестьянское требование „земли" с требованием „воли", понимая под этим словом политическую свободу и народное управление государством. Но для массы рядового темного крестьянства связь между этими двумя требованиями была темна; оно по большей части тогда и понятия еще не имело о том, что такое политическая свобода и народовластие, а потому и желать их не могло. Наиболее наивные и робкие из крестьян, даже захватывая осенью 1905 года помещичью землю, искренно думали, что действуют по тайному царскому приказу и надеялись, что царь отберет землю у дворян, а вместо земли наградит их денежным жалованием. Только уже потом, после разгона І-ой Государственной Думы, серые и забитые жители глухих углов начали понемногу догадываться, что без „воли"—политической свободы—не добудешь и „земли".

Но все-же „аграрное движение" времен первой революции, как движение земледельческого класса России, было борьбою не „за землю и волю" (политическую свободу), а лишь „за землю"; оно было борьбою трудовых сельских хозяев за обеспечение своей хозяйственной самостоятельности, обеспечение через приобретение главнейшего из орудий их производства—земли.

Этим „аграрное движение" 1905—1906 годов коренным образом отличается от всех прежних крестьянских волнений в России, хотя оно и является всетаки их прямым продолжением. В нем есть и старое содержание, но есть и новое; на ряду с довершением прежнего дела и достижением прежних целей, есть и свое особое дело и особые важные цели.

Чего-же достигло аграрное движение времен первой революции? Каковы были его последствия?

Уже из предыдущего видно, что отобрания помещичьих

и др. нетрудовых земель в пользу крестьян и обращения этих земель в трудовые наделы аграрное движение не добилось.

Правительство отказало даже в какой-бы то ни было дополнительной нарезке наделов из частных земель. Но это еще не значит, что аграрное движение 1905—1906 годов прошло бесследно и бесплодно для земельного строя России и для ее народного хозяйства. Наоборот, аграрное движение имело важные последствия.

Первым самым быстрым и заметным действием аграрного движения было понижение арендной платы за землю и повышение заработка наемных рабочих в экономиях.

Так, в среднем по всей России пеший работник на своих харчах во время уборки хлебов получал: в 1904 году—68 коп., в 1905 году—67 к., 1906 г.—76 к., 1907 г.—78 к., в 1908 г.—76 к..

В год революции заработная плата под влиянием неурожая пошла было на понижение; но забастовки 1906 года остановили это падение и привели даже к повышению заработной платы, не смотря на продолжавшийся неурожай. Особенно это значение забастовок ясно сказалось в 1906 году по некоторым районам. Так, в срединных земледельческих губерниях плата сельскому рабочему возросла на 28 коп. с рубля, в юго-западных—на 22 коп., Литовских—на 20 коп. в Белорусских—на 13 коп. с рубля и т. п.

С другой стороны, цены на землю упали, как наемные, так и продажные. Испуганные помещики и купцы спешили сбыть с рук землю, которую у них, того и гляди, отберут даром. Тогда правительство поспешило на помощь землевладельцам и поддержало земельные цены на продаваемую землю.

Как сказано, оно еще в Ноябре месяце 1905 года предписало Крестьянскому Банку скупать частные земли для перепродажи крестьянам. Этим предписанием и воспользовались дворяне, чтобы выгодно продать свои земли казне.

Уже в Ноябре 1905 года, под страхом аграрного движения, было предложело Крестьянскому банку к покупке около полмиллиона десятин. В Декабре эта цифра перевалила за 600 тыс. дес., в следующем месяце—даже за 700 тыс. дес. Затем, когда первый испуг помещиков прошел, они стали предлагать с каждым месяцем все меньше и меньше земли к продаже; так продолжалось до весны. Но уже в Мае 1906 г., под влия-

нием нового разгара аграрного движения, землевладельцы снова начали усиленно предлагать имения Крестьянскому банку: в Мае ему предложили 580 тыс. дес., а в Июне уже 770 тыс. дес.. Разгон I-ой Государственной Думы и крутые меры правительства против крестьян несколько успокоили землевладельцев и они меньше имений предложили банку в Июле, чем в Июне; но затем с Августа они снова стали усиленно навязывать банку свои земли: так, в Июле было предложено ему около 700 тыс. дес., в Августе около 850 тыс. дес., в Сентябре—более 900 тыс.; в Октябре предложения несколько понизились, но с Ноября, с подавлением крестьянского восстания, землевладельцы стали все более и более успокаиваться и придерживать у себя свою земельку: так, в Ноябре банку предложили только 382 тыс. дес. почти *вдвое* меньше, чем в Октябре и чуть не *втрое* меньше, чем в Сентябре. В Декабре-же предложено было только 312 тыс. дес., а в следующем 1907 году предложение земель, то повышаясь, то понижаясь по месяцам, ни разу уже не было больше 350 тыс. в месяц. Отсюда видно, что аграрное движение заставило землевладельцев продавать земли для перепродажи их крестьянам через банк в таком большом количестве, какого не знали ни прежние годы, ни следующие. Стоит сравнить, сколько было всего предложено Крестьянскому банку земель за годы аграрного движения, с тем, сколько их предложено было раньше и позже. А именно, в 1904 году банку предлагали менее 150 тыс. дес. всего. В следующем-же году предложено было около 2 мил. (1 мил. 839 тыс.) дес., а в 1906 году—даже около 8 мил. (7 мил. 705 тыс.) дес.. Но по мере того, как крестьянское волнение успокаивалось, предложение земель Крестьянскому банку все более и более сокращалось: в 1907 году было предложено еще около 3 мил. дес. (2 мил. 914 тыс.), в следующем—уже только немного более $1^1/_2$ (1,537) мил. дес.; а в 1909 году—менее полмиллиона (469 тыс.) дес.. Стало быть, за два года революции (1905—1906) частные землевладельцы соглашались продать более $9^1/_2$ (9,544 тыс.) мил. дес., между тем как за все время до революции было приобретено крестьянами через банк до 8 мил. дес.. Если взять земли, предложенные под живым страхом аграрного движения и в следующие два года, то придется прибавить к $9^1/_2$ мил. еще $4^1/_2$ мил. дес.; стало быть, всего на всего до 14 мил. дес. земли было пред-

ложело частными собственниками к покупке крестьянам через банк. Значит, своим аграрным движением народ как-будто одним сильным ударом перебросил великое множество земель из нетрудовых рук к крестьянам.

Гром, разразившийся над нетрудовым землевладельцем России в 1905—1906 годах, заставил его отказаться от части своей собственности и отдать ее крестьянам, хотя и не на тех условиях, как они хотели, и не без выгоды для себя, как мы дальше увидим. Но важно уже одно то, что земля стала усиленно передвигаться в трудовые крестьянские руки, передвигаться гораздо быстрее и обильнее, чем до и после аграрного движения.

Само собою понятно, кто именно предлагал свои земли крестьянам через банк: это были по большей части дворяне и при том такие, которые владели крупными имениями, не менее 500 дес. каждое. Уже и раньше, до аграрного движения, начиная с самой „воли“, дворянская земля уходила из их рук и в конце концов попадала в крестьянское владение. *Аграрное движение во много раз ускорило и усилило это обезземеление дворянства и окрестьянивание помещичьих земель.*

Значит, в конце концов аграрное движение, бывшее борьбою крестьян за землю, всетаки отчасти достигло своей цели: оно добыло крестьянам землю, но добыло *не всю* землю, добыло *не всем*, добыло *не даром* и не в трудовой надел, а в частную собственность.

Но этого мало. Аграрное движение имело еще то важное действие, что оно заставило и правительство и образованных людей и даже самих землевладельцев заняться решением земельного вопроса, заставило признать его самым важным, самым неотложным и трудным вопросом всей государственной и народной жизни.

С Ноября 1905 года земельный вопрос становится в России на первый план и заслоняет все другие вопросы. Само правительство вынуждено было сознаться, что крестьянская земельная нужда дошла до крайности и больше не может ждать.

Аграрное движение показало, какое решение земельного вопроса желательно народу, к чему именно он стремится. Но решение в духе народных желаний было вовсе не в интересах правительства и той отсталой части дворянства, которая под-

держивала правительство Николая II-го в его упорном нежелании пойти на уступки народу. И вот правительство пытается решить земельный вопрос само, и решить не только без помощи народа, но даже *вопреки* его желаниям. Усмирив силою аграрное движение, правительство под руководством главного министра П. А. Столыпина принимается за „землеустройство", чтобы раз навсегда покончить с прежним крестьянским земельным строем и водворить в России полное и безраздельное царство частной земельной собственности.

О том, как шло это Столыпинское „землеустройство" и к чему оно привело Россию, мы увидим в следующей главе.

Глава одиннадцатая.

СТОЛЫПИНСКОЕ „ЗЕМЛЕУСТРОЙСТВО" (1907—1913 ГОДА).

Начавшись бунтом голодающих крестьян, аграрное движение первой революции мало-по-малу превратилось в добывание помещичьих земель бывшими крепостными, а потом пошло и еще дальше—против всякой нетрудовой земельной собственности и капиталистического сельского хозяйства. Движение это грозило совершенно сломать нетрудовой земельный строй и водворить в России трудовое надельное землевладение. Для людей, живших доходами от частной собственности на землю и от нетрудового сельского хозяйства, становилось совершенно ясно, что если движение это не прекратится, то их богатой и привольной жизни придет скоро конец, а вместе с тем придет конец и их власти над народом, их всемогущему влиянию на управление государством. Такими людьми, такими нетрудовыми землевладельцами были в России преимущественно дворяне, еще не успевшие прожить своих имений и окончательно промотать отцовского имущества. Накануне аграрного движения дворяне владели еще 53 миллионами десятин из 102 миллионов дес. всей частной собственности, бывшей тогда в России, т. е. всетаки большей половиной. Если к ним присоединить еще купцов, владевших почти 17-ю миллионами десятин, то окажется, что до 70-ти миллионов десятин, т. е. около $^7/_{10}$ всей частной собственности находилось у заведомо нетрудовых вла-

дельцев. Но надо забывать, что 65 миллионов десятин в то время были в собственности всего лишь 28 тысяч владельцев, из которых у каждого имелось не менее 500 десятин.

Эти то крупные земельные собственники, состоявшие преимущественно из дворян, и оказались под угрозой аграрного движения: их собственность висела на волоске... Хотя их было и немного, десятка три тысяч на всю сто миллионную крестьянскую Россию, зато они были сильны и богатством и знатностью и близостью ко двору Николая II-го. А за ними стояла еще стотысячная толпа средних нетрудовых землевладельцев, имения которых были крупнее 50, но мельче 500 десятин. Они также дрожали за свою землю, но не могли собственными силами повлиять на правительство без помощи более богатых и могущественных крупнейших землевладельцев. Эти последние, действуя на правительство в своих собственных интересах, защищали в то же время и интересы своей „меньшей братии“, а эта „мелкота“ в свою очередь готова была их поддержать, когда это требовалось для общего натиска.

Вот эти-то земельные магнаты в союзе с средними и мелкими нетрудовыми землевладельцами и подчинили себе правительство Николая II, заставивши его действовать в их интересах при решении земельного вопроса, поднятого крестьянским аграрным движением.

Часть дворян устроила даже особый „Союз об‘единенного дворянства“, который и руководил при этом тайно действиями правительства после подавления им революции 1905—1906 годов. В лице-же министра П. А. Столыпина „Союз об‘единенного дворянства“ нашел умного и умелого руководителя действиями правительства по земельному вопросу.

П. А. Столыпин прекрасно понимал, что одними жестокими наказаниями и простой силой нельзя решить земельного вопроса. Он не пожалел, правда, народной крови, чтобы усмирить и рабочих и крестьян, чтобы восстановить в России порядок, выгодный нетрудовым классам. Но он знал, что этого одного мало; он понимал, что усмиренный, но недовольный народ побежден только на время, что он снова поднимется, как только соберется с силами, и к этому готовился. Он видел, что сила народа—в единении, в согласии, и решил во что-бы то ни стало разбить это единодушие и тем самым сделать невозможной победу трудового люда над нетрудовыми классами.

В этом именно духе и стал усиленно действовать П. А. Столыпин, как только ему удалось справиться с аграрным движением.

Позже, в одном из заседаний Государственного Совета, он говорил об этом сам: „Смута политическая и агитация революционная пустили тогда (в 1906 году) корни в народе, питаясь смутой социальной, которая начала развиваться в крестьянстве... Нужно было излечить коренную болезнь“... Иначе говоря, по мнению П. А. Столыпина, прежде всего было необходимо уничтожить „социальную смуту“, эту „коренную болезнь“ народа, „болезнь“, заключавшуюся в его попытке сломать нетрудовой земельный строй, посягнуть на частную собственность. Как говорил в другой раз тот-же Столыпин, нужно было „укрепить низы“ государства, подпереть расшатавшийся фундамент, каким для России было стомиллионное крестьянство. Но надежды на то, чтобы обратить *все* это народное множество из врагов нетрудового землевладения в друзей и защитников его, было слишком мало. Это доказала Столыпину и „об'единенному дворянству“ первая Государственная Дума. В нее правительство допустило довольно много крестьян, надеясь, что „мужик сер“, за царя готов в огонь и в воду, и потому крестьянских депутатов легко будет, как стадо баранов, гонять куда угодно и даже натравливать на образованных людей, требующих политической свободы и прав. Как сознавался сам П. А. Столыпин, эта ставка „на мужика“ была бита и правительство проиграло свою игру. Разогнавши непослушную первую Государственную Думу, оно и решило теперь действовать иначе, решило поставить на карту другую ставку: на *всякого* „мужика“ нельзя уже было положиться правительству и „об'единенному дворянству“; оставалось одно — поставить „ставку *на сильных и трезвых*“ мужичков, привлекши их на свою сторону и натравивши их на прочую крестьянскую массу, на „слабых и пьяных“. П. А. Столыпин решил опереться на богатых и имеющих собственную купчую землю крестьян, и с их помощью вступить в борьбу с деревенской голытьбой, жадной до чужой земли. Этих-то богатых и земельных крестьян он и называл „сильными“, их он считал единственными „трезвыми“ людьми в деревне, которая была, по его мнению, „пьяна“ от соблазна революционеров, звавших народ к завладению нетрудовыми частными землями.

Итак, П. А. Столыпин считал необходимым раз'единить

крестьян, разбить их единодушный натиск на „господские„ земли; надо было посеять рознь в самом вражеском стане, а таким станом для правительства и „об'единенного дворянства“ был теперь народ деревни.

Чтобы достигнуть этой цели, нужно было прежде всего лишить народ какой-бы то ни было организации, союзного об'единения, сделать из крестьян беспорядочную толпу, бессмысленную и не способную к борьбе с хорошо организованным врагом, каким было правительства и землевладельцы.

И вот первым делом правительства было разбить Крестьянский Союз, а затем — разогнать Государственную Думу. Но когда все это было сделано, П. А. Столыпин увидел, что дело далеко не кончено, так как у народа осталась еще организация, делающая из него сплоченную и единодушную силу: эта организация—мир, старинная община.

Община казалась тем более опасной правительству в настоящий момент, что она была всюду, существовала издавна, об'единяла всех крестьян в каждой местности. П. А. Столыпин знал, какую сплоченность имел мир, как он стойко и упорно отстаивал своих членов. Будучи во время аграрного движения Саратовским губернатором, П. А. Столыпин сам испытал на деле, как трудно правительству бороться со всем миром. Он видел сам, как мирской строй сослужил крестьянам великую службу во время аграрного движения, облегчивши им борьбу за землю.

Но особенно опасным казался П. А. Столыпину мирской строй там, где мир уравнительно владел землею и переделал ее.

Эта *земельная община* давала крестьянину готовый образец того земельного строя, которым он мог-бы заменить нетрудовое частное землевладение, завладевши „господскими“ землями. Их крестьяне, действительно, готовы были переделить уравнительно так-же, как они делили обычно свои мирские земли. Для них это было просто и привычно, но это-то и было всего опаснее для соседней с общинными землями частной дворянской и купеческой собственности.

Земельная община казалась защитником нетрудового земельного строя тем более опасной, что она рождала и питала в крестьянах дух земельного равенства и поддерживала среди них трудовые понятия о земле, как о наделе, необходимом одинаково всякому земледельцу. Ее, земельную общину с пе-

ределами, П. А. Столыпин и дворянство готовы были теперь считать главным виновником того, что русский народ не ценит частной собственности на землю, не уважает ее и не считает дурным отнимать ее у нетрудовых владельцев.

В виду всего этого первым шагом П. А. Столыпина в решении земельного вопроса и было нападение на крестьянскую Земельную общину: ее он решил уничтожить прежде всего, вырвать с корнем главный очаг, разжигающий „социальную смуту“, и разрушить самую прочную и старинную народную организацию, чтобы лишить крестьянство союзности, сплоченности и единодушия на будущее время. На место этого мирского земельного строя П. А. Столыпин хотел утвердить в России мелкую частную собственность, которую и он и дворяне считали теперь оплотом „порядка и спокойствия“.

Итак, переменить самый фундамент государства „укрепить низы“ народа на частном землевладении-вот в чем была задача Столыпинского „землеустройства.“

Разогнавши первую Государственную Думу и не дожидаясь, когда соберется вторая, П. А. Столыпин поспешил властью самого правительства тотчас-же приступить к решению земельного вопроса.

С этой целью 9 ноября (старый счет) 1906 года был издан очень важный указ об укреплении крестьянских наделов в собственность и о выходе крестьян из общины.

Указ этот предоставлял каждому общественнику укрепить в свое единоличное владение все те участки и полосы, которые в настоящее время находились в его пользовании по последнему переделу; но и после этого он оставался дольщиком в тех угодьях, которыми пользовался до укрепления надела сообща со всеми нераздельно, напр. выгонами. Если в чьем либо пользовании имелся излишек земли сверх того, что причиталось-бы ему по рассчету на наличные души, укрепленец сохранял за собою и этот излишек, вознаграждая только за него общество по выкупной оценке 1861 года. Наконец, укрепленцу предоставлено было право требовать от общества, чтобы оно выделило ему все его полосы и угодья к одному месту, в один отруб; общество-же, наоборот, не могло его к этому выделу принудить и должно было терпеть чересполосное владение с укрепленцем.

Для укрепления надела в собственность и выхода из об-

щины не требовалось согласия схода; укрепленец, правда, заявлял о своем желании миру и последний мог его удовлетворить добровольно; но если мир отказывался исполнить его желание, укрепление производилось без согласия общины властью земского начальника и уездного с'езда.

Что-же значил этот Указ 9 Ноября 1906 года для общины и крестьянства?

Он *разрушал общину*, так как отказывал мирской земле в охране ее законом от расхищения ее отдельными лицами из среды самого мира. Отныне всякий, приписанный к обществу, мог брать в свою собственность мирскую землю, а мир не имел уже власти остановить его и защитить свое общественное имущество. По частям это имущество могло быть расхищено, разобрано отдельными общественниками; из общинной, мирской собственности земля отбиралась совершенно бесплатно в частную личную собственность. Происходило как будто „принудительное отчуждение“ общинных земель в пользу частных владельцев. Первая Государственная Дума для решения земельного вопроса предлагала произвести „принудительное отчуждение“ частновладельческих земель в пользу нуждающихся крестьян; П. А. Столыпин указом 9 Ноября и делал такое „принудительное отчуждение,“ только это было „принудительное отчуждение на изнанку: Дума хотела заставить *частных владельцев* поступиться своими землями в пользу крестьян, громадное большинство которых были общинниками; указ-же 9 Ноября, наоборот, заставлял *крестьян общинников* отдать свою землю в частную собственность некоторым из них, захотевшим перестать быть общинниками.

Но этого мало. Отнимая у общины-мира власть препятствовать отчуждению земли в частную собственность отдельных лиц, указ 9 Ноября этим самым лишал мир-сход самого главного из его земельных прав-права распоряжаться мирскими землями по своему желанию; лишенный-же этой власти, мир переставал быть настоящим хозяином общинной земли и эта последняя из мирской собственности становилась просто временным общим владением нескольких крестьян-соседей. На самом деле: самая суть общинного-мирского земельного строя заключалась, ведь, в том, что ни один из членов этого земельного союза не имел власти над какой-бы то ни было раз навсегда определенной ему долей земли. Если в мире было,

10 общественников, то это вовсе не значит, что каждый из них есть хозяин $^1/_{10}$ доли мирской земли и может распорядиться ею по своему желанию, как и когда ему угодно. Нет, каждый из этих 10-ти членов мира имеет право лишь на *равное с другими* временное пользование общинной землей, а какая доля ему достанется, это зависит от власти *всего мира*, от решения схода, который один только может распоряжаться общинной землей. Поэтому сегодня каждому приходится по разверстке $^1/_{10}$ доля земли, а завтра может прийтись $^1/_{12}$ или $^1/_{20}$, если число членов общины увеличится, и, наоборот,—меньшая доля, если оно сократится. Не только все наличные члены мира, но и их будущие дети, являются, стало быть, хозяевами общинной земли, но хозяевами не поодиночке, а лишь все вместе, по воле большинства схода. „В мире, как в море,—говорят сами крестьяне—народ нарождается и умирает: потому и земля должна переделяться"...

Итак, связывая мир по рукам и ногам, не позволяя ему защищать свою землю от растаскивания ее по кусочкам отдельными общинниками, Указ 9 Ноября 1906 г. обращал, собственно говоря, общинное землевладение во временное совладение отдельных крестьян-дольщиков, в совладение впредь до раздела этой общей земли в частную собственность между совладельцами. Само собою разумеется, что тем самым намеренно портился и приводился в негодность весь уравнительный механизм общины. Добиться передела по новым душам было уже немыслимо, раз всякий домохозяин, которому грозила отрезка части надела, мог заявить желание укрепить за собою все полосы, полученные по старому переделу. Стоило только одному из таких большенадельных, но малодушных общественников подать на укрепление, как и другие за ним потянутся и тогда уравнивать будет уже нечего: не у кого будет отрезывать наделы в пользу прибылых душ и не из чего станет их наделять... К тому-же, черезполосное владение мирскими землями с укрепленными наделами не позволяло уже без согласия укрепленцев передвигать их полосы, а без этой передвижки и передел становился невозможным.

Таким образом, укрепление наделов вбивало клин в колеса уравнительного пользования мирской землей и тем самым не позволяло уже дальше двигаться общинной телеге. Уравнительные переделы должны были навсегда замереть и память о них

среди крестьян забыться: на это именно и рассчитывал П. А. Столыпин и его сторонники, издавая указ 9 ноября 1906 г. Вывести из управления переделы на крестьянских землях, сделать эти земли неподвижной, укрепленной навсегда за отдельными лицами частной собственностью—значило, по мнению тогдашнего правительства, все равно, что застраховать на веки вечные частное нетрудовое землевладение в России от нового аграрного пожара, от всякой попытки отнять у частных владельцев их земли и поравнять их между крестьянами. Если и среди крестьян окажутся повсюду укрепленцы, то они первые поднимутся против всякого уравнения и отобрания; они будут зубами и когтями до последней капли крови защищать свою собственную землю, а защищая ее загородят дорогу и к барской, нетрудовой земле. Из „укрепленцев" П. А. Столыпин и „об‘единенное дворянство" надеялись создать в деревне как бы особую гвардию для обороны частной земельной собственности против нападения на нее со стороны общинников и вообще земледельцев, предпочитающих трудовое пользование наделами.

Таков был истинный политический смысл указа 9 ноября 1906 г. об укреплении наделов в собственность. Но прямо об‘яснить его всему народу правительство, конечно, не решилось. Только потом, когда революция прошла, П. А. Столыпин раскрыл свои карты. А до тех пор и он и правительство старались иначе об‘яснить нужду в спешном издании указа 9 ноября 1906 г. и прикрывались при этом не чем иным, как заботами о благе самих же крестьян.

Дело в том, что по закону 19 февраля 1861 г., наделы крестьян, по выкупе их, становились собственностью выкупавших. Между тем с 1907 года выкупные платежи отменялись. Этим и вызывалось, по раз‘яснению правительства, спешное издание указа об укреплении наделов. Надо было дать крестьянам, выкупившим наделы, возможность стать настоящими собственниками земли и освободиться от стеснительной власти мира, общины.

В этом об‘яснении не все было ладно сказано: действительно, по закону 19 февраля 1861 г., наделы после выкупа их, переходили в собственность крестьян. Но в местностях с общинным землевладениям, т. е. во всей почти Великороссии и в Белоруссии, (а также—в части Малороссии), выкупали наделы не отдельные домохозяева, а общества, т. е. те-же общины. Следо-

вательно, после выкупа земля и должна была стать мирской, общинной собственностью. Те-же отдельные домохозяева, которые в 1906 году пользовались наделами, сами своих теперешних наделов не выкупали, а лишь принимали участие в выкупе *всей* общественной земли. Доля выкупа, которую они или их отцы действительно понесли на себе, могла быть и больше и меньше того надела, который был у них в 1906 году. И, наоборот, те, которые по последнему до 1906-го года переделу получили *мало* земли вследствие убыли душ, в их семьях могли понести в прошлое время гораздо более расходов на платеж выкупа, чем те, которые в 1906 году имели *много* земли по последнему переделу. Стало-быть, указ 9 ноября не только не возмещал всякому хозяину его затраты на выкуп надела, но и прямо лишал навсегда многих из них права получить столько земли, сколько они в действительности оплатили за 45 лет, протекших с „воли“.

Кроме этого об‘яснения, бившего на то, что народ плохо разбирается в трудных законах, П. А. Столыпин выставлял и другое об‘яснение, прикрывавшее политические цели. Указа 9 ноября 1906 г хозяйственными интересами народа. Он говорил, что общинное землевладение с его переделами и передвижками полос вредно для успехов сельского хозяйства: зная, что землю отберут во время передела, рачительный хозяин не станет ее удобрять и вообще—заботиться о ней так, как о собственной. Кроме того община требует, чтобы каждый вел свое хозяйство, так-же как и все другие: в одно время пахал, убирал хлеб, сеял одинаковые сорта и т. п. Следовательно, община не дает развернуться передовому хозяину, связывает его по рукам и ногам и тем самым задерживает успехи сельского хозяйства России вообще. Поэтому в интересах передовых сельских хозяев из крестьян и на благо всему народу, следует дать выход из общины всем желающим и переделы прекратить. Надо, по словам П. А. Столыпина, освободить крестьянина от рабства общины—мира, дать дорогу к улучшениям „сильным и трезвым“ хозяевам. Это и будет „вторая воля“, „настоящая воля“: положение 19 февраля 1861 г. не освободило крестьян от общины—в этом по мнению Столыпина, и заключалась беда, приведшая русскую деревню к обнищанию и крестьян—к малоземелью. Ошибку, сделанную 45 лет тому назад, и должен исправить указ 9 ноября 1906 г., раскрепощающий крестьян

от общины, от власти „мира“. Именно, он дает каждому укрепленцу возможность, выделивши к одному месту весь свой надел, завести на нем улучшенное хозяйство по своему собственному разуму и своей воле.

В этих словах была несомненная доля правды, ибо, действительно, мир, община часто, даже в большей части случаев, слишком крепко держалась старых, уже негодных способов ведения сельского хозяйства и тем задерживала его успехи. Но происходило это не столько от того, что земля находилась в уравнительном пользовании крестьян, сколько от тех причин, на которые мы подробно указывали в IX ой главе: от темноты и робости крестьян, их привычки к старине, их безденежью, малоземелью, непосильным платежам и пр. Не столько *само* общинное землевладение служило помехой сельскому хозяйству, сколько те плохие условия, в которых жил народ после „воли“. Дальше мы увидим, что разрушение общины *без коренного улучшения народной жизни* не принесло крестьянам того „освобождения“ и „раскрепощения“, о котором так красноречиво говорил П. А. Столыпин, не повело нисколько к расцвету трудового сельского хозяйства в России...

Таков указ 9 ноября 1906 г. об укреплении наделов и таков его истинной смысл.

Теперь мы и посмотрим, каково-же было *действие* этого указа. Как откликнулось на него крестьянство и к каким изменениям в хозяйстве и земельном строе деревни повела эта „вторая воля“, возвещенная П. А. Столыпиным?

На первый взгляд „ставка на сильных и трезвых“ была удачно поставлена и игра выиграна правительством с „об'единенным дворянством“: раскол в среде общинного крестьянства получился полный и быстрый.

Сначала, правда, как будто опасались укреплять наделы. Из 9-ти, приблизительно, миллионов дворов, находившихся в 1905 году в общинах, только около 200 тысяч домохозяев заявили в 1907 году о своем желании укрепить наделы: два-три на сотню, не более... Но затем, в следующем году, когда надежды на разрешение земельного вопроса Государственной Думой погасли, число желающих укрепления наделов быстро выросло; за 1908 год заявления об этом подали уже 840 тыс. домохозяев, т. е. вчетверо больше, чем в предыдущем году. Однако, скоро этот поток заявлений стал убывать и убывал

с каждым годом все сильнее и сильнее. Уже в 1909 году заявлений об укреплении наделов было сделано 650 тыс. (менее, чем в прошлом году на 22%), в 1910 году—только 350 тысяч (почти вдвое меньше, чем в 1909 году); в следующие годы—число заявлений было таково: в 1911 году — 242 тыс., в 1912 г.—152 тыс., в 1913 г.—160 тыс., в 1914 г.—120 тыс. и в 1915 г.—36 тыс. Выходит, что желание укреплять наделы как будто-бы сразу-же охватило в первые два года после революции сотни тысяч крестьян, но затем оно быстро прошло и само собою угасло.

Всего на всего за 1907—1915 годы 2 миллиона 756 тыс. хозяев подали заявления об укреплении в собственность их наделов. Это значит, что из каждой сотни домохозяев—общинников пожелали уйти из общины 36 человек, т. е. несколько более трети.

Из числа подавших такие заявления в действительности укрепили свои наделы в собственность до 1916 года круглым счетом 2 миллиона хозяев, что составляет немного более $^1/_5$ (21%) части дворов, бывших в общинах к 1905 году. Эти укрепленцы оторвали от мирских земель в свою частную собственность до 14 миллионов десятин из 100 (приблизительно) миллионов дес. общинной земли России, т. е. около $^1/_7$ части ее [1]).

Итак, почти четыре пятых части общинников, т. е. значительное их большинство всетаки не соблазнились укреплением земли в собственность; в общинном владении всетаки сохранилась $^6/_7$ прежних земель. Но и количество укрепленцев среди общинников оказалось очень значительным: указ 9 ноября 1906 года сделал огромную пробоину в земельном строе общины.

Остановимся пока на этом и постараемся себе об'яснить, что значит все это. Почему таково именно было действие указа на общину и жившее в ней крестьянство?

Для того, чтобы понять это, необходимо принять во внимание следующие важные обстоятельства. Общинное уравнительное землевладение сложилось в России в такое время, когда крестьяне составляли собою особое податное сословие. Это значит, что они тогда отличались от всех прочих жителей государства особыми обязанностями, лежавшими на них по закону,

---

[1]) Все цифры округлены; точные таковы: число укрепленцев 2,008,432, земли у них—14,122,798 дес.

и некоторыми правами, связанными с отправлением этих обязанностей. Главнейшее отличие их от других заключалось в их обязанности платить подати и отправлять разные натуральные повинности. То и другое они делали за круговой порукой и мир служил при этом для правительства средством обеспечить исправное отправление крестьянами их обязанностей. Таким образом, мир являлся одновременно и землевладельцем и сословным обществом, об'единявшим крестьян в несении ими обязанностей, возложенных на них по закону. Такой двойственной организацией община осталась до самой революции 1905 года, хотя круговая порука незадолго пред тем была уничтожена. Попрежнему членами сельского общества, бывшего в тоже время по большей части и земельным союзом—общиной, считались все лица крестьянского сословия, хотя бы они по своему занятию уже перестали быть трудовыми сельскими хозяевами. Если они родились от крестьян и не вышли из крестьянского сословия в какое нибудь другое, напр., в купеческое или духовное, то они должны были наравне с прочими крестьянами, ведущими трудовое сельское хозяйство, платить подати и служить все мирские службы. Но зато они имели равное с ними право на надел из мирской земли. Хотя и бывали случаи, что мирские общества особыми приговорами лишали крестьян, не ведущих собственного сельского хозяйства, права на получение надела, но закон в этом случае был не на стороне мира, и вернувшиеся в общество члены всегда могли требовать наделения их землею. Отсюда выходит, что членами общины, как земельного союза, могли быть не только земледельцы, но и те крестьяне, которые уже перестали крестьянствовать, занявшись другими делами—торговлей, работой на фабриках, железных дорогах и жили в городах. Значит, членами общины числились, во первых, трудящиеся люди, но не земледельцы напр., рабочие и служащие; во вторых, лица, живущие на нетрудовые доходы, напр., купцы, фабриканты, капиталисты и т. п. Все такие лица были раньше совершенно равнодушны к своему праву на надел; они или вовсе им не пользовались, бросали его „на мир“, предоставляя последнему распоряжаться им, как угодно; или-же они сдавали его кому нибудь из однообщественников, чаще всего лишь из-за платежа ими лежащих на наделе податей и повинностей. Но так было только до указа 9 ноября 1906 г. С изданием-же его все такие „крестьяне по паспорту“

по сословию, получили право укрепить свои наделы и продать их кому угодно, т. е. воспользоваться своим званием членов общины для того, чтобы получить доход от торговли причитающейся на их долю мирской землей. Иначе говоря, им открывалась возможность совершить выгодную сделку: похитить у мира часть его земли и получить за эту похищенную землю деньги, продавши ее. Соблазн этот был так велик, что многие из рабочих, лавочников, служащих, купцов, железнодорожников и пр. горожан, переставших крестьянствовать, но все еще числившихся по паспорту крестьянами, захотели укрепить причитающиеся им наделы, чтобы продать их. Они-то прежде всего и бросились подавать заявления об укреплении наделов, они-то и создали указу 9 ноября 1906 г. первый и шумный успех в 1908—1909 годах.

Так, оказывается, что с 1907 по 1914 год во всей Европейской России свыше миллиона (1.047 тыс.) крестьян продали свои наделы, целиком или часть. Всего было продано около $3^1/_2$ (3.486 тыс.) мил. дес. надельной земли, в среднем менее $3^1/_2$ дес. на продавца. Стало-быть, продавали землю самые малоземельные и самыми ничтожными клочками. За всю эту землю они выручили около $393^1/_2$ (393.490.) миллионов руб., по 112 руб. за десятину. Если сравнить эту цену с той, какую платили в эти же годы крестьяне, покупавшие землю через Крестьянский банк, то окажется, что цена на наделы была гораздо ниже, чем банковские цены: последние ни разу не были ниже 129 руб., а в 1909 году поднялись даже до 140 руб. за десятину. Значит, наделы продавались за бесценок и происходило это оттого, что продавались обыкновенно укрепленные наделы, находившиеся в страшной чересполосице с мирскими землями. Если мы сравним число крестьян, укрепивших наделы за 1907—1914 годы (1.979 тыс.) с числом продавцов надельной земли, то окажэтся, что на каждую сотню укрепленцев приходится около 53 продавцов надела. Выходит как будто, что добрая половина укрепленцев продала свои наделы целиком или по частям. Но это, конечно, не так, ибо в числе продавцов были не одни укрепленцы. Всетаки несомненно, что очень многие, переставшие крестьянствовать члены крестьянского сословия воспользовались указом 9 Ноября 1906 г. для того только, чтобы немножко нажиться от продажи мирской земли. По сведениям, собранным Вольным Экономическим Об-

ществом, лишь ¼ часть укрепленцев не вели сельского хозяйства. Если это так, то по меньшей мере *полмиллиона* крестьян укрепили землю для продажи, с целью *обращения надела в товар.*

И так, из общины ушли и унесли землю прежде всего те крестьяне, которые, перестав вести сельское хозяйство, оставались крестьянами только по имени, по паспорту, по сословию. Если как следует рассудить, они уже и раньше, до 9 Ноября 1906 г., не были действительными членами земельной общины, а только лишь числились ими. И община с их уходом ничего не потеряла; наоборот, она лишь очистилась от примеси таких людей, которым в ней нечего было делать и незачем было числиться. Вся беда была лишь в том, что эти фальшивые, так сказать, *мертвые* члены общины, порывая теперь с нею на веки вечные, унесли с собою и значительную часть мирской земли, обратив ее в частную собственность. После их ухода *состав* земельной общины стал даже более „крестьянским" в истинном смысле этого слова, ибо теперь община представляла собою союз одних только действительных земледельцев. Но *хозяйство* оставшихся в общине настоящих крестьян от укрепления и продажи наделов такими „фальшивыми крестьянами", сильно затруднилось, ибо их мирские земли оказались перепутанными с землями частных собственников, среди которых были и люди, совершенно посторонние и даже—совсем неземледельцы.

Стало быть, успеху Столыпинского нападения на земельную общину помогло то наследство, которое община получила от старины: это наследство состояло в ее *сословном строе*, сохранившем в числе членов общины много людей, переставших заниматься трудовым сельским хозяйством. Эти-то люди и послужили в ловких руках П. А. Столыпина прекрасным оружием против уравнительно общинного земельного строя. Его разрушали прежде всего те, кому до него не было никакого дела и раньше, не было дела и теперь. Им просто выгодна была торговая сделка с укрепленным наделом, они ею и соблазнились....

Но было бы неправильно думать, что кроме таких „фальшивых" членов общины никто из ее действительных членов не укреплял наделов. Нет, и среди них было немало таких, которым укрепление надела было выгодно.

Во первых, это были те крестьяне, которые хотели переселиться в Сибирь. Раньше, до указа 9 Ноября 1906 г., переселенцы, обыкновенно, уходя, сдавали наделы своим-же однообщественникам в аренду на года, или-же оставляли их миру. Теперь переселенцы получили возможность продать укрепленные наделы с тем, чтобы добыть денег на дорогу и обзаведение в Сибири. Таким образом, продавали укрепленные наделы не одни „фальшивые крестьяне“, пришедшие из городов, но также и уходящие с родины на новые места. А таких переселенцев стало в эти годы гораздо больше, чем до революции: более $3\frac{1}{2}$ миллионов душ обоего пола с 1906 г. до 1915-го года, т. е. свыше 600 тысяч семейств. Из них около $^{8}/_{10}$ были укрепленцы. Стало быть, до 480-ти тысяч из числа укрепленцев приходится на долю переселявшихся в Сибирь, которые чаще всего продавали перед уходом с родины свои наделы.

Можно думать, что вместе с „крестьянами“ по имени, переселенцы составили почти половину всех домохозяев, укрепивших наделы в собственность, т. е. приблизительно 1 миллион. Но и за вычетом всех их, всетаки еще почти столько-же остается на долю тех крестьян, которые и после укрепления наделов продолжали вести свое отдельное сельское хозяйство на родине. Кто-же были эти остальные „действительные крестьяне“, ушедшие из общины, но не с родины?

В большинстве своем это были, по всей вероятности, крестьяне, которые ко времени издания указа 9 Ноября имели у себя наделы, не соответствовавшие по своей величине наличному количеству душ в их семьях. Такие большенадельные, но малосемейные („малодушные“) крестьяне всегда накапливаются в общинах к новому переделу. Уравнение земли грозит им уменьшением надела и потому они бывают против нового передела, стараются ему помешать или оттянуть его подольше. Подобных семей, обыкновенно, накапливается ко дню передела *не более одной трети* всех домохозяев.

Возьмем такой пример. Положим, в общине делят землю по мужским душам. Если последний передел был 10 лет тому назад, в 1890 году, то к 1906-му году во всех семьях, где произошла убыль мужских душ, скажется большие наделы, чем им следовало-бы теперь иметь по числу наличных мужчин. Если по переделу 1896 года причиталось, примерно, по 2 дес. на мужскую душу, то в семье, где было тогда 3 муж. души,

надел равен 6 дес.. Если мужчин в семье теперь только двое, то по новому переделу придется уже только 4 дес., а скорее всего—меньше, так как прибыль населения не позволит уже при новом переделе дать по 2 дес. на муж. душу. Стало быть, семье, с убылыми мужскими душами новый передел грозит потерей по крайней мере 2 дес., а скорее всего—большего количества земли. Само собою разумеется, что такому домохозяину выгодно укрепить свой теперешний надел, чтобы не лишиться части имеющейся в его хозяйстве земли. В подобном положении и оказались после 9 Ноября 1906 г. все семьи с убылью душ. Эти семьи воспользовались Столыпинским указом, чтобы навсегда удержать за собою полученные раньше по мирскому переделу земли.

Если мы вспомним, что в общинах с переделами жило в 35-ти губерниях $^7/_{10}$ всех крестьянских семей, то придется допустить, что из 9 миллионов дворов (семей) общинников около 6 миллионов семей находились в 1906-м году в общинах, уравнивавших землю. Значит, приблизительно 2—миллионам из них при новом переделе могло угрожать уменьшение их наличных наделов вследствие убыли душ. Стало-быть, если бы *все* такие семьи воспользовались указом 9 Ноября 1906 г. для сохранения за собою прежних наделов, то одних таких семей было-бы довольно, чтобы число укрепленцев сразу-же дошло до того количества, какое в действительности их оказалось до начала 1905 года. А так как и другим крестьянам—общинникам по разным неизвестным нам случаям укрепление наделов могло быть выгодно, то ясно, что *не все семьи с убылыми душами* прибегали к помощи указа 9 Ноября 1906 г. Они только чаще всех других обращались к этому средству и составляли, поэтому, большинство укрепленцев—сельских хозяев.

Несомненно, что иногда к укреплению наделов обращались и те передовые хозяева, которым было тесно в общине, которым мешала обычная приверженность мира к старинным способам хозяйства. Но таких хозяев было среди укрепленцев очень мало. Что это действительно так, показывает подсчет тех укрепленцев, которые не ограничились укреплением чересполосных наделов, а позаботились и о том, чтобы выделить эти наделы из мирских полей и собрать к одному месту. Ведь действительную пользу для своего сельского хозяйства получая

только тот укрепленец, который выделялся в отруб, ибо только он и приобретал полную свободу своему хозяйскому почину для улучшения и усовершенствования обработки земли. Между тем на каждую сотню укрепленцев приходилось лишь 17 человек, выделившихся к одному месту. По сведениям, собранным Вольным Экономическим Обществом, таких выделенцев среди укрепивших наделы было немного больше—*23 на сто.* Возьмем даже это последнее число; но и тогда всетаки окажется, что всего на всего около 450 тысяч хозяев укрепляли наделы для улучшения своего хозяйства; остальные-же и не думали об этом по настоящему, ибо не воспользовались даже тем правом, которое им давал указ 9 Ноября 1906 г.—правом окончательного освобождения своего хозяйства от всякой зависимости со стороны мира. По сведениям того-же Вольного Экономического Общества из выделившихся к одному месту $^{8}/_{10}$ продолжали вести собственное сельское хозяйство, $^{1}/_{7}$ часть стала сдавать выделенные наделы в аренду другим и $^{1}/_{20}$ часть—продала их.

В конце концов за исключением тех 360 тысяч укрепленцев, которые выделились из чересполосицы и стали вести свое собственное сельское хозяйство, все прочие новые собственники наделов мало выиграли, или даже и совсем ничего не выиграли для улучшения своего сельского хозяйства; они могли вести его только старыми способами, теми самыми, которые были в ходу и у соседних с ними общинников. Ибо земли этих укрепленцев продолжали лежать мелкими и многими полосами среди мирских полей и никакое коренное изменение способов обработки таких чресполосных собственных земель не было возможно. Правда, укрепленцы уже не могли бояться урезки своих земель или перемены их при переделе, но в этом и заключалось все преимущество их хозяйства. Но ни переход от трехпольного севооборота к многопольному, ни другие коренные усовершенствования не были для такого укрепленца возможны, пока мир не согласится к их введению на своих землях. Значит, польза для хозяйства громадного большинства укрепленцев была невелика, а между тем хозяйству общинников укрепление чересполосных наделов в собственность приносило очень большой вред: укрепленные в собственность земли врезались тысячами клиньев в широкое земельное тело и как иглы больно его терзали. Никакое мирское реше-

ние по земельному распорядку теперь нельзя было привести в исполнение без согласия всех укрепленцев; стоило одному из них заупрямиться, чтобы остановить все дело и уничтожить всякое решение схода. Да и добиться какого нибудь важного решения делалось уже почти совершенно невозможным, так как несогласные с большинством мира домохозяева могли прибегнуть к указу 9 Ноября 1906 г. и потребовать укрепления своих наделов. Словом, мир попал теперь в такую же хозяйственную зависимость от укрепленцев, в какую после „воли" он попал от помещиков, которые владели „отрезками". А так как укрепленцев было меньше, чем общинников, то власть меньшинства теперь оказалась сильнее и выше власти большинства во всех хозяйственных и земельных делах.

Это приносило большой вред сельскому хозяйству общинников и побуждало многих из них бежать поскорее из общины, чтобы спастись от наступившей там хозяйственной неурядицы. Этим об'ясняется, почему в некоторых местностях в конце концов большая часть крестьян укрепляли наделы и общины окончательно пустели и распадались.

Какие-же крестьяне преимущественно укрепляли за собою наделы, малоземельные или многоземельные?

Точных сведений на этот счет у нас не имеется, но кое какие догадки можно сделать в ответ на этот вопрос. Так, если взять все количество земли, укрепленной в собственность (14 мил. дес.), окажется, что на одного домохозяина-укрепленца приходится на круг по 7 с небольшим десятин. Между тем у домохозяев, оставшихся в общине, оказалось 83 мил. дес., т. е. в среднем около 13-ти (12,8) дес. на двор. Иначе говоря, 100 укрепленцев имели вместе столько земли, сколько 54 общинника. Значит, наделы укрепленцев в среднем рассчете *чуть не вдвое* были мельче наделов общинников.

Поэтому можно думать, что к укреплению наделов чаще прибегали более малоземельные дворы. Так и следовало ожидать; стоит только вспомнить, что уравнение земель и до указа 9 Ноября 1906 г. было всего слабее или-же совсем отсутствовало в мелких и очень малоземельных общинах. Конечно, жившие в таких общинах домохозяева легче других могли прибегнуть к укреплению наделов, ибо они не дорожили уравнительными земельными порядками, не поддерживали их и отвыкли от них. Наоборот, на укрепление было труднее пойти

жителю общин с сильными и живучими уравнительными порядками, к которым все привыкли и выгоды которых ценили по собственному своему опыту. Здесь на укрепленца смотрели, как на изменника и предателя мира, а в беспередельных общинам этого враждебного взгляда он встретить не мог. А ведь не всякий хотел итти на ссору и борьбу со всем миром и многих эта вражда удерживала от укрепления надела в собственность.

Многих, но далеко не всех, и потому укрепленцы и мир во многих местностях находились в настоящей войне между собою. Из-за укрепления земли шла ожесточенная вражда между крестьянами. Мир, обыкновенно, наотрез отказывался добровольно дать согласие на укрепление надела; тогда между укрепляющим и миром возгоралась тяжба, которую земский начальник решал всегда в пользу укрепленца и в ущерб миру. При отводе укрепленных полос к одному месту у мира отбирались лучшие земли и в конце концов державшиеся мирского земельного строя крестьяне рисковали остаться на самых плохих землях, на солончаках и песках. В деревне как-бы прошел внутренний военный фронт и закипела борьба между укрепленцами и общинниками. П. А. Столыпину и его друзьям— „об'единенным дворянам“ удалось всетаки самое главное: им удалось расколоть крестьянство на два враждебных лагеря, заставить их враждовать между собою из-за надельной земли и в этой вражде забыть про своего старинного общего врага— нетрудового землевладельца забыть про его земли, политые крестьянским потом... Эта вражда, эта крестьянская междуусобица из-за наделов сделалась самым опасным, гибельным врагом крестьян и их хозяйства после революции 1905 года. Деревня горела и билась как в лихорадке, и эта лихорадка, изнуряла крестьянское тело хуже всякой смертельной болезни. Нельзя было спокойно трудиться и хозяйствовать ни тем, кто оставался в общине, ни тем, кто ушел из нее. Друг за другом они зорко следили, один другого подстерегали, друг на друга злобились... Вред, происходивший от этого для крестьянского хозяйства, был гораздо сильнее, чем все те выгоды которые сулил ему П. А. Столыпинские „благ“ частной собственности на землю. Следовательно возбуждая внутреннюю социальную вражду в крестьянстве, Столыпинское „землеустройство“ в конце концов оказалось вредным для всего трудового сельского

хозяйства и *всего* земледельческого класса России. Важно было не то, *сколько* ушло крестьян из общины и сколько в ней осталось, а то, что и ушедшие и оставшиеся сделались между собою врагами и не могли уже жить дружно, работать во всю, спокойно и плодотворно.

Таково было действие указа 9 Ноября 1906 г. на народную жизнь и его значение в ней.

Но правительство не ограничилось изданием только этого указа. Начавши понемногу ломать трудовой земельный строй русского крестьянства, оно не хотело остановиться на полдороге и спешило довести свое дело до конца, расстроивши старые земельные порядки одним ударом и навсегда.

То, что для этого начал делать П. А. Столыпин в конце 1906 года, продолжила Государственная Дума 3-го созыва. Она не только одобрила вполне указ 9 Ноября, но и дополнила его так, что-бы еще скорее и сразу разрушить общину. Именно, указ 9 Ноября был переделан 3-ей Государственной Думой в закон, утвержденный Николаем II-м 14 Июня 1910 года. Этот закон об'являл все общины помещичьих крестьян, не производившие общих переделов со времени наделения их землею, перешедшими к подворному землевладению. Достаточно было одному домохозяину из такой общины заявить, что в обществе не было коренных переделов с самой „воли"—и общество это переставало быть земельной общиной; оно переводилось в разряд подворных селений. Значит, на будущее время все члены такого общества лишались права уравнивать свои земли и об'являлись частными владельцами имеющихся у них наделов. Таким образом, одним взмахом пера сотни и тысячи крестьян целыми обществами переводились из одного земельного строя к другому, переводились без всякого с их стороны согласия и заявления о желании перестать быть общинниками.

Казалось-бы, такое решение закона было вполне правильным и не ломало нисколько существующего крестьянского земельного строя: ведь, если общество с самой „воли 45 лет не переделяло земли, то не значит-ли это, что оно не хочет уравнительно владеть ею. Но это не совсем правильно. Ведь кроме общих пределов, когда вся земля сразу уравнивается заново, бывают и частные переделы. И как раз среди помещичьих крестьян было много таких общин, которые никогда не делили

землю всю и сразу, а уравнивали ее понемногу и постепенно „сваливая“ наделы с одних и „наваливая“ на другие семьи, смотря по их рабочим силам. Кроме того в некоторых общинах уравнивали земли только выморочные и пустующие, деля их по мере того, как они освобождаются. Наконец, в многоземельных окраинных местностях бывали общины, у которых до сих пор еще не было нужды в переделе, но с размножением населения и утеснением она могла в будущем появиться.

Все такие общины нельзя было огулом считать перешедшими к подворному владению и лишать навсегда право самим решать, какой земельный строй для них более желателен.

Правительство и 3-ья Государственная Дума это все, конечно, хорошо знали. Но чтобы разрушить общину, помещики и купцы, составлявшие большую часть депутатов этой Думы, считали хорошими все средства, в том числе и прямое насилие над волей народа. Его не спрашивали и не хотели слушать, за него просто на просто решали земельный вопрос по своему, по барски—и дело с концом.

Правительство расчитывало, что по закону 14 Июня 1910 года 116 тысяч общин, в которых находится $3^1/_2$ миллиона дворов, владеющих 30-ю миллионами десятин земли, должны считаться перешедшими к подворному землевладению, так как в них не бывает общих переделов. Стало быть, этим путем правительство надеялось лишить общинного строя сразу-же около $^2/_5$ всего крестьянства, владевшего до сих пор землею на общинном праве, и обратить в частную собственность около *трети* мирских земель.

В действительности, однако, разрушение общинного землевладения этим новым путем пошло гораздо медленнее и не дало таких плодов, какие надеялось получить правительство во главе с П. А. Столыпиным. Вышло это от того, что крестьяне, жившие в беспередельных общинах, не спешили заявлять об отсутствии у них переделов, и поэтому правительство не имело повода переводить такие общины в число подворных обществ. Всего до 1916 года, за $4^1/_2$ года только 317 тысячь домохозяев по своему почину сделались на основании закона 14 Июня 1910 г. подворными землевладельцами, переводя в частную собственность около 1 мил. 800 тыс. (1.807 т.) дес. общинной земли, в среднем немного менее 6 (5,9) дес. на хозяина. Что—же касается *целых* обществ и селений, перешед-

ших по закону 14 Июня 1910 г. к частному землевладению, то в таких обществах оказалось лишь около 153 тысяч, домохозяев, а земли у них—немного более 989 тысяч дес.—по 6½ дес. на хозяина. В конце концов всех домохозяев в общинах, признанных „мертвыми" по закону 14 Июня 1910 г., оказалось к началу 1916 года 470 тысяч, земли-же у них—2 милл. 796 тысяч десятин, менее чем по 6 (5,9) дес. на хозяина.

Что-же говорят нам эти цифры? Они показывают, что законом 14 Июня 1910 г. о беспеределных общинах воспользовались *очень малоземельные* общинники: ведь наделы, переведенные ими в частную собственность, *вдвое* мельче, чем наделы у общинников, оставшихся при уравнительном земельном строе. Наделы эти даже еще мельче, чем наделы укрепленцев: то были на круг немного более 7 дес., а эти—меньше 6-ти. И опять таки это согласуется с тем, что мы выше узнали о беспередельных общинах, особенно—у помещичьих крестьян: наделы в этих „мертвых" общинах у быв. крепостных оказывались очень мелкими и сами эти общины имели понемногу жителей.

С другой стороны, размеры наделов у этих домохозяев настолько малы, что вести на них правильное хозяйство очень затруднительно без применения сразу же коренных улучшений. Однако, такие коренные нововведения требуют свободных денег, которыми очень нуждающиеся в земле крестьяне редко когда располагают.

Отсюда становится вероятно, что перешедшие к частному землевладению через закон 14 Июня 1910 года очень малоземельные крестьяне едва-ли имели в виду коренное улучшение своего сельского хозяйства и не могут быть причислены к тем „сильным", на которых расчитывал П. А. Столыпин, предпринимая разрушение общинного земельного строя. Законом о „мертвых" общинах пользовались по большей части не передовые крестьяне а, наоборот,—захудалые вследствие своей хозяйственной немощи.

В конце концов и по указу 9 Ноября 1906 г. и по сменившему его закону 14 Июня 1910 г. от общинного землевладения к частной собственности до 1916 года перешло около 2½ (2,378) миллионов хозяев, унося с собою без малого 17 (16,919) миллионов десятин мирской земли. Это значит, что община потеряла *28 членов* из каждой их сотни *и 17 десятин* из каждой сотни десятин мирской земли; следовательно, всетаки бо-

лее $^2/_3$ крестьян-общинников остались при прежнем земельном строе, а с ними вместе сохранилось в этом строе более $^4/_5$ общинной земли. При этом на каждого ушедшего из общины домохозяина (двор) приходилось, считая на круг, по 7 дес., а на каждого оставшегося в ней почти по 13 дес. (12,6), *чуть не вдвое более.* Видимо уходили из общины плохо обеспеченные наделами, а оставались лучше их обеспеченные; уходили те, которые с своих наделов не в состоянии были-бы даже прокормить свои семьи одним земледелием: ведь средний душевой паек в семьях, ушедших из общины был лишь немного более 1 дес. (1,2), тогда как у оставшихся он—более 2 (2,1) дес. Частными собственниками становились крестьяне, большая часть которых и раньше не в состоянии было жить одним своим трудовым сельским хозяйством, т. е. крестьяне, наполовину сделавшиеся пролетариями—наемными рабочими в чужих хозяйствах. В общине-же оставались, повидимому, чаще всего середняки, которые и раньше жили главным образом доходом от своего собственного сельского хозяйства и теперь имели силу сохранить свое чисто крестьянское. Стало быть, *общинный земельный строй и после* разрушительных *нападений на него П. А. Столыпина* и „об'единенного дворянства“ остался тем земельным порядком, который *составлял основной фундамент трудового сельского хозяйства России.* Главная земледельческая масса, ядро Великорусского крестьянства, остались при общинном земельном строе вплоть до новой революции 1917 года. Как пошло-бы дальше разрушение общины, если-бы не случилось всемирной войны, а потом и великой российской революции, мы не знали. Но до этих событий, перевернувших всю жизнь народов, ни П. А. Столыпину, ни его продолжателям не удалось насильно разрушить исторически сложившегося земельного строя России; удалось только привести его в беспорядок, сильно попортить его уравнительный механизм, застопорить передельную машину; удалось посеять злобу и вражду внутри крестьян, натравить одних из них на других. В этом и этим они, действительно победили...

Но этого было им мало. Разрушая *общинное* землевладение, П. А. Столыпин и его сподвижники не оставили в покое вообще *надельное* землевладение, в том числе и подворное. Они действовали в том духе, чтобы *вовсе* стереть с лица русской земли *надельное землевладение* и заменить его *лич-*

ной частной собственностью, той самой, которая была наиболее пригодным для нетрудовых людей строем земельных порядков. С этой именно целью П. А. Столыпин и шедшая с ним об руку 3-я Государственная Дума провели такие законы, которые об‘являли надельную землю *личной* собственностью главы семьи, домохозяина, и давали ему полную власть распоряжаться этой землею самовольно, без спроса и согласия остальных членов семьи, даже и взрослых. Этим путем они в корне изменяли исстари сложившийся крестьянский земельный строй и шли в разрез с укоренившимися взглядами трудового народа на землю. Согласно с понятиями земледельцев, земля и все хозяйственное обзаведение есть общее достояние всей семьи, так как является плодом труда не одного отца или старшего во дворе, но всей семьи, всего двора. Семья представляется земледельцу как-бы одним хозяйственным союзом, союзом трудящихся на земле людей. Такой взгляд распространен в народе не только среди общинников, но и среди подворников, даже в хуторских местностях Малороссии. Но этот-то взгляд и эту-то трудовую семейную собственность и хотели вырвать с корнем П. А. Столыпин и его друзья. С этой целью они и дали самодержавную власть над семейным имуществом домохозяину и дворовладельцу. Этим они хотели отдать землю в руки более послушных начальству и крепче держащихся старины отцов и, усиливши их власть над остальными молодыми крестьянами, через это держать молодое поколение в руках старшего. Но это повело к тому, что отцы, пользуясь предоставленной им властью, стали злоупотреблять ею: укреплять и продавать без согласия детей наделы, закладывать их, лишать нелюбимых детей наследства и т. п... А дети, подозревая отцов в желании распорядиться семейным имуществом, в ущерб им стали недоверчиво смотреть на старших и завидовать предоставленной им самодержавной власти. Так правительство внесло вражду в крестьянские семьи, посеяло раздор между отцами и детьми в самом сердце трудового люда...

Начавши ломать прежний земельный строй, П. А. Столыпин немедленно-же принялся строить на его месте иной земельный порядок, казавшийся нетрудовым людям самым наилучшим: начал насаждать в Россию мелкую крестьянскую част-

ную собственность. Мы уже говорили, зачем это было нужно господствующему землевладельческому классу: крестьянской собственностью, крепким забором, надеялись они загородить свои барские имения от воли народного моря, грозившего смыть и потопить их в своем трудовом земельном строе.

П. А. Столыпин видел, что укрепить надел в собственность и оставить его среди мирских земель в чересполосице с ними,— значит сделать дело лишь наполовину. Надо вовсе удалить собственника от всякого соседства с общинниками, порвать все связи между теми и другими: только тогда можно было надеяться, что эти „сильные и трезвые" люди деревни не только останутся такими сами, но и другим помогут „протрезвиться" от „пьяного угара": от соблазна захватить и поравнять нетрудовые частные земли. С этой целью П. А. Столыпин начал всеми силами, имевшимися у правительства, понуждать новых собственников наделов выделяться из общинной чересполосицы на отдельные участки-отруба, а еще более-выселяться совсем из мирских деревень на хутора. Правительство соблазняло укрепленцев денежными ссудами, агрономической помощью и т. п. льготами, сулило им неисчислимые выгоды для их хозяйства и пр...

Чего-же достигло правительство, действуя в этом духе?

Расселение на хутора и разверстание на отруба происходило двумя путями: одни хозяева переходили к этому новому строю по одиночке, другие-же-целыми селениями и сельскими обществами. И вот за 4 первые года Столыпинского „землеустройства" (1907—1910) из 319 тыс. вновь образованных хуторов и отрубов только 70 тыс. или 22 % (около 1/5) приходилось на долю единоличных выделов, а остальные 250 тыс. или 78 % (более 3/4)—на долю разверстания целых обществ. В свою очередь из этих разверстанных обществ 175 тыс. дворов находилось в общинах, а 74 тыс.—в подворных селениях. Отсюда видно, что большая половина (55%) хуторов и отрубов образовалась путем расселения и разверстания *целых общин*. Далее, если сравнить количество дворов в разверстанных обществах (общинных и подворных вместе) с числом дворов в прочих сельских обществах, то окажется, что разверстанные общества почти *втрое* мельче неразверстанных. именно, в первых на круг приходится по 26 дворов, тогда как обычный средний размер сельских обществ 72 двора.

Итак, на хутора и отруба переходили чаще всего целые общества, а не отдельные хозяева. Затем, разверстывались преимущественно самые мелкие общества, а в их числе по большей части-маленькие общины.

Это наводит на мысль о том, что крестьян побуждали к разверстанию какие-то особые и при том важные неудобства совместного чересполосного владения землею. Что касается мелких общин, то они обращались к разверстанию часто вследствие той путаницы, которую производило в них укрепление наделов. В тех местностях, где укрепленных наделов было много, продолжавшим жить в общинах крестьянам под конец ничего уже не осталось, как разверстать и всю мирскую землю на отруба, или-же розойтись по хуторам, чтобы этим путем избежать постоянных взаимных неудовольствий и нестерпимых стеснений при ведении хозяйства в чересполосице с укрепленцами. Следовательно, окончательное разверстание таких общин было вынуждено все тем-же указом 9 Ноября 1906 г. А так как укреплялись преимущественно малоземельные и слабые крестьяне, то и разверстывались чаще всего бедные землею и мелкие общины. Кроме того мы знаем уже, что в мелких общинах уравнение земли раньше и чаще замирало, чем в крупных, и стало быть, такие „мертвые“ общины легче и охотнее могли решиться на окончательное и одновременное разверстание.

Что-же касается мелких подворных селений, то для них разверстание на хутора и отруба было легче и удобнее, чем для больших, потому, что у них и раньше связь между хозяевами была слаба и совместное чересполосное владение ничего им не давало, кроме неудобств и стеснений.

Итак, огромное большинство хуторян и отрубником (около $^3/_4$) получилось путем разверстания целых селений и обществ, причем около половины этих хозяев были общинники, вынужденные разойтись навсегда из общества вследствие его внутреннего расстройства.

Что же касается хуторян и отрубников из единочек—хозяев, то их было лишь немногим более $^1/_5$ всего числа хуторян и отрубников. Об'ясняется это прежде всего тем, что отрубное хозяйство и хуторское житье были непривычны крестьянам коренной России и они туго поддавались заманива-

ниям П. А. Столыпина. Кроме того были и большие препятствия, которые устранить не в силах было само правительство.

Особенно важные препятствия встречало расселение на хутора, а между тем на нем-то особенно и настаивало правительство, чтобы совершенно сделать новых собственников от мира и уберечь их от „общинной заразы."

Прежде всего расселению на хутора (и сведению полос в отруб) препятствовало малоземелье новых собственников. Высчитано, что для правильного ведения трудового сельского хозяйства при обычных в коренной России способах обработки земли требуется на двор не менее 8 десятин. Между тем мы уже знаем, что собственники наделов имели *в среднем* всего 7 дес. это значит, что очень многие из них в действительности имели еще меньше земли; *большая половина* собственников наделов по малоземелью не могла-бы на хуторе или отрубе приняться за ведение правильного сельского хозяйства и, стало быть, не могла и воспользоваться теми выгодами, которые давало этому хозяйству отрубное и хуторское владение землей.

Кроме того малоземельным и плохо обеспеченным скотом хозяевам выселение на хутора оказывалось и прямо невыгодным, так как они лишались при этом права пользоваться вместе с другими крестьянами общими лугами и пастбищами, напр. выгонами; на своих-же ничтожных участках они не могли иметь ни тех ни других угодий и, таким образом, их скотоводство должно было прийти в расстройство, что действительно и случилось. Средств-же перейти сразу к стойловому кормлению скота, да и к другим коренным улучшениям в хозяйстве слабые и малоземельные собственники не имели, не смотря на всю помощь им от правительства.

Далее переселение на хутор требовало большого труда и издержек на перенос построек—двора, служб и т. п., на возведение их в новом месте и на прочие чрезвычайные расходы. Пособия, выдаваемые на это из казны, оказывались недостаточными. Получить-же сразу большой доход от хозяйства на новом месте было невозможно, особенно потому, что цены на плоды сельского хозяйства стояли тогда низкие и часто не могли окупить чрезвычайных затрат на обзаведение хуторского хозяйства и его налаживание.

Во многих местах кроме того было и еще одно важное препятствие к хуторскому расселению: отсутствие воды. В восточ-

ных и южных губерниях, вроде Самарской, Харьковской и др., селения жмутся к речкам и озерам, потому что достать воду в степи невозможно. Рыть колодцы не везде было удобно и дешево. Поэтому часто случалось, что новые хуторяне сидели без воды.

Наконец, задерживало расселение на хутора еще и то, что крестьяне не хотели уходить далеко от церкви и школы; да и вообще жизнь в одиночку, разбросанными в поле дворами, не привлекали их, а многих — особенно женщин — и прямо пугало. Все это сильно мешало расселению на хутора.

Выделу полос в отруб было гораздо меньше помех, но он не обещал и так много выгод для хозяйства, да не так поощрялся правительством, которому прежде всего хотелось оторвать собственников от общинников и взять первых всецело под свою опеку, а последних—всячески донимать, чтобы вынудить и их к частному землевладению и хуторскому расселению. В виду всего этого устройство отрубов и хуторов на наделах, перешедших в собственность отдельных крестьян, шло гораздо медленнее, чем укрепление полос.

Всего на всего до начала 1916 года были утверждены проекты на устройство хуторов и отрубов для 1 миллиона 210 тысяч домохозяев, которые все вместе имели около 11½ (11,451) мил. дес. земли, в среднем рассчете по 9½ дес. на двор. При этом, однако, из этой земли 800 тыс. дес. остались в общем пользовании с прочими владельцами. Стало-быть, на хутора и отрубы вышло около 3% всех дворов; в собственности их находилось немного более 8% всей надельной земли. Эти хутора и отрубы были распределены по России очень неравномерно. Так, добрая половина их расположена всего лишь в 10-ти губерниях южной и западной полосы; здесь хуторяне и отрубники составляют не менее десятой части всех хозяев; зато в 25 других губерниях они едва лишь заметны: их менее 1/50 части всех хозяев. Что-же касается величины участков, то в 3-х губерниях хутора и отрубы меньше 5-ти десятин, в 12-ти губерниях — от 5 до 8 дес., в 19-ти губерниях они от 8 до 12 дес. и в 11-ти губерниях—более 12 дес. Особенно мелки участки в Подольской (3 дес.), Киевской (4, 9 дес.), Петербургской (5, 4 дес.), Нижегородской (столько же), Тамбовской (5, 8 д.), Полтавской (6, 1 дес.) и Рязанской (6, 5 дес.) губерниях. Многие из таких мелких хутрян и отрубников

не могут и не думают вести улучшенное сельское хозяйство; выделяют-же землю в особые участки только для того, чтобы дороже ее продать, так как собранная вместе земля ценится выше, чем разбросанная чересполосно. С'езды, которыми соблазняло правительство хуторян, побуждали некоторых собственников делаться хуторянами, не переселяясь на участок. Так появились в некоторых местностях „фальшивые хутора", хутора на бумаге...

Однако и у большинства тех хозяев, которые действительно стали жить хуторами или отрубами, способы хозяйства мало улучшались; мешали этому те препятствия, о которых сказано выше: малоземелье, отсутствие капитала, недостаток скота и пр.

Что это действительно так, свидетельствуют многочисленные сведения, собранные земствами в разных губерниях. Для примера возьмем Верхнеднепровский уезд, где оказалось, что в 1908 году доход с одной десятины посева у хозяев-общинников равнялся 41 руб., у мелких хуторян и отрубников, имевших менее 16 дес. земли, — 47 руб., у крупных хуторян (с участками в 45 дес.) — 49 руб. и у немцев-колонистов (с такими-же участками) — 75½ руб. Таким образом, мелкие хуторяне получали 115 руб. там, где общинники имели 100 руб. дохода, т. е. хуторяне — лишь на 15% больше. Точно также и урожай у них был только немного лучше: у общинников — 42 пуда с дес., у мелких хуторян — 48 пуд.

Подобными-же представляется хозяйство мелких хуторян и в Каневском уезде Киевской губ. Здесь доход с одной десятины у хозяев с участками от 5—7 дес. был при чересполосице 41 руб., на хуторах — 47½ руб.; у хозяев с участками от 7—11 дес. при чересполосице 48½ руб., на хуторах — 41 р. и т. д.

Большинство хуторян и отрубников, имевших мало земли и скота и в других местностях оставалось при старых способах хозяйства, или даже терпело убытки от расстройства скотоводства, особенно — в разведении овец. Так, напр. у тех-же Каневских хуторян овец оказывается меньше, чем у чересполосно-владеющих землею крестьян.

Так мало изменялось к лучшему хозяйство у малоземельных и слабосильных хуторян и только там, где они появились по почину и соблазну правительства П. А. Столыпина. Другую картину представляло хозяйство крупных хуторян, и вообще тех, которые сами, никем не принуждаемые и не соблазняемые,

выселялись на хутор, когда чувствовали в этом необходимость и выгоду. Тогда действительно на хуторе заводились такие новшества по части сельского хозяйства, о каких при чересполосном владении землею нельзя было и думать. Некоторые передовые хозяева начали выселяться на хутора еще раньше того, как правительство задумало сделать из хуторян крестьянскую гвардию собственников для защиты барских имений. Вот почему и вышло, что в то время, как искусственно насаженные Столыпинские хутора чахли и дышали лишь казенными пособиями, хутора старых районов расселения, вроде Волынского, Ковенского, Гродненского, Могилевского и Минского, шли вперед в улучшении крестьянского сельского хозяйства. Но здесь и хуторяне то были иные: это были не малоземельные и слабосильные, а зажиточные и богатые крестьяне. Так, напр., в 7-ми волостях Житомирского уезда $^7/_{10}$ всей надельной земли разверстаны были на хутора. Но расселились здесь лишь те хозяева, у которых было почти вдвое больше земли, чем у тех, которые остались в деревнях: у хуторян на круг приходилось по $9^1/_2$ дес. надела, а у деревенских—всего по $5^1/_2$ дес. Точно так-же в Люцинском уезде были 4 волости, где около половины всех надельных земель разверстаны на хутора; но и здесь на одного хуторянина приходится по 11 с лишним дес. надела, а на одного сельчанина около $9^1/_2$ дес. В других районах западной России, где хутора вышли сами собой из нужд крестьянского хозяйства, всюду на хутора выселялись более земельные, зажиточные люди и хозяйство их, действительно, от этого выигрывало, но выигрывало без всякой помощи правительства просто вследствие их хозяйственной силы.

Это показывает, что хутора и отрубы могут быть полезны только более сильным из крестьян и только тем, которые сами устраивают их по хорошо обдуманному рассчету.

Те-же хутора и отрубы, которые наскоро устраивал П. А. Столыпин, имели не столько хозяйственную цель, сколько политическую; они были орудием для удержания власти нетрудовых землевладельцев над трудовыми земледельцами. В этом заключалась причина их хозяйственной хилости и уродливости большинства из них. Многие из *таких* хуторян жили и хозяйствовали хуже, чем оставшиеся при старом земельном строе крестьяне. Были среди них хуторяне, которые жили в землян-

ках, добывали доход батрачеством в соседних экономиях, голодали и холодали, не смотря на все „милости“ к ним начальства.

Указ 9 Ноября 1906 г. и закон 14 Июня 1910 г. о выходе из общины должны были по плану П. А. Столыпина разрушить ту трудовую крестьянскую армию, которая так страшна была нетрудовым земледельцам, особенно-же-дворянам. Но этого было для них мало. Надо было выполнить и вторую часть плана—собрать и устроить на место старой общинно-крестьянской армии новую армию из крестьян-частных собственников, из хуторян и отрубников, надо было так вымуштровать эту новую армию, чтобы она была послушным слугою в руках правительства и „об‘единенного дворянства“. А для этого мало было всячески поощрять крестьян к обращению их наделов в хутора и отрубы.

Для этого необходимо было иметь таких хуторян и отрубников, хозяйство которых находилось бы в полной зависимости от правительства и под его строгой опекой. Только тогда можно было-бы держать этих хуторян и отрубников в руках правительства и командовать ими, как солдатами.

Хуторяне и отрубники, владевшие наделами, для этого были не совсем пригодны; поэтому правительство обратилось к другому средству, имевшемуся в его полном распоряжении: к Крестьянскому банку, владевшему миллионами десятин земли и перепродававшему их крестьянам. Из этих покупщиков банковой земли было удобнее всего сделать хуторян и отрубников, во всем послушных воле правительства. Так оно и стало действовать, особенно-начиная с 1901 года.

Как уже сказано было в предшествующей главе, [1]) правительство под страхом аграрного движения еще осенью 1905 года ухватилось за Крестьянский Банк, как утопающий за соломинку. Указом 3 Ноября 1905 года банку было предписано покупать земли частных владельцев для продажи их мелкими частями нуждающимся крестьянам на льготных условиях.

Кроме того ему предписывалось усилить свою посредническую деятельность, выдавая крестьянам ссуды на покупку земли у частных владельцев.

---

[1]) См. стр.

На основании этого указа Крестьянский банк и занялся прежде всего покупкой частных, преимуществено-дворянских земель. Напуганное аграрным движением дворянство надеялось, что покупка его земель Крестьянским банком под видом помощи народу может оказать весьма важную помощь и дворянам, а также вообще крупным и влиятельным землевладельцам. Покупая их земли, Крестьянский банк помогал им выгодно обменивать на деньги обесцененные аграрным движением имения, которые никто другой не хотел тогда покупать, а если и находился покупатель, то давал за землю слишком дешево.

Страх перед отобранием земли в пользу крестьян заставлял крупных землевладельцев, особенно-дворян, усиленно предлагать Крестьянскому банку их имения для покупки. За пять лет (1905—1909 г.г.) было предложено ему до 14½ мил. дес., а куплено им за счет казны в те-же годы около 3½ (3,4) мил. дес., преимуществено крупных имений (каждое из которых было не менее 1000 дес.) и притом-дворянских.

В следующие годы, когда страх дворян перед аграрным движением прошел, покупка частных земель Крестьянским банком пошла гораздо медленнее по 150—200 тыс. дес. ежегодно; в конце концов до 1914 года было куплено им всего около 4½ мил. дес. Кроме того ему переданы были земли удельного ведомства свыше 1 (1,2) мил. дес. а всего на всего до 1915 года во владение банка поступило около 6½ мил. дес.. Средняя цена за десятину покупаемой банком частной земли была 105 руб., следовательно всего было уплачено продавцам от 450 до 500 мил. руб.. Так „спасал“ Крестьянский банк крупных частных землевладельцев, главным образом дворян, от раззорения и от беспокойств, связанных с владением имениями среди бушевавшего аграрного пожара. Он поддерживал при этом цены на землю, не давая им падать, и даже способствовал их повышению, ибо покупал он частные имения тогда, когда кроме него никто их не хотел брать и давать за них настоящую цену. Конечно, нет сомнения, что и без Крестьянского банка дворяне распродали-бы свои имения, но распродали за бесценок и гораздо скорее, чем при посредничестве банка. И так, одна скрытая цель деятельности Крестьянского банка после первой революции была достигнута: дворянство спасено от грозившего ему раззорения и получило до 500 мил. руб. вместо бездоходных или малодоходных имений.

Теперь посмотрим, как „спасал" банк крестьян от малоземелья и хозяйственного истощения.

На пороге 1906 года у банка было всего на всего 315 тыс. дес., да куплено было им в этом году более 1 мил. дес.. Из этого огромного запаса банк продал крестьянам всего около $39^{1}/_{2}$ тыс. т. е. не более 3%. Об'ясняется это так, что ожидая прирезки земли и отобрания ее у землевладельцев, крестьяне и не думали покупать банковую землю. Но уже в следующем году удалось продать крестьянам 191 тыс. дес. из банкового запаса, что об'ясняется потерей в это время многими крестьянами веры в скорое отобрание земель у помещиков. Не встречая сначала доверия среди народа, банк в эти первые годы после революции рад был всякому покупателю; а так как обращались к нему главным образом сельские общества и товарищества, то им он и продавал тогда землю.

Но с 1908 года в направлении работ Крестьянского банка наступил поворот, о котором мы уже говорили: снабжение землею нуждающихся крестьян теперь отступило на задний план, а главной заботой банка стало насаждение нового хуторского и отрубного земельного строя. Громадный запас имений банка обращен был как-бы в одну обширную показательную школу для наглядного обучения крестьян—общинников хуторскому и отрубному частному землевладению.

Три года—1908—1910-й—целиком ушли на исполнение этой задачи. Продажа земли единоличным хозяевам хуторами и отрубами становится главнейшей заботой банковых чиновников. Уже в 1908 году в единоличное владение было продано из запасов банка 126 тыс. дес. и количество это росло с каждым следующим годом, пока в 1910 году оно не дошло до 700 тыс. дес. Наоборот, товариществам и сельским обществам банк не только не помогает, но всячески старается помешать таким покупкам. Правда, сначала это ему плохо удается.

В 1908 году банку всетаки еще пришлось уступить товариществам и сельским обществам $^{3}/_{5}$ всей земли, проданной из банковых запасов.

Но уже в следующем году на всех общественных, *коллективных* покупателей досталось не более $^{1}/_{5}$ части земли проданной из запасов банка, а в 1910—и еще того меньше лишь 7% (приблизительно $^{1}/_{4}$ часть). Банк не только отказывал товариществам и сельским обществам в продаже земли из

своих запасов, но старался растроить и прежние подобные союзы покупателей. За четыре года (1908—1912) было разорвано на части путем продаж с торгов до 300 тыс. дес. товарищеских и мирских земель, купленных ранее при помощи того-же банка.

Этой линии Крестьянский банк держался и в следующие годы—1911—1915-й. В конце концов за все время от первой революции до 1916 года им было продано из своих запасов единоличным собственником около 3-х (2.916) миллионов дес., а обществам и товариществам почти 900 (893) тысяч дес., тем и другим вместе—3 мил. 810 тысяч дес.. Значит из каждой сотни дес. банковой земли перешло в руки отдельных хозяев 77 дес., во владение коллективов (сельских обществ и товариществ) —23 дес..

Более ³/₄ проданной земли пошли на насаждение в России нового земельного строя, строя частной собственности..

Кто-же именно покупал землю из банкового запаса? Каково было обеспечение землею покупателей до приобретения нового участка у банка?

В 1906 году из сотни покупателей банковой земли 18 были совершенно безземельными, 27 имели на душу муж. пола менее 1¹/₂ дес., 15—от 1¹/₂ до 3-х десятин, 21—от 3 до 6 дес. и 18—более 6 дес..

В 1907-м году безземельные покупатели составляли 13 человек из каждой сотни, самые малоземельные (меньше 1¹/₂ дес. на мужск. душу)—38 человек, владельцы от 1¹/₂ до 3-х дес.—30 человек, имевшие от 3 до 6 дес. на д. м. п.—15 чел. и еще более многоземельные—4 человека. В среднем на одного безземельного покупателя приходилось около 10 дес. купленной у банка земли, на покупателей-же, имевших землю,—от 4 до 6 дес.. Отсюда видно, что безземельные покупатели не были самыми слабосильными; наоборот, они принадлежали, очевидно, к наиболее обеспеченным из покупателей, если могли приобретать чуть не вдвое больше земли, чем прочие, владевшие землею и до покупки ее у банка. Что-же касается этих прочих покупателей, то из них все те, которые имели до покупки менее 3 дес. на муж. душу, должны быть признаны без всякого сомнения недостаточно наделенными. В таком случае окажется, что немного более половины (52%) в 1906 году и ⁸/₁₀ (79%) в 1907 году принадлежали к малоземельным крестьянам.

В 1908-м году по своему земельному обеспечению покупатели банковых имений делились следующим образом: безземельные составляли среди них $^1/_4$ часть (25%), малоземельные (имевшие меньше 9 дес. *на двор*) почти $^2/_3$ (65%), более же обеспеченные землею-около $^1/_{10}$ (9, 4%) части. Если опять отбросить безземельных покупателей, как более зажиточных, то около $^9/_{10}$ (87%) прочих покупателей придется считать малоземельными.

Таковы были покупатели банковых имений, пока большая часть этих земель переходила во владение коллективов (товариществ и сельских обществ). С следующего (1909-го) года банковая земля поступала главным образом к единоличным собственникам. И вот оказывается, что в 1909—1915 годах среди *единоличных* покупателей безземельные составляли немного более $^1/_4$ (25%) части, малоземельные до 9 дес. *на двор* $^2/_3$ (66%) а более обеспеченные-около ($^1/_{12}$) 8% части.

Среди покупателей товариществами в те-же годы безземельные составляли немного более $^1/_{10}$ (12%) части, малоземельные-почти $^7/_{10}$ (68%), обеспеченные—$^1/_5$ (20%).

Среди покупателей целыми сельскими обществами безземельных была только $^1/_{20}$ (5%) часть малоземельных—$^7/_{10}$ (70%) и обеспеченных $^1/_4$ (25%).

Оказывается, что безземельных в эти последние годы было всего более среди единоличных покупателей, а всего меньше—среди общественников. Но мы уже знаем, что безземельные единоличные покупатели не были самыми нуждающимися и слабыми. С другой стороны, в товариществах, а тем более—в сельских обществах безземельных и должно было оказаться меньше, ибо в товарищества действительно слабых из них не принимали по их ненадежности, а в сельских обществах уравнение земли не давало образоваться большому числу безнадельных хозяев. Но здесь эти безземельные были в тоже время и наиболее бедными хозяевами.

Что-же касается достаточно обеспеченных землею покупателей, то их более всего оказалось в сельских обществах, меньше-среди товарищей, еще меньше-среди одиночных хозяев. Наконец безусловно малоземельных была почти одинаковая доля среди всех покупателей в коллективах (товариществах и обществах) их насчитывалось от 68 до 70-ти, а среди единоличных покупателей—66 на каждую сотню. Исключивши безземельных

получим среди единоличных покупателей действительно недостаточно обеспеченных землею 85 на сто; в коллективах-же таких хозяев (вместе с безземельными) будет от 80 в товариществах до 75—в сельских обществах.

Как-же изменилось земельное обеспечение этих покупателей после приобретения банковых участков?

В ответ на этот вопрос у нас имеются сведения, касающиеся 1909—1915 годов.

Из этих сведений видно, что среди единоличных покупателей крестьян, имеющих менее 3 дес. на двор, до покупки была третья часть (33%), а стало потом 16 на тысячу, т. е. приблизительно *в 20 раз меньше*. Крестьян, имевших от 3 до 6 дес. на двор была до покупки 1/5 часть, а стало менее 1/20 (4%), т. е. число их сократилось *в пять раз*. Количество хозяев владевших 6—9 дес. на двор, после покупки немного увеличилось: было их 9%, стало 10%, т. е. около 1/10 части и тогда и теперь.

Зато чуть не *в шесть раз* увеличилось число крестьян, имеющих от 9 до 15 дес. на двор: их была 1/20 часть, а стало гораздо больше 1/4 (29%). Еще сильнее среди единоличных покупателей земли у банка возросло число дворов с участками от 15—25 дес., до покупки их была лишь 1/60 (2%) часть, а после стало более 1/3 (36%), т. е. увеличение *в 18 раз*. Тех-же, которые владеют участками свыше 25 дес., была до покупки земли у банка самая незаметная горсточка—8 на тысячу покупателей, после-же покупки их оказалась среди единоличных покупателей почти 1/5 часть (19%),—*больше в 23 раза*.

Значит, произошла как будто общая подвижка всех покупателей-единоличников вверх по лестнице земельного обеспечения; но при этом больше всего выиграли средние и сильные покупатели. После покупки земель у банка малоземельных хозяев (меньше 9 дес. на двор) среди единоличных покупателей осталось только 15 на сотню, а было 53, средне-земельных (от 9 до 15 дес. на двор) стало 29 на сто—было же только 5, а многоземельных (более 15 дес. на двор) оказалось большая половина (55%) тогда как раньше их приходилось меньше 3 на сотню. Следовательно, через покупку банковой земли более 8/10 единоличных покупателей стали достаточно или даже хорошо обеспеченными.

Теперь посмотрим, как изменилось земельное обеспечение

крестьян, покупавших банковую землю не по одиночке, а товариществами.

Хозяева, владевшие меньше, чем $1^1/_2$ дес. на двор, составляли среди товарищей до покупки банковой земли немногим более $^1/_{10}$ (11%), а после покупки их стало 3 на сотню; значит, число их сократилось *чуть не вчетверо*. Далее, владельцев от $1^1/_2$ до 3 дес. на двор было до покупки 15 на сто, а после покупки их—6 на сто: *в два с половиной раза* меньше. Число товарищей, имеющих от 3 до 6 дес. на двор, от покупки земли у банка мало изменилось: было их 26 человек на сотню, стало 24; произошло небольшое уменьшение—и только. Так-же мало изменилось, но уже в другую сторону, число владельцев от 6—9 дес. на двор: было 16 на сто, а стало 18—немножко более. Зато почти *вдвое* увеличилось количество товарищей с дворовыми участками от 9—15 дес.: было их до покупки 14, а потом оказалось-27 на сто. Еще заметнее возросло число владельцев от 15 до 25 дес.: с 5 на сотню до 14-ти, *чуть не втрое*. Но сильнее всего увеличилось количество самых многоземельных, имеющих более 25 дес. на двор: *в пять раз* (с 1 до 5%). Значит, безусловно малоземельных (имеющих меньше 9 дес.—на двор) среди товарищей было до покупки банковой земли 68 на сто, т. е. более $^2/_3$, а осталось после покупки немного более половины (51%); среднеземельных (от 9—15 дес. на двор) была $^1/_7$ часть, а стало более $^1/_4$ (27%), многоземельных же (более 15 дес.) было 6 на сто, а стало 19, почти $^1/_5$ часть. Итак, вследствие покупки банковой земли товарищи разделились на две почти совершенно равные половины: одна несколько меньшая, сделалась достаточно или даже излишне обеспеченной землею, другая немного большая (5%) осталась малоземельной.

Сравнивая эти перемены с теми, которые произошли в землевладении *единоличных* покупателей банковых земель, мы замечаем, что обращение к помощи банка оказалось гораздо более действительным для отдельных хозяев, чем для товарищей. Первые чуть не все ($^8/_{10}$) приобрели достаточно или много земли, а из последних—лишь половина. Среди первых осталось очень немного действительно малоземельных (около $^1/_7$ части), а среди последних—всетаки целая половина. Среди первых число малоземельных сократилось через покупку банковой земли *в четыре с лишним раза*, а среди товарищей—только *на одну четверть*. И далее, внимательно всматриваясь в измене-

ния земельного обеспечения у единоличников и у товарищей, мы замечаем у первых крутые и резкие перемены, у последних-же гораздо менее сильные. Так, напр., количество самых малоземельных (меньше 3-х дес. на двор) уменьшилось среди единоличников сразу-же *в двадцать раз*, а среди товарищей едва лишь *втрое*. Равным образом и количество самых многоземельных (владельцев более 25 дес. на двор) среди единоличников возростало *в 23 раза*, а среди товарищей—только *в пять раз* и т. д.

Отсюда видно, что выгода от покупки земли у банка распределялись гораздо равнее при приобретении земли вскладчину, чем поодиночке, но самые эти выгоды были для крестьян товарищей значительно меньше, чем для единоличников.

Обратимся теперь к покупщикам, приобретавшим банковую землю целыми сельскими обществами. Многие-ли из них и насколько выиграли в своем земельном обеспечении от помощи банка?

Прежде всего замечаем, что самые малоземельные, имеющие менее 1½ дес. на двор, остались почти в прежнем числе: было их в сельских обществах раньше покупки немного-9 на сто, а после покупки стало и еще немного меньше: 8 на сто. Так-же мало изменилось и число владельцев от 1 ½ до 3 дес. на двор: было их 14 на сто, осталось 12, немного меньше. Мало заметно, уменьшилось и число хозяев, имеющих от 3 до 6 д.: с 29 до 28 на сотню. Наоборот, несколько увеличилось количество крестьян с наделами от 6—9 дес. на двор: было их 18, а оказалось 20 на сто. Таким образом, в сельских обществах до докупки было 70% всех малоземельных, а после покупки стало 68%, т. е. лишь немножко менее. Но зато совсем не осталось безземемьных, которых до покупки было 5%. Следовательно, для огромного большинства (¾) покупателей-общественников помощь банка дала лишь небольшой выигрыш, но не избавила его от малоземелья. Свыше ⅔ их остались и после покупки банковой земли недостаточно ею обеспеченными.

Меньшая часть общественников всетаки выиграла, хотя и не столь сильно, как единоличные покупатели Так, число общественников, владевших наделами от 9 до 15 дес было до покупки 19 не сто, а после нее стало 23 на сто. Владельцы дворовых наделов от 15—25 дес. составляли раньше 4% общественников, теперь их стало 7%, т. е. число их увеличилось

чуть не вдвое; равно-же *вдвое* возросло количество самых многоземельных, имеющих более 25 дес. Было их в сельских обществах не более 1 на сто, а после покупки стало 2 на сто. Значит, многоземельные (более 15 дес. земли) до обращения к помощи банка составляли $^1/_2{}^0/_0$ часть общественников, а теперь их насчитывается около $^1/_{10}$ ($9^0/_0$). Итак выходит, что $^1/_3$ покупателей—общественников выиграли от приобретения банковой земли настолько, что не стали нуждаться в земле, а некоторые —даже получили ее в избытке (более 25 дес. на двор). Остальные-же $^2/_3$ не утолили вполне и своего земельного голода. Произошло это от того, что как *до* покупки, так и *после* нее, земля распределялась в сельских обществах равномернее, чем в товариществах и гораздо ровнее, чем среди отдельных хозяев—покупателей. Выгода от покупки банковой земли для общественников были невелики, но зато участие в этих выгодах принимали все или чуть не все общественники.

Из всего сказанного видно, что покупка земли у банка имела совершенно различное значение, смотря по тому, покупали ли крестьяне эту землю поодиночке, или товарищескими обществами. Всего выгоднее была покупка поодиночке, но она была только не всем под силу; кроме того от нее выигрывал тем больше, чем обеспеченнее землею и средствами покупатель был раньше. Единоличная покупка создавала главным образом средних и богатых землею владельцев-крестьян, а покупка товариществами и обществами служила лишь некоторым, весьма слабым подспорьем безземельным и малоземельным хозяевам, не избавляя, однако большую часть их от земельной нужды.

Таково было значение покупки банковой земли для крестьян в те годы, когда банк задался целью насаждать в России новый земельный строй, основанный на мелкой крестьянской частного собственности, на хуторах и отрубах.

Итак, банк отказался продавать свои земли товариществам и обществам, а если всетаки продавал, то лишь в каких нибудь особых, исключительных случаях, чаще всего для дополнения наделов необходимыми угодьями, напр. выгонами и лугами. Трудно было крестьянам добиться продажи банковой земли в товарищескую и общественную собственность. Между тем мы уже знаем из 9-ой главы, что товарищеские, а особенно—общественные покупки оказывались наиболее удобными и доступными для самых бедных и нуждающихся в земле крестьян,

да и земля, попавшая в руки товарищей и общественников прочнее держались в них, чем купчая земля от отдельных хозяев. Все это побуждало крестьян и после революции 1905—1906 года стараться приобретать землю коллективно—товариществами и сельскими обществами. А так как банк своей земли с 1908 года коллективам почти не продавал, то крестьяне принуждены были производить товарищеские и общественные покупки у частных землевладельцев; но при этом они всетаки не могли обойтись без денежной помощи банка. Он и теперь, после революции, не только торговал *своею* землей, но давал ссуды крестьянами и на покупку *частных* земель.

Эта *посредническая* деятельность Крестьянского банка после первой революции шла рука об руку с продажей его собственных земель, при чем и здесь банк с 1908 года старался вести все ту-же линию: всячески помогать устройству отдельных хуторских и отрубных хозяев на купчих землях и насколько можно—тормозить переход частных земель в коллективную (товарищескую и общественную) крестьянскую собственность. Но здесь покупатели уже менее от него зависили, а потому и действие его на них в этом духе было гораздо более слабым и неудачным.

За все время с 1906 по 1915 год было куплено крестьянами при посредничестве банка 5 мил. 710 тыс. дес., в том числе 4 мил. 712 тыс. дес.—коллективами (обществами и товариществами) и 998 тыс. дес.—отдельными хозяевами. Следовательно, более $^{8}/_{10}$ (82%) всей земли, купленной крестьянами из частных владельцев при денежной поддержке банка, было приобретено в коллективную собственность и менее $^{1}/_{5}$ (18%) —в единоличную. Как раз обратное мы видили при расмотрении распродажи Крестьянским банком его собственных земельных запасов: там более $^{3}/_{4}$ земли попало в собственность отдельных хозяев и немого более $^{1}/_{5}$—в руки коллективов. При этом и общее количество земель, купленных у банка, оказалось значительно меньше того, какое было приобретено крестьянами у частных владельцев за одно и тоже время между двумя революциями. У банка, как сказано выше, было куплено всего около 4 (3,810) миллионов дес., а у частных лиц—около 6 (5,710) мил. дес., почти на 2 мил. больше. Из каждой сотни десятин земли, купленной за это время крестьянами с той или

иной помощью банка, 41 дес. ($^2/_5$) приобретены из банкового запаса а 59 дес.—($^3/_5$) из частных имений.

Об'ясняется это именно тем, что банк не одобрял коллективных (товарищеских и общественных) покупок, которые крестьяне решительно предпочитали, и кроме того тем, что банк понуждал покупателей своей земли селиться хуторами. Это отбивало крестьян от покупки банковой земли и вынуждало их приобретать частновладельческие земли, хотя это было для покупателей гораздо менее выгодно. Дело в том, что покупая частные земли, крестьяне платили обыкновенно дороже, чем за банковые участки. Так с 1906 по 1913 год средняя цена за десятину банковой земли была 113 р. 70 к., а за десятину купленной крестьянами частновладельческой—139 р. 20 к., т. е. покупка десятины земли у банка обходилась на $25^1/_2$ р. дешевле. Так как за эти годы (1906—1913) было куплено крестьянами у частных владельцев через банк круглым счетом 5 мил. дес., то переплата их за землю приблизительно равняется 116 мил. р., Между тем крестьяне в следующие годы (1914—1915) купили у частных лиц еще свыше 700 тыс. дес. и, следовательно, продолжали переплачивать. Таким образом, удерживая свои займы для распродажи их исключительно отдельными хуторами и отрубами, Крестьянский банк заставлял крестьян тратить лишние миллионы на покупку частной земли и тем самым, нанося ущерб крестьянам, играл скрыто на руку частным землевладельцам, давая им выгодных покупателей и не позволяя падать ценам на их имения.

Что-же касается самого хода покупки крестьянами частной земли с ссудами из банка, то до 1910 года единоличные хозяева покупали этой земли очень мало: в 1906 г. 7 тыс. дес., в 1907 г.—12 тыс., в 1908 г.—26 тыс. и в 1909 г.—70 тыс. В те-же годы коллективы (товарищества и общества) приобретали сотни тысяч десятин: в 1906 г. 476 тыс., в 1907 г.—741 тыс., в 1908 г.—668 тыс. и в 1909 г.—606 тыс. В течение 2-х лет (1908—1909 г.) банковые чиновники почти ничто не могли поделать с этими покупателями, чтобы отговорить их от коллективных покупок и принудить к единоличным. И только с 1910 г. в этом отношении замечается некоторый успех: единоличные покупки частных земель сразу-же возрастают, но коллективные продолжают всетаки оставаться на первом месте. Так, в 1910 году было куплено с помощью банка частных

земель: коллективами 603 тыс. дес., единоличниками—153 тыс. дес.; в 1911—коллективами 603 тыс. дес., одиночками—217 тыс. дес. и т. д. т. д.

В конце концов всетаки крестьянская купчая земля оказывалась чаще в руках коллективных владельцев, чем единоличных. Так, из $9^1/_2$ (9,520) мил. дес. земли, приобретенной за 1906—1915 гг. крестьянами с помощью банка (из его и частных земель), во владение коллективов (обществ и товариществ) перешло более 5, 6 (5,605) мил. дес., а во владение отдельных хозяев менее 4(3,914) мил. дес.

Если принять в рассчет, что до 1905 года у обществ было приблизительно 4 мил. дес., а у товариществ—8 мил. дес. купчей земли, то окажется, что *коллективное* крестьянское купчее землевладение дошло теперь до $17^1/_2$ мил. дес., т. е. увеличилось приблизительно в *полтара раза*. Единоличных-же купчих земель у крестьян было до революции 1905 года 13 мил. теперь единоличное купчее крестьянское землевладение достигло тоже 17 мил., увеличившись на 30%. Иначе говоря, там где до революции у крестьян было 100 дес. *коллективной* (ненадельной) земли, теперь стало 147 дес.; а где было 100 дес. *единоличной* собственной (ненадельной), там стало 130 дес. Следовательно, не смотря на все старания правительства размножить единоличные крестьянские купчие земли, они после 1905 года росли *медленнее и слабее*, чем коллективные (товарищеские и мирские) владения.

Обратимся теперь к рассмотрению того, кто именно из крестьян принимал главное участие в покупке частных, а не банковых земель после революции 1905 г.

На этот счет мы имеем такие сведения, касающиеся как тех годов (1909—1915), когда Крестьянский банк особенно старался обратить прибегавших к его помощи покупателей в хуторян и отрубников.

Прежде всего, каково было раньше земельное обеспечение покупателей частной земли при посредстве банка?

Начнем разбор с *единоличных* покупателей. Из 94 (93,983) тысяч их 31%, т. е. около $^1/_3$ совершенно не имели земли. Затем 8 человек из каждой сотни имели меньше $1^1/_2$ дес. на двор, 20 человек из 100 ($^1/_5$ часть) от $1^1/_2$ до 3 дес., почти столько-же (19%) владели участками от 3 до 6 дес.; $^1/_{10}$ часть (10%) имела от 6 до 9 дес. на двор, 7 человек из 100 владели

от 9—15 дес., 3 человека—от 15 до 25 дес. и 7 человек *на 1000* имели более 25 дес. Следовательно, безусловно малоземельных среди единоличных покупателей было более половины (57%); многоземельные-же (не менее 15 дес.) составляли самую ничтожную часть—менее 4 человек на каждую сотню.

Если теперь сравнить это земельное обеспечение единоличных покупателей *частной* земли с таким-же обеспечением единоличных покупателей *банковой* земли, [1]) то окажется, что безземельных среди первых было больше (1/3), чем среди вторых (1/4); малоземельных (до 9 дес.) немного менее (57%, а там 66%), а обеспеченных землею (владельцы 9-ти и более дес.)—значительно больше—почти в полтора раза (здесь 11%. там 8%). Отбросивши безземельных, состоятельность которых не вполне ясна, получим тот вывод, что *в общем* единоличные покупатели частных земель были несколько лучше обеспечены землею, чем единоличные покупатали банковых земель. Этого и следовало ожидать, если принять во внимание, что банк всячески навязывал свою землю отдельным домохозяевам и при том по более дешевым ценам, чем просили частные владельцы. Ясно, что только несколько более обеспеченные землею и средствами отдельные крестьяне имели нужду в покупке частной, а не банковой земли. Но всетаки и среди них большинство было малоземельных.

Как-же изменилось землевладение этих единоличных покупателей частной земли после приобретения ее с помощью Крестьянского банка?

Безземельные среди них совершенно исчезли. Самых малоземельных (до 1½ дес. на двор) стало в 20 раз меньше (теперь их 0,4%); от 1½ до 3 дес. на двор после покупки имели уже только 4 человека из сотни, т. е. *в пять раз меньше*; владельцы от 3 до 6 дес. немного уменьшились в числе: их стало 13 на сто; зато почти *вдвое* увеличилось количество хозяев с участками от 6 до 9 дес. (теперь их 19%) и почти вчетверо—владельцев от 9—15 дес. (их стало 27%). Многоземельные имеющие от 15—25 дес., увеличились более, чем *в семь раз* (до 22%), а самые обеспеченные (более 25 дес.)—даже *в 20 раз* (до 14%). Таким образом, всего сильнее изменилось количество самых необеспеченных и самых многоземельных

---

[1]) См. выше стр.

среди единоличных покупателей. Если до покупки большинство их были малоземельны, то после покупки около ²/₃ (64%) оказались уже достаточно или-же хорошо обеспеченными землей всетаки 36 человек из ста остались и после покупки малоземельными, зато ровно столько-же получили много земли.

Сравнивая эти изменения землевладения единоличных покупателей частных земель с переменами у таких-же покупателей *банковых* имений, замечаем большое сходство, но есть и немаловажная разница. Там малоземельных покупателей после приобретения банковых участков оказалось 15, а здесь 36 на сто, т. е. в два с лишним раза меньше. Равным образом и многоземельных там оказалось *большинство* (55%), а здесь немного больше ¹/₃ (36%). Следовательно, помощь банка единоличным покупателям *его земель* была гораздо сильнее и действительнее, чем помощь отдельным хозяевам при покупке ими *частных земель*: тот, кто хотел и *мог* купить землю один, должен был предпочесть покупку банковой земли.

Теперь обратимся к товариществам, покупавшим частную землю с помощью Крестьянского банка.

До этой покупки среди товарищей оказывалось 12% безземельных: чуть не втрое меньше, чем среди единоличных покупателей. Затем около ¹/₁₀ (9%) части их были крайне малоземельными (они имели менее 1¹/₂ дес. на двор), 16% (около ¹/₆ части) почти также плохо были обеспечены землей (у них— от 1¹/₂ до 3 дес. на двор), и свыше ¹/₄ (27%) части владели участками от 3 до 6 дес.. Столько-же, сколько и самых малоземельных (16%), было товарищей с участками от 6 до 9 дес.. Таким образом, малоземельных хозяев в товариществах насчитывалось 68 на сто, больше ²/₃. Среднеземельные, имевшие от 9 до 15 дес., составляли около ¹/₇ (13%) части товарищей, многоземельные (с участками от 15 до 25 дес.)—¹/₂₀ (5%) часть, а самые богатые землей (более 25 дес.)—¹/₁₀₀ (1%). Следовательно, достаточно и хорошо обеспеченные землею товарищей до покупки земли через банк всего на всего было около ¹/₅ (19%) части.

Как-же изменилось их землевладение после покупки частновладельческой земли с помощью Крестьянского банка?

Крайне малоземельные теперь составляли только ¹/₅₀ часть (2%), стало быть, количество их уменьшилось почти *в пять раз.* От 1¹/₂ до 3 дес. на хозяина теперь имели 6 чел. из 100, т. е. более чем в 2¹/₂ раза число их уменьшилось. Владельцы

участков от 3 до 6 дес. сократились в числе приблизительно на $^1/_3$: их теперь около $^1/_5$ части (19%). Во столько же почти увеличилось число владельцев от 6—9 дес. земли: их стало более $^1/_5$ (21%). Таким образом, после покупки число малоземельных товарищей сократилось не очень много, меньше чем на треть: с 68 до 48 на каждую сотню. Значит, если до покупки их было больше $^2/_3$, то теперь их всетаки *около половины.*

В то-же время довольно сильно увеличилось число средноземельных (9—15 дес.), именно—в 2 с лишним раза: их стало 28 на сто: выше $^1/_4$ части. Еще более заметно увеличилось число многоземельных (от 15 до 25 дес.): их теперь 17 на сто, почти в $3^1/_2$ раза больше прежнего. Но всего сильнее увеличилось число самых обеспеченных землей (больше 25 дес.),—*в семь раз*: теперь их уже 7 на сотню. Однако и после покупки частной земли с помощью банка многоземельные составляли лишь около $^1/_4$ части всех товарищей.

Сравним эти перемены в землевладении товарищей, покупавших через банк *частную* землю, с такими-же переменами у товарищей, приобретавших *банковые* имения. У тех и других товарищей произошли очень сходные изменения в землевладении. Разница замечается лишь в том, что из покупателей банковых имений всетаки несколько большая половина осталась малоземельной, а среди покупателей частной земли малоземельные немного не достигли половины; их все-же оказывается меньше, чем среди покупателей банковых имений. Значит, в борьбе с малоземельем покупка частной земли дала достаточную помощь несколько большему числу товарищей, чем покупка банковых имений. Кроме того и число многоземельных после покупки стало несколько более значительным среди товарищей—покупателей частной земли, чем среди покупателей банковой. Выходит, что товариществами выгоднее было брать частную землю, чем банковую, хотя первая бы ценилась гораздо дороже.

Но в общем, при покупке, как той, так и другой земли около половины товарищей не могли избавиться от малоземелья, а действительно хорошее земельное обеспечение получали от $^1/_5$ до $^1/_4$ части товарищей—не более. Но зато земля, приобретаемая товариществами, ровнее распределялась между покупателями, чем при единоличных покупках.

Перейдем к рассмотрению землевладения сельских обществ, покупавших частную землю с помощью Крестьянского банка. Как обеспечены были эти общественники *до* покупки?

Среди них было менее 1/20 (4%) части совершенно безземельные, т. е. втрое меньше, чем среди покупщиков—товарищей и чуть не в восемь раз меньше, чем среди единоличных покупателей частной земли. Ничтожные наделы, меньше 1½ дес., имели 8 человек из каждой сотни; почти вдвое больше (15%) владели наделами от 1½ до 3 дес.; около 1/3 (32%) имели от 3 до 6 дес. и, наконец, несколько более 1/5 (21%) было владельцев от 6 до 9 дес.. Стало быть, малоземельные общественники составляли более 3/4 (76%) всех сельчан, а вместе с безземельными 4/5. Достаточно и хорошо обеспеченными были лишь прочие (1/5 часть). При этом многоземельных (от 15—25 дес.) насчитывалось среди них 4 на сто, богатых землею (свыше 25 дес).—1/100 часть, а средненадельных (от 9—15 дес.) —1/7 (14%).

Что-же произошло с их землевладением вследствие покупки частной земли через банк?

Безземельных, конечно, не стало. Меньше 1½ дес. теперь имели только 4 человека из 100, т. е. их стало *вдвое* меньше; от 1½ до 3 дес. оказывалось у 6 из 100: число их уменьшилось *в 2 с лишним раза*. Сократилось на треть и количество общественников с участками от 3 до 6 дес.: теперь их немного более 1/4 (21%). По 6—9 дес. после покупки имело несколько больше чем прежде число общественников—23 на сто, а было таких 21. Всего-же малоземельных общественников после покупки осталось 54 на 100, т. е. немного *более половины*, тогда как было свыше 3/4.

Среднее земельное обеспечение (9—15 дес.) получили теперь 27 чел. на сотню; следовательно таких общественников стало почти *вдвое* больше. От 15—до 25 дес. имеют после покупки 8 хозяев на сто, опять *вдвое* больше, а еще большие участки—3 общественника из сотни—*втрое* больше прежнего. Таким образом, многоземельные составляли после покупки несколько более 1/10 (11%) части, а была их только 1/20 часть.

Выходит, что и после покупки частной земли с помощью банка *большинство общественников остались малоземельными*, но всетаки свыше 2/5 (46%) из них избавились от земель-

ной нужды, причем около $^1/_{10}$ части покупателей сделались даже многоземельными.

Опять сравним эти перемены с такими-же у общественников, купивших банковые имения. Тогда окажется, что общественная покупка *частной* земли давала помощи в борьбе с земляной нуждой гораздо большей доле покупателей, чем покупка *банковых* имений. Там и после покупки чуть не $^7/_{10}$ общественников остались малоземельными, здесь-же лишь несколько больше половины. Точно также и достаточное земельное обеспечение через покупку частной земли получили более $^2/_5$ общественников, а через приобретения банковых имений лишь $^1/_3$ часть их. Следовательно, если покупать землю целым обществом для утоления земельного голода, то выгоднее было приобретать *частные* земли только с ссудой из крестьянского банка, чем *банковые* имения. В то-же время замечаем, что как и при общественной покупке у банка, приобретаемая обществами частная земля распределяется внутри их довольно равномерно, во всяком случае более равно, чем при покупках в одиночку и даже—в складчину, товариществами. Выгоды от приобретения частной земли общественниками вообще говоря не велики, но зато они касаются в большой или меньшей мере всех участников покупки: земельное обеспечение их всетаки улучшается.

За 1909—1915 год 194$^1/_2$ тыс. отдельных хозяев купили немного более 3(3,099) мил. дес. из запаса Крестьянского банка, почти по 16 дес. на каждого покупателя. Кроме того за те-же годы почти 94 тыс. отдельных хозяев купили частных земель с ссудой из банка 953 тыс. дес., в среднем по 10,1 дес. на брата. Между тем товариществами и обществами около 104$^1/_2$ тыс. хозяев за 1909—1915 г. купили у банка 481 тыс. дес., по 3,6 дес. на участника. Да из частных имений с помощью банка 533 тыс. крестьян купили за те-же годы всего 4 мил. 712 тыс. дес., меньше чем по 9 дес., на участника. Это показывает, что покупки единоличных хозяев, когда они приобретали банковые имения, были чуть не вчетверо крупнее, чем покупки коллективов; но и при покупках частных земель участки единоличных хозяев были более значительны, чем доли покупной земли, приходившиеся на товарищей и общественников.

Если подсчитать вместе покупателей земель банковых и

частных за 1909—1915 годы, то окажется, что из 927 тыс. крестьян многоземельными стали круглым счетом 266 тыс.: около 29 хозяев на каждую сотню. Немного меньшее число— 252½ тыс. или 27% получили земли достаточно (от 9 до 15 дес.), а остальные 44%, т. е. свыше ⅖, остались малоземельными. Из 289 тысяч единоличных хозяев около 141 тыс., или 49%, сделались многоземельными (т. е. имели не менее 15 дес. на двор); из 462 тысяч покупателей—товарищей многоземельными стали 107 тыс., или 23%, а из 176 тыс. покупателей общественников—лишь 18 тыс., т. е. около 1/10 часть. Из хозяев, получивших *достаточное* обеспечение,—целая половина состоит из товарищей и 17%—из общественников. Следовательно до ⅔ достаточно обеспеченных покупателей сделались такими через *коллективные* покупки и только ⅓—через единоличные. Из покупателей, ставших многоземельными, немного более половины (53%) приходится на единоличных покупателей, ⅖ (40%)—на товарищей и 1/12 (7%)—на общественников. Следовательно, добрая половина ставших многоземельными, сделалось таковыми через единоличные покупки, значительное меньшинство—через товарищеские и лишь ничтожная доля— через общественные. Наконец, покупатели, оставшиеся малоземельными, наполовину принадлежат к членам товариществ; общественников среди малоземельных насчитывается 3/10, а единоличников вдвое меньше (15%). Следовательно, огромное большинство покупщиков, не получивших в конце концов достаточного земельного обеспечения, покупали землю коллективно. Отсюда видно, что *к многоземелию* вернее всего и чаще всего приводили единоличные покупки, *к достаточному*, но не изобильному, *обеспечению*—товарищеские, а довольно часто и единоличные; *к небольшому-же*, но всетаки недостаточному *улучшению земельного обеспечения*—чаще всего вели товарищеские и нередко—общественные покупки.

Единоличные покупки, далеко не всем посильные, помогали отдельным крестьянам подниматься *выше среднего* уровня земельного обеспечения (9½ дес. на двор), коллективные-же покупки, более доступные для слабых хозяев, улучшали земельное положение всех участников, но улучшали немного, помогая большинству из них сделаться *средними* по землевладению, а многих лишь несколько поддерживая в их земельной нужде.

Все это подтверждает сказанное нами раньше о значении коллективного приобретения земли крестьянами: оно было важно для них именно тем, что давало доступ к земле самым необеспеченным хозяевам и ровнее понемногу распределяло между ними приобретаемую землю. Но вовсе от земельной нужды оно освобождало их гораздо реже, чем единоличные покупки.

Как-бы-то ни было, путем-ли единоличных или коллективных покупок, крестьяне, приобретая банковые и частные земли, завладели с помощью банка очень большим количество имений, находившихся до той поры в собственности нетрудовых землевладельцев—преимущественно дворян. Как уже сказано, за все время с 1906 по 1915 год ими было куплено с помощью Крестьянского банка круглым счетом 9½ мил. дес. Из этого земельного запаса *по крайней мере 4 мил. дес.* попали в руки среднеобеспеченных и миллиона два во владение тех, которые остались малоземельными и после покупки. Во всяком случае несомненно, что почти вся приобретенная с помощью банка земля пошла на расширение трудового сельского хозяйства—мелкого, среднего и крупного.

По точным подсчетам, сделанным в 1911 году, из 5 мил. 600 тыс. вновь приобретенных тогда крестьянами после 1905 года земель около 1½ мил. (т. е. 26,7%) куплены участками менее 50 дес. каждый; затем до 500 тыс. дес. (почти 9%) участками от 50 до 100 дес.; 2 мил. дес. (36%) участками от 100 до 500 дес., прочая-же земля (1,6 мил. дес.) еще более крупным кусками. Земля, купленная имениями от 100 до 500 дес., принадлежит в большей своей части коллективам—обществам и товариществам: им-же принадлежит и значительная доля более обширных купчих имений. Если предположить, что *так-же* распределялась покупаемая крестьянами земля и после 1911 года, то получим следующий расчет.

Не менее 2 мил. 536 тыс. дес. купленной с помощью банка земли падет на трудовых сельских хозяев, покупавших мелкие участки меньше 50 дес. каждый; затем окол 900 тыс. дес.—на долю покупателей от 50 до 100 дес., преимущественно—единоличных, не трудовых хозяев из крестьянского сословия; далее, почти 3½ (3,4) мил. дес. окажется в руках покупателей от 100 до 500 дес. и прочие 2,6 мил. дес.—у более крупных покупателей. Взявши из покупок крупных

покупателей все количество земли, приобретенной обществами и товариществами—$5^1/_2$ мил. дес., получим на долю *трудовых сельских хозяев* около 8-ми ($5^1/_2+2^1/_2$) мил. дес., или *84 дес. из каждой сотни.* На долю-же *нетрудовых* хозяев из крестьянского сословия остаются около $1^1/_2$ мил. дес. купленной с помощью банка земли. В действительности доля единолично купленной этими нетрудовыми хозяевами земли, вероятно, несколько крупнее, так как после 1911 года банк продавал *свои* земли почти исключительно единоличным хозяевам. Но остановимся пока на этом подсчете.

Если вспомним, что из всех купчих земель, приобретенных крестьянами за все время до революции 1905 года, на долю трудового сельского хозяйства приходилось только 4 мил. дес. единоличной и 12 мил. дес. коллективной собственности, то следует сказать, что за десять лет после этой революции трудовое сельское хозяйство получило вновь около половины земельного запаса, каким раньше располагало. Там, где до 1905 года было 100 дес. трудовых купчих земель к 1906 году стало по крайней мере 150 дес..

Таким образом, Крестьянский банк волей неволей делал то важное дело, которого от него требовала народная нужда; доставлял крестьянскому хозяйству необходимую ему землю, беря ее из владений нетрудовых собственников. Другой вопрос, *хорошо-ли* он делал это важное для народа дело и *на-каких условиях* он представлял не трудовую землю в распоряжение трудовых сельских хозяев.

На этот вопрос приходится отвечать отрицательно: делал он свое дело не согласно с желаниями трудового народа и доставлял ему барскую землю на тяжелых, можно сказать, ростовщических, кабальных условиях.

На самом деле, продавая землю крестьянам, банк требовал от них, чтобы они, вопреки своему желанию, становились хуторянами или отрубниками. Только тогда он предлагал им довольно льготные условия. В противном-же случае он требовал с своих заемщиков больших доплат наличными деньгами. Так, напр., на одну десятину земли, покупаемой через банк, в 1906 г. выдавалось в ссуду 104 руб., а требовалось доплаты—19 р.; в следующем году на 117 р. ссуды доплата составляла 16 р., в 1908 году при 116 р. ссуды требовалось 32 р. доплаты; в 1909 году на 109 р. ссуды—35 налич-

ными, в 1910 г.—на 100 р., ссуды 36 р. доплаты и т. д.. Иначе говоря, наличными деньгами приходилось доплачивать от 15 до 35%, что было для среднего крестьянина очень тяжело. Но *единоличным* покупателям *своей* земли банк оказывал значительные льготы. Так, в 1908 году при покупке банковой земли требовалось 5 руб. доплаты, а при покупке частной—32 р.; в следующем году—в первом случае доплата была менее 8 р., а во втором—почти 35 р. и т. д.

Доплаты были непосильны крестьянам и вели к обременению и даже растройству их хозяйства. Чтобы давать необходимые наличные деньги, покупатели продавали рабочий скот и орудия, занимали деньги у кулаков, истощали землю непрерывными посевами и т. п.

К тому-же вели и высокие ежегодные платежи банку, тем более, что платежи эти взыскивались очень строго и даже иногда жестоко. Высокие платежи получались вследствие того, что цены на покупаемые с помощью банка земли были дорогие и с каждым годом все более и более повышались. Так, средняя покупная цена десятины в 1905 г. была 111 р., а в следующем она дошла уже до 127, еще следующем—до 143, в 1909 г. —до 144, в 1912 г.—до 145 р. и т. д. Значит, за 7 лет цена десятины земли, приобретаемой крестьянами через банк, возросла чуть не на целую треть. Там, где в 1905 году надо было заплатить за землю 100 р., теперь приходилось уплачивать уже 131 р.. Вследствие этого ежегодный платеж заемщика все более и более увеличивался. Заемщику приходилось платить больше, чем земля действительно стоит и часто гораздо больше, чем сколько получается с нее чистого дохода.

Правда, для хуторян и отрубников, покупавших банковые земли и переселяющихся на них, платежи были в общем гораздо меньше, чем для прочих заемщиков. Но зато эти крестьяне попадали в самую мелочную и назойливую опеку чиновников банка, которые следили за всем их хозяйством, вмешивались во всю их жизнь и делали ее для крестьянина похожей на старинную крепостную неволю.

Можно без ошибки сказать, что крестьянин, приобретавший единолично банковые хутора или отрубы, попадал в полную и бессрочную власть банка, становился как будто бы его подневольным работником. Своими заботами и указаньями банк донимал его не меньше, чем платежами. Но если так

относился Крестьянский банк к тем, кого он считал своими любимыми сынками, то тем более тяжела была зависимость от него для тех заемщиков, которых он считал постылыми пасынками: к покупателям товарищам и общественникам. Их он держал в ежовых рукавицах и не упускал ни малейшего случая, чтобы расстроить их земельный союз и разбить его, превративши их в отдельных землевладельцев При каждой заминке в платежах, при первой-же неисправности, на коллективного заемщика сыпались штрафы, начислялись пени, недоимки беспощадно взыскивались и должники запутывались в сетях банка, как будто бы он действовал не для помощи им, а для гибели их хозяйства.

Всего за 6 лет (1906—1912 г.г.) было выдано Крестьянским банком $25^1/_2$ тыс. ссуд на покупку земли; в том числе $226^1/_2$ тыс.—(88%)—отдельным хозяевам, 27 тыс. (10%)—товариществам и $3^1/_2$ тыс. (2%)—сельским обществам. По этим ссудам было выдано 837 мил. руб. залог $7^1/_2$ мил. дес. земли, купленной более чем 1000 миллионов руб. (1,000261 тыс). На каждого хозяина, единолично покупавшего землю через банк, легло 16000 руб. долга на каждое товарищество—13000 руб., на каждое сельское общество—34.000 руб. Кроме того заемщики должны были уплачивать проценты на занятый капитал, нести на себе расходы по содержанию Крестьянского банка и пр. Неудивительно, что многие из них впадали в недоимки, а некоторые до того запутались в долгах, что их земли отбирались банком обратно. Так, в 1906 году осталось за банком земель таких неисправных заемщиков $5^1/_2$ тыс. дес., в следующем году—втрое больше (159 тыс. дес.), еще в следующем—141 тыс. дес. Правда, в остальные годы отобранных земель оставалось за банком гораздо меньше, от 18 до 50 тыс. дес. ежегодно. Но всетаки, к 1913 году у банка накопилось почти 265 тыс. дес. крестьянских земель отобранных за недоимки.

За тридцать лет с самого основания Крестьянского банка и до 1913 года при помощи его было куплено крестьянами 15 мил. 842 тыс. дес. земли, которая заложена в банке, за 1329 мил. руб.; в среднем на каждую десятину пало 84 руб. долга при покупной цене в 104 руб. за дес. Из этих земель через 30 лет 15 мил. $366^1/_2$ тыс. дес. еще оставались в залоге у банка и на них лежало более одного мил. $303^1/_2$ тыс. руб. долга. Иначе говоря, за 30 лет была погашена только $^1/_{50}$ (2%)

часть долга и перешла в окончательную, полную собственность крестьян 476 тыс. дес. земли, т. е. приблизительно 3 дес. из каждой сотни. Так трудно было выпутаться из долга и сделаться полными хозяевами купчей земли заемщикам банка: зависимость от него оказывалась продолжительнее человеческого поколения. И эта задолженность крестьянского землевладения с течением времени все более и более увеличивалась.

В последние годы, с 1907-го, Крестьянский банк стал выдавать ссуды и под залог наделов, что раньше строго запрещалось. За 6 лет было заложено 34-мя тысячами крестьян около $21^1/_2$ тыс. дес. надельной земли за 5 мил. 766 руб. Таким образом, не только купчая, но и надельная земля стала обременяться долгами и переходить этим путем во власть Крестьянского банка. С помощью его правительство держало в денежной зависимости от себя до 10 тыс. сельских обществ, около 70 тыс. товариществ и до полумиллиона отдельных хозяев. Это давало правительству возможность действовать на всю жизнь и хозяйство этих заемщиков, получая кроме того в свои руки значительную часть их заработка, их дохода. Неизменно повышаясь, платежи заемщиков банка достигли за последнее время 50 мил. руб. ежегодно. Для казны эта сумма, конечно, была незначительна, но для хозяйства крестьян-заемщиков она была чрезвычайно обременительна.

Итак, Крестьянский банк помогал трудовым хозяевам бороться с земельной теснотой, но помощь его была для крестьян тяжела и приводила их почти к безысходной зависимости от правительства. Заемщики банка работали в значительной мере не на себя, а на казну, и земля заложенная ими в Крестьянском банке, далеко еще не могла считаться их настоящей и полной собственностью. Ежеминутно она могла ускользнуть из рук крестьянина. Особенно сильна была власть правительства над хозяйством и землею хуторян и отрубников, покупавших банковую землю. Из них-то именно П. А. Столыпин и надеялся сделать гвардию „сильных трудовых“ мелких землевладельцев, защитников частной земельной собственности в России. И таких „гвардейцев“ правительству удалось навербовать около 300 тыс. хозяев, а семьями—более $1^1/_2$ мил. человек.

Таковы были в конце концов плоды деятельности Крестьянского банка после революции 1905 года, таково было зна-

чение этой деятельности для правительства, дворянства и для народа.

Разрушением общинно-уравнительного земельного строя и насаждением мелкой частной собственности в коренной Европейской России П. А. Столыпин и руководимое им правительство не ограничились. Желая застраховать себя и частных нетрудовых землевладельцев от нового огромного движения, от повторения 1905-го года, правительство приняло меры к тому, чтобы удалить в глухие места, на окраины, сильнее всего измученое земельной нуждой и оттого самое недовольное крестьянское население. Правительство чувствовало, что деревенская Россия, задыхаясь от земельной тесноты, кипит внутри, как котел; оно боялось, что котел этот может взорваться, если не открыть в нем отдушины, через которую могли бы выйти лишние пары—народное недовольство. Такой отдушиной для правительства и послужило после революции 1905 г. *переселение*.

С помощью этого последнего средства правительство надеялось разрядить земледельческое население коренной России, дать землю за Уралом, в Сибири наиболеее обездольнным крестьянам, выселить их на отдельные окраины государства—вот к чему стало стремиться теперь правительство.

Мы уже знаем, что раньше оно, наоборот, всячески задерживало тягу крестьян на новые земли, боясь оставить помещиков без дешевых работников и выгодных арендаторов. Но аграрное движение показало, что опасности этой нечего бояться, что народа в деревне слишком много; наоборот, гораздо опаснее казалось теперь оставлять этот малоземельный и безземельный рабочий люд бок о бок с помещичьими экономиями и именьями, которые он не прочь был-бы захватить. И вот уже с 1903 г., но особенно—с 1906-го, правительство начинает всячески побуждать крестьян к переселению за Урал; оно зовет их туда, манит их, расхваливая Сибирскую жизнь и обещая им всякие льготы и пособия. Оно об'являет полную свободу посылки ходоков и заботится о том, как можно больше и скорее перевезти переселенцев в Сибирь. В первые годы после революции ему это во многом и удается.

Во время Японской войны заселение Сибири само собою приостановилось. В годы революции крестьяне чаяли получить землю дома, не покидая родины. Но вот первая Государственная Дума разогнана, а с нею погибли и народные надежды на скорое и

мирное разрешение земельного вопроса. Наступило разочарование; многие отчаялись получить землю у себя на родине и поддались на призывы правительства. На переселение решились, как на последнее средство добыть землю, решались самые обездоленные и маломочные: в поисках земли двинулась крестьянская беднота за Урал. Переселенческая волна взлила в 1907 году с небывалой силой. Еще в 1906 году всего прошло Сибирь переселенцев и ходоков около 179 тыс. душ (об. пола), а в следующем году уже *втрое* больше—почти 575 тыс; волна 1908 года оказалась еще выше: около 759 тыс Таким образом, за три года переселилось $1\frac{1}{2}$ мил душ между тем, как за 20 предшествующих лет число всех переселенцев было только 1 мил. 885 тыс. Иначе говоря, в 3 первые года после революции прошло за Урал $\frac{4}{5}$ того количества, какое накопилось за все прежнее время: число переселенцев в Сибири сразу же почти удвоилось.

В следующие затем годы переселенческие волны понемногу спадают: в 1909 году прошло еще около 680 тыс., но в 1910 г. уже только 323 тыс. приблизительно вдвое меньше, а в 1911 г., —всего 226 тыс. Но затем, в следующие года число переселенцев стало опять увеличиваться: 259 337 и 336 тыс. В конце концов за все время с 1914 год переселилось за Урал круглым счетом 3 мил. 700 тыс. душ о. п., *вдвое больше, чем за все годы до революции*; при этом $\frac{2}{3}$ этих переселенцев ушли из России в первые 4 годы (1906 -1910) после революции, когда ежегодно переселялось в среднем не менее полумиллиона. Как будто целый народ двинулся с своей родины в поисках новой земли и лучшей привольной жизни!

Однако, правительство, начавши призывать народ к переселению, стремилось только к тому, чтобы избавиться от беспокойного и недовольного люда в деревнях коренной России, но мало заботилось о том, чтобы приготовить для переселенцев хорошую жизнь на новых местах. Да оно и не ожидало сначала такого большого наплыва переселенцев. И вот правительство вскоре-же после разгона и 2-ой Государственной Думы, почувствовавши себя снова в безопасности, начинает опять тормозить переселенческое движение: оно запрещает самовольную, без разрешения начальства, посылку ходоков, распределяет весь земельный запас Сибири между землеустроительными комиссиями, устанавливает очередь для отправки пере-

селенцев. Сокращает оно и помощь переселенцам. Так с 1910 года выдача пособий в пути отменяется, стесняется бесплатный проезд переселенцев и ходоков, а выдача ссуд разрешается лишь под условием, чтобы переселенцы выходили на отруба и хутора.

Переселенческие чиновники не могли справиться с народной тягой за Урал. Они не успевали нарезывать для новоселов землю, проводить дороги и вообще приготовлять дикие леса Сибири для человеческого жилья. Годных к хлебопашеству земель оказалось там совершенно недостаточно для такого большого числа переселенцев; приходилось брать землю у старинных коренных сибиряков, сокращая их наделы и возбуждая их недовольство.

И всетаки земли переселенцам не хватало, а воздвигнутые наскоро правительством „плотины", чтобы предохранить Сибирь от „наводнения" ее переселенцами, оказывались недостаточными, чтобы удержать народное стремление к вольной земле и лучшей доле. И вот мы видим, что с одной стороны с 1907-го года быстро растет самовольное, без разрешения начальства, переселение, а в то-же время усиливается и обратное движение в Россию переселенцев, которым не удалось устроиться на новых местах.

Так, в 1907 году, на сотню переселенцев приходилось только 15 самовольных, а в два следующие года—уже 49, т. е. чуть не половина всех. Обратные переселенцы в 1906 году составляли еще только 40½ тыс., а в 1907 году их уже стало более 111 тыс.; в следующем году число обратных переселенцев даже немного сократилось; однако, в 1909-м оно поднялось почти до 140 тыс.. Таким образом, только за 4 первые года после революции более 400 тысяч человек вернулись назад на родину, не будучи в силах устроиться в негостеприимной Сибирской тайге. Перевезенные за Урал, они испытывали здесь страшные лишения. По целым годам они не могли дождаться отвода им земельных участков, принуждены были жить на квартирах у местных жителей. Среди них распространялись повальные болезни, они проедали все свои запасы и все хозяйственное обзаведение. Измученные, они возвращались домой, но возвращались на пустое место. Что осталось у них на родине? У большей части их и было-то очень мало добра, да и то пришлось распродать, чтобы сколотить деньжонок на пересе-

ление, а главное — многим пришлось продать самое ценное имущество — свои наделы.

Из России уходили в первые годы после революции чаще всего крестьяне, гонимые земельным голодом.

На самом деле, за 5 лет, с 1907 по 1911-й, передвинулось за Урал свыше двух миллионов крестьян или 338½ тыс. семей. Из них почти четвертая часть (24,5%) вовсе не имела на родине наделов, около ²/₅ пользовалась наделом от 3 до 6 дес. Следовательно. более ⁴/₅ (84%) переселенцев были выброшены с родины тисками малоземелья. Впрочем, от него-же страдали в сильной степени и значительная часть тех переселенцев, которые имели от 6 до 10 дес. надела на семью, а таких было ¹/₁₀ часть. Без ошибки можно сказать, что около ⁹/₁₀ переселенцев были у себя на родине малоземельными или безземельными. Были даже такие губернии (Ломжинская, Кутаисская и Эриванская) откуда *все* переселенцы были безземельными; в 6-ти губерниях западного края безземельные переселенцы составляли ⁹/₁₀, а в 22-х губерниях коренной России безземельные среди переселенцев составляли не менее половины. Больше всего безземельных переселенцев было в первые года после революции, а затем доля их среди переселенцев стала понемножку сокращаться. Наоборот, доля самых малоземельных (от 1—3 дес. на двор) за те же годы медленно повышалась, дойдя ²/₅ в 1910 году. Владельцы наделов от 3 до 10 дес. в 1907 году составляли 30 на сотню переселенцев, а к 1911 году почти — треть, (32,8%). Имевшие на родине более 10 дес. на семью в 1907 году были мало заметной кучкой среди переселенцев: всего каких нибудь пять хозяев из сотни, а в 1911 году они уже составляли более заметную группу — почти 9 человек на сто. Выходит. что постепенно среди переселенцев становилось меньше безземельных и больше средне-земельных хозяев: к концу первого пятилетия после революции, оставлявших на родине на менее 3 дес. надела, стало более ³/₅, а было вначале этой поры только около ⅓ (35%). Происходило это и само собою и от тех помех, которые правительство начало ставить переселению к концу этого пятилетия. Первые волны переселенцев, наводнившие Сибирь после революции, состояли из людей, гонимых земельной нуждой и отчаявшихся утолить ее дома, на родине. Потом, когда эти волны немного схлынули, за Урал стали переселяться уже более обеспеченные, менее

изголодавшиеся дома, семьи, хотя и в это время малоземельные всетаки среди них преобладали...

Что-же оставляли эти слабые хозяйством крестьяне у себя на родине?

Как поступали они с своим наделом, с домом и добром?

Мы уже упоминали выше, что переселенцы воспользовались указом 9 ноября 1906 г., чтобы путем укрепления и продажи надела сколотить деньжонок на дорогу и первое обзаведение за Уралом. Уже в 1907 году 78 хозяев из сотни переселенцев укрепили наделы, а 67 и продали их; в 1900 году укрепили наделы $^{9}/_{10}$ переселенцев, а свыше $^{8}/_{10}$ и продали их. Все эти хозяева, развязавшись раз навсегда с своей надельной землей, потеряли последнюю надежду на возврат домой, а вернувшиеся—лишены были всякого пристанища и всякой возможности восстановить на родине свое былое сельское хозяйство. При этом переселенцы продавали свои укрепленные наделы за самую низкую цену. Напр., при продаже надела они выручали 87 р. за десятину, а всего 372 р. на семью! Из за этой ничтожной суммы многие тысячи переселенцев, которым не удалось устроиться на новых местах, вернувшись назад на родину, уже не имели никакой возможности снова завести свое самостоятельное сельское хозяйство и должны были превращаться в наемных рабочих пролетариев. А таких неудачников только в первые четыре года после революции набралось уже более 400 тысяч., а за все време до великой Европейской войны,—пожалуй, около пол миллиона... Следовательно, переселение малоземельных, соединенное с укреплением и продажей надела, способствовало *пролетаризации* крестьянства после первой революции.

Но и те переселенцы, которые не вернулись обратно, а таких оказалось за все время между двумя революциями не менее 3 миллионов, встретили на новых местах немало лишений и горя. Особенно трудно приходилось маломочным и слабосильным хозяевам. Большинство переселенцев—новоселов оказались однолошадными хозяевами, а в Сибири с одной лошадью нельзя оборудовать настоящего трудового хозяйства. Тяжелая почва, суровый климат, незнакомая местность, все это создает такие трудности для ведения хозяйства, что новоселам приходится немало горевать на новых местах. К тому-же и коренное Сибирское крестьянство —„старожилы“—не особенно дружелюбно

стало встречать новоселов, особенно с тех пор, как правительство, в поисках земель для нарезки переселенческих долей, стало стеснять землепользование коренных сибиряков. На этой почве между старожилами и новоселами загорелась во многих местах вражда, переходившая иногда и в прямые столкновения.

Как-бы трудно ни жилось переселенцам за Уралом, они всетаки ушли из коренной России навсегда и хотя-бы часть их нашли там для себя новую землю и новую долю.

Какое-же влияние оказало переселение этих 3 миллионов крестьян на разрешение земельного вопроса в России? Разредилось-ли от этого местное земледельческое население? Стало-ли ему легче дышать от выселения его малоземельных и безземельных собратьев?

Переселившиеся из России крестьяне оставили у себя на родине от $1^1/_2$ до 2 мил. дес. надельной земли, которая путем покупки и аренды досталась местным крестьянам. Земли этой могло-бы хватить на обеспечение приблизительно 250 тыс. (считая по 8 дес. на двор) хозяйств. Между тем одних сильно мало земельных дворов (с наделом до 5 дес.) было еще в 1905 г. 2 мил. 858 тыс. Если бы всю землю, оставшуюся от переселенцев, разверстать поровну между этими дворами, то на каждый двор не пришлось бы даже и по одной десятине. Между тем переселенческие наделы попали в руки не тех, кто больше всего нуждался в земле среди оставшегося местного населения, а тех, кто имел деньги, чтобы купить укрепленные переселенческие наделы. Следовательно, оставленная переселенцами на родине земля далеко не вся пошла на утоление земельного голода.

Как ни сильно было переселение в первые годы после революции, оно еще и потому не могло разредить земледельческого населения Европейской России, что переселенцев всетаки оказывалось меньше, чем нарождалось новых жителей от естественного размножения. Ежегодно наростало в деревнях от $1^1/_2$ до $1^3/_4$ милл. душ. Чтобы переселение могло разредить сельских жителей, надо, чтобы переселялось ежегодно более, чем нуждается, т. е. около 2 миллионов. Между тем даже в самые первые годы после революции переселенцев никогда не было и одного миллиона в год. Стало быть, путем переселения нельзя было разрешить земельного вопроса и избавить крестьянство от земельной тесноты. За время между двумя ре-

волюциями одно сельское население увеличилось по крайней мере на 3 миллиона дворов, т. е. приблизительно в *пять раз больше*, чем сколько переселилось за Урал из Европейской России.

Итак, избавить крестьянство от „аграрного кризиса" переселение не могло и после первой революции. Но всетаки П. А. Столыпин и его сторонники кое чего добились, перевозя малоземельных и безземельных крестьян за Урал. Этим путем им удалось избавиться от 2—3-х миллионов недовольных, жаждущих земли людей, забросивши их в далекую Сибирь, часто в такие глухие места, куда „ворон костей не заносил". В том заключался *политический* плод переселения и его значение для правительства и „об'единенного дворянства".

Таково было в самых главных своих видах Столыпинское „*землеустройство*": борьба с общиной, насаждение частного землевладения и переселение — вот три „кита", на которых держались все надежды П. А. Столыпина и „об'единенного дворянства", старавшегося и не без успеха подчинить своим интересам правительство Николая II-го после первой революции.

Рассмотревши в самом главном земельную политику П. А. Столыпина, попробуем подвести итог всему сказанному в этой последней главе.

Столыпинское „землеустройство" преследовало двоякую цель; экономическую и политическую. По этому и плоды этого „землеустройства" были двояки. Оно оказало свое действие, во первых, на хозяйственную жизнь народа, во вторых, на политический строй государства.

Каково-же было действие Столыпинского „землеустройства" на хозяйственную жизнь народа?

Совершенно очевидно, что земельного вопроса правительство не разрешило: оно не в силах оказалось путем продажи крестьянам земли и переселения их в Сибирь утолить земельную нужду даже самых обездоленных хозяев, которым нельзя было на своих ничтожных наделах вести сколько нибудь правильно (а тем более—улучшать) свое трудовое сельское хозяйство. Вместо этого правительство все свои усилия направило на разрушение надельного землевладения и на замену его строем частной земельной собственности. П. А. Столыпин, руководивший правительством, действовал при этом, как чело-

век; верящий во всемогущество предписаний начальства и совершенно не желающий сообразовать свои поступки с волей народа и его прошлой исторической жизнью. Он хотел стереть с лица русской земли все особенности, которыми отличался земельный строй России вследствие исторического хода народной жизни; он задумал ввести повсюду в государстве одинаковый, новый и мало распростаненный в России земельный строй—отрубную и хуторскую личную собственность. А для этого он не остановился перед уничтожением общинного и семейного землевладения, расселением слобод и деревень. Он как будто-бы забыл или не знал, что земельный строй нельзя ввести по приказу начальства, ибо он складывается в соответствии с многолюдством населения, с хозяйственными нуждами народа, со степенью его гражданского и умственного развития, с его привычками и вкусами, наконец с особенностями каждого края и его жителей. Между тем замена общинного землевладения личной собственностью, да еще с выходом на отруба и хутора, могла принести действительную хозяйственную пользу крестьянам только там, где трудовые сельские хозяева сами чувствовали в этом нужду и кроме того имели достаточно земли для этого нового уклада всего своего хозяйства. Такие местности в России были, напр., в некоторых районах Витебской и Виленской губ., и в прочих краях выход на хутора и отруба был выгоден для хозяйства хорошо обеспеченных землею крестьян. В огромном-же большинстве коренных Великорусских губерний и во многих Малорусских и Белорусских, такая перемена земельного строя не вызывалась нуждами крестьянского хозяйства и потому насильственное разрушение привычного общинного землевладения могло оказаться и действительного оказывалось вредным для трудового сельского хозяйства. Вновь устроенные единоличные крестьянские хозяйства чаще всего были слабы и шатки, не имели внутренних сил для самостоятельного, без поддержки правительства, развития и процветания. Поэтому многие из них влачили жалкое существование, а огромное большинство нисколько не улучшало своего сельского хозяйства. При первом же неурожае, пожаре, падеже скота и пр. несчастиях, такие хозяйства гибели или-же хирели окончательно. Укрепленные наделы, превратившись в товар, одни стали служить средством наживы, другие попали в залог к Крестьянскому банку, а их

владельцы сделались безнадежными должниками. Не лучше оказалось и положение единоличных хозяйств, устроенных на землях Крестьянского банка или с его денежной помощью.

Конечно, нельзя сказать, что меры правительства к устройству хуторов и отрубов *никому* не принесли хозяйственной пользы *и нисколько* не помогли улучшению приемов и способов сельского хозяйства в России. Для некоторых, немногих по сравнению со всем земледельческим людом, хозяев такая помощь правительства была выгодна и способствовала усовершенствованию их сельского хозяйства. Но эта польза была каплей в море крестьянской нужды и не подвигала даже на воробьиный скок всего народного хозяйства вперед по пути усовершенствований и развития. Не сделав крепкими, образцовыми и передовыми хозяевами своих питомцев — хуторян и отрубников, правительство ради этих немногих избранников расстроило хозяйство целых десятков миллионов крестьян, оставшихся при старом земельном строе. Оно отняло у них для хуторян и отрубников лучшие земли, связало их хозяйство по рукам и ногам, нарушило его обычный склад, не давая ему возможности итти вперед даже тем медленным шагом, каким оно шло до сих пор. В виду этого можно сказать, что в конце концов Столыпинское „землеустройство" принесло народному хозяйству России *гораздо больше* горьких плодов, чем добрых. Целей своих в хозяйственной области эта земельная политика не достигла.

Более успешна на первый взгляд она была в *политическом* отношении: П. А. Столыпину лучше удались ближайшие политические цели, к которому стремилось поддерживавшее его „об'единенное дворянство". Но в конце концов рассчет его и здесь оказался довольно близоруким.

Революция 1905 года поставила на очередь вопрос о перестройке всего земельного уклада России по *образцу надельного землевладения*, стремясь возможно большее количество нетрудовой частной крупной собственности тем или иным путем превратить в трудовое землевладние, уничтоживши тем самым несоответствие между земельным и сельско хозяйственным строем России.

П. А. Столыпин пошел как раз в противоположную сторону: в противовес стремлению крестьянства он захотел перестроить земельный строй России *по образцу нетрудовой ча-*

стной собственности на землю. Если народ обнаружил намерение водворить в России *царство трудовых земельных порядков за счет нетрудовой частной государственности*, то П. А. Столыпин попытался создать в России *царство частной личной собственности на землю за счет трудового надельного землевладения.* Если аграрное движение 1905 года поставило на карту *частную* земельн. собственность *нетрудового* склада, то Столыпинское „землеустройство“, наоборот, обрекло на уничтожение *надельное крестьянское землевладение.* Самые жестокие гонения обрушились при этом на общинное землевладение с его уравниванием наделов по душам, так как здесь именно всего ярче выражалась сама „живая душа“ надельного землевладения, его стремление к всеобщему равенству и его трудовая природа.

Ставя на место надельного землевладения мелкую крестьянскую личную собственность, правительство хотело образовать прочный фундамент, который был-бы оплотом существующего строя как политического, так и социального. За спиной мелкого земельного собственника—крестьянина безопасно и спокойно было бы и крупному нетрудовому землевладельцу—дворянину и купцу.

Несомненно, правительству удалось расстроить ряды врагов нетрудового землевладения и внести пламя внутренней вражды в крестьянский мир. Удалось создать в каждой деревне „внутренний фронт“ социальной войны, войны из-за земли; в общинной России возгорелась борьба между миром и укрепленцами, а повсеместно еще—борьба между деревенскими и хуторянами. Всюду, в каждой семье, тлела искра вражды из-за земли между отцом и детьми, стариками и молодежью... Само собою разумеется, что хуторяне и отрубники, укрепленцы и покупатели наделов чувствовали себя врагами общества, но любимцами начальства, и волей неволей должны были держать его руку и зорко беречь свои „собственные“ земли. Два или 2½ миллиона этих новых „собственников“, рассеянные среди стамиллионного крестьянства, конечно, были на стороне правительства, пока оно было в силе. На них и расчитывало правительство опереться в борьбе с народом на случай нового аграрного движения. Насколько его рассчеты оказались недальновидными, показала революция 1917 года, разрушившая старый политический строй России, а вместе с ним смывшая без следа,

и остатки отжившего свое время дворянства, и новую „Столыпинскую“ крестьянскую гвардию собственников.

В конце концов земельная политика П. А. Столыпина принесла России неизмеримо больше вреда, чем пользы. Вред ее об'ясняется тем, что дело *чисто хозяйственное*, перемену земельного строя деревни, П. А. Столыпин сделал предметом *политической азартной игры*, создал из хутора черное знамя отжившего свой век дворянского господства. Этим он не столько помог, сколько повредил единоличной земельной собственности, возбудил против нее большинство как подворного, так и общинного крестьянства. Вредна оказалось политика Столыпина и тем, что в дело хозяйственного устройства крестьян она внесла *насилие и вражду*, заставляя большинство страдать ради удовлетворенья интересов меньшинства. Не разрешивши земельного вопроса, не справившись с крестьянским малоземельем, не двинувши вперед сельского хозяйства, политика правительства, во первых, страшно запутала и усложнила аграрный вопрос, а во вторых, создала *опасность великой междуусобицы в деревне*. Но вопреки ожиданиям П. А. Столыпина его охранительная политика в земельном вопросе облегчила гибель того политического строя, укрепить который она старалась изо всех сил. Именно, *насилием над волей и потребностями* многомиллионного трудового люда П. А. Столыпин с своими друзьями дворянами оттолкнул от старого правительства народные массы и заставил их окончательно потерять всякую надежду на то, что земельный вопрос будет разрешен в их пользу правительством Николая II-го.

Заключение.

Итоги борьбы за землю в России.

Наш очерк истории земельного строя России был-бы не полон, если-бы мы не попытались в конце концов подвести итог всему, сказанному в этой книге.

Окидывая одним последним взглядом всю историю земельного строя России, замечаем, что через всю ее многовековую ткань проходит как-будто-бы одна и та же красная нитка: из века в век неустанно идет борьба за землю между земледельцами и нетрудовыми классами. Те и другие тянутся к земле, стараются завладеть ею и установить на ней наиболее подходящий для себя строй отношений; при этом одни, земледельцы, тяготеют больше к демократическому земельному строю, каким является общинный уклад; другие—господа всякого рода—тянут к монархическому земельному строю, как можно назвать самодержавную власть частного единоличного собственника над землею.

В эту непрерывную тяжбу из-за земли между трудящимися и нетрудовыми, господскими классами с течением веков все более и более вмешивается третья сила, сила эта—государственная власть, правительство. Будучи, обыкновенно, под большим давлением высших, нетрудовых классов, правительство, однако, не всегда и не во всем держит их сторону, когда дело касается борьбы за землю. Оно принуждено прежде всего заботиться о собственном своем сохранении, а это заставляет его на первом плане иметь интересы внешней обороны и внутренней безопасности целого государства. Вследствие этого оно стремится подчинить земельный строй государственной власти и обратить землю в надел, служилый—дворянский или тяглый—крестьянский.

История России показывает нам, что в борьбе за землю

перевес только в самое последнее время стал склоняться на сторону земледельцев и то с большим трудом и очень медленно. Правда, в самом начале, в далекую пору земельного приволья, трудовой сельский хозяин шел впереди нетрудового и свободно владел и пользовался землей. Но с тех пор, как к земле потянулись господа из нетрудовых классов, перевес стал все сильнее и сильнее склоняться на их сторону: земля уходила из власти общин и отдельных трудовых хозяев и собиралась у бояр, монахов, князей. Между ними самими загорелась борьба за землю и привела к скоплению большей части ее в руках великих князей, а потом царей Московских, сделавшихся государями всей Великороссии. Так образуется государственный земельный запас, из которого земля начинает распределяться между дворянами, как надел—жалование за их военную и гражданскую службу. Давая землю помещикам, правительство, в интересах обороны государства, стремится сделаться единственным настоящим хозяином *всей* земли в России и ограничить власть над ней, как нетрудовых так и трудовых хозяев. Оно старается установить особый строй государственного землевладения с надельным землепользованием. Сначала ему, действительно, и удается при поддержке дворяв подчинить своей власти княжескую и боярскую землю, превративши и ее в служилый надел.

Однако, получивши землю, как жалование за службу, помещичий класс начинает стремиться к тому, чтобы укрепить ее за собою в полную самодержавную собственность и постепенно добивается этого. На этом земельном фундаменте строит дворянство свою политическую власть; оно делается господствующим сословием и собственником крестьянского труда. Подчинивши себе правительство, оно с его помощью овладевает и еще многими государственными землями—пустыми или заселенными крестьянами, превращая этих последних в своих крепостных.

Много позже, уже в XVIII веке стремясь сделаться в интересах казны хозяином общинных крестьянских земель, правительство встречает поддержку со стороны маломочного земледельческого люда, борющегося в своих собственных интересах с более сильными собратьями за уравнительное землепользование. Уступая его желанию и опираясь на него, правительство устанавливает в конце концов государственное зем-

левладение и уравнительное пользование общинными землями превращая их в трудовые земледельческие наделы.

Так к концу крепостной поры складываются в России два земельные строя, нетрудовой—дворянская частная собственность, и трудовой—государственное землевладение с уравнительным пользованием крестьянскими наделами. Падение крепостной неволи сопровождается распространением этого трудового земельного строя на третью часть дворянской земли и отменой сословной дворянской монополии на самодержавное владение землею. Частная земля становится общедоступным товаром и за нее разгорается борьба, как между нетрудовыми классами, так и между этими последними и земледельцами. В этой борьбе дворянство терпит одно поражение за другим, а земледельцы ценою страшных усилий все более и более побеждают, овладевая понемногу нетрудовой землей, которая стала ходким товаром.

Но этим путем земледельческий люд не в силах был победить окончательно и возвратить себе землю, в которую он уже много веков вкладывал свой труд. Тогда в конце концов он открыто поднялся на добывание себе силою земли, которая оставалась еще во власти нетрудовых классов; в первый раз (в 1905 году) он потерпел поражение, но поражение не полное и не окончательное; испуганные нетрудовые владельцы готовы были уступить трудовому сельскому хозяину значительную часть своей земли, но на выгодных для себя и тяжелых для крестьянина условиях купли—продажи. Тогда нетрудовая частная собственность быстрее прежнего стала переходить в руки земледельцев и остатки дворянского земельного могущества все более и более таяли. Воспользовавшись своей победой в открытой борьбе за землю. нетрудовые собственники сделали отчаянное усилие с помощью правительства удержать за собою земельную власть, напавши на сложившийся в России крестьянский земельный строй. чтобы его разорить и испортить, а также—перетянуть на свою сторону часть земледельцев, сделавши их собственниками. Но это удалось только отчасти и на короткое время; новая схватка в борьбе за землю, вспыхнувшая в 1917 году, отдала всю нетрудовую частную собственность во власть трудового люда; тогда последний распространил на нее тот земельный строй, который сложился

постепенно у него в медленном ходе истории: строй государственного землевладения с надельно-крестьянским пользованием.

Из этого краткого обзора видно, что в России земля, как главное богатство, была всегда предметом непрерывной борьбы между трудовым народом и нетрудовыми, господскими классами — с одной стороны, между государством и отдельными классами — с другой. При этом под давлением страшной тяжести, которой ложилась на всех оборона страны и содержание правительства, земля рано стала *служить государству*, власть-же над нею отдельных лиц и классов начала более или менее сильно ограничиваться правительством. В руках его земля сделалась *наделом*. В виду этого неограниченная, личная собственность на землю, это земельное самодержавие, не могла никогда настолько распространиться и укрепиться в России, чтобы сделаться здесь единственным и господствующим земельным строем. Наоборот, трудовой земельный порядок, в виде общинного земельного строя, сначала, долгое время уступая нетрудовому землевладению пядь за пядью, всетаки никогда не был окончательно обессилен и даже потом, когда правительство стало в интересах казны его поддерживать, он превратился в уравнительный и сделался государственным надельным землевладением, которое оказалось таким живучим, что в конце концов вступило в решительную борьбу с нетрудовым строем самодержавной земельной собственности и одолело его. Будет-ли эта победа окончательной и последней, никто не знает; но для внимательного наблюдателя народной жизни она не кажется ни случайностью, ни загадкой.

Трудовой земледелец России победил в борьбе за землю потому, что у него под ногами был многовековой фундамент: таким фундаментом было для него его маленькое трудовое сельское хозяйство. Россия сначала казалась княжеским и боярским царством, потом—царством царей и дворян, наконец—царством царей, землевладельцев и капиталистов. Но так скорее казалось снаружи, чем было в действительности. Внутри-же Россия всегда была и осталась до последнего времени *крестьянским царством*, ибо истинным царем ее был не тот, кто сидел на троне, управлял министерствами, господствовал над народным трудом и жил на его счет. Истинным царем России был тот, кто обрабатывал ее необ'ятную землю, кормил государство и защищал его на полях сражений. А это был кре-

стьянин, земледелец, трудовой сельский хозяин. Так было искони, так было и *вчера*, накануне революции 1917 года.

Что так было в прошлые века, показывает все содержание этой книги; а что так было *вчера*, об этом свидетельствует следующая картина народного хозяйства России.

По переписи, произведенной в 1916 году, в Европейской России насчитывалось всего на всего 15 миллионов 645½ тысяч сельских хозяйств; из них 15 милл. 535 тысяч принадлежали к трудовым крестьянским хозяйствам, а 110 тысяч—к нетрудовым, предпринимательским, т. е. таким, которые ведутся всецело или главным образом наемными руками. Значит, из каждой сотни сельских хозяйств *99—трудовые и одно* предпринимательское: иначе говоря, сельское хозяйство России целиком держалось на крестьянском труде, а предпринимательское сельское хозяйство было среди этого трудового едва заметно. Но не слишком-ли поспешно такое заключение? Ведь главная суть не *в количестве* отдельных хозяйств, а в их *силе и плодотворности.* Одно крупное хозяйство по своей силе часто равняется целой сотне маленьких и слабых хозяйств. Это, конечно; но трудовой строй сельского хозяйства России сказывается не только в подавляюще-огромном *числе* крестьянских хозяйств, но и в их значении в общенародном труде. Из 3-х тысяч миллионов рублей валового дохода от всего сельского хозяйства России 84% или 6/7 приходится на долю крестьянских хозяйств, которые вместе выращивают 80% или 4/5 всего хлеба.

Кроме того в крестьянских хозяйствах оказалось 94 головы скота из каждой сотни, а в предпринимательских только 6 из ста. А мы уже видели, какое важное значение имеет скот для сельского хозяина и как он определяет его силу. Но это еще не все. Из 71-го миллиона 709½ тыс. десятин, засеваемых в Европейской России, 64 миллиона находилось в крестьянских хозяйствах и 7 мил. 687 с лишним тысяч—в предпринимательских; по рассчету на сто десятин приходилось 89 дес. у крестьян и 11 (немного более 1/10 части) у владельцев. На одну голову скота приходилось у крестьян по 3,4 дес. посева, а у предпринимателей—5,6 дес. Значит, крестьянское хозяйство чуть не *вдвое* богаче животной рабочей силой, чем владельческое; обслуживая свои хозяйства рабочим скотом не хуже, чем предприниматели, крестьяне могли бы в 1916 году

силами наличного скота обработать почти *вдвое* больше посэва, чем имелось в их хозяйствах.

Это показывает, что, как и тотчас после „воли", крестьянское хозяйство не могло употребить с пользой *всей* своей рабочей силы, т. е. было меньше, чем ему надо было бы быть *по трудовой норме*, меньше приблизительно *наполовину*. Можно, поэтому, думать, что эта излишняя хозяйственная сила крестьянина, или пропадала для народного труда совершенно без толку, или же оживотворяла чужое, предпринимательское хозяйство, сельское и городское.

Что это действительно так и было, видно из сравнения хозяйственных средств крестьян с количеством земель, имевшихся у них для приложения трудовых сил. В то время, как более 9/10 скота и около 9/10 посева находились в трудовых сельских хозяйствах, эти последние пользовались немного более, чем 3/4 (77%) земли, а владели—еще меньшей долей ее, именно двумя третями. Получается такой рассчет вот каким образом.

Если мы возьмем все надельные земли (139 мил. дес.), которые с 1905 года не увеличились, и присчитаем к ним купчие земли трудовых крестьян (около 8-ми мил. дес после 1905 года, да 10 мил. дес. коллективных и мелких единоличных покупок, сделанных раньше первой революции, всего 24 мил. дес.) и мещан (в 1911 году около 3, 8 мил. дес скажем круглым счетом—4 мил.). то получим всего во владени трудовых сельских хозяев до 157 мил. дес.. Затем, возьмем вместе все земли нетрудовых владельцев: дворян (в 1911 году у них было 43 мил. 200 тыс. дес.: к 1915 году осталось еще меньше, так как с помощью банка крестьянами было куплено около 8 мил. дес. дворянских земель, если не все 9 мил : остановимся на первой из этих цифр: тогда у дворян останется около 42 мил. дес.), купцов (в 1911 г. около 18 мил. дес.), духовенства (в 1911 г.—300 тыс. дес.) „уделов" (8 мил. 800 тыс) и крупных крестьян (около 10 мил. дес.) всего 77 мил дес.. По этому подсчету выходит, что из каждой сотни десятин всей (кроме казенной) земли в Европейской России около 32 дес. находятся в руках нетрудовых хозяев и около 58 дес. у трудовых Значит, до *двух третей* земли принадлежат трудовому хозяйству Если-же вспомнить, что крестьянами арендовалось до 1905 года не менее 20 мил. дес. чужих земель, то всего

в пользовании трудовых сельских хозяев следует считать до 187-ми мил. дес., т. е. около 77 дес из каждой сотни: *немного больше трех четвертей.*

Отсюда видно, что строй сельского *хозяйства* России накануне революции 1917 года, в гораздо сильнее отличался трудовым складом, чем ее земельный строй: последний *на треть* был еще не трудовым, тогда как хозяйство было *почти целиком* трудовое. Эта несообразность, накапливавшаяся веками, и родила в конце концов отчаянную схватку трудовых и нетрудовых классов за землю: трудовое хозяйство, которому по мере роста земледельческого населения становилось тесно рядом с нетрудовыми землями, все сильнее и сильнее нажимало на эти земли, стремясь всеми законными путями овладеть ими, обратить их на свои потребительные нужды и сделать из нетрудовой земельной собственности поле для приложения своей излишней трудовой силы и хозяйственных средств, из которых одни бесполезно пропадали у земледельцев России, другие же давали нетрудовой доход чужому хозяйству.

Во время революций 1905 и 1917 года крестьяне от законых путей овладения нетрудовыми землями обратились к захвату их силою и достигли своей заветной цели Строй России был приведен в соответствие наконец, с ее сельскохозяйственным строем: тот и другой стали всецело трудовыми, крестьянскими. Нетрудовой земельный строй погиб от слабости нетрудового сельского хозяйства в России. Овладевши всеми землями, трудовые классы распространили на них и тот земельный строй, который наиболее приспособлен был для их маленького трудового сельского хозяйства: строй надельного государственного землевладения, общинно-уравнительного там, где он и раньше был таковым, подворного—в остальных местностях России.

Вместе с тем сделался однообразным и самый внутренний склад сельского хозяйства, которое стало служить почти исключительно для продовольствия многомиллионого земледельческого населения России. Мы уже не раз отмечали в соответствующих местах нашей книги, что крестьянское хозяйство всегда и прежде всего служило прокормлению собственной семьи земледельца и только по неволе отдавало часть своих плодов на сторону, в обмен на деньги, необходимые для уплаты сборов и приобретения самых важных изделий промышленности Таким продовольственным оставалось крестьянское сель-

ское хозяйство и накануне революции 1917 года. Наоборот, предпринимательское хозяйство было меновым, товарным: оно производило свои плоды на продажу из-за прибыли. Из 106 с лишним мил. едоков, насчитанных в 1916 году в Европейской России, около 18½ миллионов жили городским хозяйством, остальные — сельским; в том числе в крестьянских хозяйствах находилось более 82 миллионов едоков, а в предпринимательских — около 2½ (2, 4) миллионов. Значит в крестьянском хозяйстве было более ¾ всех едоков, а в городском — ⅙, всего ¼₀ часть. На одно крестьянское хозяйство приходилось в среднем более 5 едоков, а на одно предпринимательское — более 21 едока. Однако, из каждых ста пудов хлеба, продаваемого на рынке, только 60 пудов выходили из крестьянского хозяйства, а 40 — из владельческого. Отсюда, видно, что не имевшие своего хлеба едоки, жившие городским хозяйством, кормились почти наполовину плодами нетрудового сельского хозяйства. Из каждых 5 пудов, покупаемого ими хлеба, 3 пуда давали им трудовые сельские хозяева и 2 пуда — нетрудовые Если мы примем во внимание, что последних было чуть не в сто раз меньше, чем первых, то поймем, какое большое различие было в самом внутреннем складе между крестьянским и предпринимательским сельским хозяйством. Но так как крестьяне продавали хлеб только поневоле, для приобретения необходимых товаров и уплаты сборов, то продовольствие городов в сильной степени зависило от нетрудового владельческого сельского хозяйства. Обращение всех земель в крестьянские наделы для ведения на них трудового *продовольственного* хозяйства должно было создать в городах голодовку, ибо продаваемого, как товар, хлеба стало теперь гораздо меньше, чем было раньше. Это действительно и случилось; голодовка городов усилилась еще больше тогда, когда расстройство промышленности и отмена прежних казенных сборов сильно сократила для крестьянина самую нужду и выгодность продажи плодов своего сельского хозяйства. С победой трудового земледелия в России, сельское хозяйство ее стало еще более продовольственным, чем оно было до революции Раньше наши крестьяне кормили горожан поневоле, а не от избытка, нетрудовые-же сельские хозяева — из-за наживы; теперь этой неволи у крестьян почти не стало, а капиталисты лишены возможности, торгуя хлебом, наживаться. И вот города начали умирать с голода...

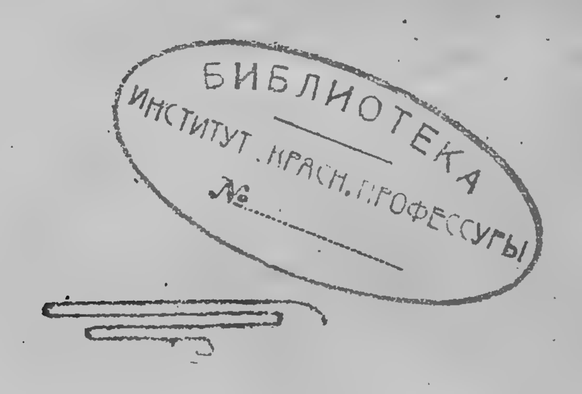
Выход из этого тяжелого положения не в том, конечно, чтобы опять восстановить нетрудовых земледельцев в их „правах“, а в том, чтобы развить производительные силы трудового сельского хозяйства до высшей степени, двинуть быстро и решительно крестьянское земледелие по пути усовершенствований. Перепись, произведенная в 1916 году, показала, что и накануне революции господствующим способом сельского хозяйства в России было трехполье, а улучшения были распространены в крестьянских хозяйствах очень мало и слабо. В этом—величайшая опасность для всей России и для торжества в ней трудового земельного и хозяйственного строя. Если, сделавшись всецело трудовым и крестьянским, сельское хозяйство России останется и после этой революции таким-же малоуспешным, каким оно было до этого, то оно не только уморит с голоду города, но приведет к голодовке и окончательному раззорению весь трудовой народ, а через это погибнет и все государство. Ибо, когда уже *вся* земля стала служить трудовому люду наделом, на новое непрерывное расширение земельного пользования расчитывать больше не приходится и для прокормления населения необходимо научиться добывать жизние средства к существованию из имеющейся в его пользовании земли. Единственное спасение—в улучшении способов всего сельского хозяйства России и в дальнейшем усовершенствовании ее государственного земельного строя. Нужно поскорее удвоить урожайность земли в России и сделать так, чтобы урожайность эта, умножаясь без остановки постоянно обгоняла прирост земледельческого населения. Тогда и *только тогда* сельское хозяйство России не только накормит ее все растущее земледельческое население, но и наши города, которые не будут уже голодать, как теперь.

Таким образом, многовековая борьба за землю, сделавшись под конец революционной, привела к торжеству трудового земельного и сельско-хозяйственного строя в России. Но этим история земельного строя, само собою разумеется, не окончилось. В ней начинается новая интересная глава, которую напишет когда нибудь будущий историк России.

Все содержание этой книги показывает, что земельный строй во все времена и при всяких обстоятельствах зависит сильнейшим образом, как от хозяйственного, так и от политического строя народной жизни. А эта жизнь в свою очередь

ни минуты не стоит на одном месте: как величайшая река России, ее „матушка Волга", неустанно и неудержимо течет, преодолевая все преграды и лишь с большим трудом поддаваясь действию руки человека, так и жизнь великого русского народа течет могуче и непреодолимо все вперед и дальше, повинуясь неизменным законам и неисчерпаемым силам, влечениям и желаниям, дышащим в груди великана—богатыря... Это закономерное течение народной жизни и создает историю земельного строя, который также постоянно изменяется сам собою, завися больше от природных условий, народных нужд и его скрытых сил, чем от разума и воли отдельных людей, как-бы властны и могучи они не казались на первый взгляд. Так было везде и всегда, так было и в России до сего часа, так будет, конечно, и впредь.

Новая глава истории земельного строя России, начатая в революционную бурю, обещает быть интереснее всей прошлой его истории. Из этой новой главы будущей читатель узнает, оказался-ли живуч, силен и способен к усовершенствованию трудовой государственный земельный строй после того, как он победил в многовековой борьбе за землю своего нетрудового соперника...

ОГЛАВЛЕНИЕ.

